

МАЙК СУЭНВИК

Дочь Железного дракона

Бек
Дракона

Annotation

Майкл Суэнвик, один из основателей (вместе с Брюсом Стерлингом и Уильямом Гибсоном) киберпанка, пишет книгу судьбы сначала девочки, затем женщины, выкраденной в молодом возрасте из земной семьи и перенесенной в жестокий мир эльфов и паровых драконов.

Невероятный сплав технического триллера и психологической фэнтези. Драконов собирают на фабриках, грузы перевозят странные чудовища, а маленькая девчонка — то ли фея, то ли нет — похищает старого железного дракона и улетает в неизвестный, злой и прекрасный мир войн и любви...

Переводчик Александра Петрова, за блестящий перевод романа «Дочь железного дракона», была удостоена премии «Странник» (1997).

- [Майкл Суэнвик](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
-

Майкл Суэнвик

Дочь железного дракона

*ТЭСС КИССИНДЖЕР И БОБУ УОЛТЕРСУ,
которые и не подозревали, что я украл часть их
историй*

Глава 1

В ту ночь, когда дети, собравшись, приговорили к смерти своего надзирателя, она и решила, еще сама не осознав этого, украсть дракона и улететь.

Вся ее жизнь с тех пор, как она себя помнила, прошла на заводе паровых драконов. Каждое утро, едва забрезжит, ее и других заводских детей вели из пятого, спального, корпуса в столовую и после наспех проглоченного завтрака разводили по цехам. Обычно ее посылали в шлифовальный цех на протирку или в двенадцатый корпус, где черные железные туловища проходили контроль и смазку, прежде чем отправиться в сборочный цех. В трубы, извивающиеся в железном брюхе, не смог бы пролезть взрослый, это была ее работа — ползать по этим мрачным лабиринтам, чистя их щеткой и потом смазывая. Она работала до заката, а случалось и дольше, когда дракона требовалось выпустить особенно срочно.

Она была украденным человеческим ребенком. Звали ее Джейн.

Хуже всего был литейный цех. Летом там стояла удушающая жара, а уж когда шла плавка, жаркая волна, бьющая от вагранки, сбивала с ног, как удар кулака. Зимой же там было невыносимо холодно, в разбитые окна врывался снег, а пол покрывался слоем инея. Там работали свинолюди, сильные, мускулистые твари, покрытые черной шерстью, со злобно поблескивающими красными глазками. Они не владели речью. За долгие десятилетия, что их опалял волшебный огонь и леденило железо, их мозги спеклись в золу. Джейн боялась их даже больше, чем расплавленного металла, который они заливали в формы, больше, чем безжалостных машин, которыми они управляли.

В тот хмурый вечер она вернулась из раскаленной литейки совсем разбитая, не было сил даже поесть. Плотнo завернувшись в тонкое одеяло, она провалилась в путаницу бессвязных сновидений. Она протирала какие-то детали, и вдруг стены цеха пошли вниз, или это пол подскочил вверх, как поршень какого-то гигантского двигателя. Она кинулась бежать, спряталась под кровать, заползла в свой тайник за дощатой стенной обшивкой, где она, бывало, совсем маленькой пряталась от приставаний Крутого. И только она его вспомнила, как Крутой тут же и появился и стал с грубым смехом

тыкать ей в лицо трехногой жабой. Она снова побежала, а он гнался за ней через лабиринт подвалов, по лестнице, через котельную и механический цех.

Потом сумятица сменилась спокойными картинками. Она играла в каких-то необъятных просторах, на широкой зеленой лужайке. Это был знакомый сон, он часто ей снился. В этих зеленых местах было что-то странно родное. Это был Дом. Здесь о ней заботились и кормили досыта, здесь она ходила в чистых и новых платьях, и никто не требовал от нее работы в цеху по двенадцать часов в день. У нее даже были игрушки.

А потом, как всегда, сон омрачился. Она прыгала через скакалку посреди обширного, заросшего травой пространства и вдруг почувствовала, что кто-то крадется рядом, кто-то чужой. Белые дома на краю лужайки выглядели спокойно и мирно, но чувство, что недобрый взгляд следит за нею, усилилось. Какие-то злые силы прятались под землей, собирались группами за деревьями, заползали под камни. Джейн уронила свою скакалку, испуганно оглянулась и закричала. Она звала кого-то, но теперь никак не могла вспомнить кого...

Небо разорвалось.

— Кончай дрыхнуть, — нетерпеливо шептал Крутой. — Мы собираемся нынче ночью. Надо решать, как быть с Ходулей.

Она проснулась с колотящимся сердцем. Мысли ее путались, она и рада была убежать из своего сна, и жалела о нем. Глаза Крутого светились в темноте холодным лунным сиянием. Он навалился на койку, вдавив ей в бок костлявые колени и дыша в лицо запахом ильмовой коры и прелых листьев. — Подвинься, ты меня в бок толкаешь.

Он улыбнулся и щипнул ее за плечо.

Она его отпихнула. И все-таки видеть Крутого было приятно. Они дружили давно, ссорились и мирились, и Джейн знала, что он хоть и развязен и груб, но зато не злой.

— А что надо решить про Ходулю?

— Вот об этом и будем говорить, дурочка!

— Я устала, — проворчала она. — Я целый день работала, мне не до ваших глупостей. Не хочешь говорить — не надо, я буду спать.

Его лицо побелело, он сжал руку в кулак:

— Это что, бунт? Я тут главный. Будешь делать, что я говорю. Как миленькая будешь слушаться, поняла?

Джейн и Крутой какое-то время смотрели друг на друга в упор. Он был из шишиг, правда нечистокровный, его родичи еще каких-нибудь сто лет назад были лесными дикарями, которые вылезали из чащобы, только чтобы подкрасться и выхватить табуретку из-под зада зазевавшейся коровницы или подпороть шов на мешке с мукой, чтобы он лопнул, когда его взвалят на плечи. Ума они были невеликого, но прыткие и падкие на всякие пакости, как крысы. На заводе Крутой собирал металлолом, и никто не сомневался, что он здесь выживет и благополучно отработает положенные годы.

Наконец Джейн опустила голову. Не стоит с ним связываться.

Когда она подняла взгляд. Крутого рядом уже не было, он отправился будить остальных. Завернувшись в одеяло, как в плащ, Джейн пошла за ним. Со всех сторон слышалось тихое шлепанье и шарканье ног и лап, быстрое дыхание. Дети собирались в центре комнаты.

Холстина достала краденый огарок свечи и воткнула его в широкую щель между покоробленными досками пола. Дети встали вокруг на коленях. Крутой тихонько произнес какое-то слово, из кончика пальца у него выскочила искра и подожгла фитиль.

Пламя свечи подрагивало, притягивая взгляды и отбрасывая на стены отсветы; их буйная пляска была похожа на флатландскую Вальпургиеву ночь. Отраженные огоньки прыгали в двадцати трех зрачках. Дети собрались все, все двенадцать, — если, конечно, мальчик-тень тоже был тут. Он обычно таился где-нибудь рядом, ускользая от большинства световых лучей и полностью поглощая остальные, так что ни один шальной фотон не мог выдать его присутствие.

Торжественно и важно Крутой объявил:

— Блюгг должен умереть.

Он вытащил из кармана своей коротенькой куртки тряпичную куклу. Она была сделана кое-как, грубо сметана через край, с двумя большими пуговицами вместо глаз. Проведенная углем прямая черта изображала рот. Но какая-то сила в ней была, и несколько ребятишек

поменьше закрыли в страхе глаза, почуяв идущую от куклы волну ненависти.

— Это Зобатка сделала. У нее и ведьмина кровь была.

Сидящая с ним рядом Зобатка кивнула с несчастным видом. Эта кукла была у нее самым драгоценным сокровищем, и лишь только Богиня знала, как Крутому удалось ее выманить. Он повертел куклу над пламеНем. — Мы прочли молитвы и сбрызнули ее ведьминой кровью. Теперь надо достать Блюгговы ногти или еще что, зашить ей в пузо и спалить в печке.

— Это же убийство! — возмутилась Джейн. Колючка хихикнула.

— Я серьезно! Убивать нельзя. И вообще, что за глупости!

Колючка, как и Ходуля, была из переменщиков и, как все переменщики, умом не блистала. Джейн давно усвоила, что Колючку только одним способом можно заставить молчать: говорить непосредственно с ней, уверенно и громко.

— Что это даст? Даже если и выйдет, в чем я сомневаюсь, они же этого так не оставят. Будет следствие. И если даже каким-то чудом ничего не узнают, то просто поставят на его место кого-нибудь еще хуже. К чему его убивать?

Это должно было их убедить. Но, к удивлению Джейн, они тихо, но упрямо застрекотали, будто сверчки.

— Он работать заставляет без передышки!

— Дерется!

— Ненавижу старого хорька!

— Убить, — слабо продребезжал мальчик-тень над самым ее ухом. — Убить вонючку! — Она повернулась, но его там не было.

— Тихо! — Крутой бросил на Джейн презрительный взгляд. — Убить Блюгга нам придется, другого выхода нет. Иди сюда, Ходуля!

Ходуля, сидя, подъехал ближе. Ноги у него были длиннющие — когда он сидел, колени торчали выше головы. Он вытащил ногу из деревянного башмака и сладко почесался за ухом.

— Ну-ка, наклонись!

Молодой переменщик, тощий и костлявый, послушно

наклонился. Крутой одной рукой пригнул ему голову пониже, а другой раздвинул прямые тусклые волосы.

— Видите, перья пробиваются!

Он вздернул Ходулину голову и потербил его за острый и длинный, в локоть длиной, нос, чтобы показать, как тот ороговел.

— А пальцы на ногах у него посмотрите! Не пальцы уже, а настоящие когти.

Дети, отпихивая друг друга, потянулись смотреть. Ходуля помаргивал, но терпел. Наконец Холстина фыркнула и сказала:

— Ну и что?

— А то! Возраст его подходит, не видишь? На нос посмотри, на глаза! Да он же еще до Новой Луны переменится! А тогда... — Он драматически замолчал.

— Что тогда? — Шелестящий, как ночной ветерок, голос мальчика-тени теперь раздавался из-за плеча Колючки.

— Тогда он летать сможет! — с торжеством в голосе воскликнул Крутой. — Перелетит через стену и все! Не вернется больше! Освободится.

Свобода! Джейн задумалась. Сидя на пятках, она откинулась назад и представила, как Ходуля неуклюже хлопает крыльями в осеннем зелено-бронзовом небе. Картина эта ее захватила. Выше, выше, над стеной, над колючей проволокой! И вот корпуса завода и сортировочная стремительно пропадают вниз, а он взмывает все выше — выше, чем дым из труб, — все выше в раздвигающееся перед ним небо, выше самой Дамы Луны! И никогда, никогда не вернется!

Конечно, такого быть не могло. Только драконы со своими полулюдьми-пилотами могли покинуть завод по воздуху. Остальных, как рабочих, так и начальство, удерживали внутри высокие стены, а у ворот — стражники и громадный чугунный Часохрон. И все же в этот момент она ощутила в себе какое-то новое стремление. Она вдруг поняла, что если и не свобода, то хотя бы мысль о свободе возможна, и желание освободиться заявило о себе непререкаемо и властно. Что-то в ней пробудилось, в глубинах мозга, востребовалось и огляделось вокруг с угрюмым интересом.

Мгновенное головокружение, тошнота — и вот она снова в удушающе тесном, лишенном света пространстве, в утробе завода паровых драконов, в маленькой спальне на третьем этаже пятого корпуса, зажатого между складом модельного цеха и кучей песка под навесом, и между нею и небом лежат пыльные стропила и толевая крыша.

— Ну, улетит, — угрюмо сказала Холстина. Ее хвост недовольно ходил взад-вперед. — Что ж, теперь мы, выходит, должны порадовать его на прощание тем, что убьем Блюгга?

Ей не полагалось так нагло разговаривать, и Крутой стукнул ее кулаком по плечу:

— Дура прыщавая! Клизма! Что ж ты думаешь, Блюгг не заметил, что ли? Ясно, он принесет Богине жертву, чтоб перемены не было!

Никто на это ничего не ответил. Джейн неохотно спросила:

— Что за жертву?

Он сжал в кулак между ног одну руку, а другой изобразил серп, потом сделал быстрое режущее движение серпом и уронил руку.

— Дошло?

Джейн не поняла, но не хотела в этом признаваться. Покраснев, она протянула:

— А-а-а!

— Ну вот, а я подсмотрел за Блюггом. Когда нет плавки, он в полдень идет к себе в кабинет. Оттуда он следит за нами в окно и стрижет свои грязные когтищи. У него такой нож громадный! Он ногти свои срезает под корень — ив пепельницу. А когда все срежет, то заворачивает в бумажку — и в печь, чтобы никто, никак... Но я его отвлеку! Тогда Джейн войдет в кабинет и стырит пару обрезков. Только не больше! — Он строго посмотрел на Джейн. — Заметит еще!

— Я? — вскрикнула Джейн. — Почему я?

— По кочану. Против нас у него дверь защищена. А ты другой крови. Тебе его обереги нипочем.

— Спасибо за доверие, — произнесла Джейн. — Но я не буду.

Нельзя этого, я уже сказала почему. — Несколько детишек поменьше угрожающе надвинулись на нее. — Что хотите говорите, вы меня не заставите! Пусть для вас кто другой старается.

— Да не упрямься ты! Подумай только, как мы будем тебе все благодарны!

— Крутой опустился на одно колено, склонился к ней и смешно задвигал бровями. — Век твоим обожателем верным буду!

— Ни за что!

Ходуле трудно было следить за разговором. Все переменщики были такие — чем ближе к зрелости, тем глупее. Насупив брови, он повернулся к Крутому и неуверенно проговорил:

— Я что, не полечу?

Крутой отвернулся и в сердцах плюнул на пол:

— Нет, не полетишь! Если Джейн не передумает.

Ходуля заплакал.

Сначала он всхлипывал очень тихо, потом все громче и наконец, откинув голову, отчаянно завыл. Дети навалились на него в ужасе, зажали рот. Его рыдания стали глуше, потом прекратились совсем.

Все затаили дыхание, слушая, не заскрипят ли расшатанные ступеньки под тяжелыми шагами Блюгга, не дойдет ли до них его всегдашний запах — спертый дух злобы и с трудом удерживаемого гнева. Даже Крутой перепугался.

Но все было тихо. Только киберпсы храпели на проходной, да беспрестанно шуршали, ворочались и позвякивали цепями драконы на сортировочной, а где-то далеко-далеко чуть слышно названивали полуночные колокола в честь какого-то лесного праздника. Блюгг не проснулся.

Дети успокоились.

Какие они были несчастные, какие голодные, как они дрожали! Джейн стало жалко их всех, и себя в том числе. И тут какая-то сила, неотличимая от отчаяния, вошла в нее, наполнив решимостью, как будто она, Джейн, была лишь формой, которую вдруг заполнил раскаленный металл. Новая цель зажгла ее. Джейн поняла, что, если она хочет когда-нибудь стать свободной, надо быть бесстрашной и

сильной, а с детской мягкостью придется расстаться. И она дала себе клятву, душой своей поклялась, что сделает ради освобождения все — все, что потребуется, самое страшное, самое подлое, самое жестокое.

— Ладно! — сказала она. — Сделаю!

— Хорошо. — Даже не кивнув в знак благодарности, Крутой начал в подробностях объяснять свой замысел, каждому давая задание. Кончив, он опять пробормотал что-то неразборчивое и провел рукой над пламенем. Свеча погасла.

Любой из них мог бы задуть пламя одним движением губ. Но это было неинтересно.

* * *

Черная литейка была вторым по площади цехом на всем заводе. Здесь железо разливалось по формам неуязвимых туловищ и прочих, непроницаемых для магии частей тела великих драконов. В бетонных ямах держали зеленый песок, мыльные смеси и формовочную глину. Под потолком медленно двигались по направляющим краны, и октябрьское солнце пронизывало косыми лучами пляшущую в воздухе пыль, неустанно вздымаемую громадными вентиляторами.

В полдень старая озерная водяница развезла на тележке завтраки. Джейн получила бутерброд в пластиковой упаковке и бумажный стаканчик с тепловатым грейпфрутовым соком. Она стащила рабочие рукавицы и отправилась со своей едой к уютной грязной нише в стене, рядом с деревянным ящиком, заполненным железными деталями — наваленными вперемешку когтями, чешуей, зубчатыми колесиками.

Джейн села поудобнее, поставила рядом стаканчик с соком и разгладила на коленях грубую посконную юбку. Закрыв глаза, она представила себе облачные чертоги высоких эльфов. Знатные господа и дамы сидят за длинным столом, белеют на мраморе кружева их манжет, и возвышаются длинные свечи в серебряных канделябрах. У дам такие красивые имена: фата Эльспета или фата Моргана, нежные, сладкозвучные голоса, и смех их звенит колокольчиком. Обращаясь к ней, они называют ее «фата Джейн». А это эльфийский принц. Он протягивает ей чашу с изысканными сладостями, и взор его обещает

любовь и приключения... Рабы-гномы сыплют на пол вместо нарезанного камыша охапки цветов. Она откусила от бутерброда и стала жевать, медленно-медленно, чтобы надольше хватило.

А рядом, в оконной арке, вытянул шею ее собственный верховой орел. На нем драгоценное седло с камнями. Ему не терпится взлететь. У него свирепый взгляд и клюв острый как бритва. Никто, кроме нее, не осмелится на него сесть, но с нею он такой ласковый и послушный! Зовут его...

Кто-то наступил ей на ногу.

— Ой! — Джейн вскочила, опрокинув стаканчик с соком, и увидела Крутого. Он прошел мимо, волоча на спине мешок с металлоломом. Перерыв на второй завтрак проходил в две смены и для Крутого еще не начался.

— Не спать, тупица! Приготовилась! — прошипел он уголком рта. Потом, чтобы сгладить грубость, улыбнулся и подмигнул. Вот только улыбка получилась у него какая-то тусклая, неуверенная. Если бы Джейн знала его похуже, то подумала бы, что Крутой боится.

Он скрылся.

Ее мечтательное настроение исчезло. Она почти уже позабыла про дикий замысел Крутого, а теперь все вспомнилось снова. И сразу ей стало ясно, что ничего из этого не получится. Ее поймут и накажут. Но идти на попятный было нельзя никак, она ведь дала слово.

Вдоль той стены литейного цеха, что была дальше всего от вагранки, шли одна за другой застекленные кабинки-кабинеты цехового начальства. Джейн сунула остатки бутерброда в карман рабочего передника и выглянула из-за ящика. Ей были хорошо видны Блюггова кабинка и сам Блюгг. Он сидел за столом с сигарой в зубах и перелистывал журнал в глянцевой обложке.

Блюгг был плотен, тяжел, низколоб и мордаст. Его тонкие редющие волосы висели как попало, за ними он не следил, но вот пара круто завитых бараньих рожек была предметом его гордости. По особым случаям он их полировал и покрывал лаком, а в честь Нового года золотил кончики. После этого несколько недель в их бороздках и неровностях поблескивали остатки позолоты.

— Эй!

Джейн обернулась. В нише, где она только что сидела, маячил мальчик-тень, размытая фигурка, с трудом различимая даже в ярком полуденном свете.

— Крутой послал, — прошелестел он. — Буду стоять на атасе.

Джейн не смогла разобрать выражение его лица, но голос его дрожал.

Ей стало нехорошо. Она ужасно боялась.

— Я не могу... — начала она и решилась договорить: — Я просто...

Вдруг какой-то рев разорвал тишину полдня. Все вокруг забежали, роняя на пол инструменты, толкаясь и суетясь, залезая на ящики, чтобы разглядеть, в чем дело. Многие бежали к вагранкам. Что-то случилось. Джейн смотрела на суматоху, ничего не понимая.

Внезапно все стало ясно.

Крутой, заливаясь идиотским хохотом, мочился на ногу Молотобойца.

Великан яростно вопил. Это был песчаный тролль, самое громадное создание на заводе, и его-то выбрал Крутой для своих шуточек. В этом проявилась типичная для него трезвость расчета, ведь Песчаник был не только больше, но и неповоротливее всех остальных. И все равно затея была безумно опасная.

Наконец до Песчаника дошло, что можно поднять ногу и раздавить крохотного обидчика. Пол сотрясся.

Крутой, смеясь, отскочил в сторону.

Разъяренный гигант, насупив брови, мотал башкой и тупо озирался по сторонам. И тут его взгляд уперся в трехтонную кувалду, что лежала на наковальне. На грубом лице появилось подобие мысли. Огромная лапища потянулась к кувалде.

— Давай! — Мальчик-тень нетерпеливо махнул в сторону Блюггова кабинета. Там было пусто, дверь распахнута настежь, поблизости никого.

Бах! Кувалда грохнула об пол, по тому месту, где только что был Крутой.

Сжавшись, сгорбившись, Джейн побежала через громадное

пустое пространство, отделяющее ее от Блюгговой кабинки. Ужасаясь собственной смелости, она каждое мгновение ждала, что ее схватят. Сзади снова бухнула кувалда. Пол так задрожал, что подошвам Джейн стало щекотно. И вот она уже в кабинете. Вбежав в дверь, она сразу прыгнула в сторону, чтобы укрыться за перегородкой, и выпрямилась, оглядываясь.

Бах! Кувалда рухнула в третий раз. Все бегали, вопили, визжали.

В тесном кабинетике было негде повернуться. На полу грудой валялись технические справочники. Мусорная корзина была набита до краев. На стенах висели мятые, пожухлые, захватанные грязными пальцами, устаревшие сто лет назад производственные схемы и графики. Висел плакат с надписью, «Технику безопасности — на должную высоту!». На нем была изображена рука с укоризненно воздетым указательным пальцем. Палец был забинтован, концы бинта аккуратно завязаны бантиком. Единственным ярким пятном был календарь. Голые русалки, жирные, как стеллеровы коровы, нежились на скале. Какое-то остановившееся мгновение Джейн тупо смотрела на розовую колышущуюся плоть, словно картинка эта была окном в чужой и враждебный мир. Наконец она опомнилась, тряхнула головой, прогоняя наваждение, и подскочила к столу.

Штампованная металлическая пепельница стояла на самом виду. В ней дымилась сигара с обслюнявленным концом. Джейн осторожно приподняла двумя пальцами вонючую гадость. «Скорее!» — подумала она. В пепле лежали серповидные пластинки, словно бы из пожелтелой слоновой кости. Джейн взяла две, положила на место сигару и повернулась, готовая убежать.

Но тут взор ее притянуло что-то зеленое. Она опустила глаза к мусорной корзине. Из мусора торчала книга. Сама не понимая зачем, Джейн наклонилась и раздвинула мятые бумажки. Сердце ее заколотилось.

Гримуар!

Это был толстый томина в крапчато-зеленом виниловом переплете с эмблемой компании и выпуклой золотой надписью, которую Джейн прочесть не могла. Страницы скреплялись тремя хромовыми болтами, так что их можно было легко вынимать и добавлять новые. Джейн смотрела и смотрела как зачарованная. Наконец она опомнилась. Гримуары не имели цены. Их было мало,

они все были пронумерованы и зарегистрированы в главной конторе. Немыслимо представить себе, что один из них мог попасть сюда, в кабинет Блюгга, и совсем уже невозможно, чтобы он валялся в корзине для мусора!

И все же... Потрогать-то его можно?

Она осторожно прикоснулась к книге. Слабый ток, как от живого существа, прошел по руке. Книга что-то ей говорила, по-новому, как никто с ней прежде не разговаривал. Да, сомнений не оставалось, гримуар был настоящий! Подлинная магия! Заговоры! Волшебное пламя! Месть всем врагам! По предписаниям этой книги можно стереть с лица земли целые города, стать невидимой, можно упиваться утонченной жестокостью, вызывать мертвых, можно весь ад поставить на колени!

Долгое, бесконечно долгое мгновение она прислушивалась к книге, позволяя ее вкрадчивым обещаниям томительно обволакивать душу. Но бумажный шепот делался все тише и тише и наконец затих.

Джейн вынула гримуар из корзины.

Книга была так велика, что ее трудно было держать одной рукой. Джейн быстро сунула украденные обрезки ногтей в рот, между десной и верхней губой, и ухватила книгу в охапку.

Кто-то негромко, но резко свистнул. Обернувшись, она увидела в дверях мальчика-тень. Войти он не мог, не пускали обереги, подвешенные к притолоке. Он отчаянно махал ей руками, торопя наружу. Выглянув, она увидела, что Песчаника уже успокоили. Один из свинолюдей держал Крутого. Зеваки расходились по своим местам. Кое-где небольшие группки еще обсуждали происшествие, другие уже возвращались к работе.

Джейн выбежала из кабинки, сгибаясь под тяжестью прижатой к груди книги. Бросать добычу она не собиралась. Гримуар принадлежал ей!

Мальчик-тень стоял на ярком солнечном свете, настолько видимый, насколько это было возможно.

— Ты что так долго? — испуганно прошептал он. — Он же сейчас вернется.

— Вот, возьми. — Она сунула ему книгу. — Отнеси это в спальню, быстро, и спрячь ко мне под одеяло. Мальчик-тень не

пошевелился.

— Да делай же, как я говорю! — воскликнула Джейн. — И не спрашивай ни о чем, не до того! Чуть не плача, мальчик-тень пробормотал:

— А как же мой завтрак?

— Возьми мой! — Джейн вытащила из кармана фартука свой полураздавленный бутерброд и шмякнула им о гримуар. — Ну, беги!

Кажется, мальчик-тень сделал какой-то жест — пожал плечами? — перед тем как исчезнуть. Джейн не видела, как он поворачивается, как уходит, — его просто не стало, он растворился в тени.

Она поднесла руку ко рту, чтобы выплюнуть Блюгговы ногти, и вдруг заметила, что владелец ногтей смотрит на нее своими косыми глазами через весь цех от противоположной стены. Все силы разом ее оставили. Она стояла на самом виду, неподвижная и беспомощная.

И тут Крутой вырвался из объятий свиночеловека и что-то прокричал великану. Взревев от ярости, Песчаник схватил первое, что попало под руку, и метнул в ненавистную цель.

Сверкнула молния.

Перед закрытыми глазами Джейн продолжала пылать струя раскаленного добела металла. Снова поднялся шум, прорезаемый криками ужаса и резкими словами команд. И мучительно, отчаянно закричал Крутой.

Пользуясь общим замешательством, Джейн скользнула с места. Через минуту она уже была у своей скамьи и торопливо натягивала рукавицы. Может быть, Блюгг ее вовсе и не заметил. А может, заметил, но тут же забыл о ней, отвлеченный случившимся.

— Ну как, достала? — прошептала Жужелица. Джейн не сразу поняла, о чем она. Потом вспомнила, кивнула и выплюнула ногти на ладонь. Жужелица взяла их и передала Коржику, тот — Малому Дику, а дальше Джейн не видела. Она сыпанула на рукавицу абразивного порошка. Работа сулила безопасность.

На другом конце цеха смолкшего Крутого взвалили на тележку и покатали прочь. Сновали домовые в кожаных касках, гася пожарчики, занявшиеся тут и там от разлетевшихся искр. Вода с

шипением испарялась. Пахло гарью.

И рокотал громовыми перекатами смех Песчаника.

* * *

Блюгг налетел на них с почерневшим от ярости лицом. Он так хватил кулаком по скамье, что чашки с абразивом подскочили.

— А ну, встать! — заорал он. — Встать, когда я. с вами разговариваю! Они вразнобой встали.

— Вы, мерзкие, дерьмовые, бесполезные... — Его так распирала злость, что он не сразу собрался с мыслями. — Кто надоумил Крутого это сделать? Вот что я хочу знать. Кто? А?

Он схватил Жужелицу за ухо своей громадной ручищей и так потянул, что она с трудом удерживалась на цыпочках. — Говори! — потребовал он, вертя ухо. Жужелица захныкала:

— Я... Я думаю, сэр, это он сам... Он такой бешеный.

— Ба! — Блюгг презрительно оттолкнул Жужелицу и повернулся к Джейн. Над ней нависло его громадное лицо, круглое и грозное, словно лунный лик. Ее окатило сладковатой гнилью его дыхания, запахом пота — не прозрачно-едким, как у Крутого или у мальчика-тени, но тяжелой, кислой вонью взрослого самца. Джейн видела его желтые, стершиеся, почерневшие у корней зубы. Между двумя передними торчал застрявший кусок тухлятины, притягивая взгляд с гипнотической силой. Джейн не могла ни отвернуться, ни закрыть глаз.

— А ты... — начал он. Но, не договорив, мотнул, как бык, тяжелой головой и обратился ко всем: — Небось думаете, что можете подложить мне свинью? Испортить карьеру?

У них от страха язык отнялся.

— Ну так вот, зарубите себе на носу. Я вам не добрый идиот-дядя, которому можно гадить на голову. Если будете портить мне жизнь, то я так вам ее испорчу... Вы даже представить себе не можете, как испорчу!

Он навис над ними, оглядывая каждого. Потом похлопал себя по толстой заднице.

— Если будете валять дурака, начальство возьмет меня за это место, так? Ну так если они возьмутся за меня здесь, я за вас тоже возьмусь здесь! — При слове «здесь» он каждый раз вилял задом, угрожая оттопырив палец, — в другое время это могло бы их насмешить, но сейчас им делалось только жутко.

— Ну как, я понятно говорю?

Они стояли перед ним и молча дрожали.

— Я спрашиваю: вам понятно?

— Да, сэр!

Он долго смотрел на них тяжелым немигающим взглядом. От усилия стоять неподвижно у Джейн задергался мускул на ноге. Она не сомневалась, что сейчас он спросит, как она смела зайти в его кабинет. Волна отчаяния поднималась из глубины ее тела, такая мощная, что Джейн знала: хлынув из глаз, эта волна затопит все вокруг, весь цех.

— Вы, козавки паршивые! — произнес наконец Блюгг. — Чего мне хочется, так это передуть вас всех голыми руками. Может, я так и сделаю, и не думайте, что кто-нибудь по вас заплачет. Проку от вас никакого, только жрете как свиньи да прохлаждаетесь целый день!

Он прошел вдоль скамьи, заглядывая каждому в глаза. Когда дошла очередь до Джейн, ей опять показалось, что сейчас Блюгг спросит, что она делала в кабинете, но он снова ничего не сказал.

— Ладно, — буркнул он наконец, — строиться по росту и марш через восточный выход. Двойной... А где тень?

— Здесь, сэр, — прошуршал мальчик-тень. Джейн вздрогнула — она не заметила, что он стоял рядом.

Блюгг, покачиваясь на каблуках, оглядывал скамью и упивался их страхом.

— Двойной перерыв! — рявкнул он. — У меня будет для вас спецзадание, дрянь вы этакая! Шагом марш!

Быстрым шагом, чертыхаясь каждую минуту, он повел их через восточный выход, мимо загрузочных тупиков и кузнечных мастерских. Там пришлось обходить колонну автопогрузчиков, и они пошли через старый шлифовальный цех. Когда-то это был просто

крытый двор, соединяющий строгальный отсек с механическим цехом, потом его дооборудовали, а когда шлифовальный цех получил новое здание, разделили на подсобные помещения.

Блюгг все еще ничего не говорил Джейн, и в ней зашевелилась крохотная надежда, что он забыл и все обойдется...

— Эй, ты! — Он сгреб ее за воротник, едва не задушив, и быстрым движением ноги распахнул боковую дверь. — Подождешь здесь! Если тебя тут не будет, когда я приду... догадайся, что я тогда с тобой сделаю! Он втолкнул ее в комнату и захлопнул дверь. Шарканье торопливых детских шагов удалялось. Наконец наступила полная тишина.

Глава 2

В комнате никого не было. Целую стену занимало большое, до самого потолка, окно. Стекла были замазаны беспорядочными штрихами серой и тускло-синей краски — считалось, что это повышает производительность труда, сводя к минимуму отвлекающие факторы. Окно все же пропускало немного света, позимнему слабого, не дающего тени. И только у краев переплета, где остались незакрашенные места, свет сиял нестерпимо ярко.

Под окном проходила длинная полка, заставленная лабораторным оборудованием. Мерцали экраны трех осциллографов с медленно ползущими угловатыми синусоидами. Сброшенные в спешке белые халаты болтались на вешалках или просто валялись на высоких табуретах, как будто работающие здесь техномаги среднего звена разом снялись с места и выбежали по тревоге на аварию. На испытательном стенде в дальнем углу Джейн увидела большое, с нее ростом, глазное яблоко дракона последней модели. Клик! Глаз качнулся и посмотрел на Джейн.

Она испуганно вздрогнула. Потом попыталась представить, какое ей грозит наказание, и не смогла. Одно ясно — ей будет плохо! Она медленно прошла по комнате, звук ее шагов отражался эхом от потолка. Дракониий глаз поворачивался ей вслед.

Неужели Крутой погиб? Все вышло даже хуже, чем она предчувствовала. Она-то думала, что Крутой выйдет сухим из воды и расплачиваться придется ей. Уж лучше бы так и случилось!

Шло время, Блюгга все не было. Лаборанты тоже не возвращались. Сначала Джейн ждала их со страхом, понимая, что ее спросят, почему она здесь, и объяснениям могут не поверить. Потом ей стало так тоскливо от одиночества, что она стала мечтать о том, чтобы хоть кто-нибудь да явился. Тоска сменилась отчаянием, и наконец пришло угрюмое безразличие. Ей стало все равно, вернется ли сюда кто или нет. Она превратилась в набор ощущений, в наблюдателя, равнодушно воспринимающего кучку металлических опилок на полке, резиновый запах озона от вольтметров, блеск истертых сидений на табуретках. Без нее все это лишилось бы существования, потускнело, истаяло, обратилось в ничто.

Время шло. В комнате мало-помалу делалось темнее и холоднее. Перед самым наступлением темноты кто-то прошелся по коридору, щелкая выключателями, и на потолке замигали люминесцентные трубки.

У Джейн тупо ныло в животе. Такая тоска охватила ее, что даже заплакать не было сил. Живот разбаливался все сильнее. В сотый раз она мерила шагами комнату, и драконий глаз снова и снова поворачивался ей вслед. Она не представляла себе, который час, но не сомневалась, что время ужина давно миновало.

Дверь распахнулась.

Вошел Блюгг. Он казался усталым и озабоченным. Серая рабочая рубашка промокла под мышками, из закатанных рукавов торчали толстые волосатые руки. Драконий глаз, моргнув, остро на него глянул.

— Что ты делала в моем кабинете?

Как ни странно, Блюгг, задавая свой вопрос, на Джейн не смотрел. Он хмуро глядел на покрытый резьбой кристалл на шнурке, который держал в руке.

— Я только...

Ее рука невольно поднялась ко рту, губы вытянулись. Это был тот же самый жест, на котором застиг ее у дверей кабинета взгляд Блюгга. В ужасе она отдернула руку и спрятала за спину.

Блюгг не сводил с нее тяжелого немигающего взора. Потом медленно улыбнулся.

— Плохая девочка! — сказал он. — Ты у меня в мусоре рылась.

— Нет! — отчаянно закричала Джейн. — Я ничего не взяла, честное слово, я ничего не взяла!

Блюгг спрятал кристалл в пластиковый футляр и сунул в карман рубашки. Потом протянул руку и взял Джейн за подбородок.

Его улыбка стала туманной, зловеще-мечтательной. Он медленно поворачивал ее голову, разглядывая лицо.

— М-м-м! — Его взгляд опустился к нагруднику рабочего передника Джейн. Ноздри раздулись. — Рылась в корзине, да? Апельсиновые зернышки, крошки хлеба? Почему бы и нет?

Здоровый, молодой аппетит, что тут такого!

Это было еще страшнее угроз, в которых по крайней мере был хоть какой-то смысл. Джейн тупо смотрела на Блюгга, ничего не понимая.

Он положил ей на плечи руки, медленно повертел ее туда-сюда.

— Сколько ты уже у меня работаешь? Немало лет, верно? Как время летит! Совсем большая девочка стала. Пора уже тебя немножко продвинуть. Я как раз собирался писать заявление, что мне нужен курьер. Как бы это тебе понравилось, а?

— Что, сэр?

— Да ладно там, сэр да сэр! Дело-то простое. — Он вдруг как-то странно на нее посмотрел и повел носом. — Тьфу! Да у тебя кровь идет! Неряха!

— Кровь? — ничего не понимая, повторила Джейн.

Блюгг ткнул коротким толстым пальцем ей в ногу:

— Вот!

Джейн посмотрела туда. По ноге и вправду текла струйка крови. Теперь Джейн почувствовала ее след на бедре, горячий, щекотный...

Все ее искусственное самообладание улетучилось. Внезапное, колдовское появление раны на теле дало прорваться страху и всем дурным предчувствиям. Джейн заплакала в голос.

— Тьфу, пакость! — Блюгг соорудил гримасу. — И почему мне так не везет?

— Он с отвращением толкнул ее к двери. — Иди, иди! Иди в медпункт, сестра скажет, что тебе делать.

* * *

— Поздравляю! — сказала сестра. — Ты теперь взрослая.

Сестра была старая и угрюмая. У нее были свиные глаза, крысиный нос и ослиные уши. Она показала Джейн, как пользоваться прокладками. Потом прочла маленькую лекцию о личной гигиене, выдала две аспиринины и велела идти в спальню.

Крутой был уже там. Он лежал в койке с забинтованной головой и бредил.

— Левого глаза он, считай, лишился, — сказала Холстина. — Если вообще выживет. Сказали, если этой ночью не помрет, то, может, будет жить.

Джейн робко прикоснулась к плечу Крутого. Ей было страшно его трогать, он был какой-то восковой и холодный.

— Новое поколение выбирает пепси, — пробормотал он. — Неповторимый, устойчивый вкус! Джейн отдернула руку как от огня.

— За ним я ухаживаю, так что ты не лезь! — Холстина суетливо огладила одеяло. В ее голосе звенел вызов. Она уперла руки в бока, выпрямилась и взглянула на Джейн, ожидая ответного вызова. И когда Джейн промолчала, нагло ухмыльнулась: — А тебе спать пора. Что, нет?

Джейн молча кивнула и пошла в свой угол. Гримуар ждал ее. Мальчик-тень сунул его под одеяло, как она велела. Джейн разделась, стараясь не спешить, и шмыгнула в постель, следя, чтобы никто не увидел книгу. Она обняла гримуар, и словно слабый электрический ток пронзил ее тело. Странное, совсем новое чувство овладело ею.

Этой ночью детям долго не удавалось заснуть. Крутой метался, стонал и бормотал в забытьи. Им было и жаль его, и страшно. Некоторые малыши перебрались в койки к своим друзьям и тесно прижались к ним. Даже дети постарше долго вертелись, вздыхая и невольно взглядывая на мечущегося Крутого.

Но наконец все уснули. Не спала только Джейн. Стараясь не шуметь, она осторожно выскользнула из-под одеяла и юркнула под кровать. Отыскав сломанную доску, она пролезла в крохотный тайник между спальней и стеной сарая с песком. Там было темно и грязно, но не душно, потому что перегородки не доходили до потолка. Ее пронзил холодный сквозняк, она задрожала. Но все же было не настолько холодно, чтобы рисковать возвращаться за платьем. Нащупав гримуар, она потянула его за собой.

Крутой застонал. Потом произнес ясным и звонким голосом:

— Отборные овощи, куриное филе с сыром — и тефлоновая сковородка!

У Джейн от неожиданности перехватило дыхание.

— Неизменно превосходный результат! Страшно было слушать, как он разговаривает с черной пустотой в разгар ночи. Джейн кое-как приладила сломанную доску на место и перестала его слышать.

Усевшись на пол, она примостила гримуар на коленях и раскрыла его. Страницы казались в темноте темными и безжизненными, но буквы слабо серебрились и скользили под пальцами. Джейн заметила, что если очень сильно сосредоточиться, то общий смысл, словно чуть слышный шепот, доходит до нее, хотя каждое слово в отдельности остается непонятным. Она пролистала сравнительную таблицу компрессионного давления, дальше шли коэффициенты допустимого растяжения для цилиндров. Джейн помедлила над параметрами калибровки кристаллов, потом стала листать дальше, надеясь, что пальцы верно передадут ей, о чем говорят страницы. Наконец она нашла то, что искала.

Это была глава об управлении драконами. До этой минуты она и сама не знала, что ищет. Только теперь, лаская пальцами схемы, где таинственные значки обозначали конденсаторы, потенциометры, сопротивления и заземления, наклоняя голову, чтобы потереться щекой о страницу, впитывая запах бумаги и типографской краски, — только теперь она поняла, что вся ее жизнь с раннего детства имела одну только цель: украсть дракона.

В тайнике было тесно, стены давили на плечи — но она ничего не замечала. Она видела лишь одно: черных быстrokрылых драконов. То, что всю жизнь было у нее перед глазами, незамечаемое, стало явным и главным. Она слышала ультразвуковой, раздирающий небо рев этих тварей, переполняемых яростью и бензином, чувствовала их сокрушающую гравитацию мощь, огненное дыхание. И она видела себя на одном из них, она летела с ним все дальше, дальше...

Но сначала надо изучить гримуар. Она должна понять, как подчинить себе дракона.

Шли часы, а Джейн не могла оторваться от книги. Она ласкала глазами и пальцами каждый знак, впивала, запоминала, усваивала. Только сигнал побудки заставил ее поднять голову. Пора было идти завтракать. Она выползла из тайника и стала в строй, зевающая, чуть живая от усталости, счастливая.

На следующую ночь первый раз в жизни дракон с ней заговорил.

Через три дня Джейн, Колючку и Холстину отвели в механический цех. Все рабочие места там оказались заняты, и, полаявшись некоторое время с мастером, Блюгг сунул под мышку ящик с зубчатыми колесиками и повел их наверх. Под потолком цех опоясывала галерея, разделенная на мелкие отсеки. Там все было завалено, но наконец Блюгг все-таки нашел для них место, между деревянной лестницей и кирпичной трубой промышленного перегонного куба. Он усадил их на шаткую скамью, велел стирать с колесиков смазку и ушел.

Здесь окна тоже были покрашены, но белой ли краской, серой или зеленой

— под многолетним слоем пыли было уже невозможно различить. Фрамуга была навечно открыта, их обдавало холодом. Правда, под лестницей пыхтела керосиновая буржуйка, но тепла от нее было мало.

— Ну-ка, поменяемся местами, — потребовала Холстина, едва Блюгг ушел. — Нам с Колючкой надо поближе к печке.

Джейн хотела отказаться. Но Холстина вечно жаловалась на холод. Может быть, она и вправду мерзла больше других. Колючка противно заулыбалась. Джейн решила не связываться и уступить. Она молча встала и перешла на дальний край скамьи.

Колесики были величиной с серебряные монетки, но много тоньше. Мелкие зубчики кололись и щекотались, если взяться за край. Прозрачная коричневая смазка застыла и оттиралась с трудом. Они работали старательно, не отрываясь, зная, что Блюгг в любой момент может возникнуть с проверкой.

Но часы шли, а Блюгг ни разу не появился. Про них, похоже, забыли.

Джейн, работая, неподвижным взглядом глядела перед собой. Ее мысли были заняты гримуаром и драконьим голосом, который то ли мерещился ей, то ли действительно говорил с нею по ночам. Ей виделись черный глянец драконьего тела, его обтекаемые линии. Жестокое могущество, бездушная сила, беспощадная скорость! И собственные руки на горле этой твари, руки, повелевающие грозной

машиной...

Холстина шумно вздохнула.

Наверху, там, где в открытое окно вливался тускло-серебристый солнечный свет, затрепетали крылья. Холстина подняла глаза и вскрикнула:

— Жабьи яйца!

— Жабьи яйца? — недоумевающе повторила Колючка. — О чем это ты?

— Там, под крышей. У них там гнезда.

Холстина влезла на скамью, поднялась на цыпочки и насколько смогла вытянула за окно руку. Ее хвост нетерпеливо подергивался. На скате крыши, с внутренней стороны, виднелись какие-то темные нашлепки.

— Тьфу ты, не достать!

— Никаких яиц сейчас быть не может, — заявила Джейн.

— Кто же кладет яйца осенью?

— Жабы. Весной они тоже кладут, но те вылупляются. А осенняя кладка в запас, чтобы им было чем полакомиться в день Новой Луны. — Холстина взглянула вниз, и ее широкий рот растянулся загадочной улыбкой. — Ну-ка, Джейн, полезай сюда, достань мне яичек.

— Я плохо лазаю. Попроси Жужелицу, или Малого Дика, или...

— Да их же здесь нету! — Холстина переглянулась с Колючкой, и переменщица внезапно вцепилась в Джейн, подняла и подбросила вверх. Холстина подхватила девочку. Обе они были очень сильные. Со смехом, держа Джейн за ноги, они высунули ее в окно.

Ящик перевернулся, зубчатые колесики раскатились по полу.

— Вот улета-а-ет моя ра-адость! — запела Холстина.

Джейн изо всех сил цеплялась за оконную раму. Ледяной ветер бил в лицо, высекая слезы из глаз. Она видела двор с гаревым покрытием, громаду шестого корпуса, тяжелые тучи в небе. Внизу, чуть в стороне, тянулась толевая крыша какого-то сарая. Лететь до нее было самое малое метров десять.

— О святая Мать! — выдохнула Джейн. Она отчаянно боролась, чтобы не выпасть.

Но грубые, безжалостные руки оторвали ее пальцы от оконного переплета. Резкий толчок отправил ее в пустоту. Джейн отчаянно замахала руками и закрыла глаза, боясь, что ее стошнит. Она попыталась снова ухватиться за раму. Вес ее почти целиком приходился на край распахнутой фрамуги. Только ноги были внутри.

— Не дергайся, а то бросим!

Она ухватилась за раму. Хлопья краски осыпались под ее пальцами. Джейн изо всех сил прижалась к стене здания, царапая щеку о кирпич. Гнилостно-сладкий запах белого жабьего помета, облепившего раму снаружи, заполнял ноздри. Было ужасно холодно. Ее колотила дрожь.

— Пожалуйста, Холстиночка, ну пусти, — лепетала Джейн. — Я все для тебя сделаю, буду твоей лучшей подружкой, только пусти...

— Держи!

Снизу протянулась рука с полиэтиленовым мешком.

— Наполни это, и мы тебя спустим.

У Джейн свалился с ноги башмак. Она чувствовала, что Колючка стягивает с нее носок. Острый коготь проехал по подошве, задержался на самом чувствительном месте...

— Прекрати ее щекотать! Ляпнется еще, и прощай яйца. Эй, ты, ну, бери мешок!

Джейн послушно взяла мешок. Глубоко вздохнув, она открыла глаза. Голова плыла, желудок судорожно сжимался, и она даже не сразу поняла, на что смотрит. У нее перед глазами была внутренняя сторона ската крыши. Там лепилось не меньше двух десятков жабьих гнезд, кособоких бугорчатых шариков с входными отверстиями у самой поверхности крыши. Гнезда напоминали неумело слепленные глиняные горшочки.

Жабы разлетелись, как только ее голова высунулась в окно. Теперь они, в сильном возбуждении, порхали поблизости, сердито трепыхая черными крыльями. Это были довольно противные твари, произошедшие от смешения обычных жаб с галками. Подобно своим пернатым прародителям, они были вороваты. Приходилось

периодически уничтожать их гнезда на крышах, потому что жабы питали слабость ко всему, что блестит, и, в отличие от большинства животных, совершенно не боялись огня. Они вызвали не один пожар из-за того, что крали горящие сигареты и волокли к себе в гнезда. Опасные, словом, соседи.

Вся дрожа, Джейн подняла руку. Она никак не могла достать до гнезда, но понимала, что Холстине этого не объяснишь. Глубоко вздохнув и постаравшись успокоиться, она заставила себя подняться над пустотой. Если одной рукой ухватиться за откинутую фрамугу, а другую вытянуть изо всех сил, можно, пожалуй, достать... Рука протянулась к крыше.

Гнездо изнутри было выстлано черным пухом, нежным и гладким на ощупь. Джейн нашарила в глубине гнезда кладку теплых липких яиц. Вытащив их, Джейн выпрямилась, вернувшись к окну, раскрыла мешок и бросила туда яйца. Они комом упали на дно.

Яйца в гнезде еще оставались. Она снова вытянулась и стала подбирать оставшиеся. На этот раз ей досталось только полгорсти, вместе с двумя клочками алюминиевой фольги, осколком стекла и хромированным шурупом. Шуруп она выронила.

Второе гнездо. Она торопливо выскребла яйца и уже вытаскивала из гнезда руку, когда порыв ледяного ветра продул ее насквозь, взметнув вверх платье. У нее хватило самообладания не посмотреть вниз, но голова все равно закружилась. От тоски и страха хотелось плакать, но она боялась, что, если начнет, не сможет остановиться.

В гнезде, кроме яиц, было еще несколько кусочков фольги и позеленевший моток медной проволоки. Она укололась об него и испуганно дернулась — ей показалось, что кто-то ее укусил.

— Уже почти полмешка! — крикнула она. — Можно мне спуститься?

— Мало!

— Но мне больше не достать. Честное слово! В окне появилось лицо Холстины. Ее рука, держащая Джейн за щиколотку, ослабила на мгновение хватку, и Джейн вскрикнула в ужасе. Холстина прищурилась, оценивая расстояние.

— Вон до того еще отлично можешь дотянуться. — Она ткнула

пальцем.

У Джейн ныли пальцы. Силы оставляли ее. В глазах мутилось, так пристально вглядывалась она в край крыши. Но когда она закрыла глаза, в голове все поплыло, и пришлось их поскорее открыть, чтобы не потерять равновесия.

Изо всех сил она потянулась рукой к гнезду. Нет, не достать!

— Холстина... — начала она дрожащим голосом.

— Яйца!

Оставалось только одно. Джейн еще дальше высунулась из окна, бедрами опираясь о край фрамуги. Она так вытянулась, что слышала хруст собственных суставов..

Снова ее рука скользнула в гнездо, в нежный и теплый пух. Изогнув ладонь, она вытащила яйца.

Но жабы к этому времени осмелели. Издавая угрожающие каркающе-квакающие звуки, они начали наскакивать на нее. Одна метнулась ей прямо в лицо и, когда Джейн, защищаясь, подняла локоть, ткнулась в плечо тяжелым скользким комком. Джейн едва не стошнило.

— Держите мне ноги, — прошептала она, не уверенная, что ее слышат, но не имея сил говорить громче, и снова выпрямилась.

Вот она уже у окна. Задыхаясь, она вцепилась в переплет.

Довольно долго Джейн была не в силах пошевелиться. Немного придя в себя, она дрожащей рукой приоткрыла мешок и отправила туда последнюю порцию яиц. Блеснуло что-то красное. Она двумя пальцами выудила предмет из мешка.

Это был рубин.

Он имел форму шестигранной призмы с посеребренными основаниями, величиной с сустав большого пальца. Промышленный кристалл — такими пользовались в оккультных информационных системах для хранения и обработки данных. Этот камешек, величиной с карандашный огрызок, стоил, должно быть, подороже самой Джейн.

Нести его вниз было нельзя. В Холстине разыграется жадность, и она снова отправит Джейн за окно, на поиски. Джейн вернула бы

камень в гнездо, но ни сил, ни смелости, чтобы тянуться снова, больше не оставалось. А брось она камень вниз, там бы его наверняка подобрали, и Холстина сразу бы догадалась, в чем дело.

Край окна весь был облеплен белыми кучками жабьего помета. Джейн сунула камень в одну из кучек и произнесла:

— Спускайте меня, вот ваши яйца.

* * *

Она еще не успела сползти с оконного проема и рухнуть на скамью, а Холстина уже вырвала у нее мешок.

— Умница Джейни, Джейнушка, — тянула она противным голосом, жадно запуская руку в мешок и вываливая Колючке в неторопливо протянутую ладонь пригоршню липкой желеобразной массы. Себе в пасть она тоже сунула хорошую порцию и, восторженно закатив глаза, позволила ей провалиться внутрь. Потом пихнула в рот еще.

Зубчатые колесики валялись повсюду. С усталым вздохом Джейн поставила на место перевернутую коробку и принялась их собирать.

— Холстина! — не сразу проговорила она. — За что ты меня ненавидишь?

Холстина криво улыбнулась с набитым ртом. Колючка широко разинула рот — внутри было желто. Осколки скорлупы прилипли к ее губам.

— Хочешь немножко? В конце концов, ты ж их достала.

На глаза Джейн набежали слезы.

— Я тебе ничего плохого не сделала. Почему ты такая злая?

Колючка снова набила рот. Холстина проглотила последнее, потом вывернула мешок и стала его вылизывать.

— Говорят, ты будешь у Блюгга курьером, — сказала она.

— Выходка! — прошипела Колючка. — Подлиза — вот ты кто!

— Я не подлиза!

— А ты хоть знаешь, что он с тобой будет делать? — Холстина сунула руку Колючке под юбку, и та, закатив глаза, изобразила блаженство. — Будешь его подстилкой.

Джейн затрясла головой:

— Как это? Я не понимаю!

— Не понимаешь? Будет совать свой трулюлю в твою труляля.

— Что ты болтаешь? Это все чушь какая-то! Глаза Холстины зажглись темно-красным, как два граната.

— Ты, святая невинность! Будто бы я не слышу, как ты по ночам вылезаешь из койки и ползаешь за стенку! Ясно зачем — чтобы прочистить пальчиком свою мышью нору!

— Это неправда!

— Ах, извините! Конечно, наша человечья мамзель этим не занимается. Она у нас такая важная, такая гордая! Вот подожди, Блюгг тебе покажет, что к чему, тогда и воображай.

Колючка принялась плясать вокруг Джейн, задирая выше головы юбку и вихляя тощим задом.

— Мышка в норку, мышка в норку! — запела она.

— Ты одно только запомни, чистюля! — Холстина сгребла Джейн за воротник и больно, рывком, поставила на ноги. — Командую здесь я. Курьер ты там или не курьер, ляжешь под него или нет, но меня ты будешь слушаться. Ясно тебе?

— Да, Холстина, — беспомощно пробормотала Джейн.

— Он и в рот захочет. Колючка глупо ухмыльнулась.

* * *

Прошла целая неделя, пока Крутой не начал понемногу приходить в себя. Часто его одолевала слабость, и он лежал неподвижно, с трудом дыша. Иногда он плакал. Потом снова начинал бредить.

— Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, — говорил он. — Лаки Страйк — настоящая Америка!

Каждую ночь, дождавшись, когда остальные заснут, Джейн залезала в тайник в стене и прикидала к гри-муару. Она зачитывалась, пока не впадала в транс, смесь усталости со счастливым забытием, и тогда в глубине черепа раздавался голос дракона. Дракон говорил ей, что они оба пленники, что их жребии связаны, что они обретут свободу вместе, когда улетят отсюда. Он описывал бесконечные горные цепи, ледяные озера, южные архипелаги, извивающиеся как ящерицы, и орлиные гнезда, укрытые высоко в горах под осенними звездами. Она жадно слушала его речи, засиживаясь в тайнике до последнего момента, с риском задремать и пропустить побудку и утреннюю перекличку. Она не знала, настоящий ли дракон говорит с ней или ей мерещится, да и не хотела знать.

Она плыла по течению и не могла ничего изменить. За ночь она умудрялась совершенно забыть о Крутом и вздрагивала каждый раз, когда, вылезая из тайника, упиралась взглядом в его распростертое на постели тело. Бессильный, покрытый потом, он казался чужим, как насекомое, застигнутое посредине метаморфозы. Пропитанные гноем бинты слабо светились, будто гнилушки, и от него странно пахло.

Тогда ее захлестывала вина. Она понимала, что ее место рядом с ним, что она должна утирать ему пот, менять повязки, делать все, чтобы облегчить его страдания. Но он вызывал у нее отвращение, как гнусные черти из столярки, о которых говорили, что они людоеды и пожиратели испражнений. Она не могла заставить себя подойти к нему.

* * *

Однажды вечером дети, вернувшись в спальню, обнаружили, что Крутой в сознании и ждет их, полусидя в постели и опираясь о подушку. При виде их он сделал слабую гримасу, думая, наверное, что улыбается.

— Как, уже и назад? А в мое время мы работали до упора. Ну и молодежь нынче пошла. Дети робко столпились у двери.

— Входите, входите, нечего там топтаться. Это же я, не узнаете?

Они нехотя подошли поближе.

— Ну как там у вас дела? Помер Блюгг? Никто не отвечал.

Крутой забеспокоился:

— Кукла сработала, нет? Холстина откашлялась.

— Мы еще не пробовали, — пробормотала она.

— Труссы!

Кожа у него на лице светилась, поблескивая, как пластинки ядовитых поганок из лесной чащи. Бинты задубели, их уже несколько дней никто не менял. Он полузакрыв глаза, потом распахнул снова.

— Что же вы?

— Холстина говорила... — начал Ходуля.

— Что надо дожидаться тебя, — поспешила добавите Джейн. Холстина бросила на нее быстрый взгляд, который яснее всяких слов говорил: не воображай, что я тебе благодарна. Хвост ее дернулся. — Чтобы сделать как следует.

— Тогда ладно! — Крутой не почувствовал лжи, не заметил обмена взглядами. — Это еще ничего. — Он кивнул Ходуле: — Видишь, старик? Мы про тебя не забыли!

Ходуля кивнул в ответ, сразу повеселев. Его охватил прилив счастья. Он безгранично верил Крутому, верил, что друг о нем позаботится. Перед лицом этой нерассуждающей веры Джейн призналась себе, что сама она больше в план Крутого не верит. Они всего-навсего дети. Простое, доступное им волшебство не может повредить взрослому. Защита от таких посягательств, конечно же, автоматически полагалась всем надсмотрщикам, иначе они умирали бы каждый день. Блюгг скорее всего даже и не заметит, что они на него покушаются. Джейн вздрогнула от внезапного озноба.

— Тащи-ка сюда свечку, сейчас все и сделаем, — велел Крутой. И, когда Холстина не тронулась с места, прикрикнул: — А ну, шевелись, корова!

Молодая хульдра неохотно послушалась. Вставив огарок в широкую щель в полу, она помедлила, как бы ожидая, что Крутой зажжет его заклинанием. Наконец, когда всем стало ясно, что Крутой для этого слишком слаб, чиркнула спичкой.

На конце фитиля затрепетал огонек.

— Где кукла? — спросил Крутой.

Покраснев, Зобатка достала куклу. Крутой провел пальцами по тряпичному животу, нащупал торчащие острия ногтей Блюгга. Потом передал куклу Ходуле.

— Давай ты, — распорядился он.

Ходуля невольно оглянулся на Холстину.

Она поджала губы, но кивнула.

— Тихо! — скомандовал Крутой.

Они сидели тихо. Снаружи доносились шум работающих машин, успокоительное урчание, постукивание. Этажом ниже негромко и ритмично поскрипывала качалка. Крутой насвистывал «Лесного царя», убыстряя и замедляя темп в такт ее скрипу.

— Давай! — прошептал наконец он.

Ходуля сунул куклу в пламя свечи.

Кукла была сшита из старых нейлоновых чулок и в огне сразу запузырилась и почернела. Разнеслась жуткая вонь. Потом с шипением занялись хлопчатобумажные внутренности. Ходуля со сдавленным криком выронил куклу, отшатнулся и сунул в рот обожженный палец.

Когда огонь лизнул куклин живот, у Джейн онемело во рту. Она с шумом глотнула воздух. Язык распух и горел, как будто она лизнула крапиву. Ну конечно, ведь на ногтях должны были остаться капли ее слюны, и, значит, какая-то часть проклятия пришлась на ее долю.

Может быть, они все-таки убьют Блюгга.

Зобатка плакала. Но Крутой не обращал на нее внимания. Злобные огоньки плясали в его глазах. Он выпрямился в постели, сжав кулаки и запрокинув голову.

— Ну же! — воскликнул он. — Давай подыхай, черт тебя возьми, подыхай скорее! — И он залился смехом.

Жужелица и Малый Дик торопливо затапывали огонь, чтобы не устроить пожар.

Тут раздались удары в пол, и снизу проревел голос Блюгга:

— Вы что там затеяли, дряни? Вот я сейчас поднимусь с ремнем!

Они затихли.

Через минуту на лестнице раздались шаги и в такт им шуршание кожаного ремня.

Крутой был поражен. Никто не смотрел на него, все лица обратились к Холстине. Она подняла руку и приказала:

— Все под одеяла! Быстро!

Они шмыгнули в койки, вопреки надежде надеясь, что обойдется и их не выпорют. Джейн бросилась в постель, как и все, но успела заметить на лице Колючки довольную усмешку.

Крутой больше не был их командиром. Лидерство перешло к Холстине.

Глава 3

Дети считали, что во всем виновата Джейн.

Когда они сожгли куклу, Джейн слегла с высокой температурой, у Ходули на три дня отнялся язык, у Зобатки высыпали красные пятна на лице и руках. (Вдобавок она впала в глубокое уныние, но этого как раз почти никто не заметил, поскольку она и всегда-то была угрюмая.) Одним словом, в силе и губительности проклятия куклы сомнений быть не могло, и, если оно не подействовало на Блюгга, на то, стало быть, имелись причины.

Холстина, поддерживаемая Колючкой, распустила слух, что Джейн наложила в штаны в Блюгговом кабинете и не взяла ногтей. Ослабленная болезнью Джейн защищалась вяло. Мальчик-тень мог бы ее поддержать, но он растерялся и не знал, кому верить.

Крутой, конечно, знал правду, он ведь тогда нащупал ногти в куклином брюхе. Но Крутой молчал. После испытанного в тот вечер подъема сил он впал в протрацию и лежал молча, с пустыми глазами. У Джейн не осталось больше друзей.

Новая должность, в которую ее возвел Блюгг, еще больше отделила ее от остальных. В знак курьерского достоинства ей пришлось натянуть оранжевое одеяние вроде жилетки с капюшоном. Жилетка состояла из двух полотнищ, прикрывающих спину и грудь и стягивающихся на поясе черными резинками. Носить это было неудобно, к тому же Джейн казалось, что все только на нее и смотрят.

Работа была хоть и легкая, но непривычная. Обучение состояло в том, что она молча целыми днями ходила по пятам за Блюггом. «Здесь измерительная лаборатория», — кратко бросал он, или: «Здесь выдают абразив, малыми емкостями, и не забудь сохранить желтый корешок квитанции». Джейн с удивлением увидела, как мало по сравнению с детьми работает Блюгг. По большей части он просто таскался из цеха в цех и везде вел бесконечные, малопонятные для нее разговоры, частично по делу, но больше сплетничал. Иногда он играл в домино с одним невзрачным коротышкой из отдела снабжения. Они неподвижно склонялись над столом, бросая друг на друга подозрительные взгляды, и жульничали при каждой возможности.

— Пойди умойся! — сказал он ей однажды в обеденный перерыв. — Руки вымой как следует, под ногтями отчисти. Надо, чтобы ты понравилась.

— Кому? — спросила она.

— Кому надо! Любопытная больно. Делай, что говорят, да помалкивай!

Блюгг пошел с ней в туалет, проследил, чтобы она хорошенько намылилась коричневым санитарным мылом, и даже помог ей оттереть пятнышко грязи на ухе, самолично на него поплевав. Они пробежали через двор под моросящим дождем. У главных ворот была небольшая приемная. Блюгг постучал в дверь, и они вошли.

Высокая, элегантная, вся в черном эльфа сидела и курила, глядя в окно. Когда они вошли, она повернула к ним напудренное лицо с впалыми щеками и ровным сухим голосом спросила:

— Это она?

— Она самая, — ответил Блюгг. Эльфа встала. Она была на полторы головы выше Блюгга. Стуча высокими каблуками, она подошла к Джейн, двумя пальцами приподняла ей подбородок и, критически прищурясь, повертела ее лицо из стороны в сторону.

— Она очень послушная девочка, — масляным голосом забормотал Блюгг. — Все сделает, что вы скажете, только пальчиком шевельните, повторять не придется.

Джейн неподвижно смотрела эльфе в глаза. Они были холодные, как две серые льдинки, а кожу вокруг испещряли замысловатым узором многочисленные морщины. Эльфа на много лет, на много десятилетий была старше, чем казалось с другого конца комнаты. Джейн вдруг ясно увидела под тонким налетом плоти оскал черепа.

Что-то промелькнуло в лишенных блеска глазах.

— Ты меня боишься?

Джейн испуганно помотала головой.

— А зря.

Изо рта у нее пахло леденцами и табаком. В ушах висели длинные, до самых плеч, жемчужные серьги, сделанные в виде извивающихся змей с плоскими головами. Холодные пальцы

сжимали подбородок все крепче. На глазах девочки показались слезы.

Наконец цепкие пальцы ее отпустили.

— Я подумаю, — проговорила эльфа и махнула рукой на дверь. — Можете идти.

Блюгг, неизвестно почему, впал в радостное возбуждение.

— Ты хоть знаешь, кто это? — Он почти захлебывался от счастья и, не дожидаясь ответа, выпалил: — Она из Гринлифов! Из тех самых!

Джейн почти сразу забыла об этой встрече. Это был всего лишь один непонятный случай из множества столь же непонятных.

* * *

Скоро Крутой вернулся на работу. Черти из столярки сколотили для него тележку с двумя рукоятками, и, пока он был слаб и не мог ходить, Джейн и Ходуля, взявшись с двух сторон, отвозили его в цех.

Однажды вечером, когда они возвращались с работы в спальный корпус, им пришлось задержаться у проходной. Они стояли и ждали в огромной черной тени Часохрона, а мимо них к воротам ползла колонна взрослых рабочих — кто волочил ноги, кто хромал, кто шел вприпрыжку. У них как раз кончилась вечерняя смена, и те, кто не жил внутри заводских стен, выстраивались в очередь перед Часохроном, пробивали свою карточку, целовали камень Богини — и шли домой.

Ходуля с тоской смотрел на распахнутые ворота. Видны были только парковочная площадка да часть пыльной асфальтированной дороги до первого поворота, но он смотрел не отрываясь, словно перед ним раскинулась волшебная даль Западных островов. Блюгг подошел сзади и опустил тяжелую руку ему на плечо.

Ходуля поднял глаза к небу.

Блюггов широкий рот изогнулся в подобии улыбки. Он выдернул у Ходули из-под затылка перышко и поднес к своим косым глазам.

— Гм-м! — Он сунул перышко в рот и с выражением гурмана начал его посасывать.

— А не пора ль тебе, голубчик, в лазарет? — пророкотал он. — Джейн! Напомнишь мне завтра утром, чтобы я его отвел к док...

Неизвестно, понял ли Ходуля то, что услышал. Но что-то в нем сломалось. Пронзительно и отчаянно вскрикнув, он бросил рукоятку тележки и побежал.

Блюгг, чертыхнувшись, пустился было за ним. Но он был тяжел и жирен и догнать длинноногого и прыткого беглеца не мог. Рабочие только вытаращили глаза на промчавшегося мимо них Ходулю. По сравнению с ним все их движения казались замедленными, как у мух, увязших в густой смоле. Джейн, беспомощно ломая руки, в ужасе глядела ему вслед.

— Не надо. Ходуля! — закричал изо всех сил Крутой, приподнявшись в тележке. Его лицо залила восковая бледность. — Вернись!

Но Ходуля уже ничего не слышал. Он бежал, вытянув руки в стороны, а рабочие, пораскрывав рты, неподвижно таращились на него. Вот он миновал Часохрон, выскочил в ворота...

Ходуля был снаружи.

Его руки, пока он бежал, наливались силой, поднимались выше и выше. Тело менялось, шея вытягивалась, выгибалось туловище, тонкими, словно палочки, становились ноги.

— Он стал старше, — прошептал, пораженный, кто-то из малышей.

— Соображать надо! — прикрикнула на него Холстина. — Это же Часохрон!

Часохрон работал исправно. Каждый новый шаг, отдаляющий Ходулю от ворот, делал его старше. Мелькали, прибавляясь, дни его жизни, недели, месяцы. Ходуля мгновенно проскочил переходный возраст и смену окраски. Он был уже взрослый.

И вот он взлетел. Настало чудесное мгновение, то самое, что вообразила себе однажды Джейн. Энергично хлопая молодыми крыльями, заливаясь удивленным смехом, Ходуля поднимался все выше.

Он был счастлив. На мгновение его скрыл заводской забор. Потом он показался над воротами. Ходуля летел на восток и быстро

удалялся. А потом он вдруг остановился в воздухе и накренился в сторону. Крылья его двигались вяло, медленно. Рыже-коричневое оперение поседело. Из крыла выпало перо и стало опускаться, кружась. За ним другое. Перья падали и падали, словно снег шел.

Ходуля рухнул на землю.

На пути в спальный корпус все молчали. Даже Блюгг, хоть и кипел от ярости, не находил слов и только бессильно тряс в воздухе кулаком. У Крутого было каменное лицо.

* * *

Подойдя к своей кровати, Джейн с удивлением обнаружила, что там ее ждет Крутой, поджав ноги и привалясь к стене. На мгновение ее ударило страхом, будто электрическим током. Но, прежде чем она успела что-то сказать. Крутой судорожно вздрогнул и проговорил тусклым шепотом:

— С тобой происходит что-то плохое... очень плохое...

— Ну-ка, — сказала она с притворной заботой в голосе, — пошли, тебе надо лечь.

Она взяла его за руку — Крутой был такой легкий, шел за ней так послушно! — и отвела на место. Уложила, укрыла одеялом. Прикасаюсь к нему было вовсе не так противно, как она думала.

— Нет. Тебе нужно... — Первый раз за все время он открыл уцелевший глаз. Там не было ни белка, ни радужки, один громадный зрачок, бездонная черная яма, дыра, отверстие в запредельную пустоту. Джейн в страхе выпустила его руку.

— Ходуля... не один он вырос. У меня есть... немного ясновидения... совсем немного...

Он снова вздрогнул. Какая-то мучительная сила снизошла на него, перекачивалась под кожей, грозила расщепить изнутри кости. Его худенькое тельце дрожало под ее напором, как перенапрягшийся двигатель.

Справившись со своим страхом, Джейн легла рядом с ним, под его одеяло, обняла, прижала к себе. Он был холодный как труп.

— Ты была у меня во сне, — прохрипел он. — Я тебя видел.

— Тихо, тихо, молчи!

— Я потерял лучшего друга, — сказал он. — Не хочу потерять тебя. — Он говорил все тише. Его голова склонилась на сторону, потом на другую, словно он пытался поймать ускользающую мысль. — Уже виден свет в конце туннеля. Темпы инфляции снижаются. Принцип невмешательства во внутренние дела...

— Тихо, тихо! — Она крепче прижалась к нему, делясь с ним теплом своего тела. Странная сила покинула его, и Джейн больше не слушала, что он говорит. Он лежал, хватая ртом воздух, обессиленный, потный, бледный. Джейн тихонько выбралась из-под одеяла и ушла к себе.

* * *

В этот день Блюгг велел Джейн кончить работу пораньше и привел ее к себе в комнату. Это была типичная тролличья берлога с черной дубовой мебелью и обилием пошловатых глиняных статуэток: крошка-эльф, ворующий яблоки, бык, похищающий Европу, и прочее в том же духе. Блюгг поставил Джейн в центре комнаты и стал к ней шумно принюхиваться. Поросячьи глазки его глядели довольно.

— Ладно хоть кровь не идет! — Он указал на полуоткрытую дверь. — В той комнате корыто. И мыло. Вымойся как следует.

За дверью оказался тесный темный чулан с застарелыми запахами нужника. Но там стояло цинковое корыто с горячей водой, а мыло, лежащее на краю корыта, пахло сиренью. Джейн сбросила одежду и, стиснув двумя руками мыло, как рукоятку меча, полезла в воду.

Мылась она неспешно, думая о напалмовых пушках, о баллонах с эльфо-пси-газом, о ракетах с лазерным управлением — обо всей системе вооружения дракона. Теперь его голос совсем внятно, хотя и тихо, чуть щекоча мозг, слышался ей и без гримуара.

Медленно вода по телу душистым мыльным бруском, чувствуя кожей ласку теплой воды, Джейн впала в полудрему. Голос дракона был почти реален. Схема с переплетающимися проводами плыла у нее перед глазами, как мандала.

Дракон, кажется, требовал, чтобы она не позволяла Блюггу к ней

прикасаться.

Джейн ничего на это не отвечала. Она знала — что бы ей этот голос ни говорил, реален он или только проекция ее собственных страхов — неважно, — все равно Блюгг сделает с ней все, что захочет. Он сильнее ее, и ничего тут не поделаешь.

Ее молчание рассердило дракона. Она словно увидела, как он, уменьшаясь, скрывается в западной стороне неба, а она остается в одиночестве, по-прежнему беспомощная, пожизненная пленница. Но в драконьем гневе ей чувствовался оттенок страха.

Джейн осторожно намылила холмик внизу живота — совсем недавно на нем выросли кудрявые волоски. Потом она выпустила мыло из рук, и оно с плеском выскочило на поверхность. Глядя на него, она наклонила голову — один глаз ушел под воду, другой смотрел поверху. Она представила себе, что корыто — это корабль, галеон, который сейчас уплывет с нею далеко-далеко. Вода зыбилась в такт дыханию. Все вокруг плыло перед глазами.

Под тяжелыми шагами закрипел пол. Эти звуки воспринимались словно аккорд — то ухо, что было над водой, слышало громкий, пронзительный звук, а для другого, которое скрывала вода, то же самое звучало мягче и мелодичнее. Блюггова туша нависла над ней. Она закрыла глаза. Его тень заслонила свет.

— Все, хватит!

Она открыла глаза и увидела кривую полуулыбку.

— Ополоснись, вытрись и одевайся. Нас ждут в Замке.

* * *

Замок оказался странноватым кирпичным сооружением, располагающимся почти в самом центре заводской территории. Построенные позже него корпуса завода нависли над ним, лишив его всякой внушительности, но изящества, даже в сравнении с ними, в нем было столько же, сколько в поставленной на попа коробке из-под печенья. Всю отделку давно покрыл слой заводской копоти, а потеки грязи на стенах казались следами пролившихся с крыши слез.

Дверь открыла та самая худощавая эльфа. Хмуро глянув на Джейн, она впустила ее в дом.

— Придете через два часа, — бросила она Блюггу и захлопнула дверь перед самым его носом.

Молча повернувшись, она направилась в глубину дома. Джейн оставалось только пойти за ней.

Внутри дом оказался намного вместительнее, чем казалось снаружи. Джейн шла за хозяйкой по узкой и очень высокой галерее, слабо освещаемой люстрами, которые свисали с потолка, как гигантские светящиеся медузы. Поднялись по лестнице, прошли анфиладу комнат. Обстановка была дорогая, но какая-то обшарпанная. Шелковая обивка на кушетках протерлась, кружевные занавески казались хрупкими и ломкими, как старая паутина. К штофным обоям прочно пристал застарелый запах табачного дыма и средства для полировки мебели — как память бесчисленных, неотличимых один от другого дней, протекавших среди этих стен.

За одной из раскрытых дверей Джейн увидела гостиную, где вся мебель уютно располагалась на потолке. Полки с безделушками и старинные портреты висели на стенах вверх ногами, а в окно был виден падающий снизу вверх дождь. Эльфа нахмурилась.

— Нам не сюда, — сказала она и решительно захлопнула дверь.

Наконец они пришли в какую-то заброшенную спальню. Ткань старинного балдахина посекалась и у колец начала рваться. Стоящую на ночном столике свечу покрывал густой слой серой пыли. Сама свеча томно согнулась и перекосилась.

Эльфа достала с полки стенного шкафа большую картонную коробку. Зашуршала оберточная бумага.

— Вот, надень! — Эльфа достала из коробки розовое платье.

Джейн стала снимать, аккуратно складывая, свою рабочую одежду. Эльфа поморщилась, увидев, какое на ней белье, и достала из ящика шелковый детский гарнитур.

— Это тоже надень, — приказала она. Платье было льняное, нежно-розовое, с рукавами фонариком. На лифе до самой талии шли оборки, вышитые розочками и зелеными листиками. По краю подола тоже были вышиты розочки.

Эльфа хмуро курила и смотрела, как Джейн одевается. Она молчала, только раз обронила: «Молодые не ценят молодости».

Платье застегивалось на спине длинным рядом жемчужных пуговиц. Джейн кое-как удалось с ними справиться, но до последней пуговицы на шее ей было никак не достать.

— О Цернунн! — вздохнула эльфа, быстро подошла и застегнула пуговицу. — Можешь посмотретья в зеркало, — сказала она.

Джейн заглянула в трюмо на когтистых орлиных лапах и увидела там нечто совсем неожиданное. Себя. Грудь ее была туго стянута, отчего бедра выглядели слишком широкими, — платье явно было рассчитано на девочку гораздо младше, чем Джейн. И все же платье не изменило ее, не убавило лет, но только усилило и подчеркнуло все то, что делало ее самой собою. Она протянула руку, и отражение сделало то же, стремясь коснуться ее. Рука замерла, почти уперевшись в стекло.

— Извините, сударыня, — робко спросила Джейн, — что я должна делать?

— Сейчас узнаешь. — Эльфа раскрыла дверь. — Сюда!

Через пять минут они вошли в кабинет. В высоком, с арочным перекрытием камине пылали дрова. Колонны поддерживали трехсводчатый потолок. Стены были увешаны картинами и фотографиями в золоченых рамах и красивых рамках из перегородчатой эмали. Висели также оленьи рога и другие охотничьи трофеи, религиозные символы, полки с книгами, переплетенными в кожу осенних оттенков

— от желтого до темно-багрового. Мебели практически не было: на устланном коврами и ковриками полу стояли только шезлонг да кресло-качалка.

В кресле на горе подушек сидел старый и важный эльф, но не качался. Был он невероятно древний, коричневый и шишковатый, как старый пенёк. Смотрел он прямо перед собой.

— Батюшка, это малютка Джейн. Она сегодня здесь поиграет.

Старик на это едва заметно повел глазами.

— Вам ведь это приятно? Вы всегда любили детей. Джейн сделала бы старику реверанс, да не умела.

Но этого от нее, по-видимому, и не ждали. Она неловко стояла посреди комнаты. Эльфа вытащила из-за качалки деревянный ящик.

Старик по-прежнему не шевелился. Только глаза его казались живыми, но и они ничего не выражали.

— Извините, пожалуйста, сударыня, — решила проговорить Джейн, — он что, болен? Эльфа надменно ответила:

— Мой отец совершенно здоров. Его имя Болдуин де Болдуин из Болдуинов-Гринлифов. И веди себя перед ним соответственно. Твое присутствие должно развлекать его по вечерам. Если подойдешь, будешь бывать здесь регулярно. Если нет, то нет. Я понятно говорю?

— Да, сударыня.

— Можешь называть меня госпожа Гринлиф.

— Да, госпожа Гринлиф. Деревянный ящик был полон игрушек.

— Ну что же ты? — сказала госпожа Гринлиф. — Играй, деточка.

Джейн неуверенно склонилась над ящиком и стала перебирать его содержимое. Игрушки были разнообразные и великолепные. Там был, например, набор счетных палочек, выложенных слоновой костью и перламутром. Была крошечная, но действующая карусель — она бойко вертелась, сиденья покачивались, на ободке красовались все двенадцать знаков зодиака. Был набор оловянных солдатиков всех родов войск вплоть до лучников и саперов, две полные армии и во главе каждой по чародею в тюрбане. Был волшебный колокольчик — когда в него звонили, он издавал такие нежные звуки, что от красоты захватывало дух, но, когда колокольчик умолкал, его музыка немедленно забывалась. Были марионетки, был мяч.

Госпожа Гринлиф села в шезлонг, развернула газету и принялась за чтение. Некоторые места она прочитывала вслух, чтобы и отец мог послушать.

Прошло часа два. Игрушки доставили Джейн меньше радости, чем можно было бы ожидать. Она все время ощущала присутствие старика, чувствовала спиной его неподвижный взгляд. Этот взгляд вбирал и поглощал все, ничего не выпуская наружу. Старика окутывала какая-то зловещая аура, грозное чувство непредсказуемой опасности. Время от времени Джейн отваживалась бросить взгляд в его сторону и видела ноги в полосатых брюках и блестящие кончики крыльев. Поднять глаза выше она боялась. Его присутствие ощущалось как близость перегретого парового котла, который, того и

гляди, взорвется.

— Вот еще интересная статья. Дредноуты класса «Нептун» снимаются с производства, а верфи переоборудуют для ракетоносцев. У вас ведь, кажется, есть акции ракетостроительной компании?

Болдуин молча смотрел в одну точку.

* * *

Было уже совсем темно, когда она, переодевшись в собственную одежду, собралась уходить. Со странным облегчением покидала она эту душную гостиную, страшного хозяина и госпожу Гринлиф с ее скучной газетой. Мрачный Блюгг, дрожа от холода, ждал на крыльце.

— Можете снова привести ее через два дня в то же время, — сказала хозяйка. И с формальной вежливостью добавила: — Примите нашу благодарность.

Джейн ждала, что Блюгг закатит ей оплеуху, а потом всю дорогу до спального корпуса будет ныть, ворчать и пилить ее. Но оказалось, что слова госпожи Гринлиф снова повергли его в эйфорию.

— Благодарность! — повторял он. — Вон как! Примите нашу благодарность. Не каждый день слышишь такое!

Они сделали крюк через складской двор, потому что Блюггу вздумалось зайти в кузнечный цех. Там в старой печи для обжига жил чертенок, с которым Блюгг любил пропустить рюмочку. Чертенок был тощий, плюгавый, с кошачьими усами. Массивный, самоуверенный Блюгг был его кумиром.

— Ну как, удачно? — спросил чертенок. — Выгорело дело?

— Еще как! — похвастался Блюгг. — Примите, говорит, мою благодарность, представляешь? Мне говорит! Не кто-нибудь, а Гринлиф!

Они чокнулись, и чертенок стал требовать подробностей.

Цех был пуст и погружен в полумрак — только в топках метались багровые сполохи да над печью, жилищем чертенка, висела голая пыльная лампочка. Предоставленная самой себе, Джейн скользнула в тень, нашла теплый уголок в уютном углублении печи и присела на кучу золы. Приятно пахло коксовой гарью.

Она устала и рада была, что никто на нее не смотрит. Удобно откинувшись, она стала думать о драконе. Всю последнюю неделю она изучала его электрические схемы и теперь живо представила себе путаницу ярких серебряных линий на фоне бархатно-черного неба. Она могла мысленно поворачивать картинку, видеть, как провода сближаются, перекрещиваются, обвивают одну ось, потом другую.

Через некоторое время она почувствовала присутствие дракона. Как всегда, он возвестил о себе приливом нервной энергии. Джейн хорошо знала эту порывистую силу, прогоняющую сон, но не избавляющую от усталости.

Дракон излучал тепло. Он был доволен: она осталась нетронутой. Был в его радости какой-то нечистый подтекст. Чем лучше Джейн узнавала дракона, тем больше понимала, что он ничуть не лучше и не добрее Блюгга или любого другого из заводских.

Но у них была общая цель!

— Он сам не захотел, — прошептала Джейн, не зная, услышит ее дракон или нет. Из-за печи доносился пьяный хохот приятелей. Пискливое мышье хихиканье мешалось с басистыми тролличьими раскатами.

— От меня ничего не зависело, — добавила она. Но дракон был доволен ею, он любил Джейн. И тут ее охватила тревога, ноги сами понесли девочку, оставаться здесь, в темноте за печкой, еще хоть одно мгновение было невозможно.

Легко и неслышно она поднялась и пошла. Настало время встретиться с драконом лицом к лицу.

Глава 4

Джейн выскользнула из кузницы. Воля дракона вела ее, как кукловод надетую на руку куклу. Было холодно, чернела земля. С низкого неба медленно опускались горькие хлопья снега, первого в этом году.

Боясь, что ее увидят, Джейн юркнула в узкую щель между кузницей и сборочным цехом. Дальше, за грудями котельного железа, была сортировочная.

Там, за стальным ограждением, ворочались, гремя цепями, драконы. Джейн кралась мимо, сжавшись, стараясь сделаться как можно меньше и незаметнее. Она боялась хищных машин, мучительно чувствуя их надменные, злые мысли. В тени сарая с пропановыми баллонами она вскарабкалась на забор и спрыгнула с другой стороны.

Совсем близко от нее какой-то дракон коротко всхрапнул, и она отлетела в сторону, как лист под порывом ветра.

Драконы не соизволили заметить крохотную фигурку, пробирающуюся мимо них. Для драконов, с их злобной тягой к убийству и разрушению, она была слишком мелкой добычей.

Под ногами у нее хрустела зола. Она шмыгнула мимо царственных, громадных машин в заброшенный угол двора.

Там, между грудой пропитанных креозотом бревен и кучей ломаных ящиков из-под снарядов, громоздился полуразрушенный корпус дракона, наполовину скрытый зарослями сухой прошлогодней травы, кустами шиповника и ежевики, побегами дикого винограда. Ржавчина проела дыры в его броне. На боку у него были видны облупившиеся полустертые цифры номера: 7332.

Джейн застыла на месте, дрожа от тоски и страха. Не может быть, это не ее дракон!

— Он же мертвый! — прошептала она. Но, как ни больно было разочарование, она знала, что это он, что он жив, полоумный калека, чья жизнь еле теплится внутри ржавого тела. Он был жив, ему что-то мерещилось. А она стала жертвой его безумия, его нелепой мечты о побеге.

Ей хотелось повернуться и убежать — убежать далеко-далеко и никогда больше сюда не возвращаться. Но чужая воля завладела ею целиком, чужая воля распоряжалась телом. Ноги сами поднесли ее к останкам дракона, руки протянулись к лестнице, поднимающейся по его боку. Она стала подниматься, а ступени дребезжали у нее под ногами.

Она шагнула внутрь кабины, где все было выжжено, разрушено, изъедено ржавчиной. Дверь захлопнулась за ней. Было темно. Пахло гарью и бензином. В глубине корпуса раздался гул. Слабая вибрация сотрясла пол, у нее задрожали ноги. Воздух стал разогреваться.

Медленно, как будто невидимая рука сдвигает рычажок реостата, высветилась приборная панель. Разлился мягкий зеленоватый свет.

Кабина преобразилась.

Исчезли ржавчина и обугленный пластик. Появились хромированная сталь, оптическое стекло, засияли гладкие, как черное дерево, поверхности. Бесформенная обгоревшая груда в центре кабины превратилась в кресло пилота, мягкое и удобное, обтянутое вишневой кожей.

Джейн скользнула в кресло. Оно подстроилось под ее вес, обняло бедра, охватило шею. На приборной панели все было расположено точно так, как описывал гримуар. Джейн провела руками по рукояткам управления. С легким щелчком включились сервомеханизмы. Она взялась за резиновые рукоятки на подлокотниках и повернула их на четверть оборота. Две иглы безболезненно вонзились в ее запястья.

На голову ей опустился шлем с очками и наушниками. Теперь она была в виртуальной реальности и видела глазами дракона, в широком волновом диапазоне, далеко заходя в недоступные человеческому зрению инфракрасную и ультрафиолетовую части спектра. Двор виделся ей теперь сплетением оранжевых и серебристых силовых линий, кирпичный корпус цеха казался аметистовой скалой. Звезды над головой полыхали красным, оранжевым и зеленым.

Очень естественно, без всякого испуга, она погрузилась в чужие воспоминания. Она летела над Лионией с грузом напалма. Розовые облака теснились в небе над ослепительно изумрудными джунглями.

Она задрожала всем телом, ветер засвистел у крыла, когда она на сверхзвуковой скорости сделала поворот через крыло, чтобы избежать удара противодраконьей зенитной ракеты. Воздух пронизывали радиоволны, несущие вопли ярости и торжества ее собратьев драконов и бесстрастные голоса пилотов, диктующих координаты. На горизонте появилось скопище черных точек — на нее мчался истребительный эскадрон противника. Охваченная ликованием, она повернулась навстречу врагу.

Джейн дрожала от возбуждения, чужие чувства переполняли ее. Почти плача, она спросила: I — Кто ты?

Я копье, жаждущее крови. Вечная ночь стояла здесь, и армии сталкивались в битве, и сознание дракона поглощало их всех, холодное и безбрежное, как северный океан. Он грезил войной, и Джейн тонула в его видениях. Вот отряд эльфийских воинов, улыбающихся отчаянно и блаженно, потрясает копьями над пирамидой из отрубленных голов. Вот шеренга полыхающих факелами троллей. Вот в оптическом прицеле ее пушек видно, как взлетает на воздух прибрежный город, его стройные башни обрушиваются горами обломков. Крупные горячие слезы текли по ее щекам.

Теперь она парила в одиночестве под облаками, сияющими ярче прожекторов. Воздух был холодный как лед и разреженный, будто сон. Она, как и дракон, жаждала крови, ее притягивала красота жестокости, жестокая простота силы.

— Нет, я спрашиваю: как твое имя? Внезапно все его воспоминания оставили ее. Она сидела, потная и изнеможенная, в кресле пилота. Резкая боль пронзила запястья, это из них вышли иглы. В очки своего шлема она видела, как в дальнем углу участка дракон сжался, грозно подняв когтистую лапу. Голос, холодный и резкий, как луч далекой звезды, сказал в наушники:

— Можешь называть меня семь тысяч триста тридцать второй.

Джейн чувствовала себя замаранной драконьими мыслями и рада была, что освободилась от них. И в то же время ее тянуло еще раз погрузиться в эту стихию, еще раз ощутить пьянящее чувство свободы, не ведающей сомнений и колебаний. Она не отрывала глаз от дракона, и желание навсегда улететь с ним снова охватило ее.

— Так и будет, — пообещал 7332-й.

— Правда? — Джейн вдруг остро ощутила, что это невозможно. — Ты снаружи кажешься таким... ломаным, ржавым.

— Это спасительное притворство, моя маленькая избавительница. Если бы наши хозяева знали, что я исправен, они бы dokonчили то, что начали, когда швырнули меня сюда. Я для них слишком опасен.

Пальцы Джейн легонько пробежались по панелям, лаская ручки потенциометров, поглаживая рукоятки управления, которые она ночь за ночью изучала по гримуару. И сейчас, когда она видела их не на схеме, а наяву, у нее голова пошла кругом от открывающихся возможностей.

— Можем мы улететь прямо сейчас? — спросила она. Глухой рокот двигателя отозвался дрожью в ее теле. 7332-й смеялся.

— Гримуар у тебя есть, начало положено. Еще три ключа — и можем отправляться в любой момент.

— Три ключа?

— Первый из них — это рубин с сердцем из хрома.

— Я видела такой! — воскликнула Джейн в удивлении. — Я... — Она внезапно замолчала, пораженная пришедшей мыслью. — Это ты сделал?

— Будь внимательна и осторожна. Времени у нас мало. Этот рубин задействует мою систему лазерного управления. Это первый ключ. Второй — небольшой предмет, похожий на грецкий орех, но медный и холодный на ощупь.

— Кажется, я видела... — неуверенно сказала Джейн.

— Он лежит в коробке с игрушками в кабинете Болдуина. — Джейн вздрогнула. — Принесешь его мне. В нем записана часть моей памяти. Ну а третий ключ у нас уже есть: это ты.

— Я?

— Ты, человечек! Почему, как ты думаешь, тильвит-теги вообще похитили тебя? Чтобы ты гнула спину на заводе? Стоило ради этого трудиться! Нет, тебя держат здесь, только пока ты не вырастешь. Тогда тебя используют по назначению. Ты знаешь, что драконы сделаны из холодного железа. У нас черное стальное сердце. Мы генерируем магнитное поле, смертельное для эльфов и их здешних

подручных. Они не могут сами управлять нами. Нужен пилот с человеческой кровью.

— Значит... я буду пилотом? — Это было блестящее будущее, и на секунду Джейн, охваченная гордым честолюбием, напрочь забыла о планах побега.

Дракон рассмеялся. Это был злой смех.

— Пилот-человек? Нет, это невозможно! Пилоты должны быть достойны доверия, преданы системе, связаны с нею кровью и воспитанием. Управлять драконами позволяют только полукровкам. Так что ты пилотом не будешь. Тебя предназначили для деторождения.

Она не сразу поняла, о чем он. А когда поняла, ей показалось, что ее ударили. Она нужна им как породистая свиноматка! Рожать им детей, детей-полуэльфов, которых будут отбирать у нее сразу после рождения и воспитывать как эльфийских воинов. Ледяной гнев охватил ее.

— Скажи мне свое имя!

— Я уже сказал.

— Это всего лишь твой серийный номер. Мне нужно твое настоящее имя, чтобы до конца разобраться в управлении.

Существовали сотни моделей драконов, их список занимал в гримуаре множество страниц. Серийный номер сам по себе ни о чем не говорил.

— Я не смогу управлять тобой, не зная твоего имени.

— Никаких имен!

— Но мне нужно!

В холодном пронзительном шепоте послышался гнев:

— Человечек, ты забываешься! Я велик, а ты ничтожна. Твое дело освободить меня; за это я возьму тебя с собой. Помни свое место!

— Я не смогу поднять тебя в воздух, если не буду знать твоего имени, — солгала Джейн. — Так написано в гримуаре.

Свет погас.

Джейн оказалась в темноте. Сервомеханизмы с жалобным подвыванием отключились. Дверь распахнулась. Все великолепие исчезло. В холодном лунном свете кабина 7332-го снова была безжизненной и жалкой. Джейн стояла, стряхивая с платья хлопья обгоревшего винила.

— Я не передумаю! — с вызовом сказала она. — Ты без меня не обойдешься. Так что, если тебе нужна свобода, ты скажешь мне свое имя.

Она подождала. Ответа не было. Она ушла.

* * *

Блюгг что-то задумал.

Джейн о его замыслах не имела понятия, но бегала по его поручениям целыми днями — из цеха в цех, из мастерской в мастерскую, даже в метафизической лаборатории у него находились дела. То он посылал ее в шлифовальный цех застолбить на три дня сверлильный станок, то надо было мчаться в рессорно-пружинную, где одноглазый старик без обеих ушей передавал для Блюгга послание в запечатанном конверте. (Этот старик был изувечен давным-давно, подвергшись старинному телесному наказанию. Тогда же его разжаловали из инженеров.) Когда она явилась на химический склад, чтобы узнать, сколько там имеется в наличии переступневой мази, на которую еще не поступило заявок, кладовщик стащил с носа очки в металлической оправе и подозрительно уставился на нее розовыми глазами:

— Интересно, а зачем это Блюггу понадобилось? Она неловко пожала плечами:

— Он мне не говорил.

— Выслуживается, ясное дело! Слухи ходят, что сам Болдуин его поддерживает. Говорить-то говорят, но толком никто ничего не знает. Что уж тут, порядка у нас никакого, любая деревенщина с тараканами в башке может...

— Он не договорил. — Слушай, неужто правда, что у него есть ход к Болдуину? Откуда? Ничтожество же полное... А если нету, разве бы он смел... Что он все-таки затеял?

— Я не знаю.

— Ну что-то же ты должна знать!

Кладовщик был темнокожий и невероятно тощий, лупоглазый, с руками и ногами как палочки. Он напоминал сделанных из прутиков человечков, которых носят на шестах, а потом поджигают в ночь Равноденствия. Наставив на Джейн длинный палец, он сказал:

— Подручные всегда все знают. — Его рот разъехался в гримасе, которую сам он, надо думать, считал располагающей улыбкой. — Вечно они все вынюхивают, как мышки, своими острыми носами.

— Да нет...

— Рассказывай! — Он хлопнул рукой по барьеру, за которым сидел. — Это как-то связано с Гримпке, точно? С безухим старым жуликом из секции А? — Он наклонил голову и посмотрел на нее одним глазом. — Ну так я и знал! Все ясно, дело, значит, в его знаменитой лапе! — Он откинулся назад и хрипло захохотал. — Ну если твой Блюгг воображает, что начальство его за это возлюбит, то передай ему... Скажи ему, что... — Он повернул голову и посмотрел на ряды бочонков и банок в ячейках стальных стеллажей. — Скажи, что переступня у нас только полбочонка, а если ему надо больше, пусть принесет заявку из лаборатории. Уходя, Джейн слышала, как он посмеивается:

— Надо же, Гримпке в ход пошел! Смех один!

* * *

Когда наступила ночь и Джейн заползла в свой тайник, она не стала усаживаться в гнездышке, которое там себе устроила. Оставив внизу гримуар, она полезла вверх, упираясь в стенки, находя щербины и неровности, в которые ставила ноги. Это оказалось на удивление легко. Вскрабкавшись до самого верха, она, ориентируясь по ледяному сквозняку, нашла люк, служивший когда-то ходом на крышу.

Правда, выяснилось, что люк заклеен толем и не открывается. Но ей нетрудно будет раздобыть нож.

На следующий день, незадолго до конца смены, Крутой изложил ей новый план бегства. В это время года выпуск снижался, работы было мало, но Блюгг, не желая отпускать их пораньше, раздал им метлы и банки, с чистящим средством и велел подмести в модельном цехе.

Все понимали, что это мартышкин труд. Пол, сколоченный столет назад из громадных дубовых балок, настолько был истерт и истоптан, между древесными волокнами шли такие глубокие борозды и щели, что вымести оттуда горы набившейся грязи было немыслимо.

Так что дети просто делали вид, что работают, а Блюгг сидел в кабинете мастера, оставив их на время в покое. Через застекленную перегородку, проходящую по всей длине цеха, Джейн хорошо было видно эту уютную кабинку, скромную, чистенькую, с ковриком на полу. Так не похожа была эта кабинка на шумные и грязные места, где приходилось работать ей. Гримпке тоже был там. Оба тролля склонились над столом, разглядывая графики.

— Посмотри-ка сюда!

Крутой совал ей под нос мусорное ведро, полное грязи и катышков чистящей пасты.

— Как ты думаешь, куда это пойдет? Джейн оттолкнула грязное ведро:

— Обратно на пол, куда еще!

— Очень остроумно! Ты лучше послушай. Мы собираем грязь в эти ведра, так? Потом ее вывалият на помойку вместе со всеми обрезками, опилками, пустыми коробками, канистрами с химическими отходами. В большие мусорные ящики. А потом придет грузовик и заберет все из этих ящиков. И куда, по-твоему, повезет?

— На кухню?

— Тупая ты башка! Повезет через восточные ворота! Дошло? К Часохрону даже близко не подойдет. Ясно тебе или нет? Мимо Часохрона не поедет!

— Проснись! Ты, значит, хочешь спрятаться в грузовике с мусором? А мусородробилку ты там не заметил? Знаешь, какие у нее

зубья? С тебя ростом! Гам, и нет тебя!

— Ты это точно знаешь?

— Проверять не собираюсь и тебе не советую. Крутой задумался:

— Ну ладно, предположим, выйти можно только у Часохрона. Как вообще выходят с завода? Пробивают карточки. Предположим, мы раздобудем пару карточек. Если владельцев как-то отвлечь, можно было бы...

— Без меня. — Джейн энергично замахала метлой.

— Джейн! — Крутой бросился к ней и, оглянувшись, схватил за локоть и затащил ее за стояк. — Джейн, почему ты против меня? Ладно, те все на стороне Холстины, но ведь тебя-то она ненавидит! Выбирай, за кого ты!

— Ни за кого я быть не собираюсь. Детский сад все это!

— Что мне сделать? — с горячностью спросил он. — Что мне сделать, чтобы ты снова была на моей стороне?

Он не отстанет, поняла Джейн, не оставит ее в покое, пока она не согласится участвовать в его детских затеях. Ну что же, она ведь поклялась сделать все на свете, лишь бы отсюда выбраться. Почему бы ей не использовать и Крутого?

— Ладно, согласна. Только сделай для меня одну вещь. Ты бываешь там, куда мне нельзя. Стащи для меня шестиугольную гайку. Только девственную, которой, ни разу не пользовались.

Крутой остался самим собой. Он осклабился и сделал непристойный жест.

— Меня уже тошнит от твоих шуточек! Поможешь мне — хорошо, нет — не надо. Но если ты для меня не хочешь сделать такой ерунды, то я тоже ради тебя рисковать не собираюсь.

Крутой обиделся:

— Что я тебе такого сделал? Разве я не был всегда твоим другом?

Он закрыл глаза и приложил палец к носу.

— А если я тебе помогу, ты мне точно поможешь? С моим

планом?

— Конечно, — сказала Джейн, — а как же.

Он ушел, а она, продолжая устало махать метлой, продвигалась понемногу к дальнему темному углу цеха. День был такой длинный, а ей еще предстояло идти играть к госпоже Гринлиф. Она очень надеялась, что Блюгг, занятый своими делами, не опоздает за ней сегодня, как опаздывал уже три дня подряд, и ей не придется дожидаться его в прихожей Замка.

Кто-то схватил Джейн за руку. Холстина! Она поджидала ее здесь, в полумраке.

— Ой! — У нее уже вся рука была в синяках. Но Холстина только сильнее сжала ей руку:

— Ты о чем это там шепталась с Крутым?

— Ни о чем! — ответила Джейн.

Холстина долго не сводила с нее холодных, как свернувшиеся змеи, глаз. Наконец она отпустила Джейн и отвернулась:

— Смотри, если что узнаю!

* * *

Неделя летела за неделей, давно уже наступила зима. Блюгговы делишки продвигались, к нему уже подходили пошептаться персоны начальственного вида, в хороших костюмах. Он и сам приосанился, стал тщательнее одеваться, цеплял на рабочую рубашку галстук-шнурок, завел привычку через день мыться. А в неиспользуемом отсеке сборочного цеха — его законсервировали, когда начался экономический спад, — потихоньку монтировали опытный образец драконьей лапы конструкции Гримпке.

Во время одного из своих походов в секцию А Джейн подобрала с пола обрезок зеленой кожи, выброшенный из отделочной мастерской. Там же она подтибрила обрывок толстой нитки и изогнутую иглу. Ночью она, воруя время у гримуара, смастерила Крутому повязку на глаз. Это оказалось не так просто, как она думала, так что под конец она обозлилась и не рада была, что начала. Но, когда она разбудила Крутого и сунула ему подарок, он так

растрогался и пришел в такой восторг, что ей стало стыдно.

— Вот это да! Здорово!

Он сел в кровати, содрал с головы тряпицу, на одно ужасное мгновение обнажив страшный шрам на месте, где раньше был глаз. Потом наклонил голову, надел повязку и снова стал прежним Крутым. Только улыбка теперь у него была кривая, словно он, стараясь шире растягивать рот с одной стороны, хотел уравновесить асимметрию верхней части лица. На повязку опускался заливчатый чубчик, как у настоящего пирата.

Он спрыгнул с койки:

— Где тут у нас зеркало?

Джейн покачала головой, посмеиваясь про себя; она тоже слегка заразилась его весельем. Зеркал в спальном корпусе не полагалось по соображениям безопасности.

Крутой сунул большие пальцы под мышки, растопырил локти, как крылья, и поджал, как цапля, одну ногу.

— Ну, Холстина, теперь берегись! Джейн забеспокоилась:

— Нет уж, ты, пожалуйста, с ней не связывайся, я тебя очень прошу!

— Не я же первый начал.

— Она теперь сильнее тебя.

— Это из-за ребят, потому что они ей верят. А сама по себе она — тьфу! Вот убью Блюгга, и весь мой авторитет вернется.

— Блюгга не убить.

— А вот увидишь!

— Даже слушать не хочу! Ладно, я пошла спать. И она ушла.

Но у нее было нехорошее предчувствие, что ее безобидный подарок послужит детонатором несчастья.

* * *

Джейн дежурила поблизости от кабинки Блюгга, на случай если

ему понадобится. Внезапно примчался Крутой и, подмигнув, сунул ей в руку гайку.

— Целка? — спросила она.

— А ты как думаешь? Я что, по-твоему, способен железяку трахнуть?

— Не груби!

Быстрым незаметным движением она сунула гайку под жилетку, во внутренний карман платья. У нее открылись незаурядные воровские способности, нужные жесты получались сами собой. Она сама удивлялась, как ей нравится воровать. Было какое-то мрачное упоение в том, чтобы, рискуя, избегать последствий.

* * *

Когда она вернулась из Замка, дети уже спали. Быстрыми привычными движениями она сбросила платье, скользнула под кровать, подняла отстающую доску. Ловко, как обезьянка, полезла вверх.

На крыше было холодно, ветер хлестал по коже. Посинев, вся дрожа, она сжалась в комок. Но Дама Луна послала ей силу терпеть холод. Собрав в одном усилии всю свою волю, Джейн вперила взор в лежащую на ладони гайку, полностью сосредоточившись на ней: ее размерах, весе, упругости, точном составе сплава.

Ничего не произошло.

Она подвинула гайку точно в самый центр ладони. Почувствовала ее тяжесть, холодок прикосновения металла, бледный луч луны на граненой поверхности, прочность узла на пропущенной в отверстие веревке. Она почти услышала щелчок, когда все, что она знала об этом предмете, все, что видела и ощущала в нем, сошлось воедино.

Я знаю про тебя все, подумала Джейн. Взлети.

Гайка, вращаясь, поднялась в воздух.

На Джейн нахлынула жаркая волна радости. Она понимала природу гайки и тем самым имела над нею власть. Предмет повиновался ей. Так будет и с драконом. Пока 7332-й молчал. Но он

нуждался в ней. Рано или поздно он позовет ее. Она будет готова к этому, она выучит наизусть все его характеристики. И еще до того, как они улетят, она будет знать его настоящее имя!

Он будет ей повиноваться.

— Что это ты тут делаешь?

Джейн испуганно обернулась. Из люка торчала голова Крутого. Он ухмылялся от уха. до уха. Джейн, вспомнив, что на ней ничего нет, тщетно пыталась прикрыться ладонями.

— Не смотри!

— А я уже все рассмотрел! — Крутой хихикнул. — Ну ты прямо как настоящая ведьма по крышам скачешь!

Он вытащил из-за спины одеяло и небрежно накинул на нее.

— Вот видишь! Я все-таки на твоей стороне.

— Опять ты с этими сторонами!

Джейн, покраснев, куталась в одеяло.

Крутой, стоя на цыпочках, тянулся к луне, будто собирался сорвать ее с неба. Худенький и высокий, он, как тростинка, вытянулся по ветру, почти слился с ним.

— А что, тут красиво, вид шикарный. — Он глянул на нее искоса. — Может, тебе будет легче, если я тоже разденусь? — И он взялся за пуговицы на брюках.

— Не надо!

— Ну как хочешь. — Пожав плечами, он снова застегнулся. Потом присел рядом с ней на пятки. — Джейн, я тут все думал, как сделать, чтобы ты снова ко мне хорошо относилась.

— Я к тебе очень хорошо отношусь. Крутой, ты это знаешь. — Джейн отодвинулась от него, но он, не вставая, подъехал ближе, так что расстояние между ними не изменилось.

— Я знаю, но ты не хочешь мне помочь. Ты обещаешь, но на самом деле не хочешь. Понимаешь, о чем я?

Она опустила глаза:

— Понимаю.

Крутой говорил тихо-тихо, будто речь шла о чем-то стыдном. Джейн еле разбирала его шепот.

— И вот я подумал... Может, мы скажем друг другу наши имена?

— Что?

— Ну ты знаешь... Ты скажешь мне свое, я тебе свое. В знак доверия, понимаешь? Если кто-то знает твое тайное имя, он тебя запросто может убить, вот так! — Он щелкнул пальцами.

— Крутой, я же человек!

— Ну и что? Мне все равно.

Он волновался. Она уже имела над ним власть, даже не зная его имени. У Джейн заныло сердце от жалости к нему.

— У меня нет тайного имени, — тихо сказала она.

— Черт!

Он подошел к самому краю крыши и долго-долго стоял, глядя вниз. Джейн стало страшно, но она боялась, что, если окликнет его, он упадет. Наконец он расставил руки в стороны, повернулся кругом и медленно пошел к ней.

— Я все равно тебе скажу.

— Не надо, Крутой!

— Меня зовут Тетигистус. Это значит «иголка». Он сложил руки на груди. Его лицо приняло безмятежное, мирное выражение, словно все его тревоги остались позади. Джейн почти позавидовала ему.

— Вот так. Теперь моя жизнь в твоих руках.

— Крутой, я прямо не знаю, что сказать!

— Слушай, ты же так и не объяснила мне, что ты тут делаешь.

Когда Крутой появился из люка, гайка упала назад на ладонь. Все это время Джейн сжимала ее в кулаке. Крутой разжал ей пальцы и взял гайку в руку.

— А, вот оно что! — Он посмотрел ей в глаза сквозь отверстие гайки. — Значит, вот она тебе зачем! Учишься командовать предметами с помощью их имен?

Джейн оторопело кивнула.

— Я... я случайно нашла гримуар...

— Да ну? Значит, это я внизу на него наступил? — Голос Крутого зазвенел от радости. — Так это же здорово! Теперь мы что захотим, то с Блюггом и сделаем. Хотим — кувалдой башку размоzzим, хотим — в расплаве утопим!

— Слушай, ну что тебе так дался этот Блюгг? Забудь ты о нем! Ну отомстишь — разве это поможет сбежать отсюда?

— А я вовсе и не хочу отсюда бежать.

— Но ты же говорил...

— Говорил, потому что ты этого хотела. С тех пор как я заболел... как глаза лишился, я все больше вижу, все яснее. Мне плевать, заперт я или на воле. Я такое вижу — ты себе даже представить не можешь! Для этого и слов-то нет! И предчувствия у меня тоже бывают... — Он нахмурился и торжественно, совсем не похоже на себя, произнес: — И я тебя предупреждаю! Ты во что-то впуталась. Чем больше будешь рваться, чтобы освободиться, тем больше будешь запутываться. — Он засмеялся и снова стал самим собой. — Но теперь мы работаем на пару! Сперва ты мне поможешь прикончить Блюгга, а потом мы сопрем карточку, и ты выйдешь на волю. Просто, ясно и прекрасно!

Джейн стало не по себе. Крутой с его затеями никак в ее планы не вписывался. 7332-й ни за что не позволит ей взять его с собой. Присутствие дракона чувствовалось каждую минуту. Весь завод, до самого дальнего уголка, был проникнут им. Даже здесь, на крыше, где чары луны ослабляли его влияние, она затылком чувствовала железную волю дракона.

— Нет, Крутой, не получится! Это детские фантазии.

— Ну, не надо так! Ты в плену, в сетях. Думаешь, это все, что вокруг, — настоящее? — Он протянул руку. — Давай я покажу тебе то, что вижу!

Она взяла его руку в свою:

— Покажешь? Но как?

— Ты же знаешь мое имя! Вот и воспользуйся им!

— Тети... Тетигистус! — неуверенно выговорила она. — Покажи мне то, что ты видишь.

* * *

Они шли рука об руку по тротуару. Уже стемнело. Была зима. Неубранный снег заледевел и лежал под ногами каменно-твердыми скользкими буграми. По сторонам улицы возвышались строения из камня и стекла, их верхние этажи, уходя ввысь, терялись в темноте. Горели огни, окаймляя бесчисленные витрины, мерцая в голых ветвях чахлах деревьев, выписывая громадными буквами слова на стенах. Слова были ей непонятны, но буквы странно знакомы. Мостовая была забита машинами, которые двигались как живые, но не разговаривали — только ревели их двигатели да гудели клаксоны.

— Где мы? — спросила пораженная Джейн.

Крутой молча пожал плечами.

Они шли дальше в толпе молчаливых теней. Никто не заговаривал с ними, не касался их. Они были как призраки среди призраков. В одной из витрин они увидели вечнозеленые деревья, усыпанные блестками и увешанные блестящими цепями и пряниками. Под елками были навалены груды игрушек: мишки с барабанами, машинки — миниатюрные копии тех машин, что ездили по улице, куклы в кружевных платьях, громадный плюшевый жираф в половину натуральной величины.

Все в этом зрелище было чуждо и непривычно Джейн, она никогда не видела ничего похожего, но какой-то отзвук, донесшийся из самых глубин души, сказал ей, что эта выставка чужих сокровищ каким-то образом причастна, как-то сродни миру ее давних воспоминаний, тому месту и времени, когда она была мала, счастлива, любима.

Она заплакала:

— Крутой, пожалуйста, я хочу домой. Он повернулся к ней, удивленный, но сразу выпустил ее руку.

Они снова были на заводской крыше.

— Ну вот! — Крутой поцеловал ее в щеку. — Теперь мы полностью доверяем друг другу.

Время шло все быстрее. События, теснясь, обступали Джейн, колеса судьбы набирали обороты. На следующий вечер, притворяясь, что забавляется игрушками, Джейн сжала в руке шероховатую медную пульку, которая была нужна дракону. Другой рукой, для маскировки, она замахала игрушечной волшебной палочкой, словно играя в фей. Она знала, что и госпоже Гринлиф, и старому эльфу больше всего нравится, когда она ведет себя как малый ребенок.

Повернувшись так, чтобы ее движение было незаметно, она быстро сунула пульку за пазуху. Болдуин обычно смотрел невидящими глазами в пространство, но, желая все-таки убедиться, что он не заметил ее проделки, она украдкой бросила на него взгляд — и ахнула.

Старика в качалке не было. Вместо него в воздухе висело светящееся яйцо. Оно еле заметно пульсировало, его поверхность переливалась бледной радугой. Джейн отшатнулась, боясь невесть почему, что яйцо слетит с места и кинется за нею в погоню.

Госпожа Гринлиф оторвала взгляд от кроссворда.

— Джейн, — сказала она с угрозой в голосе, — что-то не так?

— Нет-нет, госпожа Гринлиф, — поспешно ответила Джейн, — но эльфа уже повернулась к отцу. Ее рот принял форму громадного О, глаза едва не вылезли из орбит. Она стала похожа на рыбу. Джейн чуть не засмеялась.

Эльфа вскочила, журналы соскользнули с колен. Она схватила Джейн за руку, не замечая, что причиняет ей боль, и потащила из комнаты прочь.

Только когда дверь за ними плотно закрылась, госпожа Гринлиф повернулась к Джейн. Лицо ее побелело, губы сжались в узкую щелку.

— Ты ничего не видела, ясно? — Она потрясла ее за плечи. — Ничего!

— Ничего, сударыня!

— У нас старинная, очень уважаемая семья, и никаких сплетен о ней не ходило с... Куда это ты смотришь?

— Никуда!

Она боялась, что эльфа ее ударит. Но та молча отвела Джейн в гардеробную, хотя прошла только половина времени, отведенного для игры. Джейн натянула свою рабочую одежду, а розовое платье и кружевное белье, завернутые в бумагу, вернулись в шкаф.

Когда ее выставили на крыльцо, до прихода Блюгга оставалось не меньше часа.

— Завтра можешь не приходить, — твердо сказала госпожа Гринлиф и захлопнула дверь.

Блюгг на полчаса опоздал. Джейн ждала его, дрожа от волнения. Когда, наконец явившись, он увидел ее не в прихожей, как обычно, а на крыльце и потребовал объяснений, ей пришлось повторить прощальные слова госпожи Гринлиф. Блюгг откинул голову и завыл. Это был душераздирающий звук, исполненный сердечной муки и боли сокрушенных надежд.

Приведя в спальный корпус, он избил ее.

Глава 5

На следующее утро Джейн с трудом сползла с койки. В боку кололо. Одна нога совсем ее не держала, что-то там хрустнуло, когда Джейн попыталась на нее встать. Кое-как она дохромала до столовой. Утреннюю овсянку пришлось глотать левой стороной рта, в углу правой вздулась шишка размером с куриное яйцо.

Блюгг с первого взгляда оценил ее вид, мгновенно сорвал с нее курьерскую жилетку и швырнул Холстине. Та с готовностью нацепила ее и засемила за Блюггом к кабинету, горделиво вихляя задом.

Джейн впервые в жизни испытала, сама себе удивляясь и немного стыдясь, горечь утраты привилегированного положения.

А Блюгговы планы вовсе не рухнули с утратой мифической поддержки Болдуина. Дело продвинулось слишком далеко. Слишком многие честолюбивые руководители среднего звена поставили свой престиж на карту, чтобы позволить похоронить проект.

Наоборот, как ни странно, после того как госпожа Гринлиф выгнала Джейн, дело пошло быстрее. Образец лапы, над которым лениво ковырялись несколько недель и все никак не могли закончить, был в ударном порядке собран, отлажен и смазан. Жужелица, Ползун и Треглазка полный рабочий день терли и полировали ее поверхности, пока она не засияла как зеркало.

По ночам Крутой являлся в тайник и изучал гримуар. Он заставил Джейн найти ему главу о принципах конструирования лап и до боли в глазах всматривался в схемы, пока не решил, что нашел ту, которую использовал Гримпке для своей модели.

— Время поджигает, — сказал он. — Я тут видел Хоба, не одноногого Хоба, а бригадира жестянщиков, так он говорит, что сдача лапы через пять дней. Принимать будет очень крутая шишка из главной конторы. Старший проверяющий экспертного бюро. — Крутой почти пропел эти слова, он любил громкие титулы.

— Говорят, Блюгг землю носом рыл, чтобы залучить его сюда, и теперь они там носятся как угорелые, чтобы все подготовить.

— Крутой, брось ты все это, — шептала ему Джейн. Они вдвоем

сидели в тайнике, и, хотя она была полностью одета, ей было неловко, потому что пришлось тесно прижаться друг к другу. — Поднять на Блюгга его же механизм? Ты не справишься!

— Еще как справлюсь! — Крутой дрожал, то ли от холода, то ли от радостного возбуждения. — Только представить себе, как вонзятся в жирного поганца титановые когти! Да как сомкнутся! Да помедленнее, чтобы он успел в штаны наложить. А потом... Ох, хорошо!

— Ты что, думаешь запомнить все эти цифры за пять дней? Тут же семь страниц!

— Успею, — разом помрачнев, сказал он.

Он склонился, нахмурясь, над цифрами. Его лицо было еле видно в бледно-серебристом свете, шедшем от рун. Джейн знала, как трудно то, что он затеял. Ей самой пришлось умерить свои амбиции и вместо полного контроля над всеми системами дракона ограничиться основными функциями управления.

— Да ты и читать-то не умеешь!

— А вот и умею!

— Ну что тут написано? — Она ткнула пальцем в руны, означающие «сопротивление 3,2 ома».

— Слушай, мне не обязательно понимать эти закорючки. Мне надо их запомнить. Я их вижу не хуже тебя и могу запомнить, как картинку.

Крутой поставил себе невыполнимую цель. Джейн плюнула и пошла спать, радуясь, что хоть раз выспится. Она не сомневалась, что Крутой сдастся после ночи бесплодных усилий. В крайнем случае после двух ночей. И тогда она сможет продолжать собственные занятия.

Но он не сдавался. Он просидел над гримуаром всю эту ночь, и следующую, и еще три ночи подряд. Джейн возмущалась про себя. В конце концов, это была ее книга, нужная ей самой. Крутой не понимал намеков, не слушал упреков, а когда она наконец потребовала в открытую, чтобы они читали гримуар по очереди, только отмахнулся.

С ним невозможно было разговаривать, он был как одержимый.

Накануне предполагаемого визита высокого начальства детей потащили в умывалку и заставили вымыться в корыте, хотя была только середина недели. Их загоняли в ванную по одному. Холстина придирчиво осматривала девочек, тыча жесткой щеткой на длинной ручке в те места, куда им самим было трудно дотянуться. Блюгг развлекался, наблюдая.

Когда дошла очередь до Джейн, Холстина замахала своей щеткой с особым пылом. Она явно пыталась что-то доказать Блюггу, но что — Джейн не понимала.

— Ну шевелись, шевелись, раздевайся! Быстро, быстро! — покрикивала Холстина.

Джейн, стараясь не смотреть на Блюгга, разделась и неловко залезла в корыто. Она в основном оправилась от побоев, но синяки еще цвели всюду, черно-желтые с фиолетовым, как грозовые тучи. Вода в корыте еще не совсем остыла, мыльные хлопья плавали по поверхности.

— Да ты обделалась, свинья!

— Нет! — невольно закричала Джейн.

— Как нет? А это что? А это? — Холстина тыкала жесткой щеткой ей между ног. Больно было до слез. Джейн, расплескивая воду, прижалась к дальнему краю корыта, но Холстина и там доставала ее, царапая кожу тычками жесткой нейлоновой щетины.

— Все, хватит! — Она бросила Джейн грязную тряпку. — Вытирай свою грязную рожу!

Одеваясь, Джейн украдкой подняла глаза и поймала странный взгляд, которым обменялись Холстина и Блюгг, как заговорщики. Она не понимала, что этот взгляд значит, но чувствовала, что он насыщен каким-то зловещим смыслом.

Во время завтрака по лицу Крутого блуждала болезненная улыбка. Руки у него дрожали, глаза смотрели в никуда. С тех пор как

он начал проводить ночи в тайнике, он выглядел еще более усталым, измученным, бледным, чем всегда. Но в это утро в нем ощущался какой-то непривычный приток энергии, мышцы его подергивались, словно под действием электрического тока.

— Крутой! — тихонько позвала Джейн. Кроме нее, никто не замечал, в каком он состоянии. Головы у всех были заняты приездом начальства. — Ты не переживай, если не... — Договорить она не смогла.

— Вот и пришел этот день. — Его зубы блеснули в загадочной, страшноватой улыбке. — Знаешь что? Я все Ходулин голос слышу. Он вроде как не умер, понимаешь, а прячется где-то в тени или у меня в голове. Думаю, он сегодня порадует. Это все ради него.

— Да, но если...

— Тихо! — Он подмигнул и приложил палец к носу. Неслышным кошачьим шагом подошла Холстина и приказала построиться.

— Как жизнь молодая, Холстусечка?

— О себе заботься! — Она схватила его за ухо и крутанула. — Чтоб вел себя как положено, а то мало тебе не будет, болван!

Крутой отдернул голову и отвел глаза, но, когда она отошла на несколько шагов и уже не могла оглянуться без потери достоинства, громко прошептал:

— Фу-ты ну-ты, прямо Блюгг номер два! У Холстины слегка напряглась спина, но она, не оглядываясь, пошла дальше.

* * *

А по пути на работу с ней случилось несчастье. Дети как раз шли мимо смоловарни. Холстина подскочила к Крутому, чтобы выровнять строй, и тут кто-то толкнул Колючку, она, не удержавшись, налетела на Холстину, та от неожиданности зашаталась, поскользнулась, взмахнула руками — и влетела головой в бочку с горячим дегтем. Когда она выпрямилась, вид у нее был как у пугала. Черный блестящий деготь густо облепил ей лицо и волосы.

Дети засмеялись.

— А ну, молчать! — заорала Холстина. — Молчать, молчать, молчать! — Рот ее смешно открывался и закрывался на черной физиономии. Она отчаянно терла руками глаза.

Блюгг разъярился:

— Убирайся сейчас же! Дубина стоеросовая! Немедленно в ванную и чтоб отскоблила это! Чтобы к полудню оттерла, хоть вместе с кожей!

— Я не виновата! — заныла Холстина. — Это все...

— Пошла вон! — Блюгг огляделся и упер толстый палец в Крутого. — Ты! Беги на склад, получи курьерский жилет, да новый возьми, самый лучший! Видит Цернунн, ты не ахти что, но авось сойдешь как-нибудь!

— Так точно, сэр, слушаю, сэр! — Крутой дернул себя за чуб и склонил голову, чтобы скрыть торжествующую улыбку.

* * *

Это был самый длинный день в жизни Джейн. Хотя работы им никакой не давали — работу они могли делать лишь грязную, а пачкаться им было нельзя, — их гоняли туда-сюда, то строили, то разбивали на группы, и напряжение не ослабевало все утро и большую часть дня.

Наконец, когда день уже начал клониться к вечеру, приехал инспектор.

Высокопоставленный эльф шествовал по заводу, гоня перед собой волну страха; трепет ожидания витал в воздухе. Не было никого, от кобольдов, домовых и кикимор до самого распоследнего чертенка и какого-нибудь беспятого анчутки, кто не знал бы, что завод удостоился посещения главного инспектора. Облако света разливалось по помещению за секунду до того, как он туда входил, заставляя всех бросить работу и повернуться к двери.

И вот он появился на пороге сборочного цеха.

Инспектор был высокий и величественный, в итальянском костюме и шелковом галстуке, с белым цилиндром на голове. Лицо с квадратной челюстью сияло сверхчеловеческой красотой. Волосы и

зубы были великолепные. Начальника сопровождали два тильвиттега в высоких чинах. В руках они несли кейсы, начиненные электроникой. Замыкал шествие эксперт-оценщик из главной бухгалтерии. У этого была голова стервятника.

Блюгг стоял, гордо выпрямившись, в ряду встречающих управленцев. Он так надраил себе физиономию и рога, что они светились. Сбоку и чуть позади красовался Крутой в жилетке, участник его торжества. Маячил поблизости и Гримпке. Он нервно улыбался, сутулился и потирал руки. Когтистая, внушительных размеров лапа возвышалась в центре помещения.

Рабочие выстроились вдоль стен, рассортированные по профессиям и размерам, как инструменты в витрине. Дети испуганно вытянулись за спиной своего надзирателя. Холстина, багровая от злости, стояла во втором ряду. Ей пришлось обкарнать себе волосы, чтобы избавиться от дегтя. Куцые вихры неряшливо торчали во все стороны, так что для первого ряда она не годилась.

Крутой повернулся и посмотрел внимательно сперва на Холстину, потом на Джейн. Неуловимым движением он распахнул на груди рубашку. И так же быстро ее запахнул; на мгновение мелькнул зажатый за пазухой белый прямоугольник.

Это была карточка Блюгга.

Джейн уже знала, что Крутой собирается ей сказать, и, когда он беззвучно зашептал, она легко прочла по губам:

Пойдешь со мной. Она покачала головой.

Он протянул к ней руку:

Мы маленькие, мы пройдем по одной карточке. Она отдернула пальцы:

Нет! Крутой поднял бровь. Глаз его налился холодным светом. Он отвернулся.

Крутой стоял, глядя прямо перед собой, спокойный и невозмутимый.

— А что это? — прошептал Малый Дик. — Что у Крутого под рубашкой? Жужелица подхватила:

— Да, что это у него там?

— А ну, заткнитесь! — прошипела Джейн уголком рта. Троль в белоснежной рубашке повернулся и посмотрел на них. Они поспешили сделать невинный вид.

Но Джейн все видела, она все поняла. Холодный блеск в глазу Крутого принадлежал не ему. Это сиял драконий свет, это разум 7332-го действовал в его теле. Дракон овладел им, превратил в свое орудие, собирался использовать его для собственных непостижимых целей.

Не надо, пожалуйста, ну не надо, молча твердила Джейн. Не надо. Крутой, не позволяй управлять собой! И дракона она просила: не надо, не заставляй его это делать! И молила Богиню: не надо! Останови время, прекрати движение, пусть застынет мир, пусть солнце остановится, но не дай этому произойти!

Все ее чувства обострились, и теперь она ясно ощущала злое драконье присутствие, разлитое в воздухе и всем управляющее, объемлющее всех, как враждебный океан. По напряженной спине Крутого ей было ясно, что он не отрываясь глядит на лапу. Теперь, когда было слишком поздно, она поняла, что ночи, проведенные над гримуаром, отдали Крутого во власть дракону, позволили 7332-му полностью подчинить его себе.

Директор завода поздоровался с инспектором за руку и представил ему главного бухгалтера. Эльф грациозно прошелся вдоль шеренги встречающих. Он пожимал руки, твердо глядел всем в глаза, кое-кому улыбался, некоторых похлопывал по плечу.

Церемония продолжалась долго, торжественно, как священный обряд. В какой-то момент Крутой подал Блюггу папку с документацией. Блюгг почтительно вручил ее эльфу, эльф отдал старшему из тильвит-тегов, тот сунул младшему, и наконец она попала эксперту из бухгалтерии, который небрежно засунул ее под мышку. Ползун нервно зевнул и получил тычок в бок от Холстины.

Наконец все обратились к лапе, как будто впервые ее заметили. Гримпке отвинтил щиток, представив на всеобщее обозрение сложную систему необычных механизмов. — Ты гляди, ну ваще, — бормотал он, — работа ювелирная, в натуре, секешь?

Кое-кто из директорского окружения забеспокоился, но лицо инспектора сохраняло благосклонную улыбку.

Гримпке сунул внутрь руку, показывая, как плотно лапа

начинена аппаратурой. Между пальцами у него блеснул столб света.

Он закричал.

Над лапой поднялся сноп ослепительных лучей и поглотил тех, кто столпился вблизи. Лица, костюмы растаяли в этих лучах, растворились, исчезли. Белый цилиндр со стуком упал и покатился по полу. Все вздрогнули. Всколыхнулось пламя. Воцарилась абсолютная тишина.

И тут мир раскололся.

Волна горячего воздуха ударила Джейн в лицо, словно в нее бросили подушкой. Она отступила. Зазвенело в ушах, и она оглохла. Ей показалось, что она разрывается на части, так много образов возникло перед ней сразу: вот тильвит-тегов охватывает пламя, они бегут, падают, вот кто-то из великанов, не очень крупный, корчится в припадке неодолимого, истерического смеха, вот что-то обрушивается с потолка, летят куски горящих бревен, обломки штукатурки, отваливается пластами краска.

Весь цех окутали клубы серого дыма с прослойкой черной копоти от горящего пластика. Завыли сирены.

Под дождем сверкающих искр неподвижно стоял Блюгг, как скала среди бушующего моря. Но, когда сноп света прошел сквозь него, он медленно поднял руку, словно указывая путь, и рухнул, рассыпавшись кучей серого пепла.

На детей посыпались горящие обломки дерева. Завизжала Холстина. Несколько щепок вонзилось ей в лицо, чудом не попав в глаза. Все прыгали, извивались, словно в какой-то мучительной пляске, и, стряхивая искры, хлопали себя по бокам.

Джейн не видела никого из них. Ее глаза — как ей казалось, давным-давно, с начала времен, — смотрели на одного Крутого.

На стене у выхода висела серая металлическая коробка. Это был сторожевой механизм, уменьшенный и упрощенный вариант Часохрона. Безликий и безглазый, он не был ни слеп, ни безвластен.

Крутой, тоненький, весь какой-то плоским, словно клочок бумаги, скомканный и выброшенный за ненадобностью, лежал на пороге. Над грудью вился дымок. Никто, кроме Джейн, не заметил ослепительную вспышку, вырвавшуюся у него из-под рубашки, когда он, пересекая порог, проходил мимо серой коробки. Это вспыхнула

Блюггова карточка. Джейн видела эту вспышку, видела, как выгнулось его тело, пронзенное беспощадной силой, слышала короткий, сразу оборвавшийся крик, похожий на жалобу ночной птицы.

Она смотрела и смотрела на Крутого. Он был мертв.

* * *

Дети инстинктивно сбились в кучу. Вокруг бушевал пожар, раздавались вопли и резкие выкрики команд. Холстина проговорила, еще не веря:

— Блюгг умер.

— И Крутой, — добавил невидимый мальчик-тень. — Они вместе ушли в Спиральный дворец.

Дети умолкли. То, что две эти судьбы переплелись под конец, поразило их.

— Что же нам теперь делать? — спросила Колючка. Она умоляюще смотрела на Холстину. Но Холстина молчала, она была напугана и потрясена не меньше других. Лицо ее было бело как снег и в крови от вонзившихся в кожу щепок. Хорош командир, мрачно подумала Джейн.

Мимо проковылял один из надзирателей, с ослиными ушами и в порванной белой рубашке. Проходя, он брал каждого за плечо, словно нуждался в опоре.

— Оставайтесь на месте, — сказал он детям. — Сейчас придут из отдела безопасности, вас допросят.

Надзиратель исчез в дыму.

И тут дракон оказался у Джейн внутри, наполнив ее силой и решимостью.

— Становись! — рявкнула она. — Стройся! Шагом марш!

Они безропотно повиновались.

Джейн вывела их из цеха и повела через двор. К сборочному продолжала съезжаться спасательная техника. Гудели санитарные машины. Вспыхивали прожектора. Смердело горелым пластиком.

Грузовики беспокойно шевелились в гаражных отсеках, тревожно переговариваясь механическими голосами. Дети прошли строевым шагом сквозь весь этот хаос, никто их не остановил.

Джейн привела их в пятый корпус. Самые маленькие все еще кашляли. Тех, кто тихонько всхлипывал и шмыгал носом, она не трогала, но, когда Зобатка завывала в голос, Джейн ударила ее по щеке. Та замолчала.

У лестницы, ведущей в спальню, Джейн шагнула в сторону и пропустила их мимо, подгоняя толчками в спину. Когда последний — это был, конечно. Ползун

— прошел, она сорвала со стены у Блюгговой двери аптечку.

Первым делом надо было перевязать пострадавших. К счастью, мало кого из детей ранило, большинство были просто напуганы. Когда она подошла к Холстине, та очнулась от оцепенения и принялась ныть:

— Что у меня с лицом? Что со мной будет?

— Уродом станешь, — сказала Джейн, — если я не вытащу эти щепки. Заткнись и не мешай.

Она сделала все, что могла, хотя не было никаких инструментов. Несколько мелких заноз так и осталось под кожей, но это уже было не страшно. Самым взбудораженным, кто никак не мог успокоиться, она дала снотворного, а после всех отправила спать.

Теперь она стала их командиром.

Ненадолго, если это будет зависеть от нее.

* * *

Когда все наконец заснули, Джейн залезла на крышу посмотреть, что творится вокруг. Трубы извергали столбы дыма и искр, пожарные машины сновали туда-сюда. Гибель такой важной персоны, как инспектор, подняла на йоги весь завод. Суетились все — другой вопрос, был ли в этом какой-нибудь толк.

Мало-помалу восстанавливался порядок. По двору прошло шествие старших магов, оставивших свои лаборатории. Одетые в оранжевые защитные костюмы, они размахивали кадилами и

курильницами, распространяющими радиоактивные изотопы, и бормотали заклинания, наполняющие воздух ужасом. Там, где они проходили, на земле оставались светящиеся линии, синие, красные и желтые. Эти линии, прямые и замкнутые, скрещивались, пересекались, сходились и расходились, напоминая электросхему, начерченную безумцем. Непонятно было, как разобраться в этом сплетении. Магам это и не удалось — ни одна линия не привела их к 7332-му.

Джейн наблюдала с крыши до поздней ночи, боясь, что они доберутся до дракона. Заметить ее крохотную фигурку было непросто, а если бы кто и заметил, подумал бы, что это охрана.

Луна опустилась совсем низко, когда 7332-й наконец позвал Джейн.

* * *

Джейн спокойно слезла с крыши, взяла гримуар, рубин, медную пульку, оделась. Спустилась по лестнице, отперев спальню Блюгговым ключом, и не оглядываясь пошла к дракону. Она шагала по двору, не делая никаких попыток укрыться, не опасаясь, что ее заметят. Она не боялась больше заводской охраны. Пусть об этом беспокоится 7332-й.

На сортировочной огромные драконы расступились, пропуская ее. Гордость не позволяла им рассматривать Джейн в упор, но многие бросали взгляды украдкой, искоса, сохраняя выражение высокомерного бесстрастия. Габаритные огни, красные, зеленые, белые, светились, обрисовывая контуры громадных тел.

Джейн дошла до 7332-го и поднялась по лесенке. Она двигалась свободно, как невидимка. Когда она оказалась в кабине, загорелся неяркий свет. Никакого защитного камуфляжа сегодня не было. Дверь захлопнулась.

— Ты убил его! — сказала она.

Из сумрака машинного отделения раздался голос. Он был спокоен, но все-таки слегка напряжен.

— Мне надо было отвлечь службу безопасности, чтобы успеть закончить приготовления. Что тебе за дело, что пролилось немного

эльфийской крови?

Ответ казался бессмысленным. Потом до нее дошло, что 7332-й говорит об убийстве инспектора.

— Я про Крутого! Ты использовал его! Это ты заставил его украсть карточку. Ты знал, что будет, когда он попробует с ней пройти! Ты хотел замести следы!

— Ты про мальчишку? — с недоумением спросил дракон. — Да что в нем особенного? Я тебе достану таких сколько хочешь! — И он мягко приказал: — Садись! Пора из тюрьмы на волю. В небо!

Джейн покорно села, позволив креслу обнять ее. Взялась за черные рукоятки, повернула левую на четверть оборота. Игла вошла в запястье. Преобразились чувства. Она глядела глазами дракона. Ощущала его рецепторами, как холодный ветер обвеивает железные бока. Она была уже не только собой, но и частью громадной машины. Ей было хорошо.

— Подать горючее! — приказала она.

— Вот это разговор!

Забурлило горючее, нагнетаемое к турбинам электромоторами. Пронзительно заревел гудок, все громче и громче, пока этот звук не вытеснил прочие ощущения. Если бы не наушники, Джейн бы наверняка оглохла.

— Все готово. Вставляй ключи, — сказал 7332-й. Джейн пощелкала выключателями, проверяя исправность навигационных систем.

— Не трать времени, — прорычал дракон, — вставляй ключи!

Внезапно загудел, завыл тревожно низкий механический голос, к нему присоединился другой, потом еще и еще. По всему заводу оглушительно ревели сирены. К ним присоединились другие голоса, потише, но более резкие. Киберпсы! Это могло значить только одно — их обнаружили. Должно быть, когда горючее устремилось к двигателям, начерченные магами силовые линии запылали, словно неоновые трубки.

— Быстро! — сказал 7332-й. — Нас обнаружили. Рубиновый кристалл и пулька-орех лежали у Джейн в кармане юбки. Они давили на бедро, ей было неудобно сидеть. Но она не шевельнулась, чтобы

достать их.

— Скажи мне свое имя!

В дальнем конце двора появился тролль-охранник с горящими глазами. За ним шли другие, чернея на фоне холодного неба. Каждый вел пять или шесть киберпсов, рвущихся со своих титановых поводков. — Они уже здесь. Сейчас или никогда!

— Твое имя! — повторила она.

Спущенные с поводков киберпсы кинулись, заливаясь лаем, к дракону. Самый быстрый, добежав, гулко стукнулся о его бок и вонзил в него алмазные клыки. Джейн, деля с драконом его ощущения, почувствовала, как зубы вонзаются в ее собственную плоть, и закричала от боли.

В голосе дракона слышалось отчаяние:

— Если мы не взлетим немедленно, они нас возьмут. Он стряхнул пса, тот отлетел далеко в сторону. Но к ним уже бежали другие.

— Возьмут так возьмут!

Псы яростно наскakивали на дракона. 7332-й изогнулся им навстречу, поднял лапу, чуть не выбросив Джейн из кресла. Его двигатели стучали и дребезжали, но взлететь он не мог. Тролли отрывисто выкрикивали команды. 7332-й убавил напряжение в рецепторах, чтобы снизить чувствительность. Заодно с ним и Джейн почувствовала, что ее тело немеет. Но псы уже вгрызались в бока, уже разрушали корпус.

— Ключи!

Джейн ждала. Они с драконом так слились в ощущениях, что уже трудно было отличить, где она и где он. Джейн не сомневалась, что ему понятно: она не блефует. Без имени, без власти, которую даст ей его имя, она не позволит ему взлететь.

— Меланхтон, сын Мелхесиаха, сына Молоха! — проревел дракон.

Его гнев взметнул вокруг Джейн призрачное пламя. Ей опалило ресницы. Всем своим существом она знала: дракон сказал правду.

Она схватила гримуар, быстро перелистнула страницы, нашла

командные коды и начала читать:

— Рекурвор! Рекусамор! Двигатели вздрогнули и заревели.

— Рекуссус! Редаксандо! Редактамос! Она вставила на место кристалл.

— Редадим! Редамбулес! Редамнавит! Дракон содрогался от сдерживаемой силы. Она вставила в гнездо медную пульку и повернула на четверть оборота правую рукоятку. Иглы глубоко вонзились в оба запястья.

— Лети!

— Ты будешь гореть в адском пламени за это унижение! — пообещал дракон. Знакомые картины ужасов войны промелькнули у нее в мозгу. — Я сам, собственными лапами, скормлю тебя Тейнду.

— Заткнись! Лети!

Они пошли на разгон. Асфальт заскрежетал под их тяжестью, когда дракон набирал скорость. Крылья его поднялись, развернулись, оттолкнулись от воздуха. Псы отлетели в стороны. Джейн истерически хохотала, и, к ее удивлению, дракон хохотал вместе с ней.

Он поднялся в воздух.

Корпус его чуть подрагивал. Скорость росла. Заводские стены сначала медленно плыли навстречу, потом понеслись, потом промелькнули внизу, устрояюще близко. Завод остался позади. Они набирали высоту.

Последний из страшных псов разжал наконец алмазные челюсти и с жалобным тывканьем полетел вниз, к своей смерти. С какой-то отдаленной контрольной башни радиоволны донесли бесстрастный эльфийский голос: «Вы нарушили воздушную границу индустриальной зоны, немедленно отключите все автоматические системы».

На всех частотах гремел боевой клич Меланхтона. Он заглушал все коммуникации, выводил из строя радары, пронизывал атмосферу мощным ионным потоком. Далеко внизу со станций гражданской обороны в воздух поднимались грозные боевые машины.

Но было слишком поздно.

Насмеявшись до слез, Джейн заплакала. Она не могла не думать о Крутом, ей все виделось его маленькое беззащитное тело, неподвижно лежащее на пороге цеха. Ее раздирали противоречивые чувства, она не могла разобраться в их сумятице, не могла отделить себя от дракона. Но все это было неважно. Чувства дракона были не сильнее, не острее, чем у нее.

Ее охватил прилив счастья.

Они парили в невообразимой небесной высоте.

Глава 6

Джейн, изображая лесовицу, жила в чахлой рощице за насыпью, в доме, который постороннему взгляду показался бы вросшим в землю, полуразломанным и проржавевшим драконьим остовом. Окна его были затянуты стальными щитами, а двигатели, по всей видимости, навек заглохли в незапамятные времена.

Она была немногословным подростком в ранней поре взросления и к тому же очень хорошенькая, хотя сама этого и не знала. Живя в драконьей кабине, она вся пропиталась запахом холодного железа, и, вообще-то говоря, следовало ожидать, что о ней немало будут судачить по соседству. Но ничего подобного! Соседи, когда вообще вспоминали о ней, представляли себе скучное, зауряднейшее создание, лесную шишигу, живущую рядом с ними невесть с каких пор.

Такова была сила драконьего внушения. Только они с 7332-м знали, что она человек и живет тут всего несколько коротких месяцев. В будние дни по утрам окрестности оглашались звоном школьного колокола, зовущего детей в классы. Те выскакивали — кто из дупла, кто из пещеры, кто из дверей коттеджа

— и мчались на зов, сбегая по косогорам и перепрыгивая ручьи. Сила, влекущая их к источнику знаний, не имела ничего общего с их собственными желаниями.

Однажды утром, распахнув дверь, Джейн увидела, что пришла весна. Промерзшая земля оттаяла, стало слякотно, и восхитительный запах жирного суглинка наполнял воздух. Древесные почки еще не начали распускаться, ветви оставались голыми и черными, но в пучках пожухлой травы уже проблескивала свежая зелень — это пробивались молодые листья. Выбивался из сил крошка мерион, таща в гнездо круглую цинковую прокладку.

У самой драконьей лапы расцвел крокус. Джейн спрыгнула с лестницы и присела на корточки рядом с цветком. Она не дотрагивалась до него, просто смотрела. Нежно-белые, почти прозрачные, лишенные запаха лепестки трепетали от ее дыхания.

Это была свобода. Мелочь, кажется, — задержаться на минутку, полюбоваться цветком, но никто ее такое делать не заставлял, и уже

одно это было даром, счастьем, отдыхом для души.

Колокол загудел снова. У Джейн напряглись ноги.

Она резко вскочила. Поглубже нахлобучила широкополую шляпу, сунула руки в карманы просторных брюк. Куртку застегивать не стала.

Нет, день сегодня слишком хорош для того, чтобы спешить! Борясь изо всех сил с желанием перейти на бег, она неторопливо спустилась по насыпи.

Она даже насвистывала песенку. Нельзя было удержаться!

* * *

И даже когда, добравшись до двора школы, она увидела, что он пуст, двери плотно закрыты, а по футбольному полю крадется собака-трупоед, ощущение тепла и счастья не покинуло ее. Она собиралась съездить сегодня с Крысобоєм в Торговый двор — он обещал показать, как можно обокрасть автобусную кассу. И только когда она вошла в кирпичное здание школы, внутри у нее потемнело. Мрачные стены коридоров отзывались еле слышным угрюмым эхом, отзвуком боли и скуки. И тоскливо жужжали люминесцентные лампы.

Из глубины дома раздался пронзительный вой страшного создания, живущего в директорском кабинете. Ей стало тошно, словно кто-то провел острым когтем вдоль позвоночника.

Она ссутулилась, сжалась и поспешила в класс.

Когда она вошла. Кошкодав раздул, как жаба, свои жирные щеки.

— Кого я вижу! Мамзель... — он скосил глаза на список класса, прикнопленный к бортику учительского стола, — Олдерберри, да неужто вы нас удостоили чести своего посещения? И всего-то на шесть минут опоздали! Прелестно! А не сообщите ли вы классу, какое важное дело вас задержало?

Джейн покраснела и опустила глаза.

— Я... я смотрела на цветок, — пробормотала она. Кошкодав приложил к уху ручищу, согнул ноги в коленях и наклонился к ней, растопырившись.

— Как вы изволили сказать?

— Цветок!

— О, понимаю! — Он смотрел так напыщенно и серьезно, что за партами тут и там стали хихикать. — Вы, стало быть, предавались поэтическому созерцанию этих очаровательных созданий природы...

Теперь уже, глядя на Джейн, смеялся весь класс.

Она чувствовала, что Кошкодав на цыпочках подкрадывается к ней сзади той преувеличенно осторожной походкой, к которой он прибегает, когда хочет посмешить задние парты. Кошкодав воображал, что у него великий актерский дар, и часто хвастался ученикам, что он самый яркий, талантливый и вообще лучший учитель в школе.

— Но, дорогая моя мисс Олдерберри, неужели вы не знаете, что цветком не насладишься, пока его...

Он был у нее за спиной, дыша кислой вонью в ухо. Джейн знала — ведь он не раз проделывал это с другими, — что голова его сейчас наклоняется, острый подбородок опускается все ниже и ниже, вжимаясь в жирные складки шеи, пока и подбородок и рот с хитрой улыбкой совсем не погрузятся в океан жира, и на безротом лице останутся только круглые, пыльные стекла очков, излучающие злой серый цвет. Она знала, что сейчас будет, и знала, что если она взбунтуется и не допустит этого, то ее в наказание оставят в школе после уроков и она не попадет в Торговый двор, а может быть, еще хуже, ее пошлют в директорский кабинет, где она узнает, каково взглянуть в глаза василиску. Она зажмурилась, готовая к унижению.

— ...не сорвешь!

Он сунул руку ей между ног, ухватил. Невольно пискнув, будто цыпленок, она неловко дернулась, вырываясь. Весь класс катался, все визжали, задыхаясь от хохота, словно он в первый раз проделывал перед ними такую шутку.

— Садись на место, Джейн! — строго сказал Кошкодав. — Нам надо заниматься делом, а ты всех отвлекаешь своими глупостями.

Она медленно пошла к задним партам, где полагалось сидеть отстающим. Ее место было рядом с Крысобоєм.

У нее не было здесь друзей, класс сливался для нее в

неразличимую массу странных созданий, коварных и злых. Но даже если бы она знала их всех, она все равно выделила бы Крысобоя, так не похож он был на остальных. Сквозь копну спадающих на лицо, растрепанных, похожих на ворох сена волос горели красные огоньки маленьких глазок, и хитрая улыбка кривила рот. Руки были слишком вытянутые и тонкие для его оплывшего тела, но, если к этому привыкнуть, становилось видно, насколько они красивы. Пальцы были такие длинные и такие удивительно гибкие, что могли дважды обвиться вокруг бутылки с кока-колой.

Она села на место. Крысобой отвернулся.

Лицо Джейн исказилось и напряглось. Руки ухватились за крышку парты так крепко, что ногти побелели. Потом она решилась. Дождавшись, когда Кошкодав отвернется к доске и возьмет в руки мел, она ткнула Крысобоя пальцем в бок.

Те, кто сидел поблизости, заметили это и захихикали. Кошкодав обернулся. Но Джейн приготовилась. Руки она успела убрать за спину, а выражение лица не было ни виноватым, ни слишком невинным, но как раз в меру угрюмо оборонительным. Сбитый с толку Кошкодав отвернулся к доске.

Крысобой удалось подавить восклицание. Одна из дриад, дева сирени, поймав взгляд Джейн, улыбнулась ей. Джейн ответила на улыбку легким кивком и раскрыла учебник.

Она погрузилась в занятия.

Настал обеденный перерыв. Джейн нерешительно стояла посреди столовой с подносом в руке, ища глазами свободное место. Не было смысла садиться рядом с гномами, карлами или мальчиками-с-пальчик, даже если бы она и втиснулась за их маленький столик. Малый народец не любил чужих, хотя и между собой у них были не безоблачные отношения. С хульдрами, вурдалаками и мымрами тоже рядом садиться не стоило. Лучше всего было бы сесть в углу и чтобы рядом было свободное место. С другой стороны, ей не хотелось показаться гордячкой. Пожалуй, лучше выбрать место между двух компаний. Если ни на кого не смотреть, они тоже не обратят на нее внимания.

Наконец, не найдя ничего лучшего, она уселась рядом с Крысобоем.

Крысобой разговаривал с высоким мальчиком по имени Питер-с-

холма. Джейн знала его, на некоторые предметы они ходили оба. На Питере были варенки и джинсовая куртка с рекламой туристской компании «Волшебный рог эльфа» на спине. Он был бледный, худощавый, аккуратно причесанный. Когда Джейн села, он посмотрел мимо нее и спросил в пространство:

— Это еще кто? Джейн сжалась.

— Она со мной, — бросил Крысобой. — Годится?

— Да ладно! — Питер пожал плечами. Джейн ела молча, не решаясь вмешаться в их разговор. Они говорили о машинах — Питер, кажется, был старостой в учебных мастерских, — о сложных переживаниях ферропроцессоров, о выкрутасах электродрели, которой было сто лет в обед, пора бы уж ее усыпить и завести новую. Джейн слушала затаив дыхание. Ее учебный план предусматривал только теорию машин и механизмов, и она завидовала мальчишкам, у которых была производственная практика.

Когда она, покончив с едой, собирала на поднос тарелки, Крысобой небрежно спросил:

— После уроков как договорились? Она кивнула и убежала.

* * *

Джейн сильно отставала от сверстников и по этой причине обязана была каждый день после обеда ходить к бледнолобому на двухчасовые дополнительные занятия. Бледнолобый был тощим и долговязым существом в бежевых шароварах, белой рубашке и тряпичных кедах. Кожа у него была такая же бесцветная и тусклая, как и одежда, а в глазах ни искры жизни.

Он, как обычно, не поднял глаз, когда она вошла, и продолжал неподвижно сидеть на деревянном стуле, сложив руки на коленях, спиной к доске, устремив глаза в никуда.

— Здравствуйте! Я пришла на допзанятия. Бледнолобый посмотрел на нее и вяло кивнул. Медленно, с неподвижным лицом, он взял книгу, открыл, перевернул страницу, потом опять пролистнул назад.

— Есть в небе три звезды, — прочел он, — обращающиеся вокруг Юпитера, и их неправильные орбиты влияют на зодиакальное

положение этого гиганта в его величавом двенадцатилетнем странствии вокруг Солнца.

Он тихо и ровно бубнил без всякого выражения, и Джейн изо всех сил заставляла себя сосредоточиться и вникать в смысл его слов. Она знала, что если позволит себе хоть на минуту отвлечься, то потеряет нить урока безвозвратно и ее мысли под монотонное гудение улетят далеко-далеко. А бледнолобому это было совершенно все равно. Вырванный из лесной чащи, своей естественной среды обитания, он стал таким истощенным, расслабленным и вялым, что его как бы и не было. В нем совершенно не осталось жизненной силы и энергии, присущей живым существам.

Не прерывая лекции, он вытащил из мятой лачки раскрошившуюся сигарету, расправил ее двумя пальцами, сунул в рот и зашарил по карманам в поисках спичек.

Джейн вздохнула про себя. В окно ей был виден далекий лес, окаймляющий край горизонта. Она вспомнила Крысобоя и обещанный поход в Торговый двор.

Но она дала дракону слово, что будет учиться. 7332-й предоставлял ей крышу над головой, защиту и пропитание — при помощи электронного жульничества он устроил, чтобы дважды в неделю ей доставляли на дом продукты. За это надо было расплачиваться. Дракону требовался инженер, чтобы полностью вернуть прежние силы. От необразованной Джейн ему толку не было. Джейн считала этот договор справедливым, раз они одинаково нуждались друг в друге. Дополнительные занятия с бледнолобым были частью цены, которую она согласилась заплатить.

— Извините, — неуверенно спросила она, — а какое влияние оказывают эти малые небесные тела на наше поведение и судьбу?

Он взглянул на нее:

— Никакого.

— Как, совсем?

— Совсем.

— А тогда что? Я хочу сказать — что тогда определяет нашу судьбу?

— Единственные внешние силы, которые влияют на нас, — это

те, с которыми мы встречаемся каждый день: улыбка, нахмуренные брови, кулак, каменная стена. Употребляя слово «судьба», вы совершаете семантическую ошибку, примысливая цель к слепой причинности. И хотя все мы вынуждены противостоять потоку случайных событий, движут нами тем не менее исключительно наши внутренние побуждения.

Джейн ухватила за последние слова.

— То есть это значит, что наша судьба заложена внутри нас, верно? Он покачал головой:

— Если и так, это что-то незначительное и плохо наблюдаемое. Я бы на вашем месте не полагался на такое малозаметное явление.

Джейн показалось, что вокруг нее разверзается ледяная пропасть, что эта пропасть, молниеносно расширяясь во все стороны, поглотила всю вселенную. То, что внушал ей бледнолобый, невозможно было себе вообразить. Как — жизнь без цели, без направления, без источника, без правил! С другой стороны, он настолько был лишен обычных чувств и слабостей, что невозможно было представить себе, что бледнолобый лжет. Чего ради?

— Но все верят во влияние планет!

— Верят, конечно.

Она ждала, но он ничего к этому не добавил.

— В курсе введения в астрологию нас учили, что у каждого есть своя звезда, а у каждой звезды свой минерал, цвет и музыкальный тон, и еще — свое растение, которым надо лечиться, когда заболеешь оттого, что твоя звезда затмилась.

— Все это неверно. Звезды ни в малейшей мере нами не занимаются. Если бы мы все вымерли до последнего, их бы это никак не затронуло.

— Но как же так! — воскликнула Джейн. — Зачем же нас тогда учат всему этому?

Кончик сухощавого пальца без раздражения, но назидательно постукал по книге.

— При преподавании любой дисциплины используются учебники, задачники, наглядные пособия. Существует промышленность, занимающаяся их выпуском. К тому времени,

когда астрология дискредитировала себя и вышла из научного обихода, соответствующая промышленность давно сложилась, и определенные лица заинтересованы в контрактах.

У Джейн першило в носу от запаха сухого мела, и вкус его ощущался на языке. Подчиняясь статистическим закономерностям, отдельные молекулы мела отрывались от куска и повисали в неподвижном воздухе. Статистика объясняла все!

— Но если все так, как вы говорите, то выходит, что все бессмысленно? Неужели ни в чем нет смысла?

— *Аку тетигисти*, — сказал своим тусклым голосом бледнолобый. — Вы попали иглой в самую точку.

Она вздрогнула, словно крыса пробежала по ее могиле. Может быть, это тайное имя Крутого, случайно прозвучав в чужих устах, пробудило горькие воспоминания. Но что-то маленькое и непререкаемое глубоко внутри сказало ей, будто колокольчик прозвонил, что дело не в этом.

Вот сейчас, только что, произошло несчастье. Но она не имела понятия какое.

* * *

Торговый двор превзошел своим величием все ожидания Джейн. Вершину холма срыли бульдозерами и превратили в ровное поле, над которым, опираясь на беломраморные колонны, возвышался высокий, покрытый травой купол. На площадке перед входом ржали и били копытами о гудрон металлические кони. Их хромированная шкура сияла, вместо пота на ней проступали капли смазки. Джейн смотрела на них во все глаза, затаив дыхание.

— Пошли, пошли, — презрительно торопил Крысобо́й, — что ты как маленькая!

Они вошли в распахнутые ворота из резной слоновой кости.

А там, внутри, время остановилось.

Звучала тихая музыка. Виртуозные эффекты освещения дарили глазу наслаждение бесконечным разнообразием форм и фактуры товаров. Свет, плавно переходя в тень, бросал блики с медных

кроватей, радостно срывался с зеркальных шаров, раскачивающихся среди флагов над головами. Джейн почувствовала, что одним уже присутствием здесь, в этом потребительском раю, она причислена к избранным, к тем сотням благородных покупателей, чьим вкусам стремился угодить этот изысканный, замкнутый мир.

Пахло лилиями, кожей и шоколадным печеньем.

— Пошли, нечего время терять! — торопил ее Крысобой.

Здесь было не меньше, сотни магазинов, и каждый из них был похож на шкатулку с драгоценностями. Аудиосистемы, парчовые платья, туфли с изумрудными пряжками... Ряды за рядами, полки за полками... Горы сокровищ росли, множились, громоздились друг на друга, так что душа отказывалась вместить это непредставимое изобилие. В полной растерянности стояла она перед этой *Zauberberg*, волшебной горой, и ее отражение в цельном стеклянном окне накладывалось на сияющие отражения хрустальных бокалов, пепельниц, графинов, пресс-папье, ваз, у которых каждая алмазно-острая грань отбрасывала радужный сноп лучей, а за спиной плыли в тумане призраки мускатных деревьев, фонтанов, эскалаторов. У Джейн кружилась голова от изумления и восторга.

Крысобой затащил ее в маленький магазинчик под названием «Уленшпигель».

— Перестань таращиться! — прошипел он. — Вот. — Он дернул ее за брюки, и что-то тяжело упало в карман. — Держись естественно!

— Ой! — Окаменев, она спросила шепотом: — А что это?

— Часы. — Он грозно посмотрел на нее. — Не надо шептать, это привлекает внимание.

Покорно следуя за Крысобоем, Джейн обошла с ним несколько магазинов. Разговаривая совершенно нормальным голосом, непринужденно замолкая, если кто-нибудь подходил слишком близко, он прочел ей лекцию о системе охраны магазинов и тонкостях воровского ремесла.

— И не пытайся тырить золото, — предупредил он перед ювелирной витриной. — Это у них для виду, а настоящее лежит в задних комнатах, в сейфах. В витринах одно барахло, однодневки. Пока ты их донесешь до дому, они превратятся в сухие листья или в

дохлых мышей, а может, в камешки.

Крысобою показывал ей развешанные в темных углах обереги от воров и волшебные зеркала, позволяющие троллям-охранникам наблюдать издали за прилавками, учил замечать брошки из ртутного сплава, которые закричат: «Держи вора!», если кто-то попыбует вынуть их из коробки. Он, похоже, знал это дело до тонкости.

Но Джейн все-таки заметила, что он избегает самых дорогих магазинов, таких как «Аншанте» или «Тетя Холле», и вообще заведений, рассчитанных на эльфийскую клиентуру, где одно только появление таких, как они, сразу настораживает охрану. Он предпочитал более демократические лавочки, где толпилась пролетарская публика.

— Теперь твоя очередь, — объявил он.

— Нет, у меня не получится! Он отмахнулся.

— Ну-ка, зайди вот в этот — в «Вавилон». Только не трогай тех шарфов, видишь, там, в глубине. Они защищены. Я почувствовал это, когда мы шли мимо, этот как удар током. — Он подтолкнул ее. — Встретимся у источника.

Джейн сама не заметила, как вошла. Она миновала стойки, где висели лимонно-желтые и вишневые спортивные костюмы, дошла до прилавка с парфюмерией, оглянулась и осторожно, неуверенно взяла хрустальный флакон «Мерде-дю-тан» от Нериччи. Флакон был очень красивый и так удобно лег в руку...

— Вы что-то выбрали? — Рядом объявилась ведьмочка в магазинной униформе. У нее были острые аристократические скулы и модный цвет лица «детский трупик». Судя по интонации, она не верила, что Джейн что-то выбрала.

— Нет, нет! — Джейн быстро поставила флакон обратно. — Я просто смотрю.

С ледяной улыбкой ведьма ретировалась. Джейн двинулась дальше.

Но, куда бы она ни шла, ведьмин подозрительный взгляд следовал за ней, почти с физической силой толкая ее все дальше. Наконец она оказалась в самой глубине магазина. Рассеянно теребя красно-черный шарф с узором из белых черепов по краям и кельтскими спиралями по центру, она оглянулась и с радостью

увидела, что ведьмочка занялась покупателем и больше не глядит в ее сторону. Джейн быстро сунула шарф в рукав. И только тогда вспомнила предостережение Крысобою.

Она неподвижно застыла, ожидая, что ее поразит молния, или набегут охранники, или когтистая лапа вцепится ей в запястье. Потом она подняла глаза к потолку и увидела подвешенную там связку костей и перьев. Точно такая же висела на притолоке Блюггова кабинета, куда она когда-то прокралась, чтобы украсть обрезки ногтей. Где она нашла гримуар.

Этот оберег был бессилен против человеческой крови.

С бьющимся сердцем она вышла из магазина.

Перед встречей с Крысобоем на скамье у священного источника в дальнем конце Торгового двора она успела побывать в дамской комнате, где аккуратно расправила и сложила шарф. Здесь, у замшелых камней, огораживающих источник, она, встав на цыпочки, вдруг закружилась в танце. Не было в их классе другого такого свободного, такого неукротимого создания! Она выдернула шарф из рукава, протащила сквозь кулак и замахала им в воздухе.

— А что у меня есть! — И рассмеялась, видя, как удивлен Крысобой.

— Как это ты смогла? — подозрительно спросил он.

— О! — сказала она небрежно. — У меня свои методы. — Она облизала губы.

— Пошли дальше!

Когда они уже уходили, карманы у нее были набиты бижутерией, а шарф развевался на шее. Они провели в Торговом дворе несколько часов, но снаружи стоял все тот же предвечерний час, словно они вошли и сразу вышли. Ей захотелось вернуться, но Крысобой не разрешил. Ее энтузиазм пугал его. Джейн стала подозревать, что он не такой уж опытный вор, каким представлялся.

Она знала, что вернется сюда. Одна.

* * *

— Я пришла!

7332-й не отвечал. Он всегда молчал. За все время, что они жили у насыпи, он не сказал ей ни слова. После их незабываемого, безумного побега с завода он ушел в себя.

— Нас будут искать, — сказал он. — Держи свои обещания, и тогда никаких неприятностей не будет.

Это были его последние слова. Железные пресмыкающиеся наделены сверхъестественным терпением. Но, даже не слыша его, она все время, все эти месяцы, ощущала его присутствие. Он давил ей на мозг, тяжестью наполнял затылок, словно глыба грязного льда, которая пережила зиму.

Она разложила учебники и села заниматься.

Снаружи, в сумерках, что-то шлепнулось о землю, тяжело захлопали чьи-то крылья. Кто-то пытался взлететь. Сова, наверное, или небольшая гарпия кого-то поймала и тащит своим птенцам. Джейн повернула рукоятку, открывающую окно кабины. От вечернего неба было не оторвать глаз! Низко над горизонтом мерцали три звезды. Черда красных огоньков светила над водоемом.

В темные вечера она не раз видела бегущих гуськом молодых вурдалаков, направляющихся в парк, и слышала их вой, в котором были тоска, самозабвение, угроза... В такие минуты она умирала от желания присоединиться к их стае, бежать с ними — в такой же, как у них, тяжелой, скрипучей кожаной куртке, в массивных сапогах с хромированными цепями у каблуков. Пошляться вместе с ними у магазинов, нарываясь на драки, послушать крутую музыку и, может быть, разделить их запретные радости.

Она часто до поздней ночи простаивала у окна, дожидаясь, когда они пробегут назад — отяжелевшие, сонные, со следами крови у рта. Однажды один из них, трусивший последним, обернулся и посмотрел на нее. На мгновение их взгляды скрестились, и она почувствовала безумное желание распахнуть дверь и броситься за ним вдогонку, босиком, как была.

Но у нее, конечно, хватило ума остаться на месте. Подходить к вурдалакам опасно.

Поэтому сегодня, как и всегда, ее дверь была заперта.

Позанимавшись немного, она сняла шарф и расправила его на коленях. Это был натуральный шелк, разрисованный вручную

художниками-гномами. Спирали казались живыми, шевелящимися, они исходили из одного центра, завивались, переплетались, переходили одна в другую. Джейн снова повязала шарф концами назад, так что спирали оказались впереди.

— Ты видел, что у меня есть? Правда, красиво? 7332-й не ответил.

— Я его украла. Молчание.

— Я была с одним мальчиком в Торговом дворе, и он научил меня воровать. У меня хорошо получилось.

Дракон молчал.

Каждый вечер, прежде чем лечь спать, Джейн мысленно разговаривала с ним. В этой молчаливой медитации она сообщала ему о своих нуждах. Туфли совсем износились, думала она, скоро понадобятся новые. И резиновые сапоги тоже. Нужны деньги на учебники, на новые джинсы, на плакат с Брайеном Фаустом, затянутым в черную кожу, со стратокастером у бедра. Иногда дракон слушал, чаще не обращал внимания. А сегодня долго копившаяся обида на его безразличие разразилась взрывом яростных слез.

— Будь ты проклят! Почему ты мне не отвечаешь, идиотская железяка? Почему? — Она ударила кулаком по стальной обшивке стены. — Знаешь что? По-моему, ты давно сдох! Только на один полет тебя и хватило, и все, заряд кончился! Ты просто куча железа! Может, где-то идет слабый ток, смутно что-то сознаешь, и все. Ты слабоумный, даже говорить не можешь! Ты ничто! Пустое место! Я тебя на металлолом продам!

Никакого ответа.

В гневе она смахнула с пилотского кресла учебники. Они соскользнули и рассыпались по стеганому одеялу, покрывающему лежащий на полу матрац. Кровати не было. У нее было мало вещей, да и те еле помещались в тесной кабине.

Она с размаху уселась в кресло.

Мгновенно ожили навигационные системы. Шлем охватил голову, и вновь она глядела глазами Меланхтона. Дракон неподвижно уставился в землю. Джейн подняла его взгляд. Теперь у него был полный круговой обзор. Он видел насыпь по одну сторону рощицы, а с другой стороны шел крутой косогор, на который выходили задние

дворы замурзанных, неказистых кирпичных домиков. Дворы были завалены кучами золы и ржавыми останками велосипедов и других мертвых машин. Нацарапанные углем на заборах надписи в драконовом зрении сияли как неоновая реклама: «Долой эльфократию!», «Вся власть гномам!» — и пара скрещенных молотов внизу. В человеческом диапазоне три окна светились ненатуральным синим светом — должно быть, от телевизоров. Долгое мгновение она колебалась

— как на краю пропасти — и почти назвала Меланхтона по имени, эти слоги уже дрожали у нее на кончике языка. Но даже не звук его имени, а только предчувствие звука вызвало у нее прилив тошноты. Джейн чуть не вырвало. Что-то зашевелилось у нее в мозгу, какой-то клубок начал распускаться.

Взгляд ее стал рассеянным. Теперь он был устремлен внутрь, к машинной диагностике. Зеленые линии разворачивались и умножались сами собой, словно жили собственной жизнью. На схеме было видно, как Меланхтон страдает, как он нуждается в починке. Каждое место, где требовались смазка, замена детали, новая проводка, отчетливо бросалось в глаза. В черном железном теле насчитывались тысячи неполадок, и каждая взывала к ней, к ее совести и чувству долга. Она заложила свою душу, чтобы починить эту машину.

Она ощущала дракона всем своим существом, это нахлынуло на нее неудержимым потоком — чувство железа и крови, холодной крови. Она чувствовала себя как муравей на вершине извергающегося вулкана. Дракон был болен, она чувствовала его болезнь, от которой затмился сам воздух. Она поняла наконец, и это поразило ее как громом, что Меланхтон болен тяжело, что он — калека и, как всякий калека, опасен, тем опаснее, чем он сильнее, чем больше энергии в нем было когда-то.

Здравый рассудок вернулся к ней и вместе с ним — страх.

Джейн оторвала от рукояток внезапно похолодевшие руки. Присутствие дракона погасло.

Ей потребовалось время, чтобы прийти в себя. Потом она собрала книги. Она не будет больше обращаться к дракону — во всяком случае, сегодня. Только если произойдет что-то очень важное, она с ним решится заговорить.

Но читать она больше не могла. Ей пришлось семь раз перечитать одну и ту же страницу, пока до нее не дошло, что она ничего из прочитанного не понимает. Она выронила книгу и перекатилась на спину, глядя в железный потолок кабины пустым, невидящим взором.

Потом она заплакала.

Она была так одинока! Она была совсем одна, одна-одинешенька, у нее никого не было. В этом мире, полном опасностей и соблазнов, она была всего лишь украденной девочкой, отстающей школьницей, жалкой маленькой воровкой.

Глава 7

Весь материальный мир состоит в конечном счете из первовещества. Никто, однако, этого первовещества не видел, поскольку само его существование есть лишь потенция, реализуемая только при формообразующем воздействии. Как плоды этого воздействия возникают воздух, огонь, вода и земля — и бесчисленное множество других элементов, каждый из которых есть некоторая комбинация четырех основных. Материя рождается из эксгалации, которая бывает двоякого рода. При воздействии солнечного тепла на океан возникает испарение, холодное и влажное, и материя, рождающаяся из него, по большей части, хотя и не исключительно, состоит из воды и воздуха. Но, когда солнце согревает землю, возникает дымоподобная эксгалация, горячая и сухая, и соответствующая материя состоит главным образом из земли и огня.

Джейн обожала алхимию. Ее приводило в восторг законченное изящество этой науки. Из бесформенности возникали путем двоякого воздействия четыре главных элемента и из них все остальное. Дуб, например, разложенный на составляющие, легко сводится к комбинации этих четырех элементов. Для доказательства достаточно взять полено и подвергнуть его нагреванию. При начале разложения вырвутся пламя и горячий воздух — то есть обнаружатся первые два элемента. По мере дальнейшего нагревания на срубе полена выступит смолоподобная жидкость — вот вам вода. И, наконец, когда сгорание завершится, останется зола — последний элемент, земля.

— Дымоподобная эксгалация, — сказал бледнолобый, — есть мужское начало, а парообразная — женское. Ртуть — это материнская утроба, где вынашиваются и созревают зародыши металлов. Поэтому все великие алхимики принадлежали к женскому полу.

«Женскому», написала Джейн в своей тетрадке и трижды подчеркнула.

* * *

— А что хорошего быть ивовой королевой, вообще не

понимаю! — сказала Джейн.

Остальные поглядели на нее как на дурочку.

— А слава, а почет! — сказал Хебог. — В школу можно не ходить, экзаменов сдавать не надо, гулять может с кем только душа пожелает. А под конец едет в большой телеге, а все глядят и кричат ура. И на голове у нее дурацкая корона. — Он откашлялся и сплюнул. — Неужели так трудно понять?

— Да, но...

— Ох, да не будь ты такой занудой! — Саломе вытащила из сумочки тонкую розовую сигарету и, никому не предложив, закурила.

Происхождение Саломе трудно было определить, но пахло от нее плесенью, а волосы были постоянно мокрые. У нее были длинное лицо и дурная привычка грызть в классе ногти. Джейн она не больно-то нравилась, но выбирать, с кем общаться, особенно не приходилось.

— Можно от скуки умереть, милая, неужели больше не о чем поговорить?

— Да уж! — Крысобой небрежно щелкнул Джейн по макушке. — Смени пластинку, дурында!

— А вот и Питер, — сказал Хебог, — легок на помине! Привет, старик, что скажешь?

Хебог был рыжий гном, и, как у многих из этой породы, его настроение постоянно скакало — от мрачного фатализма до щенячьего восторга и желания всем угодить. Это было очень смешно.

— Привет, привет! — Питер-с-холма небрежно кивнул гному, проигнорировал остальных и вдруг, к ее чрезвычайному удивлению, обратился к Джейн:

— Слушай, ты, говорят, можешь тырить в Торговом дворе кассеты?

— Могу, — ответила Джейн.

— А меня не научишь? Я с русалкой хожу, а они знаешь какие? Подавай ей эту кассету, как ее, ну ты знаешь, а я на мели!

— Джейн никогда не... — начал Хебог. Она взглядом заставила его замолчать. В конце концов, это ее дело, и решать ей. И, чтобы всем это стало ясно, она сказала:

— Ладно! Смотри, вот у меня красная кожаная сумочка. Я ее несу в правой руке, раскрытую, и левой могу сунуть туда кассету, когда никто не смотрит.

Все слушали с интересом, особенно Саломе. Обычно Джейн не делилась своими приемами. У Крысобоя глаза стали как щелочки, он ловил каждое ее слово.

— А как же контроль на выходе?

— Для того и сумочка! Можно ведь было бы и в карман сунуть. Я подхожу к выходу, собираюсь пройти и тут как бы вижу в толпе знакомую, понимаешь? Ее же надо окликнуть, верно? Вот так: Саломе!

Как бы в порыве радостного удивления она встала на цыпочки, подняла руку с сумочкой и замахала ею, чтобы привлечь внимание подруги. Один шаг — и она прошла мимо контрольного механизма. Рука с сумочкой опустилась.

Ее друзья засмеялись и зааплодировали. — Ну кто с ней сравнится! — с гордостью воскликнул Хебог. — Ничего не выйдет! — сказал Питер. — Только для девчонок годится. — Он повернулся, чтобы уйти. — Ладно, все равно спасибо.

— Подожди! — сказала Джейн. — Какая тебе нужна кассета?

— Избранное из нового альбома «Оппозитс». Называется «Магико».

— Я возьму для тебя. Просто так, по-дружески. Найди меня завтра.

— Правда? — Он вытаращил на нее глаза, будто в первый раз увидел. — Классно с твоей стороны!

— Чего это ты так перед ним разговорила? — спросил Крысобой, когда Питер ушел.

Джейн и сама не знала. Это вышло само собой.

— Он симпатичный. — Она пожала плечами.

— Неровно дышит, — сказал Хебог. — Безднадежная любовь, ха-ха! Только парень-то пропал уже. У него все на лбу написано.

— Как предсказано под Священной Горой, — дурачась, протянула Саломе, — и начертано черенком копия глубоко в ее

гранитном сердце...

— Слушай, ты! — Хебог сжал кулаки и свирепо глянул на нее. — Это не смешно!

Крысобой стал между ними и развел их в стороны:

— Помолчи, Саломе! И ты тоже, Хебог. Он бросил на Джейн испепеляющий взгляд, словно она была во всем виновата.

— Но Хебог прав, — добавил он. — Безданежная — не то слово. Эта сучка русалка, с которой он ходит, знаешь, кто она?

— Нет, — ответила Джейн. Прозвенел звонок. Перемена кончилась. Саломе бросила сигарету.

— Ну, назад в шахты!

— Иди ты к... — отозвался Хебог. Джейн догнала Крысобоя у двери и взяла его под руку.

— Кто? — спросила она. Крысобой ехидно ухмыльнулся:

— Зеленая Гвендидва. Да не мотай ты головой, знаешь ты ее! Знаешь отлично — она и есть ивовая королева.

Джейн проводила много времени в Торговом дворе и из-за этого выросла быстрее, чем другие девочки из их класса. В этом блаженном царстве можно было пропадать целыми днями, а снаружи за это время проходили секунды. Джейн делала там уроки. Она очень продвинулась в занятиях, и только из-за того, что учителя все никак не могли расстаться с предвзятым мнением о ней как о тупице, ее не освобождали от занятий с бледнолобым.

— Что ждет ивовую королеву? — спросила она его в тот день.

Он поднял глаза от книги и посмотрел в ее сторону, но куда-то мимо.

— Ты знаешь сама.

— Да, но почему?

— Такова традиция. — Он вернулся к учебнику. — Слова, являющиеся транслитерацией арабских терминов, включают компонент «абрик», возникший в результате метатезы из *аль-кибрит*, то есть серы, «алхитрам» — от *аль-китран*, смола, «альмагест», или *аль-маджисти*, что значит...

— Почему такая традиция?

— Традиция есть традиция.

— Но почему?

Бледнолобый вздохнул. Вздох был совершенно лишен выразительности, и все же это было первое проявление чего-то похожего на эмоцию, которое видела у него Джейн. Она даже вздрогнула.

Он отложил книгу.

— Некоторые явления, — сказал он, — познаваемы, и их мы изучаем, чтобы расширить свое понимание и увеличить власть над природой. Например, алхимия, метафизика и некромантия — как раз такие области знания, и на них и на родственных им науках основана наша индустриальная цивилизация. Но бывают и другие, таинственные явления, сопротивляющиеся интеллекту. Намерения Богини не познаны и непознаваемы. Она кружит нас всех, мужчин и женщин, в непрекращающейся пляске по сходящимся в одну точку спиралям, и там, в этой точке, каждый из нас находит свое предназначение, изменить которое не в силах. Она не объясняет нам причин.

— Вы же говорили, что не существует внешних сил, направляющих нашу жизнь! Что есть только вероятность и случайные события.

Он пожал плечами.

— Вы так говорили!

— Богиня непознаваема, и ее цели непостижимы, непредсказуемы и необъяснимы. Они могут быть и случайными. Мы проживаем короткую жизнь в неведении и затем умираем. Вот и все.

— Но все мы умрем когда-то, неизвестно когда. А ивовая королева умрет в этом году!

— Вы слышали, что я говорил? — Коротким гневным движением он сунул в рот новую сигарету, прикурил и отшвырнул картонную спичку так, что она с силой ударилась о доску. — Богиня хочет крови. И уж то, чего хочет Богиня, она получает. Так или иначе. И если, принося ей время от времени жертвы, мы можем отвести ее желание от себя, тогда это вопрос наибольшей пользы для

наибольшего числа людей.

— Да, но...

Бледнолобый встал — впервые Джейн видела, как он встает, — и подошел к окну. Голубая струйка дыма потянулась за ним через всю комнату. Оконные стекла в честь прихода весны были украшены бумажными фестончиками, фаллическими фигурками, птичьими яйцами. Украшения уже успели выцвести по краям. Бледнолобый стоял и смотрел сквозь грязное стекло, защищенное частой решеткой, хотя смотреть было не на что — только задняя стена спортзала и разгрузочная площадка учебных мастерских.

— Я не здешний, — сказал он. — Но там, откуда я родом, был один молодой дурак... Он любил — не ивовую королеву, а одну ореаду. У них там начинали строить многоквартирный дом, и она была избрана для жертвы. У нее волосы были как огонь, а кожа прозрачная и чистая, как шелк. А он был из ученых и носил черную мантию. И, как ты, он думал, что можно перехитрить Вороньего бога. Так что он изготовил из цветов подобие своей красавицы. Работа была искусная. Когда цветочную девушку сжигали, она рвалась и кричала очень убедительно...

Они тайком уехали подальше. Он нашел место помощника учителя. Снял комнату на деньги, которые нам... им удалось отложить. Первым делом он купил матрац и телевизор, а потом холодильник, кресло и кровать. Они были, можно сказать, счастливы.

Но настал вечер, когда воздух наполнился криками сов и злыми знаками, а экран телевизора стонал и сочился кровью. Тот дом, новый, сгорел, и двести человек погибло. Ее глаза подернулись белым туманом, а волосы поднялись дыбом, и в них зашуршали электрические искры. «О Богиня, — закричала она, — что мы наделали!» Он утешал ее как только мог — но что он мог? Фактов не изменишь. Ее должны были сжечь. Ее вина была неоспорима. Ее вина сжигала ее изнутри, так что кожа у нее вздувалась пузырями и отслаивалась. Я... он просыпался по ночам, оттого что простыни дымились и тлели. Приходилось держать под рукой ведро с водой.

Однажды я открыл глаза и увидел, что все залито страшным синим светом. Она пылала как ацетиленовый факел. Пламя гудело, искры летали по всей комнате. Я набросил на нее одеяло, сбил, погасил пламя. Когда она снова стала собой, уложил ее в постель.

Утром она не разговаривала со мной. Она плакала, но вместо слез из ее глаз шел пар.

Так продолжалось изо дня в день. Я остриг ей волосы, опасаясь, что они вспыхнут. Выбросил все спички, чтобы она не глотала их. Убрал все электроприборы. Перед уходом на работу я смачивал водой половики, брызгал на стены. Я запирал ее и уносил ключ с собой.

К тому времени ее речь стала почти нечленораздельной. Она брызгалась и дребезжала, как кипящий чайник. Кожа стала как древесная кора и лопалась при движении. Она была больше похожа на рептилию, чем на женщину. Смотрела на меня немигающими глазами... Иногда на нее нисходила сила и она вещала.

У Джейн перехватило дыхание:

— Что она говорила?

— Ты еще слишком молода.

Бледнолобый молчал так долго, что Джейн уже решила, что он больше не заговорит.

Но он заговорил опять своим обычным голосом, тусклым и невыразительным.

— Однажды, вернувшись домой, я увидел, что она заткнула полотенцами все щели, открыла газ и сунула голову в духовку. Все мои усилия оказались ни к чему. Она все равно умерла, только еще более мучительной смертью. Я склонился тогда перед Вороньим богом и принес ему жертвы.

Он пожал плечами:

— По правде сказать, я испытал облегчение. Бледнолобый взял книгу и возобновил урок. Но Джейн не могла сосредоточиться. Она все видела Зеленую Гвендидву, обнаженную, красивую, бьющуюся в ивовой клетке, подвешенной на длинной веревке. Трибуны полны, собралась вся школа. Пахнет бензином. Вздывается пламя. Все ревет от восторга.

Гвен пылала, как бабочка на свече. Но бабочка сгорает молча. А Гвен кричала.

Это видение не покинуло Джейн и по дороге домой. Она шла через насыпь, и под ногами у нее хрустело, ржавые консервные банки терлись друг о друга под тонким слоем рыхлой земли. Она шла осторожно, боясь подвернуть лодыжку.

Войдя в драконье чрево, она ногой спихнула с кресла стопку белья и ворвалась в его ощущения.

— Привет, — шепотом сказала она. — Это опять я.

Никакого ответа.

7332-й, как обычно, упорно смотрел в землю. Джейн стала было поднимать его взгляд, но, внезапно заинтересовавшись, вернула назад. Ей понадобилось не меньше минуты, чтобы понять, что он рассматривает.

Он наблюдал за мерионами.

Джейн не обращала до сих пор особенного внимания на шестиногий народец. Это были самые мелкие из разумных существ, далекие потомки карликовых эльфов, которых неумолимые законы эволюции за многие тысячелетия превратили в подобие муравьев. По мере измельчания они избавлялись от страстей, этикета, чести и честолюбия. Их войны превратились в деловитое массовое убийство. У них не было ни книг, ни песен. Они утратили вкус ко всему, кроме работы. Джейн не понимала, что дракон нашел в них интересного.

Крошечные фигурки копошились в траве, волоча кусочки металла в три раза больше, чем они сами. Здесь и там среди травы поднимались голубые дымки от их скрытых под землей кузниц. На расстоянии казалось, что просто от земли идет пар.

Один мерион катил по еле заметной тропке тачку, нагруженную тремя вишневыми косточками. Через велосипедную колею были переброшены две соломинки, образуя мост, охраняемый маленькой амазонкой. Она стояла на другом берегу с копьем в руке. Копье было величиной с иголку. Амазонка махнула мериону с тачкой, чтобы он проезжал.

Мерион подтащил свою тачку к пасти пылесоса, торчащей из грязи, и исчез внутри. Джейн моргнула. Мгновенно, как бывает, когда рассматриваешь загадочную картинку, она, взглянув на поляну под другим углом, поняла: то, что казалось горсткой мусора, рассыпанной под деревьями, было на самом деле поселком, где кипела сложно

организованная жизнь. Ствол курительной трубки служил камином для землянки с крышей из картонки из-под яиц и желудевой скорлупки вместо кухонного горшка. Вкопанная в землю жестянка из-под кофе была конюшней с парой мышей-полевков, которых запрягали, когда надо было доставить тяжелый груз.

Повсюду прокладывались, расширялись и маскировались зеленью дороги. Ржавый утюг, сотней ниточек привязанный к надрывающейся запряжке майских жуков, служил грейдером для прокладки широких шоссе.

Мерионы кишели по всей поляне, маленькие трудолюбивые инженеры, крохотные мастера на все руки. Майонезная банка, прикрытая тремя дубовыми листьями в виде конусообразной крыши, хранила запас воды, а из набора соломинок для коктейля был построен водопровод, доставляющий эту воду к каждому замаскированному домику в деревушке.

Джейн была очарована.

Она наблюдала за ними, пока не стемнело и разглядеть можно было только похожие на светляков фонарики, зажатые в невидимых руках дозорных, и синеватое свечение работающего на болотном газе заводика. Несмотря на примитивность индивидуальной психики, мерионское общество в целом было так же сложно устроено и интересно для наблюдения, как прозрачные наручные часы.

Внезапно опомнившись, Джейн осознала, что у нее затекло все тело, что она устала и что у нее много домашней работы. Правда, разик-то можно было и не сделать уроков, все равно никто от нее многого не ожидал.

Потом она вспомнила, что обещала Питеру стащить кассету «Оппозитс».

— О черт!

Она могла еще успеть на автобус до Торгового двора, но только-только. Ей ужасно не хотелось на ночь глядя мчаться к автобусу, а в Торговом дворе пришлось бы сначала зайти в кино вздремнуть ненадолго, чтобы от усталости не попасться из-за какой-нибудь глупой ошибки, потом сделать свое дело в музыкальном магазине, а потом еще стащить какой-нибудь еды, перекусить, найти свободную скамейку и просмотреть учебники, а потом бежать назад, чтобы успеть на автобус-экспресс «Красный глаз», — не слишком ли много

хлопот из-за случайно вырвавшегося обещания?

Но в конце концов это самое Джейн и сделала.

Только она слишком промешкала в вестибюле Торгового двора, где висели рекламные плакаты с описаниями модных товаров, а время текло всего лишь с половинной скоростью по сравнению с наружным. Так что, выйдя из ворот, она успела только увидеть красные хвостовые огни последнего автобуса, умчавшегося в сторону дома. Пришлось две мили тащиться пешком по ночной дороге. Горели огни увеселительных заведений. Грузовики-тяжеловозы обгоняли ее, обдавая выхлопными газами и чуть не задевая. Из придорожных кустов глядели горящие глаза и раздавались тихие вскрики. Кто-то пробирался в густой тени, и она не сомневалась, что крадутся за ней. Вурдалаки, думала она, замирая от ужаса.

А Питер на другой день так и не появился. В большую перемену Джейн осторожно, расспросила всех, кого могла, и узнала, что он прогулял занятия.

— В этом весь Питер, — небрежно сказала ей одна берегиня. — Такой ненадежный! Надо его любить, чтобы это прощать.

* * *

Поэтому сразу после школы Джейн, узнав адрес, отправилась через насыпь в другую часть города. Она решила сама отнести Питеру кассету и сказать, что она о нем думает.

Это был унылый, захудалый район. Питер жил в обшарпанной квартирке на четвертом этаже без лифта, над дышащим на ладан магазином уцененной стереоаппаратуры. Там, где раньше был звонок, торчал оборванный проводок, но замок на двери все равно был сломан, так что Джейн вошла в дом. На лестнице пахло грязным бельем и старой краской. Линолеум в коридоре. Джейн постучала.

— Входите!

Она открыла дверь.

Он лежал в скомканной постели, голый, бледный, с запрокинутой головой. Джейн увидела торчащие ребра и пепельно-серый сосок. Мятая простыня, небрежно наброшенная на бедро, скрывала от глаз остальное.

— Оставьте на столе, — сказал он, не открывая глаз, — добавьте два доллара чаевых и запишите на мой счет.

Джейн стояла, не зная, что сказать. Грудь Питера покрывали тонкие, пушистые волосы, спускающиеся темной полоской до середины живота. На стуле в углу мерцал экраном черно-белый телевизор. Звук был приглушен, мельтешило только изображение.

— Я... Кажется, ты не меня ждал, — наконец проговорила она.

Питер рывком сел, кутаясь в простыню, но тут же, обессиленный, свалился снова — Ах да... Кассета. Слушай, извини, я... Ну, сама видишь — я немножко не в форме для школы.

— Да, выглядишь ты ужасно, — согласилась Джейн.

— А чувствую себя еще хуже.

В туалете с шумом спустили воду. Оттуда, оправляя на ходу юбку, вышла Зеленая Гвендидва. Увидев Джейн, она остановилась.

— Привет! — сказала она вежливо. — Кто это?

— Это своя, из школы, — ответил Питер. — Джейн Олдерберри.

Он снова закрыл глаза. Веки были почти прозрачные, а губы совсем белые.

Джейн не знала, чему удивляться больше — тому, что Питер назвал ее своей, или тому, что он вообще знал, как ее зовут. Она протянула Гвендидве пакет.

— Я только занести это... Это вам от Питера.

— Как мило!

Гвен развернула подарок, обрадовалась и тут же куда-то сунула кассету. Она скользнула к Питеру, наклонилась над ним и стала гладить по лбу:

— Бедный ребенок! Тебе так легче?

— Прохладная, — пробормотал он, — какая рука прохладная. — Он взял ее руку и потянул к губам, чтобы поцеловать.

Сердце Джейн устремилось к ним. Они были так красивы, так влюблены друг в друга. И оба обречены. Ее собственная жизнь по сравнению с этим казалась мелкой, безвкусной, бессмысленной. То чувство, что она к ним испытывала, было неопределимым, но

сильным — пожалуй, слово «любовь» описывало его лучше всего.

Внезапно Питер открыл глаза:

— А сколько времени? Неужели прозевали? Уже идет?

— Успокойся! — Гвен улыбнулась. — Я слежу за временем. — Она подошла к телевизору и положила руку на регулятор громкости. — Сейчас должно начаться.

На экране что-то обсуждали в ток-шоу. Все участники были высокие, подтянутые, в хороших костюмах, с прекрасными, ухоженными волосами, ногтями и зубами. Джейн редко смотрела телевизор. В передачах в основном речь шла о деньгах, участвовали в них одни эльфы — лишь изредка, в эпизодах, для разнообразия появлялись гномы. Все они жили как бы в другом мире, где ни от кого не пахло, ни у кого не было и не могло быть гнилых зубов или колтунов в волосах. К ее жизни это все имело мало отношения.

— Ну, — сказала она неловко, — я, пожалуй, пойду.

— Нет, подожди! — воскликнула Гвен. — Для меня это важное событие, и мы хотим, чтобы ты поделилась с нами. Правда, Питер?

— Раз ты хочешь, значит, и я хочу. Ты же знаешь.

— Вот видишь! По-моему, у нас есть еще время немного взбодриться. Питер, ты куда девал трубку?

— На буфете.

Гвен достала длинную пенковую трубку с головкой в виде насупленного чертенка и набила ее чем-то черным. «План», — объяснила она. Усевшись на краешек кровати, между Питером и Джейн, она зажгла спичку, поднесла огонек к гашишу и затянулась. Не спрашивая, протянула трубку Джейн.

Кончик мундштука был влажным от слюны Гвен. Джейн робко взяла его в рот и глубоко вздохнула. Легкие наполнились едким дымом. Она поперхнулась и закашлялась. Дым вырывался у нее из рта, клуб за клубом, невозможное количество дыма заполнило всю комнату, а она все никак не могла откашляться. Она боялась опозориться, уронив трубку и рассыпав гашиш.

Питер засмеялся.

— Ну и ну! Держись!

Но Гвен забрала трубку и похлопала Джейн по спине.

— Ничего страшного, — ласково сказала она. — Не в то горло попало? В другой раз не затягивайся так глубоко, и все будет нормально.

— Ладно. — Это слово гудело у Джейн в ушах, громким эхом ударялось о череп. В мозгу бушевал какой-то серый смерч и вспыхивали искры. На мгновение Джейн перестала понимать, где она и что тут делает, и, чтобы скрыть замешательство, она повторила:

«Ладно», — хотя не знала, к чему это относится и на что она соглашается.

— Ой, начинается! — Гвен подскочила и врубилась звук.

* * *

Когда Джейн вспоминала эту передачу, ей нелегко было различить, что происходило на экране, а что — только у нее в голове. Несомненно, что это была документальная передача, посвященная Гвендидве и переполненная крупными планами. Гвен поворачивала голову, и ее зеленые волосы, взметнувшись, плескались вокруг головы сначала в одну сторону, потом в другую, как прозрачное сатурново кольцо, обращающееся вокруг ее улыбки. Следить за сюжетом передачи Джейн была не в состоянии. Музыка то гремела, то шептала — или это только казалось, — то взрывалась синтезированным демоническим визгом, то журчала барочным спинетом.

И, не умолкая, что-то пояснял голос диктора.

— Как он сказал? Божественная? Вот это да! — воскликнула Гвен.

Питер вышел из ванной, одетый во все чистое. Теперь он выглядел гораздо лучше. Он сел рядом с Гвен и опустил голову ей на плечо. Она рассеянно гладила его волосы.

Джейн то и дело переводила глаза с Гвен на экране на Гвен в постели и не могла решить, которая ей больше нравится. Телевизионная Гвен была более соблазнительной, более изысканной. Могущество видеотехники придавало ее красоте глянец совершенства. А живая Гвен была такой теплой, такой живой,

непосредственной — словом, настоящей!

Питер самозабвенно смотрел на экран. Джейн попыталась представить себе, что бы она чувствовала, если бы какой-нибудь мальчик так смотрел на нее. Странное, должно быть, ощущение.

И тут на лицо экранной Гвен, на ее полураскрытые влажные губы, наплыло изображение бьющейся в пламени прошлогодней ивовой королевы. Джейн повернулась к Гвен и, забыв обо всех приличиях, закричала:

— Как ты можешь это выносить? Гвен улыбнулась, спокойно и загадочно.

— У меня есть Питер, — сказала она. — А теперь тише, сейчас самое интересное.

Когда передача закончилась, Джейн, должно быть, сказала что-то, что очень понравилось Гвен. «О, не надо преувеличивать!» — воскликнула та.

На лестнице раздались шаги. Гвен распахнула дверь:

— А вот и наша пицца!

Было уже совсем поздно, когда Джейн, пошатываясь, спускалась по лестнице. Во рту было сухо, в горле першило, голова кружилась. Ночной воздух был свеж и в то же время тепел и нежен, как бархат. Гвен проводила ее до двери. Они собирались потом еще на танцы, Гвен и Питер. Гвен обожала танцевать.

— Ты ведь придешь к нам еще?

Она смотрела на Джейн громадными зелеными глазами. И в голосе ее — но нет, этого не может быть! — звенела мольба.

Джейн пообещала бы ей все на свете.

* * *

На следующее утро вся школа обсуждала вчерашнюю передачу. Джейн была переполнена новыми впечатлениями. Смотреть телевизионную передачу, сидя рядом с ее героиней, — таких вещей раньше в ее жизни не случалось. Но она решила молчать об этом до большой перемены. Джейн хотелось, чтобы это событие подольше

оставалось ее собственной, только ей принадлежащей тайной.

Но то, что произошло потом, заставило ее забыть о Гвен.

Войдя в класс, она сразу поняла — что-то готовится. На краю учительского стола сидел Сучок, школьный надзиратель, сжав губы и сурово оглядывая входящих. Это означало в лучшем случае контрольную.

Сучок в знак своего надзирательского достоинства носил треуголку, но почему-то задом наперед. Волосы он стягивал в конский хвост так, что не мог моргнуть, и из-за этого казался пучеглазым. Каждого входящего в класс ученика он приветствовал взмахом своей стальной линейки. Когда все расселись по местам, он кивнул Кошкодаву.

Кошкодав жестом призвал учеников к вниманию и откашлялся.

— Ну-ка, дети, — сказал он, — напомните мне три «эс»! Три «эс» — это секрет ваших успехов, золотой Ключик от вашего будущего! Ну-с, так что это за три «эс»? Все вместе — три, четыре!

— Стараться! — загудел класс. — Слушаться! Сидеть тихо!

— Последнего не расслышал. Как? — Он приложил ладонь к уху.

— Сидеть тихо!

— Не слы-ы-ышу-у-у!

— СИДЕТЬ ТИХО!

— Хорошо! — Он сложил вместе кончики пальцев. — Так вот, детки. Деточки! Дорогие, любимые мои детишечки! У нас сегодня большой день. Можно сказать, счастливый день. Сегодня наш класс посетит высокий гость. Знаете откуда? Из Отдела по борьбе с промышленной преступностью. А знаете, кто он?

Класс молчал.

— Правильно, не знаете. Откуда же вам знать, пока я не скажу?

Сучок слез со стола и начал медленно прохаживаться между партами. Джейн удалось ценой немалого усилия не повернуть головы, не отшатнуться, когда его тень упала на нее и линейка нависла над ее пальцами. Наконец он прошел мимо, но и тогда она не посмела поднять на него глаза. Самым малым наказанием за

нарушение дисциплины была бы пощечина.

Сучок дошел до переднего ряда. Пол скрипнул у него под ногами, и одна из голов, покрытая крутыми рыжими кудряшками, рефлекторно повернулась на звук.

Плюх! Резко хлопнула линейка. Джейн слышала, как Хебог захлебнулся воздухом. Но не вскрикнул. Гномы — выносливый народ.

— Господин Хебог! Создается впечатление, что у вас немного не хватает... — Кошкодав протянул паузу, чуть улыбнувшись пухлыми губами, — внимательности.

Напряжение спало, и все расхохотались, Джейн в том числе. Но тут же со стыдом опомнилась. Правда, другие гномы тоже смеялись. Конечно, в основном это были черные гномы, но все равно противно.

Когда смех затих. Кошкодав потребовал:

— Ну-с, теперь я хочу услышать три «не».

— Невнимательность. Непочтительность. Неблагодарность, — послушно пропел класс.

— Совершенно верно!

В коридоре, примыкающем к классу, сгустилось чье-то присутствие. Зловещая тяжесть повисла в воздухе, и запахло озоном, словно перед грозой.

— И если вы, несмотря на все мои усилия, будете невнимательными, непочтительными и неблагодарными, вам придется познакомиться...

Надзиратель, неслышно подошел к классной двери, приоткрыл ее, выглянул в коридор и кивнул.

— ...с Детоловом!

Сучок широко распахнул дверь, и в класс кошачьим шагом вошел Детолов.

* * *

Он был красив — страшной, мрачной красотой. Кожу его

покрывал искусственный загар. Костюм был шелковый, импортный, сильные руки затянуты в черные кожаные перчатки. Волосы торчали жесткой щетиной — верный знак вурдалачьей примеси в крови. Уши аристократически расщеплялись на кончиках. Он улыбался, обнажая ровные белоснежные зубы. И молчал.

Класс вздрогнул.

Детолов встал перед доской. Все смотрели только на него. Кошкодав и Сучок съежились в его присутствии, стали незаметны.

И только висящие над доской часы отвлекали на себя часть внимания. Граница круглого циферблата была единственной кривой линией среди прямых углов, а нервно скачущая красная секундная стрелка — единственным движущимся предметом в напряженно застывшем мире.

Детолов вынул что-то из кармана. Это был клочок какой-то дерюги, грубой, толстой, грязно-бурого цвета. Рука в черной перчатке, плотно сжав тряпицу, поднесла ее к длинному тонкому носу. А глаза его обшаривали лица учеников. Он медленно, глубоко вздохнул, приняюхиваясь.

Джейн вспомнила...

Она снова была на заводе паровых драконов, в общей спальне пятого корпуса. Это было одно из ее самых ранних воспоминаний, но до сих пор она не видела в нем никакого смысла. Утро. Вовсю гудят кузнечные горны.

Уже две недели, как их шум постоянно раздается в ушах, не умолкая. Джейн стоит у своей койки, складывает одеяло. Дети суеются вокруг, готовятся к утреннему появлению Блюгга. Им не терпится идти в столовую.

У нее мутилось в глазах, зрение раздваивалось. Она была одновременно и здесь, и там, сидела на задней парте и стояла у койки. Она не узнавала своего класса, не узнавала никого вокруг. Кто-то высокий и смуглый пристально смотрел на нее через всю комнату, и глаза его кололись как иглы.

Ее пальцы вцепились в одеяло — толстое, грубое, грязно-бурого цвета. В этой вещи был какой-то смысл, ужасный, но смысл. Все вокруг казалось ненастоящим, и только это одеяло, как якорь, привязывало ее к реальности. Если бы она выпустила его, то

провалилась бы, утонула в своих иллюзиях, пропала бы навсегда.

Крысобой ущипнул ее за руку.

— Эй, ты что, заснула? — шепнул он. Она вздрогнула и вернулась в класс. Детолов отнял от носа дерюгу. Он смотрел на Джейн. Подняв длинную руку так, что спустился рукав пиджака и стали видны запонки, он указал на задний ряд и впервые заговорил:

— Вы, там. Девушка. Встаньте, пожалуйста.

Парализованная страхом, Джейн увидела, что ее соседка, вся дрожа, медленно поднимается с места. Это была Саломе.

Детолов пристально смотрел на нее. Одна бровь вопросительно поднялась, ноздри подрагивали, словно он чего-то не понимал, но не сомневался, что поймет. Он сделал шаг вперед.

И тут кто-то пукнул.

Это была добросовестная, крупная, полновзвучная акция. Все взоры обратились к переднему ряду. Разнесся сложный, богатый запах — метан, чеснок, вареная капуста и сероводород, от которого защипало в глазах. Явственно видимое зеленоватое облачко расплывалось по комнате. Несколько девочек нервно хихикнули и прижали к губам платочки. Более стойкие мальчики просто зажали носы.

— Господи, Хебог! — вскричал пораженный Кошкодав. Вернувшийся к существованию Сучок уже выволакивал упирающегося гнома из-за парты. Кошкодав ухватил Хебога за другую руку. Вдвоем они развернули его и швырнули к доске головой вперед. Раздался грохот, и доска треснула.

Детолов наблюдал происшествие с вежливо-безразличной улыбкой.

Кошкодав отступил. Сучок схватил Хебога за шиворот и поставил на ноги. Он держал его так, что тот, задыхаясь, стоял на цыпочках с посиневшим лицом. Мгновение — и Сучок вышиб его в коридор, придав ускорение в сторону карцера.

Кто-то легонько тронул Джейн за руку. Она обернулась. Никого.

Саломе тем временем, повинаясь решительному жесту Крысобоя, опустилась назад на скамью. Очень было похоже на Крысобоя — первым понять, что можно сесть, надеясь, что про тебя

забыли. Саломе еще не опомнилась. Пораженная, она прошептала:

— А я и не думала, что он может... Не думала... Детолов откашлялся.

— На чем, бишь, я остановился? — Его острые глаза снова обежали задний ряд и решительно остановились на Джейн. — Ах да!

И он снова вытащил дерюгу из кармана. Он вдохнул, и Джейн почувствовала, что леденящий ветер врывается к ней в грудь. Она вздрогнула от холода и от охватившего ее чувства полной незащитности. А Детолов все смотрел на нее, и глаза его все сужались.

Медленно-медленно он опускал руку, держащую клочок ее старого одеяла.

Все звуки и запахи классной комнаты удалились, исчезли, словно у приемника села батарейка. Джейн испугалась — она не могла вдохнуть, из комнаты словно выкачали воздух. Ее одноклассники неподвижно сидели за партами, как фигурки, вырезанные из цветной бумаги.

Детолов повернулся к Кошкодаву, взял его двумя пальцами за шиворот, легонько встряхнул и уложил на пол. Потом он неторопливо пошел по проходу, так же, двумя пальцами, поднимая детей из-за парт. Он перекидывал их через руку, а когда их набиралось достаточно, относил к доске и укладывал поверх учителя. Задний ряд он оставил напоследок. Наконец дошел и до него и собрал на руку всех, кроме Джейн. Она сидела, дрожа от ужаса и стараясь на него не смотреть. Последним был Крысобой с застывшей на лице ухмылкой. На кучу детей Детолов положил Сучка, негодуяще вытаращившего глаза.

Он пододвинул стул и сел.

— Иди сюда. — Он поманил Джейн. — Садись ко мне на колени, поговорим. Ей оставалось только повиноваться.

Колени у него были костлявые и жесткие, сидеть было неудобно. Она смотрела в стену. Рука в черной перчатке крепко держала, поглаживая, ее плечо.

— Я имею право немедленно арестовать тебя и увести отсюда силой. Ты это понимаешь? Она кивнула. Говорить она не могла.

— Я служитель закона, Джейн, и важно, чтобы ты это поняла и признала мое право приказывать тебе. Соглашение было заключено, когда ты была мала, и договор подписан — а ты незаконно уклонилась от его выполнения. Ты, конечно, можешь сказать, что имела на это право, потому что с тобой обошлись несправедливо и на контракте нет твоей подписи. — Он пожал плечами. — Но, Джейн, ты ведь и сейчас еще несовершеннолетняя, и твоя подпись все равно не имеет законной силы. Если несправедливость и имела место, то так давно, что сейчас уже ничего не поделать.

Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе. Брови у него были черные, кустистые, а глаза неподвижные, как два зеркала.

— Ты ведь согласна с этим?

Джейн скорчилась в его руках. Пусть он убьет ее, пусть отправит назад на завод, но она никогда-никогда не признает, что это правильно.

Детолов вздохнул, словно она его разочаровала:

— Я родом с севера. Мы там охотимся на обезьян при помощи дубинки и бутылки с широким горлышком. Знаешь, как это делается?

— Нет, — с трудом выдавила она.

— Это очень смешно. Берем бутылку, кладем туда одну-единственную черешню, а сами прячемся. Появляется обезьяна. Видит в бутылке вкусную ягодку, сует туда руку и зажимает ягодку в кулак. А форма и размер горлышка рассчитаны так, что кулак не пролезает. Обезьяна может очень легко вытащить руку, но для этого надо разжать кулак и выпустить черешню. А этого-то она и не в состоянии сделать. И даже когда появляется охотник, посвистывая и помахивая дубинкой, она не находит сил расстаться с добычей. И охотник вышибает ей мозги.

Детолов достал из кармана записную книжку в переплете из страусовой кожи. Протянул Джейн кусок мела.

— Ну-ка, Джейн, напиши на доске слова, которые я продиктую. Да пиши красивее, аккуратно, чтобы вышло пять ровных столбиков. Он ждал. Джейн подошла к доске.

— Рекурвор, — начал он диктовать. — Рекусабиле. Рекусакао. Рекусадора.

Джейн от страха успела исписать полдоски, пока поняла, что он диктует командные коды драконов класса «Молох».

Она писала дальше, стараясь не показывать, что слова ей знакомы. Она надеялась, что коды не сработают. В конце концов, от школы до насыпи не меньше четверти мили.

Кончив писать, она взглянула на то, что получилось.

*Рекурвор — Рекусабиле — Рекусакао — Рекусадора — Рекусамор
Рекусанции — Рекусатяв — Рекусатури — Рекусер Р екусерати —
Рекуссион — Рекуссус — Рекуцио — Рекуционис Рекутитос —
Рекутитум — Редаккао — Редакцендо — Редактадас Редактамос —
Редактарон — Редадим — Редадинар — Редамбулес Редамनावит —
Редендум — Редибитар — Редактор — Редивамат Редоккула —
Редоктар — Редоктамос — Редомбулас — Редоррадио*

— Ну что ж, для начала неплохо, — сказал Детолов. Он смотрел через ее плечо, его свежее дыхание щекотало ей ухо. — Теперь возьми тряпку.

Он взял ее руку в свою, ласково показывая, где надо стирать. Он вел ее руку, почти прикасаясь к доске, а потом внезапно опускал, стирая слово. Так их сплетенные руки двигались над доской, стирая, по видимости без всякой системы, то одно слово, то другое.

Наконец Детолов выпустил ее руку.

— Вот так, — сказал он, удовлетворенный.

*Рекурвор — Рекусадора — Рекусамор Рекуссус Редакцендо
Редактамос — Редадим — Редамбулес Редамनावит*

В комнате вдруг стало очень холодно. Грузом легло гигантское присутствие, воздух омрачился, словно железная туча закрыла солнце. Огромный голос спросил без слов:

Ч то тебе нужно? Это был Меланхтон.

Джейн хотела повернуться, но не смогла. Шейные мышцы зажались и заоченели, словно их стиснули стальные клещи. Ноги тоже не слушались. Она тупо смотрела на доску.

Детолов сказал:

— Твое имя.

Ч то тебе в моем имени, собачка? — Дракон говорил ласково и

немного печально. — *Называй меня Смерть, если хочешь. Я тысячами убивал таких, как ты, в Авалоне.* Под шагами Детолова закрипел пол. Он подошел к учительскому столу, выдвинул ящик и что-то достал. А через секунду он прижал это к горлу Джейн. Это был острый как бритва ножик для вскрывания конвертов. — Поговорим о смерти?

Джейн не могла пошевелиться. Она была так мала, так беззащитна, а две могучие силы боролись за нее и того и гляди могли раздавить, как скорлупку. Присутствие Меланхтона давило тяжестью, словно громадная гора навалилась на школьное здание.

П оговорим, пожалуй. Отгадай для начала:

«Жизнь моя дешево стоит, цену мне смерть придает, но со смертью я цену теряю. Кто я?»

— Заложник. — Детолов убрал нож. У Джейн зачесалось горло там, где лезвие оцарапало кожу. — А ты, значит, у нас любитель загадок? Тогда отгадай мою: «Маники-мани, мышка в кармане, как она запищит, целый полк прибежит».

Н ет, песик, не сработает твоя пицалка. Отгадай лучше мою: «Смотрите, собачка куда-то бежит, а собачья головка отдельно лежит». Силы, сковавшие Джейн, ослабли, она смогла повернуться. Детолов угрюмо смотрел перед собой. Комната была пропитана запахом дракона, холодной яростью железной рептилии, но на самом деле его здесь не было. Он только посылал электронные импульсы.

Стараясь ступать совсем неслышно, Джейн медленно подвинулась туда, где Детолов не мог ее видеть, к нему за спину, в угол между столом и доской.

Какой-то вихрь завертелся вокруг Детолова, словно комары облаком налетели на него с неуловимой для глаза скоростью. Электромагнитный смерч, взвиваясь над его головой, пытался поглотить ее, но не мог. — Пустые угрозы!

— презрительно бросил Детолов. — Ты что же думаешь, меня послали против, дракона без всякой защиты? Нет, не так просто оторвать мне голову!

Он достал очки, неторопливо развернул, надел, снова раскрыл свою записную книжку, пролистнул страницы с кодами и начал читать:

— Я мысли основа, я мира оплот... НЕТ!!

— ...хоть глаз меж вещами меня не найдет. Тебя я питаю и силу даю, но, коль пожелаю, мгновенно убью.

Воздух взорвался воем, вой перешел в визг и, нестерпимо истончаясь, в ультразвук. Джейн упала на колени, зажимая руками уши. Драконий визг пронзал череп стальной иглой. Зажимать уши было бесполезно.

Дракон исчезал, уходил...

Все кончилось.

— Вот так вот, — сказал Детолов. Джейн встала на ноги, вся дрожа. Она была сейчас прямо за спиной Детолова, он ее не видел. Она протянула руку к тяжелому бумагосшивателю на учительском столе.

— И не пытайся, — небрежно сказал Детолов. Он аккуратно сложил очки и запрятал в карман. — Что ж, детка, пора вернуть тебя на место. — Он потянулся к ее руке, недвижимо нависшей над столом.

Раскаты презрительного смеха сотрясли комнату. Смех нарастал, как гром, а Джейн чувствовала себя пробкой, пляшущей на поверхности бушующего океана презрения.

Г лупый щенок! Первое, что я сделал, когда прибыл сюда, — заземлил все электросистемы. Твой магнитный пульсатор на меня не действует! На лице Детолова впервые появилась растерянность. Он засуетился, попытался что-то выхватить из-за пазухи.

— Как ты смог?..

Но дракон уже загадывал свою последнюю загадку:

Не виден, не слышен, я смерти двойняшка. Я ближе к тебе, чем пиджак и рубашка. Я мыслеубийца, памяти палач. Р азрушены замыслы твои, хоть плачь.

— Лжешь, лжешь! — завопил Детолов. — Я тебя изучил от сих до сих! Нет у тебя такого оружия! Драконий смех загрохотал с новой силой.

— У тебя не может быть такого оружия! Его вообще нет! Если у твоей загадки есть решение, скажи его, я сдаюсь!

Дракон долго-долго не отвечал ему, упиваясь своей победой. И наконец тихий ответ повис в воздухе:

С клероз. Мгновенно Джейн снова оказалась за партой. Она нормально дышала, вокруг стоял обычный сдержанный шумок классной комнаты. Все ученики сидели на своих местах. Детолов стоял у доски с озадаченным видом. Он водил глазами по рядам, но ее больше не замечал. Обрывок одеяла выпал, незамеченный, из его неподвижной руки. Дракон выиграл.

* * *

Когда уроки кончились, Джейн раньше всех выскочила за порог. Она была свободна! Небо сияло буйной синевой, ветерок приветливо гладил ей щеки.

Вокруг отцветали вишни. Их нежно-белые лепестки кружились в воздухе, как теплый весенний снегопад.

Ученики расходились из школы. Кто бежал вприпрыжку, громко вопя, кто солидно шествовал, осыпaeмый вишневыми лепестками — дети были такие разные! Для дриад и цветочных девушек это было лучшее время года, и они гордо плыли, как яхты под парусами, а маленькие девчонки бегали вокруг старших подруг, не обращающих на них внимания.

Джейн шла, широко раскрыв глаза, захваченная волшебной красотой жизни.

Ее захлестывало счастье — счастье свободы, счастье открывающихся возможностей. Столько дорог лежало перед ней! Все, что пришлось ей вынести — годы подневольной работы на заводе, мелочные придирки учителей и одноклассников, тоска одиночества, зависимость от дракона — он спас ее сегодня, но не о ней он заботился, а о себе, — все это было не важно. Жизнь того стоила!

Одно мгновение свободы вознаграждало за все.

Глава 8

Все лето маленькая цивилизация на лужайке под боком у дракона развивалась и процветала. Случилось так, что однажды заблудившийся грузовик с углем, нагоняя время, сдуру съехал с дороги — решил срезать угол, полез через насыпь и в итоге перевернулся. Собрать удалось только половину груза — другую растащили мерионы, которым она позволила развить тяжелую промышленность. Они настроили заводов. Улицы их теперь освещались не газовыми фонарями, похожими на прибитых к земле светляков, а электричеством. Теперь по ночам на улицах и бульварах ярко сияли огни, что в целом напоминало начерченную на земле сложную магическую диаграмму. Днем над лужайкой вздымались клубы заводского дыма. У маленьких воинов появилось огнестрельное оружие.

Мало кто из детей ходил в школу. Тех, кто на лето устроился работать на полный день, от занятий освобождали, а остальные понимали, что не очень важно, научатся они за лето чему-нибудь или нет, потому что с осени, когда вернутся к занятиям их товарищи, все равно начнут обучение заново. Школьные дни тянулись вяло и скучно.

Для Джейн это была возможность раз и навсегда покончить с отставанием. Ей бы хотелось поработать как следует в алхимической лаборатории, но, когда она обратилась за разрешением, школьная секретарша отказала ей наотрез. Так что она налегла на математику.

Однажды, когда она, кончив занятия, собиралась домой, на выходе ее перехватил Крысобой. Здесь стояло у стены громадное каменное колесо. Оно предназначалось для назидания школьникам как символ трудолюбия, послушания и вообще как образ их будущего. К этому колесу и прислонился Крысобой, подкарауливая ее.

— Я слышал, ты много воруеть для Гвен в последнее время, — начал он без предисловий.

— Да, ну и что? — Джейн в последнее время стала немного опасаться Крысобоя. Он вел себя как-то странно — нервно и агрессивно.

— Интересно! Ты что, в розовые записалась? Она стукнула его кулаком в грудь, изо всех сил.

— Дрянь! — воскликнула она. — Гнусный, подлый, отвратительный... Он только засмеялся:

— Что, в точку попал, а, Сорока?

— Заткни пасть!

— Слушай, если вы захотите подключить мужика к своим забавам...

Джейн бросилась от него прочь не глядя и налетела на Питера, который как раз поднимался по лестнице.

— Эй, осторожнее! — Он не дал ей упасть, придерживав обеими руками за плечи на расстоянии вытянутой руки. — Ты что такая расстроенная? Что случилось?

— Да просто... — Она оглянулась через плечо. Крысобоя, естественно, уже не было. — Просто так. — Она немного пришла в себя. — Ты куда идешь?

— В мастерскую. Вожусь там с одним конягой. Ради зачета.

На завтра ей много задали. Кроме того, ей много чего надо было украсть. Работы по дому тоже хватало. А мастерскую просто страшно было себе представить. Кондиционеры еще работали кое-как в главном здании школы, но в мастерской в это время дня воздух, наверное, был раскален как в печи.

— Можно я с тобой?

— Пошли!

Они молча шли по пустым извилистым коридорам. Питер не любил говорить о Гвен, когда ее не было рядом, Джейн с этим уже смирилась. Поэтому обычно они с Питером беседовали о машинах.

— Что за коняга? — спросила она.

— Мятлик. Знаешь такого?

— Нет. А какой он?

— Матерщинник жуткий, крикун. Умом не блещет. Но вообще-то хороший.

Школьный учебный цех отличался от цехов, в которых выросла Джейн, отсутствием специализации. В нем было примерно столько же машин и инструментов, сколько и в небольшом заводском цеху, но они были гораздо разнообразнее: токарные, строгальные и шлифовальные станки, разнообразные пилы, паяльники, был даже сварочный агрегат. Желтые линии на безупречно чистом цементном полу разделяли рабочие зоны. В целом это напоминало лоскутное одеяло.

Из двух сборочных отсеков один был пуст, а в другом замысловатая система храповых колес и цепей удерживала на весу металлического жеребца. Его шкура была помята, краска облупилась. Грудная панель была снята, обнаруживая сложную электромеханическую начинку. Два черных проводка от свечей зажигания болтались у бока.

— Привет, старая жестянка! — поздоровался Питер. — Как висится?

Мятлик с усилием вскинул голову и одарил его широкой желтозубой улыбкой.

— Висеть — не работать! — весело ответил он. Питер замечательно умел обращаться с машинами.

Они доверяли ему и иногда даже любили. Вот и Мятлик явно привязался к нему.

— Рад, что ты доволен. — Питер сунул голову в его разверстую грудь. — Джейн, дай-ка мне фонарик, пожалуйста. И амперметр, вон там, на верстаке.

Джейн дала ему то, что он просил. Питер стал ковыряться в конских внутренностях.

— Ну что, не нашли они, где у тебя коротит?

— Хрен они когда найдут, говнюки безмозглые.

— Тише ты, здесь дама!

— Дак чего, девочка-то своя в доску! — Мятлик не мог повернуть голову. Он скосил на Джейн один глаз. Другой глаз безжизненно и слепо пялился вперед. — Верно, подруга?

Джейн, прислонившись к верстаку, обмахивалась шляпкой. Вздвигнув, когда лошадь обратилась к ней, она сказала:

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Так дело не пойдет! — сказал Питер. — Рога Цернунна! Что они сделали с твоим карбюратором! Это чудо, что ты вообще еще жив, понимаешь, жестянка?

— Да, ...ец полный, — уныло согласился Мятлик. — Двигатель ни к ... Хотя ты ..., а ни ... Сплошное ... Джейн хихикнула.

— Я тебе сказал, чтоб ты не выражался! — Питер выпрямился и покачал головой. — Сдаюсь! Три дня я копался, не могу найти, где коротит. Единственно, что можно сделать, это вытащить всю проводку и начать заново.

— А ему больно не будет? — спросила с беспокойством Джейн.

— Вот, говорил я, она девчонка что надо! — обрадовался Мятлик. — Не то что эта вертлявая сучка, с которой ты ...

Питер стукнул его гаечным ключом по загривку.

— Придержи язык, а то я тебя так отделаю!

— Слушаюсь, начальник! — Мятлик подмигнул Джейн. — Не заводись с пол-оборота!

Питер взял с верстака моток провода, раздвижной гаечный ключ и кусачки. Потом подкрутил колеса, поднимая Мятлика повыше. Болты в брюшной панели проржавели и держались намертво. Питер потер их графитом и стал обстукивать молотком, чтобы немного ослабить. Джейн помогала держать панель, чтобы она не перекосилась и не покособилась, пока он ее снимает.

— И кто только тебя проектировал? — ворчал Питер. — Навертели проводов за самой выхлопной трубой! Придется снимать глушитель, иначе до них не добраться. — Он помолчал, потом сказал: — Мятлик, у тебя выхлопная система в жутком состоянии.

— Да уж, как перну, так птицы на землю валятся.

— Кошмар! — Питер замолчал, сосредоточившись на том, что делает. Потом заговорил с Джейн: — Слушай, а почему тебя вдруг все стали называть Сорокой?

— Кры... Ребята меня так прозвали. Кусок ржавой трубы со

стуком упал на пол.

— Ты же лесовица?

— Ну да! Это просто прозвище. Понимаешь, сороки... ну они воруют все.

— А-а... — Питер не одобрял ее воровства. Он считал, что рано или поздно она обязательно попадется. Но что хорошо было в Питере — он сказал это один раз и больше не повторял. — Я уж буду тебя по-прежнему звать Джейн, если не возражаешь.

Через пять минут глушитель был снят. Питер присвистнул и жестом подозвал Джейн.

— Глянь-ка сюда. — Он показал на почерневший проводок. — Пощупай изоляцию. Чувствуешь, какая липкая?

— И что?

— То, что мы нашли, в чем дело! Какой-то олух заменял этот проводок и не позаботился приварить лишнюю скобочку, видишь? Он просто протянул провод между выхлопной трубой и днищем и придавил вот этим. — Он подбросил в руке деревянный брусочек. — Когда двигатель нагревается, изоляция плавится и вся система вырубается. Но главная подлость еще не в этом. Потом, когда двигатель остывает, изоляция снова наплывает на это место, застывает и коротать перестает. Потому я и не мог ничего найти. Поняла?

— Здорово! — На Джейн это произвело сильное впечатление. Она выросла среди машин, но только сейчас впервые почувствовала, как интересно с ними возиться. Оказывается, починка мотора может стать не менее захватывающей проблемой для ума, чем постановка сложного алхимического эксперимента.

— Питер, это просто потрясающе! Настоящее чудо!

— И всего-то три дня возжался! — добавил Мятлик. — Гений бесхвостый!

— Хорошая лошадка! — сказал Питер. — Хочешь кусочек сахара в бензобак?

— Иди ты!..

Стояла жарница, но в Торговом дворе было прохладно, и Джейн

пожалела, что не захватила кофточку. Народу было много — в основном все спасались от жары и только глазели на витрины, не собираясь ничего покупать. Руки у них были пустые, и глаза ясные и честные.

Хебог, Саломе и Джейн сидели на скамейке у священного источника и рассматривали проходящих.

— Я видела на днях Гвен, — сообщила Саломе, — на открытии этого нового супермаркета.

Они поджидали одного домового, которому хотели толкнуть пару белых кожаных перчаток. Джейн положила их в яркий пластиковый мешок и сунула в ближайшую урну. Если сделка состоится, у них хватит на сосиски в тесте, пепси и мороженое. Если сорвется, она не собиралась таскаться с этими перчатками.

— Да, она мне говорила, — сказала Джейн. — Очередное разрезание ленточки. Интересно было?

— Ой, ты бы видела этого эльфа, с которым она пришла! Высокий, в темных очках, костюм шелковый, ногти с маникюром — конец света! Потрясный мужик! Между нами, девочками, я бы от такого сама не отказалась.

— Что ты несешь? Какой эльф? Гвен — девушка Питера.

— Черта с два! — сказал Хебог. — Я их видел после церемонии, когда они думали, что никто на них не смотрит. Он ее обнял за попу, и она не возражала.

— Они и ушли вместе, — добавила Саломе.

— Не может быть!..

— Атас! — тихонько проговорил Хебог. — Враг не дремлет.

Джейн обернулась и увидела широкую улыбку Кошкодава.

— Тьфу ты! — прошипела она сквозь зубы.

— Какая встреча! Дорогие мои ученики! Что за приятная неожиданность! Разрешите к вам присоединиться?

Они раздвинулись, и Кошкодав плюхнулся жирным задом на скамью между Саломе и Джейн. Он расставил ручящи, обнял их за плечи и притянул к себе. Хебог, насупясь, отодвинулся на самый край.

— Да, вот уж действительно случайная встреча! — говорил Кошкодав. — Случайная, как же! Знаете, некоторые дети думают, что учителя — это чисто локальный феномен. Такой как бы обучающий механизм, который исчезает после звонка. Вы, может быть, думаете, что нас хранят в холодильниках в подвале, а? И по утрам достают, бодрых и свеженьких. — Он посмеялся своей шутке. — Нет, милые, не так все просто! Как ваш создатель и творец, а я для вас именно создатель, и не меньше, я в ответе не только за ваше образование, но и за духовное и нравственное развитие. Моя работа вовсе не кончается, когда вы покидаете класс. Нет и нет! Даже и не мечтайте!

Джейн пыталась понять, что он говорит. Но из-под мышек у него разило потом, а грязные стекла очков зловеще поблескивали, когда он поворачивался к ней. Ей было трудно сосредоточиться.

— Ни на минуту я не забываю о своих учениках, буквально ни на минуту. И все время о вас беспокоюсь. Приведу пример. Предположим, что одна из наших девочек — не та, за кого себя выдает. Она носит личину, и вся ее жизнь — сплошной обман и надувательство. Она убежала оттуда, где ей полагается быть, эта гнусная, порочная дрянь, которой не место в моем чудном классе. Одно ее присутствие уже может развратить моих бедных, невинных, доверчивых овечек!

Он смотрел прямо на Джейн. Что-то ворочалось за мутными стеклами очков, и, вздрогнув от ужаса, она вдруг поняла, что вовсе не глаза прячутся там.

— Когда такое происходит, моя святая обязанность — сорвать маску притворства. И не только маску, но и платье, лифчик и трусы! Показать всему свету голую правду! Голую! Дрожащую! Беспомощную! Пусть все видят!

Что-то забибикало у него на запястье. Кошкодав взглянул на часы и нажал кнопку.

— Ну что ж, приятно было повидаться, но мне, боюсь, пора. Развлекайтесь, веселитесь и помните: я все вижу. — Все это время широкая, добрая улыбка не сходила с его физиономии.

Он ушел. Некоторое время все молчали. Потом Саломе разразилась рыданиями.

— Он же ничего не знает! — всхлипывала она. — Не может он ничего знать! И вообще, какое ему дело!

— Он просто пугает, — согласилась Джейн. — Я уверена, что просто пугает.

— Ладно, — сказал Хебог, — похоже, что анчутка наш не придет. — Он вздохнул и порылся в карманах. — У меня чуток еще осталось от тех кроссовок, что я боданул на прошлой неделе. Пошли, угощаю!

— Пошли! — согласилась Джейн.

Она понятия не имела, как Саломе и Хебог объясняют себе происходящее, и не могла их об этом спрашивать, если не хотела, чтобы они узнали ее тайну. Ясно, что намеки Кошкодава могли означать только одно, тем более после недавнего визита Детолова. Она задумалась, сможет ли дракон спасти ее два раза подряд. А если больше? А шесть раз? Половина батарей у него села, совсемдохлые она вынула и выбросила, пусть мерионы пользуются. И генератор держался на честном слове. Власть дракона была не безгранична.

Но она не могла сейчас думать о своих проблемах. Она вообще, как ни старалась, не могла думать ни о чем — ни о чем, кроме этого ужасного открытия: Гвен обманывает Питера!

* * *

По случаю праздника Солнцестояния Гвен пригласила на жареную рыбу в Зеленый ресторан, конечно, не весь город, но казалось именно так. Там были и старшеклассники, и учителя, и все городские знаменитости, и люди с телевидения — не только технические работники, но и расфуфыренное начальство, — и эльфы в простеньких костюмчиках ценой в месячный заработок какого-нибудь работяги. Гости толклись на лужайке, собирались в группы, опять растекались, словно капли масла разной вязкости, и в конце концов каждый прибивался к своим. А Джейн чувствовала себя как мышь в лабиринте. Она неуверенно пробиралась среди неизвестных ей гостей в поисках кого-нибудь знакомого.

Подошли по травке Скаун и Свинтус, пошатываясь на четырех ногах и обняв друг друга за плечи.

— Тебя Крысобой ищет, — сказал Скаун со значением. Свинтус молчал и широко улыбался.

— Ох, умоляю! — Джейн скорчила гримасу. — Скажите, что вы меня не видели. Или что я ушла. Нету сил у меня с ним разбираться.

— А я думал, вы друзья. И он так говорит. Друзья не разлей вода, птички-неразлучники. — Скакун потянулся потискать Свинтуса за кончик рога, но тот шлепнул его по руке. Их лица мягко вжимались одно в другое, словно хотели слиться. — Он говорит, что ты ему всем обязана, он тебя создал, всему научил, даже имя дал.

Скакун потянулся через шею Свинтуса и сунул руку в распухший нагрудный карман.

— Хочешь, покажу что-то интересное?

— Знаю я этот номер, — холодно ответила Джейн. — Ничуть мне не интересно глядеть, как ты суешь в рот живую лягушку.

— Кстати о Крысобое, — начал Свинтус.

— Вот и он, — закончил Скакун.

Не оглядываясь, потому что, если они не врал, она бы встретила с Крысобоем взглядом и уже не смогла бы уйти, Джейн скользнула за ближайшую группу гостей и под их прикрытием убежала.

И тут же наткнулась на Хебога. Он стоял в группе неловко чувствующих себя в парадных одеяниях гномов. При виде Джейн гномы с сердитым видом разошлись. Хебог казался расстроенным.

— Привет! — сказала Джейн. — Что с тобой?

— Ты не видела Саломе? — спросил он вместо ответа. И тут же добавил: — Впрочем, неважно. Все равно она со мной не разговаривает после того, что я сделал.

— А что ты сделал?

— Не имеет значения. — Он сжал кулаки.

— Не хочешь — не говори!

— Я сказал, это не имеет значения!

— Ну пожалуйста, я и говорю, как хочешь. Дело твое!

— Ладно. Если увидишь ее, скажи, что я ее искал. — Он резко повернулся и пошел прочь.

Джейн еще смотрела ему вслед, когда кто-то взял ее за локоть.

Обернувшись, она увидела бледнолобого. Из рта у него торчала сигарета, в руке была увесистая пивная кружка.

Странно он выглядел в шортах. И солнцу, казалось, противно было прикасаться к его узловатым и белым, как рыбье брюхо, коленкам.

— Я написал от твоего имени заявление на стипендию и подал секретарше,

— сказал он. — Толку никакого не будет.

— Что? — не поняла она.

Он взял ее под руку и повел в тень. Официанты в белых куртках сновали туда-сюда с подносами, от которых шел пар.

— Как у тебя с грамматикой? — спросил бледнолобый.

Джейн потрясла головой, ничего не понимая.

— Это царица наук! — запальчиво сказал он. Сигарета во рту продолжала дымиться. — Тебе следовало бы... а, ладно! Сформулируем это так: в нашей жизни, в наших отношениях с окружающими есть некоторая логика, глубоко вплетенная в ткань существования. Не может влюбленный вдруг проснуться и решить: хочу все бросить и выучиться на инженера. И музыкант не может спокойно расстаться со своими клавишами. А миллионер не поделится своими деньгами. Или если уж он действительно этого захочет, то скорее раздаст все, что имеет, и заживет философом-отшельником в горной пещере, чем просто согласится жить чуть поскромнее. Понимаешь? Каждый из нас живет в некотором сюжете, который на каком-то глубоком уровне его удовлетворяет. А если нам не нравится наш сюжет, мы не можем изменить его просто так. Наш новый сюжет должен логически вытекать из прежнего.

— То есть вы хотите сказать, что в своем сюжете я не получаю финансовой поддержки? Так? Он покачал головой:

— Дело не в тебе. Это секретарша живет в сюжете, в котором она не даст тебе стипендии. Различие тонкое, но существенное, потому что позволяет тебе найти выход.

— Что же мне надо сделать?

— Посмотри на себя ее глазами. Она видит недисциплинированную, плохо успевающую ученицу, способную,

бесспорно, но способную неизвестно на что, ленивую, неприспособленную, несобранную. Давать такой стипендию — значит бросать деньги на ветер.

— Но я же не такая!

— А кого это волнует? В ее сюжете ты именно такая и не можешь измениться. Изредка, правда, такое случается. Иногда удастся направить свои низкие качества на низкие цели. Сучок был очень похож, на тебя, пока не начал стучать на своих друзей.

— Что?! Я никогда в жизни не стану... Бледнолобый докурив сигарету до самого фильтра и тут же зажег от окурка новую, а окурочек съел.

— Хорошенько взвесь все за и против. Конечно, жить в сюжете, который я предлагаю, неприятно. Прежние друзья с презрением отвернутся от тебя, а могут и поколотить. Ты и сама перестанешь себя уважать. С другой стороны, люди, которые тебе нравятся, никогда стипендий не получают. Либо живи в прежнем сюжете, либо добивайся ученой степени по алхимии. Нельзя иметь и то, и другое сразу. Обдумай это.

Договорив свой монолог, бледнолобый отвернулся. Кто-то вклинился между ним и Джейн. Люди вокруг перемещались, оттесняя его. Джейн хотела что-то ему сказать, но ей пришлось отступить перед нагруженным официантом. Дорогу загородили два толстых тролля. Протиснувшись между ними, она оказалась у самого входа в помещение ресторана. Неподалеку оживленно беседовали Сучок и Кошкова. Сучок заметил Джейн и толкнул в бок Кошкову. Оба уставились на нее.

На секунду она застыла под их взглядом, но их тут же заслонили два тильвит-тега, и она быстро скрылась в дверях.

Она попала в ресторанный зал под высоким потолком с деревянными балками. Два раздвижных стола под белыми бумажными скатертями были уставлены пластиковыми рюмками и бутылками вина в ведрах со льдом. Официанта на посту не было. Джейн налила себе рюмочку красного.

Тут она заметила, что дверь в гардероб не заперта. Поставив рюмку, она скользнула туда. Пальто и курток не было — слишком тепло, — но на полке за пустыми вешалками были навалены сумки. Почти автоматически она быстро просмотрела их — несколько

монеток, сиреневые тени для глаз, часики от Декартье — и успела вернуться в вестибюль до появления официанта.

Она подняла свою рюмку и поднесла к губам.

— Что ты, дорогая! — Гвен, возникшая рядом, твердо отняла у нее рюмку. Джейн, смутившись, начала было извиняться, но, прежде чем она успела что-то сказать, Гвен объяснила:

— К рыбе надо белое. — Она отставила рюмку и налила ей другую. Окунув туда кончик мизинца, уронила капельку на пол — возлияние в честь Богини. — Это белое цекубское. Сладковатое и терпкое, тебе должно понравиться. Попробуй.

Джейн отхлебнула. Она пробовала вино впервые в жизни, и оно показалось ей ужасно невкусным.

— Очень хорошее, — кивнула она.

— Я же говорила. Пошли, поможешь мне с лососем. Я тебе покажу, что делать.

Жаровня располагалась в центре лужайки. Ресторанный повар подал Гвен длинные щипцы.

Поглядев, дожарилась ли рыба, Гвен положила щипцы на рабочий столик и засучила рукава. Взяла лимон, разрежала пополам и выжала сок в миску с растопленным маслом. Другой лимон протянула Джейн:

— Ну-ка, натри на самой мелкой терке. Это у нас тоже в масло пойдет.

Джейн неловко начала тереть лимон над миской. Зеленоватые капельки падали в масло.

— Чудно! — Гвен схватила ложку и начала растирать масло с лимоном. — Вот эти две, считай, готовы. — Она взяла со стойки тарелки, красиво разложила рыбу и отдала Джейн. — Возьми масла как следует и смажь хорошенько каждую рыбину по центру. Красиво, верно?

— Очень!

Гвен тоже взяла кисточку и начала смазывать рыбу только что взбитым маслом. Она явно наслаждалась этим простым делом. Так похоже было на нее — все делать красиво, энергично, со вкусом.

Джейн рядом с ней казалась себе унылой и неуклюжей.

— Гвен, милая!

Лощеный, розоволицый, не первой молодости эльф, подойдя сзади, наклонился и поцеловал ее в шею. Гвен подняла подбородок с видом кошки, которую гладят за ухом. Лицо Джейн напряглось и застыло.

— Какое у вас прелестное платье!

— Нравится? — Платье было белое, длинное, с широкой развевающейся юбкой и с зеленым, под цвет волос, поясом. Гвен покружилась, подхватив юбку, давая полюбоваться и платьем, и собой. — Мне его сестра подарила. Познакомьтесь, это Джейн.

Эльф взял руку Джейн и, склонясь, прикоснулся губами к пальцам. Джейн, не искушенная в галантных манерах, до последнего момента не понимала, что он делает.

— Счастлив с вами познакомиться!

— Угу, — ответила Джейн. — Я тоже.

— Фальконе — театральный дизайнер, — объяснила Гвен. — Он спроектировал этот костер на лужайке.

— Это вон та штука, что ли? Вроде деревянного торта?

Фальконе скромно улыбнулся. Костер — это еще пустячок, говорила его улыбка.

— У вас прекрасный вкус, — сказал он. — Вы это платье сами сшили?

— Нет, украла в «Уленшпигеле».

— Извините, мы на минутку! — вмешалась Гвен. Схватив Джейн за руку, она потащила ее так быстро, что чуть не вывихнула ей плечо. Повар, все это время скромно стоявший в стороне, снова подступил к жаровне.

Гвен подтащила Джейн к стоящей в тени скамейке и силой усадила. Ее глаза сверкали:

— В чем дело?

Не дождавшись ответа, она заговорила помягче:

— Джейн, что случилось? Мне-то ты можешь сказать?

Джейн молча потрясла головой. Гвен взяла ее руки в свои:

— Ну-ну, не стоит так расстраиваться. Выкладывай!

— Это ты... Ты и Питер.

— А-а.

— Я не понимаю, как ты только можешь... — Джейн заплакала. — С другими... Я думала, вы с Питером... — Слезы хлынули неудержимо, минуту-другую она не могла говорить. — Я так восхищалась вами! Вы мне казались такими... такими...

Гвен долго молчала. Наконец она заговорила — спокойно и серьезно, такой серьезной Джейн никогда ее не видела:

— Джейн, ты никакого права не имеешь требовать у меня объяснений. Согласна? Ничем ты такого права не заслужила. Но поскольку ты мне дорога, поскольку я тебя люблю, я скажу тебе кое-что. Но я скажу это только один раз. Ты понимаешь меня?

Джейн, всхлипывая, кивнула.

— Со мной заключено условие. Я умру на Новый год. И за это мне полагается целый год самой насыщенной, самой полной жизни, какая только возможна. Вот такой жизнью я и живу. Большое место в ней занимают мои отношения с тобой, с друзьями, с одноклассниками, со всеми, кто пришел сегодня сюда. Но любовь, физическая любовь, тоже очень важна.

Тебе, наверное, сейчас трудно этому поверить, но почти наверняка в твоей жизни будет не один мужчина. У большинства женщин это так. И каждый из твоих возлюбленных даст тебе что-то такое, в физическом отношении или эмоциональном, чего не смог бы дать никто другой. Пусть даже что-то не очень важное. А почему, скажи, мне должно достаться меньше, чем тебе? Мои мужчины дают мне радость, скрывать не буду, но даже если бы было иначе, все равно они предусмотрены договором. Я должна войти в ивовую клетку, прожив полную жизнь, иначе условие не будет выполнено, и Богиня отвергнет жертву. А я не хочу этого. Я всегда держу данное слово.

— Но Питер...

— Питер все знает. Он, может быть, не всегда одобряет мой выбор, но он все понимает. Питер — это скала, на которой стоит моя

жизнь. Никто не мог бы занять его место, и это он тоже знает. — Она погладила Джейн по голове. — Теперь ты понимаешь?

— Нет, — сказала Джейн, — не понимаю. Но я верю тебе на слово.

Гвен порывисто обняла ее.

— Ты мне теперь намного ближе, после нашего разговора. Смешно, верно? Будто ты и вправду моя сестра. — Она вдруг хихикнула.

— Что тут смешного?

— Ты смешная. Ревнуешь к Фальконе.

— Ничего смешного не вижу.

— Фальконе не любит девочек, глупышка! Гвен смеялась звонко и заразительно, и очень скоро Джейн засмеялась тоже.

* * *

Питер сидел на бревне у подножия костра. Рядом с ним лежала соломенная Гвен, которую ему предстояло бросить в огонь в конце праздника, после того как живая Гвен, взмахнув факелом, подожжет этот шедевр Фальконе. Мелкий теленаачальник вертелся рядом, объясняя раскадровку троллю-оператору.

— Привет, Джейн! Я думал, ты с Гвен.

— Она сейчас надписывает свои фотографии. А потом будет вести хоровод.

Поодаль, на деревянном помосте, компания неумоек — тощих темнокожих уродцев с красными глазками и густыми начесанными волосами — играла в попрыгушки. Старательно, в такт музыке, они скакали и прыгали выше головы.

— И как ей только не надоест! Она тебе не показала свои ноги? Мы вчера допоздна танцевали в «Павильоне», и она дотанцевалась до того, что стерла их в кровь. Я ее уговаривал, но она никак не хотела уходить. Я уже не мог пошевелиться, колени подгибались, просто на ногах не стоял. А она — как будто ее зарядили на пятьдесят тысяч вольт. Плясала, пока от туфель подошвы не отвалились! Она только

ради этого и живет.

— Извините! — К Джейн подошел телевизионный бонза. — Позвольте представиться: Авистаро. А вас зовут?..

— Кого, меня? Никак. Я просто знакомая Питера. — Но Авистаро ждал, и она сдалась. — Джейн, — сказала она наконец. — Джейн Олдерберри.

— А! — Он заглянул в блокнот. — Боюсь, что вы не вписываетесь в сценарий, Джейн. Нет, нет, я пока вас не гоню. Но мы можем вас попросить прекратить разговор в любую минуту. — Он фальшиво улыбнулся.

— У меня был разговор с Гвен, — тихо сказала Джейн, когда Авистаро отошел. — Она говорит, что ты все знаешь. Ну, про других мужчин.

— Да.

— Питер! Как тебе, должно быть, тяжело!

— Ей еще тяжелее. Ее ждет смерть, а меня — всего лишь... В общем, кто я такой, чтобы ее осуждать?

— Ты очень чуткий.

— Гвен для меня все на свете, — сказал он просто. В голосе его звучала боль. — Она как солнце, а я всего лишь месяц. Она так полна жизни, что глазам больно на нее смотреть. Я без нее ничто. Я только ее бледное отражение.

— Великолепно! — сказал телевизионщик. — Можно, мы это используем? — И повернулся к Джейн: — Вот теперь мы вас попросим отойти. Надеюсь, никаких обид?

Он отвернулся, не дожидаясь ответа. Питер грустно улыбнулся и пожал плечами.

* * *

Джейн с удовольствием вернулась бы в ресторан. Она тогда все-таки допила рюмку, и ей хотелось еще. Вино ей по-прежнему не нравилось, но у нее было предчувствие, что со временем она найдет в нем вкус. Но, пробираясь к дверям, она застряла в густой толпе. И тут

кучка эльфов, заливаясь веселым хохотом, разбежалась врассыпную, и Джейн увидела школьную секретаршу.

На ней были большие очки с оправой, усыпанной стеклянными бриллиантами. Она была тощая и прямая как палка, а на голове дыбом стояла копна белых волос, так что больше всего она напоминала уже поседевшим одуванчик. На спине, возле лопаток, торчали два хитиновых обрубка — напоминание о далекой юности, когда там были крылья. За спиной у нее маячил Сучок и что-то нашептывал ей в ухо.

Джейн захотелось убежать от этой парочки, но она никак не могла отвести от них глаз. Они тоже смотрели на нее в упор. Потом толпа заслонила их.

Внезапный ужас охватил Джейн. Ее окружали враги, ее опутывала паутина заговоров, против нее собирались силы, чья природа и источник были ей непонятны. Остаться здесь было безумием. Вся дрожа, она хотела выбраться из толпы и бежать, но тут гости вокруг нее снова переместились, и она увидела еще одно знакомое лицо, на этот раз дружеское.

Саломе кружилась в пляске, одна, выбрав свободное место на лужайке. Она танцевала легко и непринужденно, может быть и не замечая, что танцует. Джейн подошла и тронула ее за руку.

— Тебя Хебог ищет.

— Правда? — спросила Саломе. — Нет, правда? — Она казалась такой счастливой, что Джейн не удивилась бы, если бы она поднялась в воздух и улетела.

— Ты под кайфом?

— Что? Фу, не говори глупостей!

— А тогда что с тобой?

— Просто у меня хорошее настроение. Надеюсь, это не запрещается?

— Что-то на тебя не похоже.

— Простушечка ты моя! — снисходительно сказала Саломе. — Очень бы хотелось задержаться и с тобой поболтать, но некогда, некогда! Столько дел, столько встреч! *Noblesse oblige*, знаешь ли. Где, говоришь, был Хебог, когда ты его видела?

Джейн показала Направление, и Саломе бросилась туда со всех ног. Джейн еще не успела опустить руку, когда вдруг увидела в просвете тройку знакомых, которые, сблизив головы, оживленно совещались. Это были преподаватель прикладной астрологии Тюфяк, Кошкодав и Детолов. Увидев ее, они мгновенно замолчали и уставились ей в глаза. Детолов приветствовал ее вежливым кивком и поманил пальцем.

Она бросилась бежать.

Со скрипом повернулся турникет. Путь был свободен, дорожка вела прочь от ресторана. А на дорожке, чуть поодаль, стоял Крысобой.

Ей оставалось только подойти к нему. Он твердо взял ее за плечо и повел в тенистую рощицу, что тихо и терпеливо ждала их все это время. Узкая тропа шла вниз. Густые ветви задевали их лица.

Когда зеленая тень надежно укрыла их, Крысобой снял руку с ее плеча. Они смотрели друг на друга. Он засунул большие пальцы за пояс:

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты с Питером, да?

— У костра, сейчас? Да, я была с ним. Лицо его перекосилось:

— Подонок! А еще был моим другом. Хорош друг! Я ему верил, а он взял и увел мою девушку! Джейн поразилась:

— Что ты несешь? Никогда я не была твоей девушкой.

— Вот, значит, как! — сказал Крысобой. — Ты теперь так со мной, да? — Он шагнул к ней. Она отпрянула. Он подошел ближе, она опять отодвинулась.

На какое-то безумное мгновение ей показалось, что так они и пройдут маленькими шажками через весь лес. Но тут ее спина уперлась в древесный ствол. Крысобой зло усмехнулся:

— Ладно! Сейчас узнаешь.

— Я побегу за помощью, — прошептал кто-то в самое ухо Джейн. Она быстро оглянулась через плечо — никого не было. Слова эти прозвучали из пустоты, так тихо, что она не уверена была, что ей

не почудилось.

— Нечего отворачиваться! Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

— Крысобой сгреб в пятерню ее блузку и рванул на себя. Блузка была льняная. Джейн, боялась, что он ее порвет, схватилась за нее руками рядом с его кулаком и дернулась вслед. Он тряс ее и тербил, как терьер, играющий с крысой, и при этом распалялся все больше.

— Сука! Дрянь! — По щеке его сбежала слеза и расплылась в углу вечно ухмыляющегося рта. Глаза его почти исчезли на искаженном гримасой лице.

До Джейн внезапно дошло, что ей надо кричать и звать на помощь.

— Помогите! — попробовала она крикнуть, но получилось слишком тихо и неубедительно. Она чувствовала себя глупо, как актриса, фальшиво играющая в плохой пьесе. — На помощь!

Крысобой выпустил блузку и ударил Джейн по лицу.

Было больно. Она ударилась затылком о дерево, шляпа слетела с головы и упала в высокую траву. Ноги подкосились, и Джейн упала.

Сейчас он меня изнасилует, поняла она. Придется Меланхтону меня спасать. Я ведь обещала ему хранить невинность. Если это со мной случится, я стану для него бесполезной.

Но дракон не давал о себе знать. Он был занят чем-то другим. Она попыталась призвать его, сосредоточившись на его тайном имени, на командных кодах, на том, что смогла наспех припомнить из его схемы. Надеясь, что расстояние не слишком велико, она молчаливо кричала изо всех сил, призывая его на помощь.

Но дракон не откликался.

Крысобой возился с ее поясом. Она ухватила обеими руками за пряжку, не давая ее расстегнуть, и он снова ударил ее, на этот раз в живот. Она невольно разжала одну руку, но другой продолжала держаться за пряжку. Он отдираал ее пальцы. Из глотки у него вырывалось какое-то клокочущее блеяние. Джейн вцепилась ногтями ему в лицо. Вот ее жизнь — унижение за унижением, сплошной, непрекращающийся кошмар!

— Прекратить сейчас же!

Джейн подняла глаза и окаменела. Вот уж не думала она, что когда-нибудь обрадуется, увидев это лицо!

Это был Кошкодав. Он протянул свою лапищу и поставил Джейн на ноги. Она торопливо подтянула брюки, застегнула пряжку. Когда она снова подняла глаза, Крысобой уже исчез. Было слышно, как он ломится сквозь заросли.

— Порочная девчонка! — Губы Кошкодава побелели от негодования. Его еле заметные брови сошлись в комическую ижицу над бесстрастными стеклами очков. Он толкнул Джейн на тропинку, схватил за шиворот. Блузка обтянула ей грудь, больно врезалась под мышками. — Грязное маленькое чудовище!

— Но я же не виновата! — Она чувствовала, что ее лицо начинает распухать. Неужели Кошкодав может думать, что это все было с ее согласия? Когда она так избита! — Это Крысобой! Он...

— Молчать!

Он потащил ее за шиворот через лужайку, полную гостей, и втолкнул в ресторан. Она успела заметить метрдотеля, заснувшего в кресле. Кошкодав втолкнул ее в гардероб и с шумом захлопнул дверь.

— Это так-то ты платишь за все мои заботы! Дрянь такая! Развратница! Соблазняешь моих славных мальчиков! — Он был вне себя от негодования. — А я-то думал, что мы уже все о тебе знаем! Но такое!..

Внезапно он сделал паузу и наклонился к ней поближе. Его ноздри дрогнули.

— От тебя еще и спиртным разит!

Казалось, он никогда не замолчит. Слушать его было невыносимо, и не только потому, что он не давал ей ни слова сказать в свое оправдание. Он еще, так же точно, как и Крысобой, заново разъярялся, стоило ей отвести глаза. Она не могла понять, что он говорит. Каждое слово ударялось в нее, как твердый предмет — молоток, глиняная кружка, камешек, — а смысл от нее ускользал.

Наконец Кошкодав выдохся:

— Убирайся!

Он распахнул дверь. Потом крикнул ей вслед:

— И не забывайте, молодая особа, мы с вас глаз не спускаем! Не думайте, что вы нас провели! Ничего подобного!

Джейн поплелась прочь.

Стоял тихий голубоватый час — уже не день, но пока и не вечер. Покачивающиеся повсюду китайские фонарики еще не зажгли. Джейн не плакала. Она привыкла сдерживаться.

В голове у нее был сумбур. Крысой, Детолом, Кошкодав, таинственный голос в лесу — все это сплелось в один клубок. Столько злобы обрушилось на нее — словно ее собственное потаенное раздражение обратилось против нее же. Лицо болело, мысли обрывались и путались. Она не могла идти домой в таком состоянии. Меланхтон встретит ее молчанием, в котором она почувствует злорадство. В конце концов, все вышло как он хотел, хоть и без его участия. Она ощущала во рту вкус его мрачного веселья. Кто-то над ней подшутил — злобно и непристойно.

Все ее знакомые еще угощались. В Торговый двор с таким лицом ехать было нельзя. Значит, оставалось только одно место, куда она могла пойти.

* * *

— Ну, подруга, ты даешь! Ты что, подралась?

— Ты бы видел, как тому досталось, — ответила она старой шуткой. Но прозвучало это слишком тихо, слишком невесело. Шутка не получилась. — Я хочу закрасить твои вмятины. — Она постаралась улыбнуться. — Ты, наверное, новый красивый был.

Мятлик, беспокойно повел глазом:

— Эй, сразу красить нельзя! Надо сначала убрать ржавчину.

— Знаю! Я так и хочу сделать. — Она надела очки и противопылевую маску, включила электрическую шлифовальную машинку.

— Слушай, подруга, я тебе, конечно, доверяю, ты не думай, только ты все-таки поставь зеркало, чтобы я мог видеть, что ты делаешь. Нам так и разговаривать будет удобнее.

Джейн, поколебавшись, кивнула. Нашла зеркало, установила.

— Так. Первым делом найди, где ржавчины не так много. Вон там, например, на боку...

Через полчаса левый бок у него выглядел вполне пристойно. Не идеально, может быть, но несколько слоев краски — и будет как новенький. Джейн тоже чувствовала себя получше. Так на нее действовала работа. Напряженная, требующая сосредоточенного внимания, она, как ничто другое, успокаивала нервы и прогоняла дурные мысли.

— Ну что, сестренка? — сказал Мятлик. — Ты, вижу, малость успокоилась. Может, теперь скажешь, что с тобой стряслось?

— Нет, Мятлик, слишком долго рассказывать. И потом, ты все равно не знаешь этих людей.

— Кого, например?

— Ну, Крысобоя, Кошкодава...

— Это я-то Кошкодава не знаю? Мы с ним старые корешки. Ты вот послушай. В прошлом году приперся он в цех, а я тут как раз кое-кому рассказывал про свои подвиги на войне. А этот гад и попер на меня — ты, говорит, не военная модель. Представляешь? Якобы я все вру. Ну я этой суке показал, какая я модель. Как наступлю ему на ногу — три косточки сломал. Больше носа сюда не кажет.

— Правда? — Джейн еле удержалась от смеха.

— Дорогие детишончики! — Мятлик довольно точно изобразил Кошкодава. — Ну-ка, скажите мне все слова на букву «ха»! Три, четыре! Так, правильно! А еще? ...? Хорошо! Еще! ...! Недурно! А еще? Как, неужели никто не знает? А ... — то?

Джейн хохотала до колик и никак не могла остановиться. Она смеялась и смеялась, словно вся боль, весь страх, скопившиеся у нее внутри, выходили потоками неудержимого смеха.

— Ой, перестань, я больше не могу! — задыхаясь, проговорила она.

— Вот так-то лучше! — сказал Мятлик. — Утри слезы, подруга! И пошли их всех на ..., коли шуток не понимают.

Глава 9

— Я тут прикинула, — сказала Джейн, — знаешь, сколько надо возиться, чтобы тебя полностью восстановить? Дракон не отвечал. Он, как обычно, наблюдал мерионов. Крохотные солдатики стройными рядами отправлялись на войну. Тягачи величиной с мышей волокли пушки размером с игрушечный пистолетик и прочие смертоубийственные орудия. Над башнями танков, каждый из которых был чудом миниатюризации, поднимались ниточки дыма.

— Целые годы! Никакого ответа.

— Десятилетия! Никакого ответа.

— Века!

Молчание.

Она раскрыла гримуар и прочла вслух:

— Изготовление одного дракона класса «Молох» требует семидесяти человеко-лет высококвалифицированного труда. Здесь не учитываются системы вооружения, наблюдения и связи, поскольку их монтируют впоследствии. — Она слегка повысила голос. — Если же прибавить рабочее время, пошедшее на изготовление деталей, закупленных в готовом виде у поставщиков, общий итог составит не менее восьмидесяти шести человеко-лет. — Она захлопнула гримуар.

— Восемьдесят шесть лет! Я помню, Питер провозился три дня, когда чинил проводку у лошади, а устанавливали ее, наверное, минут десять.

Прохладный ветерок занес в окно кабины тополиный лист — желтый и заостренный, как наконечник копья, — и уронил на колени Джейн. Это было похоже на знак. Знать бы еще, что он предвещает!

— Ты меня обманывал!

Дракон не сводил глаз с колонны пленников, поднимающихся по бесчисленным храмовым ступеням. Наверху ждали жрецы, зажав в руках невидимые ножи. Храмы располагались по сторонам семиугольника, фасадом к дракону. Издали это напоминало стилизованное изображение его морды. Меланхтон и мерионы уже не могли обходиться друг без друга: он давал им сырье и материалы для

промышленности, они же занимали и развлекали его.

— Ты взял с меня обещание починить тебя, и я обещала, но это невозможно, и ты это знаешь и всегда знал. Почему ты заставил меня пообещать невозможную вещь?

Дракон не отвечал.

Она выскочила наружу, оставив люк нараспашку. Прежде чем прыгнуть с лестницы, убедилась, что не наступит на мериона. Она и раньше об этом заботилась, а теперь это стало совершенно необходимо — прогресс вооружений привел к тому, что они с легкостью могли убить ее, раздави она хоть кого-нибудь. Повернув голову, она крикнула:

— Я в Торговый двор!

Но вместо этого она пошла к Питеру. Ей хотелось увидеться с Гвен.

* * *

Гвен была в дурном настроении. В это утро началась официальная компания по выдвижению кандидатуры в ивовые королевы будущего года. Выдвинули пятерых

— но ни одна из них Гвен не нравилась.

— Ты только погляди, сплошные кухарки! — Она потрясла стопкой листовок.

— Змейку выдвинули, эту кривляку — я что, и к ней должна относиться всерьез? Да у нее под ногтями грязь! — Гвен горько засмеялась. — Мой костер подожжет особа с волосатыми ногами. Не знаешь, смеяться или плакать!

— Ничего, кого бы ни выбрали, она войдет в роль. — Питер выбрал один из листков. — Вот эта довольно симпатичная. — Он подмигнул Джейн. — Я бы мог влюбиться.

— Вы заплатите за эти слова, господин-с-холма, — зловеще пообещала Гвен. Она протянула листок Джейн. — Ты посмотри, как она красится! Слой штукатурки на морде.

Джейн посмотрела — девушка была в миллион раз красивее ее.

Никогда, никогда ей не стать такой!

— Да, лицо как маска.

— Вот именно, Питер, а что мы тут сидим? Мне здесь надоело! Пойдем куда-нибудь! Втроем!

— Клубы еще не скоро откроются.

— А почему обязательно клубы? Как будто, кроме танцев, других занятий нет. Поедем ко мне! Джейн никогда у меня не была, правда, Джейн? Надо же ей хоть разок поглядеть. Поехали!

Вызванный нажатием кнопки экипаж ждал у края тротуара, когда они спустились. Черный гном распахнул перед ними дверцу кареты, а когда они сели, взобрался на козлы и взял в руки вожжи. Внутри карета была обита серым бархатом с черной отделкой. Там был и встроенный бар, но Джейн не решилась его открыть. Гвен всю дорогу мрачно глядела в окно.

У Гвен была роскошная квартира на последнем этаже. Джейн видела ее впервые. Питер не любил здесь бывать — в квартире Гвен принимала своих друзей мужского пола. Джейн с изумлением смотрела на белый концертный рояль, роскошные цветы в высоких вазах, на громадную круглую кровать с водяным матрасом.

— Попробуй, как удобно! — Секунду поколебавшись, Джейн бросилась на кровать. Упругая волна пошла по матрасу, закачала ее, как лодку. Гвен сделала пальцами магический знак, и скрытые моторы начали покачивать кровать. Еще один знак, и заиграла музыка.

Такой роскоши Джейн не видела никогда. Можно было лежать на белых атласных простынях и любоваться своим отражением, медленно поворачивающимся в громадном зеркале на потолке, как новое созвездие в небе. Звуковые колонки были вделаны в раму кровати. Когда «Томагавки» запели «Последнюю мамину просьбу» из альбома «Выхода нет», волны глубокого баса шли прямо через ее тело, отдаваясь в животе.

— Чудесно! — воскликнула Джейн.

— Не правда ли? — Гвен сдернула ее с постели. — Пойдем посмотрим остальное. — Она повела ее по квартире, открывая двери. — Здесь сауна, здесь я взвешиваюсь. Это ванная.

— А это что такое?

— Это биде.

— А-а! — сказала Джейн, покраснев. Был в квартире и игрушечный грот с крохотным озерцом внутри. В углублениях искусственных камней цвели орхидеи. Ветви вьющихся растений свисали до самой воды, а на дне горели цветные электрические лампочки. В огромных шкафах висело непредставимое количество одежды. На туалетном столике стояло столько флаконов с духами, что рядом с ним трудно было дышать. Гвен взяла один из флаконов и чуть-чуть подушила длинную шею.

— Я знаю, что мне неприлично это говорить, но не могу ничего поделать — здесь восхитительно, правда?

— Сдохнуть можно! — саркастически отозвался Питер. Это были его первые слова с тех пор, как они сюда вошли. Он отдернул портьеру, раздвинул пальцами планки жалюзи и тут же их отпустил. — А вид до чего обалденный!

— Ну не надо так! — Гвен выдвинула ящик комода и из-под груды кружевного белья достала маленькую серебряную табакерку. — Нюхнем для бодрости?

Она взяла овальное зеркальце без рамки. Они сели втроем на край кровати.

Зеркало в руках Гвен было как маленькое горное озеро. Ее отражение тонULO в его глубине, словно прекрасное видение. Она насыпала на зеркальце три горстки волшебного порошка, взяла соломинку и в три приема изящно втянула в ноздри одну из них.

— А-а-а! — вздохнула она.

Питер взял у нее зеркало и соломинку и втянул в себя вторую порцию. Потом протянул все Джейн. С испугом заглянув в зеркало, она взяла соломинку, стараясь держать ее так же, как Гвен, и вдохнула.

Мелкие пылинки обожгли ей дыхательные пути. Глаза широко открылись, все вокруг стало как-то отчетливее, ярче, словно она мгновенно выздоровела от какой-то болезни, затуманившей ей зрение. Джейн нагнулась, чтобы понюхать еще.

— Стоп! — Гвен ухватила ее за волосы и оттащила от

порошка. — Ты представляешь себе, сколько эта пакость стоит?

— Ты за нее все отдашь, — проворчал Питер.

— Спасибо, дорогой, ты так мил! — Она нахмурилась, но тут же потянулась и порывисто обняла его. С лукавой улыбкой она спросила Джейн: — Я никогда тебе не рассказывала, как мы с Питером познакомились?

— Ей это совершенно неинтересно!

— Нет, очень интересно! Расскажи, пожалуйста!

— Ладно. Когда я была молодая... — Питер поднял два пальца, это значило: два года назад, — ... я жила в ужасном месте. В прицепе, можешь себе представить, на краю болота, там был целый поселок из таких домиков на колесах. Комары как кусались — ужас! — а на деревьях водились белые обезьяны, которые могли прыгнуть на тебя и затащить к себе наверх, если поздно идешь. Они могли откусить все пальцы на руках и на ногах и уши тоже. Я знала девушку, которая лишилась носа.

Гвен вздрогнула. Даже вздрагивала она красиво.

— Я так мучилась там! У меня ничего не было. И вот однажды...

Она замолчала, подняв глаза кверху, словно всматриваясь в свое прошлое.

Джейн чувствовала прилив сил и бодрости, ее тянуло плясать, сердце стучало. Она делала над собой усилие, чтобы не запрыгать на кровати. Профиль Гвен восхищал ее своей красотой — такой чистый, законченный рисунок! Джейн в нетерпении наклонилась:

— Что? Что тогда случилось?

— А? Ну, в общем-то, ничего. Если под «случилось» ты понимаешь какое-то событие или чьи-то слова, которые меня подтолкнули. — Она насыпала на зеркало еще порошка, наклонилась и растолкла его позолоченным бритвенным лезвием. — Просто я не могла больше этого выносить. Такое ужасное однообразие, понимаешь? Все дни как один — серые, серые, серые!.. Я ушла. Она сделала паузу и нюхнула еще порошка.

— От нашего поселка тянулась тропинка в глубь болота. По бокам ее была свалка — негодные холодильники, строительный мусор. Стояли лужи химических отходов. Их покрывала густая

коричневая пленка. Но не все. Были лужи, которые тянулись за тобой, от них приходилось убегать. Некоторые были такие красивые-красивые, бирюзовые, от них шли ядовитые испарения, можно было умереть, если засмотришься. Но потом эта тропка приводила в первозданные, нетронутые места. Там были пруды, очень глубокие, до самого сердца земли, и в них росли черные яблоки.

— Черные яблоки?

— Да. Я шла больше часа, вся вспотела и исцарапалась. Но я нашла один такой пруд. Было так тихо, вода гладкая, как зеркало. Я огляделась вокруг, нет ли кого, и разделась. На мне были ужасная цветастая блузка и мешковатые джинсы. Я сбросила эту дешевую дрянь. Грело солнце, дул легкий ветерок... Я показалась себе такой красивой!

— Ты и была очень красивой, — серьезно сказал Питер.

— Милый он, правда? Но не перебивай. Ну вот, я набралась храбрости, вздохнула глубоко и бросилась в воду. Это был единственный храбрый поступок за всю мою жизнь. — Гвен положила зеркальце на колени, перевернула табакерку и постучала по донышку, но ничего не высыпалось. — Тьфу ты, черт! Больше нет? Питер! Ты же должен был запасть! — Она отшвырнула табакерку и зеркало. — Надоело мне здесь! Пошли отсюда!

— Куда? — спросил Питер.

— А, плевать, все равно куда! Клубы скоро откроются, придумаем что-нибудь. Пошли!

Опять внизу ждала карета. Они сели, поехали. Гвен застучала ладонью в вверх. «Быстрее!» Гном поехал быстрее. Одно прикосновение к кнопке — и раздалась музыка. Группа «Лешие», альбом «Майский день». Гвен смотрела в окно.

— И что было дальше? — спросила Джейн. — Когда ты бросилась в пруд.

Гвен вздрогнула, повернулась к ней, нахмурилась. Потом ее настроение снова изменилось, и она улыбнулась.

— Я погружалась все глубже. Сначала вода была коричневая, как чай, но потом стала густо-черной, и я уже ничего не видела. Я перестала донимать, погружаюсь я или поднимаюсь, но, конечно, я опускалась, потому что поверхность не показывалась. Легким было

больно, а уши — ты не представляешь! — как будто в них гвозди забивали.

Ко мне что-то прикасалось, щупальца или усики, нежно-нежно, словно меня ласкало множество маленьких любовников. Потом они стали настойчивее, опутали меня, как веревки, зажали лицо. Я тонула. И, хотя этого я и хотела, я невольно начала бороться. Но, как я ни билась, я только еще больше запутывалась. Наконец я уже не могла пошевелиться. И тут что-то ударило меня по губам.

Оно было мягкое, как перезрелая слива, а величиной с мой кулак. Это и было черное яблоко, я это сразу поняла. Обычно они растут гораздо глубже, но это почему-то оказалось недалеко от поверхности. И я подумала: как сладко умереть с яблоком во рту.

Гвен протянула руку и положила Питеру на колено. Он чуть придвинулся к ней, и она рассеянно стала поглаживать его бедро изнутри.

— Я откусила кусочек. Оно было вовсе не сладкое, нет! Оно было горькое-горькое, восхитительно горькое. Питер закрыл глаза и пробормотал:

— Ну вот, худшее позади.

— Щупальца выпустили меня, и я стала подниматься. Меня переполняла энергия, а вода делалась все светлее, все ярче. Я видела круг яркого света — это была поверхность пруда, и вот по ней пошла рябь...

— А что это за черные яблоки? — спросила Джейн, но никто ей не ответил.

— Я стоял на берегу, и тут она вынырнула. Это было фантастическое зрелище, никто такого не видел! Только что ничего не было, и вдруг прекрасная, обнаженная... — Питеру не хватало слов. — Словно солнце взошло среди ночи.

— А что ты делал на болоте?

— Собирал пиявок для урока фармакологии. Так что с Гвен мне повезло, потому что на ней висели сотни...

— Питер!

— ...громадных пиявок, зеленых, золотых, они были везде — на груди, на лице, на ногах — везде! Мы их сто лет снимали.

— Сукин ты сын! Ты же обещал об этом молчать!

— И не думал обещать.

— Я тебе приказывала, а это то же самое. — Она стукнула его в грудь, потом стала щекотать. Он обмяк от смеха, прижавшись к окну. — Негодяй! Предатель! — Карета накренилась. Снаружи была враждебная улица, а внутри — свет, смех, тепло. Джейн чувствовала себя неловко, и все же ей было очень хорошо.

Гвен перестала щекотать Питера. Когда он отдышался, она схватила его руку и начала, причмокивая, облизывать кончики пальцев. — Чего бы ты хотел?

— Она заглянула ему в глаза. — Скажи мне, чего бы тебе сейчас хотелось? Он ответил без всякой надежды:

— Ты знаешь, чего я хочу. Быть с тобой, только вдвоем, вместе, всегда.

Гвен откинулась на сиденье.

— Да, — томно сказала она, — это было бы мило, верно?

Может быть, на Джейн еще действовал порошок — правда, возбуждение прошло, оставив только чувство пустоты и сухости в горле, — но, возможно, порошок имел замедленное дурмнящее действие — во всяком случае, Джейн сказала:

— Послушай, ведь жертва должна быть добровольной, правда? Что будет, если ты просто откажешься? Тогда они возьмут вторую прошлогоднюю кандидатку, а вы с Питером будете свободны. Ты сможешь вернуться к нормальной жизни.

Глаза Гвен сверкнули:

— Но я не хочу возвращаться к прежней жизни! Я хочу, чтобы эта жизнь продолжалась без конца.

— Но...

— Ох, да что ты вообще понимаешь! Кто ты такая? Лесовица дремучая! Джейн стало больно.

— Зачем ты так?

Питер знаками просил ее замолчать.

— Ах, теперь мы замечания будем делать! Нечего меня учить!

Ты уж подождала бы немножко и тогда говорила бы обо мне что вздумается, так нет, тебе надо оскорблять меня в лицо, пока я еще жива!

— Я...

Гвен зарыдала.

Все получилось ужасно.

— Мы недалеко от Торгового двора. Хочешь, я выйду?

— Да, думаю, так лучше.

Когда карета остановилась, Питер вышел вместе с Джейн и неловко обнял ее. Понизив голос, он сказал:

— У нее это пройдет. Мы немножко потанцуем, а потом поедem ко мне... Не расстраивайся. Утром она будет снова такая, как всегда.

Он улыбнулся печальной, обреченной улыбкой.

* * *

Итак, Джейн все-таки попала в Торговый двор. Она заметила Саломе и Хебога на скамейке у крохотного поля для гольфа. Это был просто аттракцион для развлечения покупателей, Поле украшали искусственным дери и стилизованные фанерные мельницы. За ними присматривал помирающий от скуки тролль, который в данный момент дремал, опустив голову на руки. Играющих не было. Хебог и Саломе сидели рядышком, на колени их был небрежно брошек свитер. Когда Джейн подошла, рука Хебога вынырнула из-под свитера и потянулась почесать подбородок. Саломе, покраснев, начала сворачивать свитер. Джейн, к своему крайнему удивлению, поняла, что они тайком держали друг дружку за руки.

— Привет, ребята! Саломе рассеянно кивнула.

— Привет, Сорока! — ответил Хебог. — Это Крысобой меня так называет. Мне больше нравится Джейн.

— Что там у вас случилось? — с любопытством спросил Хебог. — Ты с ним больше не ходишь?

Собрав все свое самообладание, Джейн ответила металлическим голосом:

— Крысобой и я никогда не «ходили» вместе, ни в каком смысле, виде или форме. Мы дружили одно время, но больше мы не друзья. И, даст Богиня, дружить не будем.

— Да, он так и сказал, что вы расплевались. Джейн не успела найти достойный ответ. Заговорила Саломе:

— Слушай, ты давно видела Скакуна-и-Свинтуса? У них сейчас на двоих три с половиной глаза. То есть глаза три, но у среднего две радужки, каряя и голубая. Ужас!

Они еще посплетничали, а потом Джейн сказала:

— Мне нужно что-нибудь для Гвен. У нее плохое настроение, хочу ее немножко порадовать.

— Например, свитером? — спросил Хебог. Саломе ткнула его пальцем под ребро.

— Да нет, хотелось бы что-нибудь более праздничное. Украшение, может быть. Гвен обожает украшения.

— Скоро начнутся холода. Свитер был бы практичнее.

— Поищи в «Доме Оберона», — предложила Саломе. — Там самые лучшие украшения. — Она бросила быстрый взгляд на запястье, на котором не было никаких часов. — Ой, поздно как! Нам пора бежать!

Конечно, в такой одежде, как у нее, зайти в «Дом Оберона» было немыслимо. Прежде всего пришлось украсть блузку получше. После некоторых колебаний она выбрала шелковую с муаровыми разводами, персикового цвета. Брюки могли бы сойти, будь у нее приличные туфли, а не стоптанные кеды, а воровать туфли — пустое дело: без примерки никогда не будут по ноге. Поэтому она решила спереть дорогие джинсы. Кроме того, нужны были сумочка, хорошая косметика и шарф — из тех, безумно, неестественно дорогих, даже если учитывать ручную работу и прочее. Ко всему этому побольше бижутерии и черные очки помоднее — и тогда даже самый опытный и недоверчивый продавец, только взглянув на нее, сразу решит: полукровка, эльфийское отродье.

Все это заняло у нее полных три дня субъективного времени. Нельзя же было все время вертеться у прилавков, это могло привлечь внимание охранников. Приходилось воровать пищу. Одна только Богиня знала, сколько раз ей пришлось заходить в туалет для

переодевания, пока она не приняла нужный вид.

Но дело того стоило. Когда она вошла в «ДО», продавщица-ореада чуть не сломала ногу, когда бросилась к ней, боясь, что другие продавцы перехватят. Джейн сообщила, что ее интересует, и ореада проводила ее к третьей по роскоши витрине, отперла витрину и откинула крышку, чтобы Джейн могла рассмотреть товар.

Пресыщенно и лениво Джейн вела пальцем по брошкам — и вдруг на одной задержалась.

Круглая серебряная брошь изображала луну в четвертой фазе — с изрытой кратерами яркой четвертушкой и путаницей блестящих линий на темной стороне. При ближайшем рассмотрении оказалось, что сложнейший узор этих линии не нарисован, а тончайшим образом вырезан, образуя лабиринт, по которому свободно может скользить небольшой изумрудик, похожий на яркую слезу. Джейн поддела его единственным своим необкусанным ногтем и повела по запутанному пути через ночной мрак. «Гвен будет в восторге», — подумала она.

Продавщица назвала цену.

— О, — с сожалением сказала Джейн, — боюсь, что на этой неделе не получится. Мама покупает корову. — Ореада стала закрывать витрину. Джейн, глядя в сторону, спросила: — А вон те бусы, из черного коралла, они дешевле?

Когда продавщица посмотрела на бусы, Джейн протянула руку за спину, туда, где, как она точно запомнила, лежала брошь, и схватила ее. Опускающийся край витрины легонько, будто крылом бабочки, задел пальцы. Брошка упала в задний карман джинсов. — Да, намного дешевле.

— Тогда мне их не надо!

Джейн позволила ореаде продемонстрировать еще две витрины, после чего вежливо, но твердо сказала, что подумает.

У священного источника она подобрала медную монетку на счастье, хорошенько огляделась по сторонам и выудила брошку из кармана.

Чья-то рука схватила и сжала ее руку, вдавив брошь в ладонь. Булавка больно вонзилась в кожу.

— Попалась! — сказал Сучок.

— Ой! — Джейн вырвала руку и пососала ранку. — Дурак! До крови поцарапал!

— Не думай отпираться. — Он уставил на нее свои вытаращенные глаза. — Мы давно знали, что ты ворует. Кошкодав не зря говорил, мы с тебя глаз не спускаем.

Джейн молчала.

— Мне вообще-то не обязательно было ловить тебя с поличным. Я мог просто сказать, что видел, как ты что-то стащила. Мне бы поверили. — Он взял ее за подбородок и заставил смотреть ему в глаза. — Думаешь, нет?

Она сбросила его руку.

— Тогда зачем тратить слова?

— Чтобы ты поняла, как это серьезно. Вообще-то у меня есть предложение.

— Что еще за предложение?

— Мы с тобой похожи. — Он так долго молчал, что Джейн задумалась — может, он уже все сказал, а она по глупости не поняла.

— Я не... — начала она, но тут он заговорил снова:

— Мы с тобой оба изгой, мы на них на всех не похожи. Мы можем делать такое, что они никогда не смогут. Ты же ведь это знаешь, правда?

Она в недоумении покачала головой.

Его выпученные глаза, круглые, как морские камешки, без выражения таращились на нее. От него прямо пахло потом.

— «Есть вещи поинтереснее воровства, — сказал он. — Я тебя научу. — Он наклонился к ней и втянул носом воздух. — Ты знаешь, о чем я. Носом чую, что знаешь.

Джейн видела, что он говорит серьезно.

— Ты хочешь, чтобы я... чтобы я стала такой, как ты?

— Стукачкой? Да! Предложение такое. Я не доношу, что ты ворует. Ты получаешь стипендию. Я буду твоим наставником. Ты делаешь то, что я тебе говорю. — Джейн смотрела на него с ужасом, он на нее — уверенно и спокойно.

— Это очень просто. Ты выдашь Саломе и этого гнома, скажешь секретарше, чем они занимаются. Я скажу им, что ты исправилась. Они поверят. Они всему верят, что я им говорю.

— Ни за что я не стану доносить на друзей!

— Ну так я донесу.

И опять Джейн видела, что он говорит правду. Хебог и Саломе пострадают в любом случае. Но, если она согласится на его предложение, будет хоть какая-то польза для нее самой.

— И для верности ты мне скажешь свое имя, а я тебе скажу свое.

— Но это... — «невозможно», хотела она сказать.

— Это навсегда? Да, я знаю. — Он смотрел на нее не мигая, опустив руки по швам. — Можешь поступить в университет, если хочешь. Я поеду с тобой. Куда ты поедешь, там и я буду, ближе, чем самый близкий друг. Мы будем читать одни и те же книги, есть из одной тарелки. Спать в одной постели.

Только сейчас, мгновенным прозрением, Джейн поняла, как Сучок одинок. Товарищи боялись и ненавидели его, начальники терпели, но не уважали. Он был настолько выключен из всех нормальных отношений, что и сейчас не понимал, как ему нужно с ней разговаривать — угрожал, когда надо было убеждать, запугивал, когда надо было улыбаться. Его предложение, конечно же, было искренним.

— Нет, никогда! — почти выкрикнула она. Он оглядел ее с ног до головы. Она дрожала. Он понюхал ее волосы, наклонился и понюхал колени и — она отскочила — промежность.

— Ты еще ничего не решила,

— сказал он. — Даю тебе время до завтрашнего утра. Я носом твое решение учую. — Он показал ей брошку-луну — Джейн совсем о ней забыла — и добавил: — А это я возьму как залог. Он сунул брошку за щеку, повернулся и ушел.

* * *

— Убей его! — попросила она. — Ну что тебе стоит!

Меланхтон молчал.

Границу жизненного пространства мерионов обозначали бледно-фиолетовые огни. В темноте двигались машины. Дракон упорно глядел в землю, не желая разговаривать, но Джейн чувствовала подспудные вихревые токи, электромагнитный резонанс гнева. Она знала его имя. Она могла приказать ему

— один раз ей это удалось, значит удастся и в будущем. В этом она не сомневалась. Но рано или поздно ей придется покинуть кабину, и тогда он сможет обратить на нее свою ярость. Она была в безопасности только до тех пор, покуда его нужда в ней была больше, чем его гнев. — Послушай! Он хочет со мной спать. Я тебе обещала, что этого не будет, помнишь? Это изменяет электрический потенциал в ауре, ты сам мне объяснял, я тогда не смогу чинить твою электронику, все будет тут же ломаться. Ты это сам, говорил, вспомни!

Бесполезно, он молчал. Джейн снова сложила на кресло учебники, надела ночную рубашку. Развернула тюфяк, постелила простыни и легкое одеяло, теплое одеяло сложила на всякий случай в ногах. Ночи делались все холоднее. Что поделаешь, осень.

Джейн легла спать.

Она лежала с закрытыми глазами, но сон не шел к ней. Она снова и снова пыталась объяснить себе все ту же загадку: молчание дракона. Может быть, он унижен тем, что существо с человеческой кровью подчинило его себе, и мелко мстит ей — заботится о ее главных нуждах, а в остальном не замечает. С другой стороны, дракон изощрен и хитер. Может быть, он хочет спровоцировать ее на какой-нибудь отчаянный шаг. Может возникнуть ситуация, в которой она, боясь ему доверять, поступит именно так, как ему нужно, в соответствии с каким-нибудь его сложным замыслом. Может быть, он уже манипулирует ею, управляет каждым ее движением, мыслью, эмоцией, опутав ее сетью своего коварства, столь изощренного, что она его даже не замечает.

Может быть, он просто выжил из ума.

Школьный порядок держался страхом, а уровень страха, распространяясь концентрическими кругами, нарастал по мере приближения к директорскому кабинету. Этой комнаты боялись самые грозные учителя. Ее дверь всегда была закрыта, и время от

времени оттуда доносились леденящие кровь вопли ужасного создания, заключенного там.

Кабинет секретарши находился поблизости от директорского. Хозяйка кабинета с горящими глазами слушала донесение школьного надзирателя Сучка. При каждом его слове Кошкодав пыхтел от негодования. Джейн еле держалась на ногах, так ей было страшно. Наконец Сучок закончил.

— Ну и ну! — Секретарша стояла на одной ноге, засунув костлявое колено под мышку. — Столько лет я здесь работаю, но такой испорченности и бесстыдства мне видеть не доводилось. Думаю, относительно наказания двух мнений быть не может?

Она поглядела на Кошкодава. Он откашлялся и отвел глаза. Она повернулась к Сучку. Этот твердо встретил ее взгляд.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Бросим это испорченное дитя василиску.

Сучок и Кошкодав, избегая глядеть на Джейн, выволокли ее в коридор. Приоткрыв дверь директорского кабинета, втокнули ее туда. Дверь захлопнулась. Джейн оглянулась и увидела чудовище. Оно восседало на стопке бумаги, загаженной зеленоватым пометом.

Василиск цеплялся когтеподобными пальцами за край письменного стола. Это было двуногое без перьев, с кожей бледной, как у курицы, длинной шеей и какими-то недоразвитыми обрубками на месте крыльев. Его круглый живот был упруг и плотен, как барабан, а остальное тело вялое, дряблое, будто вареное.

Но самым страшным было его лицо. Глаз на нем не было, лба тоже, только крошечные человеческие уши и рот, громадные мягкие губы, блестящие от какой-то слизи. Носа тоже не было, эта тварь дышала ртом и при каждом вздохе всхлипывала, как от великой боли. Глядя на это странное существо, Джейн невольно попыталась представить себе, каково это — быть заключенным в такую оболочку. Эта судьба показалась ей еще отвратительнее, чем само создание. Она хотела отвернуться и не смогла.

Он захлопал своими покрытыми гусиной кожей обрубками-крыльями. Потом внезапно вытянул бледную шею вперед и вниз и широко раздвинул мягкие, резиновые губы. Показались зубы, ровные и белые, и розовый влажный язык. Джейн отпрянула от его пронзительного вопля.

Все померкло у нее перед глазами. Она оказалась где-то там, где не было ни времени, ни пространства, ни мыслей, ни воздуха. Это было абсолютное отрицание сущего, полная пустота. А потом, вздрогнув, она снова обрела себя в директорском кабинете. Она в ужасе глядела на василиска, на его закрытый, мокрый от слюны рот.

Джейн защитило беспамятство, но его черный, слепой крик все еще отдавался у нее во всем теле. Ей хотелось добежать до ближайшего туалета и там извергнуть из себя вместе с желчью невыносимую мерзость, которая, она чувствовала это, замарала всю ее изнутри — язык, рот, все внутренности.

И тут ей наконец удалось отвести взгляд от василиска и посмотреть на директора.

Директор, не шевелясь, сидел за письменным столом. На нем был темный костюм-тройка, галстук. Руки неподвижно лежали на коленях. Глаза смотрели на нее пристальным взглядом рептилии, без малейшего проблеска эмоций.

Это был Болдуин.

Едва не задохнувшись, она с трудом подавила восклицание. Значит, ее все-таки разоблачили! Меланхтон обещал укрыть ее от разоблачения, от преследования. От допросов. Очередная ложь! Такого острого отчаяния, такой покинутости и беспомощности, как сейчас она еще не испытывала никогда.

Но Болдуин молчал и, хотя не сводил с нее глаз, не сделал ни малейшего движения, чтобы задержать ее, когда она отступила к порогу.

Рука Джейн была уже на дверной ручке, когда она заметила на коленях у Болдуина папку. Это была обычная картонная папка, и он крепко держал ее двумя руками. Что-то сказало Джейн, что она должна на нее посмотреть.

«Я схожу с ума», — подумала она. Но, преодолев неприязнь, заставила себя подойти к нему.

Глаза Болдуина следили за ее рукой, потянувшейся к папке. У него были бледные руки, покрытые крупными старческими веснушками. Осторожно она взяла папку двумя пальцами и потянула. Папка выскользнула из его рук, глаза Болдуина поднялись следом. На папку был наклеен листок с именем. Джейн прочла его.

Питер-с-холма.

Охваченная нетерпением, она раскрыла папку. В ней был единственный листок папиросной бумаги, больше ничего. Он был исписан бледными чернилами, неразборчиво — Джейн не могла читать его здесь, в таком состоянии. Она сложила листок вчетверо и сунула за пазуху.

Болдуин не пошевелился, даже когда она вкладывала папку назад, в его руки.

Джейн медленно вышла в пустой коридор. Какой-то учитель, выходящий в этот момент из класса, заметил ее и торопливо нырнул обратно. Он явно не хотел ничего знать.

Медленно, не чувствуя ног, ничего не видя вокруг, шла она по коридору. Голова кружилась.

У кабинета секретарши Кошкодав и Сучок схватили ее за руки и втащили внутрь.

— Что он тебе сказал? — спросила секретарша. — Что он сказал?

До этой минуты Джейн сдерживалась. Но сейчас ее самообладание рухнуло, и она разрыдалась. Страх и отвращение переполняли ее.

— У нее истерика! — Секретарша подняла руку и закатила Джейн такую пощечину, что звон пошел. — Что он сказал? — прокричала она, брызгая слюной.

И тут Джейн какой-то холодно-расчетливой стороной своей натуры, глубоко до сих пор запрятанной, о которой сама раньше не подозревала, оценила ситуацию и увидела, какие возможности она несет. О том, что произошло в кабинете, никто из них знать не мог. Они все так панически боялись директора, что не осмеливались встречаться с ним лицом к лицу. Они знали о его намерениях столько же, сколько о намерениях Дамы Луны.

— Он сказал, что я должна стать алхимиком, — прорыдала она. — Сказал, что вы должны дать мне стипендию.

Троица обменялась недоуменными взглядами. То, что они услышали, было невозможно, но еще менее реальным казалось им, что можно лгать после встречи с василиском. Слова Джейн были

невероятны, но неоспоримы.

В конце концов, что они могли тут поделать?

Секретарша села за машинку и начала заполнять бланки.

Глава 10

У бокового входа курили, сбившись в стайку, девушки-стрекозы. Их тела и после созревания оставались на вид совершенно детскими, и это придавало им какой-то извращенно-порочный вид. Джейн видела их каждый день, они собирались, сплетничали, и их прозрачные крылышки трепетали от возбуждения. Узкобедрые и безгрудые, одетые в дорогие тесные джинсы и прозрачные шелковые блузки, небрежными щелчками пальцев они разбрасывали по двору свои окурки в ярко-алой помаде.

Джейн выбрала одну, которая показалась ей чуть дружелюбнее остальных, и дождалась, пока она отойдет в сторону.

— Извини, пожалуйста...

Стрекоза, уже пройдя мимо, остановилась и бросила презрительный взгляд через Плечо.

— А, воровка... — сказала она в пространство.

— Посмотри-ка! — Джейн вынула из сумочки серебряный амулет — кованый цветок каланты, — изящную вещицу и весьма недешевую. Джейн стащила его нынче утром, пропустив ради этого уроки, и, если бы попалась, шуму было бы много. Но рискнуть пришлось, потому что приносить украшения домой она не могла. Магия холодного железа губила их, они заболели и умирали.

Серебро заиграло в солнечных лучах. Стрекоза широко раскрыла глаза.

— Это тебе.

— Мерси! — Она протянула за вещицей тощую руку.

Джейн отдернула свою.

— Но не даром.

Глаза стрекозы стали тусклыми, злыми. Губы раздвинулись, обнажив острые жемчужные клыки. Джейн отважно продолжала:

— Где можно узнать... как предохраняться? Полное недоумение.

— Предохраняться? Тебе? — Стрекоза откинула голову и расхохоталась — безжалостным эльфийским смехом.

— Ну что, берешь или нет?

— Давай сюда!

Едва коснувшись узкой ладони, амулет мгновенно исчез из виду. Стрекоза, отвернувшись, поспешила прочь. Но в воздухе за ее спиной повисли слова:

— Иди к Пег-с-насыпи. Заплатишь серебром.

* * *

Не одна неделя прошла, пока Джейн набиралась храбрости. И вот наконец дождливым и холодным утром первого дня Материнской Луны она стояла, дрожа в легкой курточке, перед одним из тех неказистых кирпичных домишек, чьи задние дворы выходили на насыпь. Только прибитая к двери покоробившаяся и ржавая жестяная табличка со знаком двойного топора указывала на то, что в доме живет ведьма. По передней стене бежала вверх трещина, сдвигая и перекашивая кирпичи. Все окна были заделаны изнутри листами пластика, занавески опущены.

Джейн смотрела на дверь и не находила в себе сил подойти. Впервые с той отчаянной ночи, когда они убежали с завода, она, не на словах, а на деле, и притом деле такой важности, пошла наперекор Меланхтону. Ее приход сюда был настоящей изменой — девственность была необходимым условием работы с магической электроникой. Джейн не понимала, почему это так, но знала, что во всех крупных корпорациях только оскопленным инженерам доверялась ответственная работа.

Она вынула из кармана листок бумаги из папки Болдуина. Он был сложен вчетверо, края обтрепались и замусолились. Джейн развернула его и в тысячный раз перечитала. Его содержание не изменилось.

«Вздыхни поглубже, — сказала она себе. — Поднимись по ступенькам. Подойди к двери. Постучи».

Она поднялась и постучала.

Долгое молчание. Скрип половиц. Опять тишина. Наконец дверь распахнулась.

— Ну? Что надо?

Пег оказалась старой, жирной размалеванной бабкой. В зубах торчала сигарета. На ней были купальный халат и стоптанные шлепанцы. Под глазами круги. В руках кружка с кофе.

— Я... я могу прийти попозже... — забормотала Джейн. — Если вам удобнее... Я не хотела вас будить или...

Старуха вздернула подведенную бровь, скривила намазанные губы:

— Туда или сюда, только в дверях не стой. Я тут с тобой жопу отморожу.

Пег не закрыла дверь, и Джейн проскользнула мимо нее внутрь, задев мягкий живот старухи и ее громадные груди. От халата шел застарелый, въевшийся запах табака и ладана.

В пляшущем каминном огне шла телепередача — новости, репортаж о каркассонских беженцах. Пег нетерпеливо щелкнула пальцами, и передача прекратилась. Гостиная была маленькая, душная и до невозможности заставленная разнообразной мебелью. Джейн заметила гномовскую наковальню, гравюры, изображающие лошадей с содранной кожей, аптечный шкафчик черного дерева, гомункулуса в бутылки с рассолом. Все в целом не складывалось в единую картину, напоминая коллаж.

— Присаживайся, — сказала Пег. — Я пойду что-нибудь накину. — Она ушла в соседнюю комнату. Забрякали кольца, держащие занавеску, которую хозяйка не потрудилась откинуть.

Джейн села, сложив на коленях руки, и стала ждать. Электронагреватель в центре комнаты слабо жужжал и потрескивал. Одному боку ее стало жарко, другой мерз. Гомункулус пялился на нее мертвыми глазками, в которых застыло удивление, словно он хотел ей сказать:

«Ну ты и уродина».

Она отвернулась. На камине под стеклянным колпаком стояли золоченые бронзовые часы. Они шли, секундная стрелка нервно прыгала, но тиканья не было слышно: из-под колпака был выкачан воздух. Скоро Джейн снова невольно бросила взгляд на создание в бутылки с рассолом на аптечном шкафчике. «Ненавижу тебя, — говорили его неподвижные глазки, — потому что ты можешь ходить,

а я нет, ты свободна, а у меня никакой надежды освободиться, а ведь тебе свобода и не нужна совсем».

Джейн беспокойно заерзала на стуле.

Напротив стоял шкафчик со стеклянными полками. Спрятанные электрические лампочки освещали их недобрым, холодным светом. На полках ровными рядами лежали яйца — самые разные, хоть и одного размера: из малахита, белого обсидиана, зеленого и розового оникса, кварца с золотыми искорками, синего аргонита, опала. Были и хрустальные яйца с миниатюрными картинками внутри — городские улицы, горные вершины, играющие дети. В одном яйце можно было видеть человекоподобную блоху с корзиной яиц, в каждом из которых была своя крохотная блоха г. микроскопическими яйцами.

Джейн не понимала, почему ей так противно смотреть на эти яйца, но у нее тошнота подкатила к горлу. Она резко отвернулась, и ее взгляд снова уперся в гомункулуса, в его злобно кривящийся рот и выпученные глаза.

А ты к тому же и дура. Джейн вздрогнула.

— Что? — проговорила она неуверенно. *Заметила наконец. Слабо у тебя котелок варит. Запоздалое развитие. Туповата, туповата, ничего не поделаешь.* Это не могло быть ее собственными мыслями, с чего бы ей говорить себе гадости? Джейн удивленно подошла, потрогала бутыль. Человечек внутри был белый и какой-то распухший, словно готовый лопнуть гриб-дождевик.

— Ты что, живой?

А ты? Джейн отскочила. Она понимала, что надо бы что-нибудь сказать, но не находила слов. А ты спроси, чего я хочу, — подсказал человечек. — Такой вопрос всегда уместен.

— Чего ты хочешь?

Х очу умереть... Хочу засунуть ведьму в эту бутыль, живьем, чтобы она помучилась так, как я. Хочу знать, кто у тебя за спиной. Джейн быстро оглянулась, но там никого не было.

Е стественно,

— *сказал с раздражением гомункулус, — когда ты смотришь, его там не будет. Это уж такое создание. Посмотри-ка лучше на наковальню. Уж кувалду-то, наверно, даже ты видишь? На*

наковальне, в полуметре от гомункулуса, в поле его зрения, лежал двадцатифунтовый молот.

— Вижу.

П одойди, потрогай. Больше я ничего не прошу, только потрогай. Приятная штука на ощупь, эта кувалда, верно? Лежит хорошо, такая увесистая. Бледно-серебристый луч пробрался через занавешенное окно, кольнул Джейн в зрачок. Она моргнула, в глазах заплясали крохотные солнца-искры. Гудел обогреватель. У нее закружилась голова.

— Да... приятно.

В озмись за рукоятку. Гладкая? Приподними немножко. Тяжесть чувствуешь? Мускулы напрягаются, сокращаются... Чудное ощущение, роскошь прямо-таки, нужно быть парализованным, как я, чтобы оценить. Подними повыше. Размахнись как следует. Чувствуешь, как он тебя увлекает, какое усилие нужно, чтобы его удержать?

— Да, верно... — Джейн никогда особенно не обращала внимания на свои телесные ощущения. Это было ново и интересно. Комната куда-то уплывала, а гудение обогревателя делалось громче, разрасталось... — Это приятно...

Н у-ка, подними молот над головой. Чувствуешь. как у тебя руки дрожат от напряжения? Он хочет опуститься. Молот тянет вниз твою руку, чувствуешь?

— Да.

Н у так опусти его. Разбей бутыль. Джейн чуть не послушалась, но вовремя опомнилась.

— Нет!

Ей удалось в последний момент повернуть молот, и он с грохотом упал обратно на наковальню.

— Зачем ты это сделал?

О х, ну зачем ты остановилась? Мы же почти у цели. Освободи меня. Подари мне забвение. Ведьме скажешь, что я тебя заставил. Джейн не пошевелилась.

— Ну да, а что она скажет, когда увидит, что я разбила ее

бутыль? Ей это не понравится. Она может выместить зло на мне.

А если и так, мне-то что? Она истязает меня. Она такая толстая. Ест живых мышей. Слишком коротко стрижет ногти на ногах, нарочно, чтобы меня помучить. Курит сигареты без фильтра. Глотнет виски и спичку ко рту подносит, чтобы обжечь губы. И такую тесную обувь носит!

— Но ведь это она не тебя мучает, а себя. Больно-то ей!

Ты что, не слышала о болеуловителях? Джейн покачала головой.

Т ише, она идет. Вошла Пег, набросила на бутыль покрывало и Тяжело плюхнулась на стул.

— Денежки вперед!

Джейн вынула из кошелька пригоршню серебряных лунных долларов и единственный золотой цехин с изображением смеющегося солнца. Пег отодвинула цехин длинным ярко-красным ногтем и сгребла остальное.

— Ну так что с тобой стряслось? Залетела? — Она подмигнула. — Нет? Проблемы с мальчиком? Джейн кивнула.

— И что ты хочешь? Яд? Заговор? Яд вернее, зато заговор действует на расстоянии. Чтобы кого-то отравить, надо с ним быть в хороших отношениях.

— Я просто хочу узнать, как предохраняться.

— Хорошо. — Пег раздавила свой окурок в пепельнице и тут же зажгла от дешевой зажигалки новую сигарету. — Предохраняться очень просто. Первым делом ты должна знать, что предохранить себя ни от чего нельзя... — Как?

— Риск есть всегда. Какие меры ни принимай, но, если играешь с мальчиками в бутерброд, всегда рискуешь получить полный живот последствий.

— Но ведь...

— Заговоры не слишком надежны. Ведь их сила идет от Матери, а Матери нужны дети. В каждом ритуале есть слабое место, в каждом амулете недостаток. В общем, предохранение — это способ заставить тебя сыграть Ей на руку.

— Значит, рано или поздно я попадусь?

— Я этого не говорила. Для многих это срабатывает, и достаточно часто, так что остальные тоже хотят рискнуть. Но шансы всегда хуже, чем кажется, и гарантий нет.

— Все равно я хочу знать.

— Ясно, хочешь. Годы твои такие.

Пег поднялась со стула и, подойдя к шкафчику, сняла с него что-то черное, из резины.

— Возьми-ка вот. Это точная модель мужского прибора в рабочем состоянии. Размер, правда, может отличаться.

Джейн с опаской взяла в руки предмет. Ведьма бросила ей на колени пакетик.

— А это презерватив. То, что у вас, ребяташек, называется «резинка».

Пег, конечно, была грубовата, но дело свое знала и была добросовестна. За ближайшие два часа Джейн узнала все, что можно, о презервативах, таблетках, противозачаточных гелях, о том, как оборудовать алтарь на подоконнике и сколько голубей в месяц приносить на нем в жертву. Она узнала семь тайных имен Дамы Луны, куда обращаться, чтобы поставили спираль, и какими последствиями грозит перевязка труб. Наконец Пег протянула ей каменную статуэтку и сказала:

— Это двуликая ипостась Богини. Джейн повертела статуэтку в руках. Лица глядели в разные стороны.

— Она с одной стороны беременна, а с другой нет.

— Вот именно. Эта же самая фигурка помогает и от бесплодия.

Она научила Джейн ритуалу заклинания, словами и движениями, и критическим оком глядела, как Джейн, радуясь, что хоть гомункулус ее не видит, изобразила священную пляску посреди комнаты.

В косточке дело, тин, тарадей. ручкой задела, оземь бей! Левым коленом, правой рукой, пленом и тленом прыгай и пой! Вертимся, вертимся, вертимся, вертимся, вертимся, вертимся, ой!

Это было заклинание против задержек. Фигурку надо было

поворачивать столько раз, сколько прошло дней с начала последнего периода, и в те дни, когда наверх выходила Дева, можно было делать все, что угодно, а когда сверху оказывалась Мать, надо было воздерживаться. Это надежно, заверила ее Пег, лишь бы не обсчитаться, не пропустить ни одного утра без пения заклинания, а вечером не напиться и не забыть, которая сторона нынче была наверху.

— Вот и все, — сказала наконец Пег. — А теперь, насколько я знаю вашу сестру, голова у тебя забита всякими глупостями, а на языке вертятся дурацкие вопросы. Можешь спрашивать.

— Я хочу знать... Правда, это к предохранению не относится, это скорее колдовство... — Джейн покраснела. — Я хочу знать, как мне пользоваться своей женской мудростью.

— Женской мудростью? Нет на свете такого зверя.

— Нас учили в школе, что все явления принадлежат, либо женскому началу, либо мужскому. Считается, что действие возникает из мужского начала, а мудрость из женского. И поэтому девушкам не советуют идти в политику.

Пег презрительно фыркнула.

— Вот уж действительно, типично мужская глупость. Чушь это все собачья! Из-за того, что у тебя не стручок, а дырочка, никакой особой мудрости у тебя нету. Ухаживай за ней, и она тебя отблагодарит, но как источник мудрости — ха-ха! Нужды ее простые, не так их много. Мудрость живет здесь, — она коснулась лба Джейн, — и здесь, — она дотронулась до груди там, где сердце.

— У мальчиков тоже есть и голова, и сердце. Правда, они не всегда ими пользуются. Джейн смущенно сказала:

— Большое спасибо. Большое, большое вам спасибо. — Больше нет вопросов?

— Нет. — Но тут же спохватилась: — Нет, есть еще один вопрос. Кто это у вас в бутылке? Глаза Пег потемнели. Она улыбнулась.

— А, это? Это хахаль мой был. Да вот весь вышел. — Она сдернула с бутылки покрывало. — Надо и тебе послушать, красавчик, про тебя разговор.

Он глядел пустыми глазами, молча.

— Когда я его повстречала, он троллем был. Усищи — во, зубищи — во! Желтые-желтые! Ростом с гору, плечи широченные. Да, это был мужик! Пахло от него — козел бы задохнулся. Пернет — как гром грянет. А уж до этого дела охочий — эх, что говорить!

Ухаживал он грубовато, но мне это и нравилось. А если я его ловила с какой-нибудь лесовицей или кикиморой, я ей в волосы вцеплялась, а он только ржал да инструментом своим размахивал. У нас и мебели-то не осталось, я все об его башку расколотила. Но мы на это не смотрели. Молодые были, любовь есть любовь.

Но однажды за ним пришли тильвит-теги. Я уж не помню, в чем дело было, вроде он чью-то собаку сожрал. Видно, хозяин-то был важная шишка, раз тильвит-теги вмешались. Мы жили в комнатке над баром, и на окнах были решетки от воров. Снимать их времени не было. Пришлось ему спрятаться в чулане.

Они вдвоем пришли, тильвит-теги. Тощие оба, как борзые, глаза блестят, скулы острые, хоть хлеб режь. Один поднял голову, приняхался — он здесь, говорит, я его чую.

Я говорю: конечно, чуете, и на кровать показываю. Мы, говорю, простыни месяц не меняли. Нет, говорит, запах слишком сильный. Это, говорю, значит, вы не его чуете — и посмотрела со значением.

Они переглянулись и дыбиться начали. Ты что же, другой говорит, хочешь нас подкупить своим телом?

Да уж, конечно, говорю, на деньги не рассчитывайте, не дождетесь.

В общем, удовлетворила я их обоих на этой самой незастеленной кровати, которая моим голубчиком вся пропахла насквозь. Вот она, коррупция-то где! А еще тильвит-теги!

Пег сощурилась.

— И зря ты морду кривишь, будто лимон съела. Уверяю тебя, они остались довольны. Ты меня, может, уродиной считаешь, так напрасно!

— Нет, нет, — поспешила заверить ее Джейн, — я совсем так не думаю.

Она говорила правду. Ее ужаснула сама эта история. Она не

ждала от секса слишком многого, но он оказался еще более жалким, безвкусным, циничным, чем она предполагала.

— Так на чем я остановилась? Да, значит, прыгали мы на этой койке целый час, а главное, мне-то что смешно — что он тут же, за стенкой, и все это может в щелочку наблюдать. Небось, думаю, сам возбуждился и тоже там подпрыгивает. Вот уж, думаю, посмеемся, когда они уберутся!

Но, когда они ушли и я его выпустила, оказалось, что ему вовсе не смешно. Ни капельки даже.

Зачем, говорит, ты это сделала? А я говорю, а зачем ты позволил? Если тебе это не нравилось, вышел бы да сказал. Как, говорит, я мог выйти, они же меня арестовали бы.

Ну так кто же ты, говорю, после этого такой, коли ты им позволил это со мной сделать, потому что боялся?

Тут он отвернулся. Ладно, говорит, забудем что было.

Только я-то забыть не могла. И он уже не казался мне таким большим. Вроде как бы малость съезжился.

И любовь поменьше стала. Тут много было разного, я тебе только еще один случай расскажу. Прихожу я однажды домой, гляжу, снадобий моих нету и половина одежды тоже пропала. Что делать? Беру бейсбольную биту, которая у нас при двери всегда лежала на случай грабителей, и иду его искать.

Ну, долго искать не пришлось. Смотрю, у мусорной печи собрались и в три семерки играют — он, еще пара троллей и рыжий гном. Мой пьяный, как семь сапожников, а у гнома на шее мой лучший кружевной лифчик черный повязан, вместо шарфа.

Я как заору, как на них наскочу! Они кто куда, только бутылки прихватили да вещички, на какие играли. Так я этого лифчика больше и не видела. А он, правда, не побежал, но, когда я на него замахнулась этой битой, он отскочил. Представляешь? Отскочил! Меня это просто убило.

— Почему?

— А вот будут у тебя свои мужики, тогда поймешь. Ладно. Ухватился он за биту и тянет. Так мы с ним ее тащили друг у дружки, и никто не мог одолеть. Стал он тогда ростом с меня.

А дальше быстро пошло. Стал он хитрить. Была там одна, из обезьян горных, титьки до земли болтались, так он к ней на свиданки аж в кобольдову деревню бегал. А раньше он бы ее в нашей же койке и поймел, только б я заснула. Бывало, помню, когда-то, я ему денег не давала, нету, говорю, так он грозился, что на улицу меня отправит зарабатывать. А теперь стал у меня тихонько из сумочки таскать. Лживый стал, плаксивый, в глаза не смотрит... Я б его живо за дверь выставила, да мы именами успели обменяться. Так и шло день за днем, и все он в моих глазах становился меньше да меньше — стал уже размером с ежа. И под конец пришлось мне его посадить в эту бутылку. И тут он и останется.

Она наклонилась к гомункулусу и стала ласково ему нашептывать:

— Не печалься, маленький, не грусти, хорошенький. Придет когда-нибудь принцесса, красotka молодая, да посмотрит тебе в глаза — и просить не придется, сама поймет, чего ты хочешь. Подымет она молот с наковальни да взмахнет им так быстро, что глазу не уследить. А ты поразишься так, что и понять ничего не сможешь. И опустится молот, как громовой удар, разобьет темницу твою на тысячи кусочков и выпустит тебя на волю.

Она выпрямилась и бросила взгляд на Джейн.

— Но это еще не сегодня будет.

* * *

Когда Саломе три дня подряд не пришла в школу, все поняли: что-то случилось. Кошкодав объяснил, что она упала с мотоцикла и теперь в больнице. Он сказал, что это доказывает, как опасно развлекаться без присмотра старших, и предложил им всем извлечь для себя урок из этого происшествия.

Но в коридорах рассказывали совсем другое. На перемене к Джейн подошли Скакун-и-Свинтус, неловко ковыляя на трех ногах. Их средний глаз почти уже зарос и глядел обреченно. Они самодовольно ухмылялись.

— Слышала насчет Саломе?

— Нет, — ответила Джейн, — только то, что в классе сказали.

— Она беременна! Ее отослали на детферму, и она никогда не вернется. А догадайся, кто виноват? Не кто иной, как Хебог!

— Откуда вы это все знаете?

— Не ахти какой секрет — Сучок об этом трезвонит налево и направо.

После уроков Джейн увидела Хебога за школой, у футбольного поля. Он подбирал с дорожки кусочки гравия и выкладывал их в линию, а потом, действуя палкой как клюшкой, подбрасывал в воздух. Он сообщил, что его вызывают в Низший Суд.

— И что с тобой сделают?

Хебог пожал плечами, наподдал по очередному камешку, попробовал удар слева.

— Не знаю. Наверное, на завод отправят. Важное преступление для нашего брата, сожительство с дылдами вроде тебя. Извини за выражение.

— Хебог, послушай, я тебе хочу сказать...

— Не хочу слышать. Подавись своим сочувствием. Это моя жизнь, и нечего ее обслюнявливать дешевыми сантиментами.

Джейн пошла домой и подсоединилась к дракону. Она уже перестала заговаривать с ним, но прирастилась наблюдать за жизнью мерионов. Их цивилизация переживала нелегкие времена. С начала холодов пищи стало не хватать. У них не было ни ферм, ни зернохранилищ, ни складов. Приходилось совершать грабительские набеги на соседей. Солдаты обшарили окрестности на пару сотен метров вокруг. Но чем дальше они забирались, тем уязвимей становились продотряды для партизанских акций, так что вылазки делались все менее продуктивными.

Экономический кризис повлек за собой упадок материальной культуры. Аккуратные домики из консервных банок превратились в лачуги. Голодные мерионы бесцельно бродили по улицам. Всюду шныряли бронированные машины военной полиции — патрульные, не расслабляясь, держали руки на прицеле автоматов. Джейн довелось наблюдать голодный бунт, после которого полиция провела облаву в районе трущоб и сотни крошечных государственных преступников были схвачены и казнены.

Джейн глядела на них часами, думая о том, как бессмысленно жестока жизнь.

* * *

Новый год приближался. Однажды Гвен, поймав Джейн на перемене, вручила ей два картонных билетика.

— Только что из типографии. Первый ряд, середина! — радостно сказала она. — Пора тебе начать с кем-то встречаться, Джейн, ты вполне взрослая. Я знаю, что ты у нас немного застенчивая, но пригласить мальчика, просто так, для начала, — ничего тут такого нет.

— Да, конечно, очень мило с твоей стороны, но...

— Ты можешь пригласить Крысобоя. Я знаю, ты ему нравишься.

Джейн похолодела. Так бывает после укуса пчелы: сначала онемение, потом боль.

— Не нужны мне твои дурацкие билеты! — Она сунула их в руку Гвен и бросилась прочь.

Гвен догнала ее, ухватила за руку, и когда Джейн вырвалась, сгребла ее за плечи и втолкнула в пустой класс, ногой захлопнув за собой дверь.

— А ну, говори, в чем дело!

— А то ты сама не знаешь!

— Нет, не знаю!

— Очень плохо, что не знаешь! — Джейн заплакала.

Гвен смягчилась. Она попыталась успокоить, обнять Джейн, но та сердито вырвалась, и Гвен в растерянности отступила.

— Ну, не знаю, что на тебя нашло. Понятия не имею.

Снаружи бушевал холодный грозовой осенний ливень, барабанил по стеклам, покрывая их сплошной пеленой воды. Классная комната, ярко освещенная флюоресцентными лампами, защищенная от внешних шумов антиакустическим заговором, казалась нереальным островком спокойствия в океане грозы и бури.

Рука Джейн сама, без ее участия, опустилась в карман, вытащила листок бумаги, с которым Джейн не расставалась после посещения директорского кабинета, и развернула его.

— Питер-с-холма, — прочла она вслух, — осмотрен нижеподписавшимися сего числа, Секирной луны в день Жабы сто семьдесят третьего года от воплощения Турбогенератора, и признан, что данным свидетельством удостоверяется, девственником, невинным и свободным от плотского познания, пригодным в жертву во славу Богини и для отвращения ее гнева и грозных желаний. — С горящими глазами Джейн повторила: — Девственником!

— Откуда это у тебя?

— Какая разница, откуда? Здесь написано, что Питер — девственник.

— Но, Джейн, ты ведь должна понимать, что Богине не нужен...

Молния ударила в далекое дерево, и у Гвен перехватило дыхание. Но Джейн и глазом не моргнула. Энергия грозы гневом текла в ее венах, наполняя ее силой. Волоски на теле поднялись дыбом. Гвен вся как-то съежилась и отпрянула от Джейн, словно тень от света.

Комната задрожала от громового раската.

Джейн трясла бумагой перед лицом Гвен:

— Я хочу знать одно: если ты с ним не спишь, то что ты с ним делаешь?

— Он мой... спутник жизни.

— Что это значит?

— Питер... он облегчает мою боль. Он делает жизнь для меня легче.

В один миг в голове потрясенной Джейн, как при ударе молнии, сошлись воедино клочки и обрывки когда-то услышанного, и слепящая истина озарила ее.

— Он твой болеуловитель! Верно? Гвен ответила не сразу. Колебание выдало ее, отрицать было невозможно.

— Если и так, что тогда?

— Ах ты... змея! Я-то думала, что ты такая отважная, что ты сильная! А тебе, оказывается, и не надо быть сильной! Ты и не страдала ни капельки. Это Питер страдал. Это у Питера болели ноги, когда ты стирала в кровь свои. Это Питер мучился твоим похмельем. Питер расплачивался за все твои удовольствия, да? Скажи-ка мне: когда ты мучаешь его, кто чувствует вину? А? Снова не ты, верно?

Молния сверкала уже совсем близко. В зеленоватом предвечернем освещении, сочетающемся со светом ламп, кожа Гвен казалась слишком бледной, слишком натянутой. Ее лицо напоминало череп.

— Для того и существует спутник жизни. Об этом не принято говорить, но все это знают. То, что я делаю, делалось в каждой общине, каждый год, с начала времен. Что на тебя нашло? В чем, собственно, дело?

— В том, что ты идешь налегке, а он тащит твою ношу!

— Мне это положено! — выкрикнула Гвен. Гневное спокойствие охватило Джейн, словно вся суровая сила бури вошла в нее и она стала фокусом непогоды, ее грозным глазом. Она замолчала, глядя на Гвен с невыразимым презрением.

Гвен с легким криком метнулась от страшного взгляда и кинулась к двери. Уже ухватившись за ручку, она на мгновение оглянулась.

— Кого интересует твое мнение? Кем ты себя воображаешь? Подумаешь, какая важная птица! Я — ивовая королева! А Питер — мой спутник! Нравится это тебе или нет — ты ничего не можешь поделать! Ничего!

Дверь за ней захлопнулась.

Джейн осталась одна. Ее окружали парты с сиденьями из стекловолокна. Они напоминали сидящих сгорбившихся детей, двадцать одинаковых, как близнецы, безликих созданий, молча ждущих, что она скажет.

«Это мы еще посмотрим», — сказала Джейн про себя.

Глава 11

Когда Джейн отперла свой шкафчик, чтобы забрать вещи, оказалось, что там вовсе разрослись орхидеи и дикий виноград, и даже колибри выпорхнула в распахнутую дверь.

— Не понимаю, — сказал Сучок. — Ты хочешь пораньше отослать свои бумаги в университет, или что?

На дне шкафчика наваленные кучей тетрадки, старые контрольные и ксерокопии лекций образовали слой перегноя, на котором росли грибы и папоротники. Книги заплесневели, большинство уже никуда не годилось. Какой-то крошечный зверек выскочил, когда Джейн потянулась за расческой, и умчался, задевая за бамбуковые стволы, словно играя на ксилофоне.

— Если эти учебники тебе нужны, можешь взять, мне они не понадобятся.

Сучок топтался рядом, переминаясь с ноги на ногу и пытаясь завести разговор. Он так старался ей угодить, что его прямо жалко делалось. Она теперь была для него пугающей загадкой.

— Для обычного перевода немножко поздновато, но мы можем добиться для тебя исключения.

— Делайте как хотите.

Поверх вещей лежал белый бумажный прямоугольник — кто-то подsunул послание в вентиляционное отверстие. Джейн развернула записку:

Я знаю, ты на меня сердишься, но все-таки мы, по-моему, друг другу подходим. Мне тебя не хватает. Давай попробуем еще раз. Давай мириться. Подписи не было, но ясно, что писал Крысобой, больше никому. Джейн ощутила поднимающуюся волну гнева, но заставила себя холодно улыбнуться.

— Мечтай, мечтай, — пробормотала она сквозь зубы.

— Секретарша говорит, может, мы это отпразднуем? Ничего особенного, посидим, попьем чаю. Ты, я, она и еще, может быть, кто-нибудь из учителей, кому ты больше всего обязана. Я могу к этому дню заказать красивую грамоту или табличку.

— Там посмотрим. Она закрыла шкафчик. Больше он ей не понадобится никогда.

— Ну, значит, я так и сделаю, — сказал Сучок. — Идет?

На выходе ей попался Скантус, улыбающийся во все свои восемьдесят зубов. У него теперь было только два глаза — правда, разных цветов, — а средняя нога почти усохла, он ее запихивал в джинсы в согнутом виде. До конца метаморфозы осталось совсем немного. Но красоты у него не прибавилось, по-прежнему он походил на жабу. Держался он, однако, вполне самодовольно, видно, ему собственная внешность нравилась.

— Джейн! Какая встреча! — Он попытался обнять ее за плечи, но она сбросила его руку.

— Нечего, нечего! Знаю я твои фокусы!

Он ничуть не обиделся.

— Слушай, я сейчас был недалеко от твоего дома. Там дератизаторы раскидывают приманки. Поразвесили желтых флажков для предупреждения.

— Да? — Джейн не слишком заинтересовало это сообщение.

— Я с одним поговорил. Мерионов, говорит, развелось — ужас! Говорит, если отравы не поможет, они вернутся через пару дней и напустят им в норы ядовитого газа.

Джейн невольно вздрогнула, представив себе, как малыши гибнут от газа. Но у всех свои проблемы, и сейчас у нее были более неотложные заботы.

— Спасибо, что сказал. Постараюсь не подбирать с земли ничего съедобного в ближайшие дни.

Она вышла в осеннюю прохладу. В руках у нее была охапка вещей, которые надо было отнести домой, к дракону. Школа осталась за спиной. «Я не вернусь сюда никогда, — подумала она. — Никогда!» И ничего при этой мысли не почувствовала. Да и не было времени об этом думать.

Ей надо было подготовиться к вечеру.

Джейн постучала в дверь.

— Войдите! — отозвался Питер.

Был канун Нового года, последний день, когда можно что-то изменить, и Питер примерял свой костюм из золотой парчи, чтобы еще раз убедиться, что он хорошо сидит. Гвен не было — она ушла в город, на торжественное празднование. Это было важное событие, о нем много говорили. Там будут шампанское и много речей, а потом оргия, для которой выделили роскошное помещение. Питер остался один.

У Джейн сжалось сердце — он был такой худенький, такой бледный, словно усталый ребенок, с которым плохо обращаются. На комод лежал остро наточенный серп. Она поспешно отвела от него глаза.

— Я принесла вина. Думала, может, выпьешь рюмку-другую, и тебе станет легче.

— Спасибо, — рассеянно сказал он, — очень мило с твоей стороны.

— Пустяки.

Она поставила бутылку на пол, а рядом с ней свою сумку. В сумке были самые необходимые вещи, которые могли понадобиться, если все выйдет так, как она задумала, — зубная щетка, каменная статуэтка Матери и смена белья.

— Где у тебя рюмки?

Питер ушел в ванную и через минуту вернулся — без парчового пиджака, но с двумя пластиковыми стаканчиками.

— Такие сойдут?

— Очень хорошо!

Джейн подождала, пока Питер выпьет свой стакан, и налила ему еще. Она должна была задать ему один вопрос, хотя у нее все сжималось внутри при мысли об этом.

— Питер, ты правда девственник? Ей все казалось, что тут какая-то страшная ошибка, что она чего-то не поняла. Питер кивнул.

— То, что побывало в употреблении, не нужно Богине. — Он сделал долгий глоток. — Последнее время что-то тебя не видно.

— Мы с Гвен... поссорились. Я... я узнала, что ты ей служишь болеуловителем. — Ее лицо напряглось, она побледнела и поспешно добавила: — Гвен мне ничего не говорила, я сама догадалась.

— Послушай, мне бы не хотелось, чтобы это пошло дальше.

Она дотронулась до его плеча.

— Ты ведь знаешь, что я не буду болтать. Он посмотрел на нее, отвернулся, вяло кивнул. Она налила ему снова.

— Питер, можно у тебя кое-что спросить? Я не знаю... то есть если тебе не... — Она покраснела. — Что, собственно, болеуловитель делает?

Питер резко повернулся и посмотрел на нее испуганно и загадочно — как лесной зверек. Несколько мгновений он молчал, а потом вдруг расхохотался, откинувшись на кровати. Он смеялся так долго, что Джейн стало не по себе. Наконец он успокоился и снова сел прямо. Теперь он держался легко и непринужденно.

— У тебя было так, что тебя кто-нибудь обидит, и тогда ты ударишь собаку, и тебе станет легче?

— Нет, никогда. Питер кивнул:

— По правде сказать, со мной тоже такого не случалось. Но вообще-то это, говорят, обычная вещь. Вот примерно то же у Гвен со мной. Ей дали специальный нож для этого и брошюрку с нужными рунами. Но чаще она берет обычное бритвенное лезвие.

— Питер!

— Ну, понимаешь, без крови ведь не получится. Подожди, я тебе покажу шрамы.

Он начал снимать через голову рубашку. Руки плохо его слушались, и Джейн подошла, чтобы ему помочь. Она тоже слегка окосела, поэтому произошло некоторое замешательство. Наконец они со смехом стащили рубашку. Питер повернулся к ней спиной. Спина была вся изрезана и ряд за рядом покрыта знаками, сделанными острым лезвием, — настоящая книга боли. Недавние порезы еще кровоточили, старые, зарубцевавшиеся, белели. Джейн узнала твердый и красивый почерк Гвен.

Не веря своим глазам, она прикоснулась к серебристому шраму. У Питера была горячая кожа. Кончиком пальца Джейн вела по рунам.

Она не могла оторвать руки от этих знаков, от его спины...

— Питер, бедный!

Он стоял очень прямо и невидящими глазами смотрел на большой плакат с изображением Гвен, который висел на стене. Гвен смотрела на него с плаката насмешливо и загадочно.

— А знаешь, что хуже всего? Потому что это-то как раз ерунда — подумаешь, спина болит. Это разве боль! Хуже всего то, что я так хочу ее! Я терпеть ее не могу, но так хочу! Я ее ненавижу! Меня блевать тянет, когда я о ней думаю. Это ненормально.

Джейн легонько коснулась губами его плеча. Он повернулся к ней, и вот они уже целовались. Питер обнял ее, его руки блуждали у нее по спине. Джейн прижала его к себе и сунула ему руку за пояс. Но рука не пошла дальше пальцев — пояс был слишком тугой.

Сколько лишней одежды! Как она мешает! Они целовались и целовались, и никак не могли продвинуться дальше.

Наконец Джейн оторвалась от него и, серьезно взявшись за пояс, сумела его расстегнуть. Она спустила молнию. Отлетела какая-то пуговка. Питер тем временем расстегивал ее блузку, возился с застежкой лифчика.

Она не могла поверить, что он так легко сдался.

* * *

Джейн должна была столько обдумать, столько сделать, что на само событие она как-то мало обратила внимания. Сначала было больно и неловко, потом стало чуть получше. Им обоим не доставало опыта. Джейн не сомневалась, что это должно происходить как-то не так — не так поспешно, не так неуклюже, более слаженно. Но на первый раз важен был сам факт, а потом, на досуге, они смогут это сделать более правильно.

Она не смогла бы сказать, сколько времени это продолжалось. Потом Питер задвигался быстрее, лицо его покраснело. Он слабо вскрикнул, как озерная птица в сумерках, и обессиленно упал на нее.

Джейн поняла, что дело сделано.

Питер перекатился на спину. Долгое, долгое мгновение он лежал

неподвижно. Потом открыл глаза и улыбнулся ей:

— Ну вот, теперь мы вместе.

— Да, наверно.

Глаза у него были голубые, светлые-светлые, и такие красивые, что дух захватывало. Джейн тонула в его глазах. Питер снова обнял ее, на этот раз просто из нежности, и приятнее этого не было ничего на свете. Великая радость наполнила Джейн, словно солнце взошло в ночи. Она спросила:

— Ты не жалеешь?

Он покачал головой. Он был пьян — они оба были пьяны, — и глаза у него заметно косили, но искренность его была несомненна.

— Знаешь, что я думаю, Джейн? По-моему, это должно было произойти. Понимаешь, о чем я? Мне кажется, что мы с тобой как-то связаны, где-то очень глубоко. Вот представь себе, что ты возьмешь монетку и разломаешь на две половинки, и одну забросишь в океан, а другую положишь в комод у себя дома. Знаешь, что будет? Половинки будут тянуться друг к другу. Однажды ты полезешь в комод за носками и нечаянно выронишь половинку монеты на пол, и не заметишь, а кто-то другой будет проходить и поддаст ее ногой, и она отлетит к двери. Через неделю она уже будет в квартале от дома. А другую половинку тем временем проглотит рыба, и рыбу поймают и выпотрошат, а внутренности выкинут, вместе с половинкой. И в конце концов, месяца через два — а может, через сто лет — они окажутся рядом, где-нибудь на обочине деревенского проселка, и прижмутся друг к другу тесно-тесно... Вот так и мы с тобой.

Джейн вздрогнула. Его слова глубоко отозвались у нее внутри, что-то с готовностью откликнулось на них. Неужели это возможно? Неужели Гвен всего лишь второстепенный персонаж, ответвление сюжета, а главное происходит сейчас между ними? Всем сердцем, всей душой она хотела, чтобы это было именно так.

— Да, — сказала она. — Да, думаю, это так и есть.

— Не уходи домой, — попросил Питер. — Не уходи от меня никогда. Живи здесь со мной.

Его глаза упали на плакат с Гвен. Он встал, сорвал плакат со стены, скомкал и бросил в мусорную корзину. Впервые она смогла рассмотреть его нагое тело, и это зрелище и смутило ее и привело в

восторг. — Оставайся со мной навсегда!

— Нет, Питер, этого я не могу от тебя требовать...

— Но я хочу, — настаивал он. — Послушай, нам надо обмениваться именами. Чтобы все было как положено. — Он глубоко вздохнул. — Меня зовут Тетигис...

Прежде чем он успел договорить, она бросилась к нему и зажала рот поцелуем. Она даже, набравшись храбрости, просунула язык между его раздвинутых губ — не уставая поражаться самой себе. Неужели это она?

Питер оторвался от нее.

— Это значит «иголка».

Джейн закрыла глаза. Воспоминания нахлынули на нее. Крутой — бедный, искалеченный, накликающий свою гибель Крутой! Его имя тоже значило «иголка».

Тетигистус. У них было одно и то же тайное имя, и, хотя Джейн не знала, что из этого следует, совпадение напугало и потрясло ее до глубины души.

— Да, — сказала она печально и тихо. — Я знаю.

* * *

Около полудня их разбудил громкий стук в дверь. Джейн еще не успела толком проснуться, как дверь распахнулась, и в комнату ворвалась орава эльфов. Их было ужасно много, все в неподкупно строгих костюмах и безжалостных башмаках. Заполнив комнату, они с отвращением уставились на кровать.

— Придется искать другую жертву, — сказал наконец один из них.

— Кого мы можем найти, в последний-то день? — возразил другой.

— А может, они еще не...

Из ванной вышла представительная дама с хвостом и ослиными ушами. Она несла на плечиках Питеров парчовый пиджак.

— Не обманывай себя, — сказала она. — Конечно, они успели. Ты только посмотри на них. А в комнате что творится!

— Хорошенькое дело!

Джейн натянула простыню до самых ушей. Ее мутило, в животе урчало, голова болела так, что раньше она такого и представить себе не могла.

Бледный, как бумага, эльф брезгливо повел носом, глядя на нее, и процедил:

— И вот такие-то грошовые потаскухи их всегда и соблазняют!

— Эй, выбирайте выражения! — Питер сел на кровати со сжатыми кулаками; глаза его блеснули. Но эльф, даже не взглянув на него, шлепнул тыльной стороной ладони Питеру по губам и уложил обратно. Джейн вскрикнула.

— Подождите! — вспомнил вдруг кто-то. — Есть же в запасе тот парнишка из леса. Если поторопимся, мы успеем его быстренько освидетельствовать и к вечеру подготовить.

И в один момент, подняв ветер своими пиджаками, юбками, пенсами, они выкатились за дверь. Серп они забрали с собой.

Питер сел и закрыл руками лицо.

— Что мне делать? — простонал он. — Что же мне теперь делать?

Джейн слишком плохо себя чувствовала, чтобы его утешать. Ей надо было в туалет, и, кроме того, она боялась, что ее вот-вот вырвет. Но все же она попыталась.

— Ну, не надо так, — сказала она. — Что сделано, то сделано. Эта ночь ушла в историю, ее не вернешь. Надо жить дальше, верно?

— О Джейн, прости меня, что я тебя вовлек во все это. Что я за негодяй! Это я во всем виноват, — сказал он печально.

Это было бы, наверное, смешно, но только мучился Питер всерьез.

— Ну не так уж все плохо! По крайней мере, ты сохранил... — она чуть не ляпнула «яйца», но вовремя спохватилась, — ...себя в целости. Не придется доживать свою жизнь священным евнухом. Ради этого стоит немножко потерпеть, разве нет?

— Ты права, — ответил Питер с сомнением, — стоит, конечно.

* * *

День, туманный и тусклый, тянулся медленно. Питер, переживший множество похмелий по милости Гвен, дал Джейн витаминов и заставил пить побольше воды. Он был неразговорчив и мрачен, и Джейн, хоть и понимала, что обязана веселить его и подбадривать, сама была в отвратительном настроении. К счастью, ей удавалось по крайней мере скрывать свое раздражение.

Чтобы не сидеть без дела, она затеяла большую уборку в квартире. Ей хотелось убрать все следы предыдущей хозяйки, но это было не так-то легко. Гвен оставила здесь удивительно много своих вещей, и все они ненавидели Джейн. Шпильки выскальзывали у нее из пальцев, фен для волос шипел и плевался искрами, как только она подходила поближе. Шелковый шарф, который она когда-то украла, обвился вокруг шеи и чуть не задушил, она еле сорвала его. Она собрала все и выбросила в мусорный ящик в конце улицы.

Улучив минуту, когда Питер принимал душ, она достала статуэтку Матери и совершила заклинательный ритуал. Каждый день, велела Пег, без исключений. К вечеру им стало лучше, и они немного поели, разогрев еду в микроволновой печи. Джейн предложила сходить за вином.

Спеша назад с новой бутылкой, Джейн остановилась у витрины магазина электротоваров, где были выставлены включенные телевизоры. Все экраны показывали одно и то же: сожжение Гвен. Экран громоздился на экран, ряды, горы экранов, и на всех синхронно извивалось и корчилось в огне тело Гвен. Казалось, что это происходит где-то в другом мире. Пустая улица, цементный тротуар, стеклянная витрина — все, все отрицало реальность костра.

Джейн застыла, словно прикованная к месту. В глазах у нее поплыло, телевизоры стали таять, исходя струйками голубоватого дыма, рассыпаясь на сине-красно-зеленые точки. В воздухе зароились светящиеся черточки. Джейн чувствовала, что проваливается туда, в пространство экрана.

Она смахнула с глаз слезы.

Экраны возникли снова. Изображение шло в двух планах, на сожжение Гвен наслаивались другие картины: теплушки, битком набитые заключенными, сцены пыток, расчлененные трупы, дети, гибнущие в пожаре. Страдание было универсальной постоянной, необходимым условием бытия, не исключением, а правилом.

Руки Гвен были связаны за спиной. Она билась, словно пытаясь вырваться из тела, как бабочка из куколки. Ее плечи отчаянно вздымались, рот раскрылся в нескончаемом крике, и синий огонек трепетал на кончике языка. Что-то пузырилось в ноздрях.

Пораженная ужасом Джейн сделала шаг вперед, и сухая трава футбольного поля зашуршала у нее под ногами. Передача шла с отфильтрованным звуком. Слышны были потрескивание костра, шорох вылетающих искр, гудение раскаленного воздуха, но криков Гвен слышно не было совершенно. Джейн была благодарна и за это. С нее хватало и зрелища, сладкого запаха горящей плоти, похожего на запах жареной свинины, ужасного вкуса во рту...

Зрители тоже были неестественно молчаливы. Она чувствовала вокруг себя их кровожадное наслаждение пыткой, ощущала со всех сторон взгляд злобного тысячеглавого чудовища, но не оборачивалась, не находила сил оторвать глаз от мучений своей подруги.

Платье Гвен уже сгорело, лишь его обуглившиеся клочки кое-где пристали к обуглившейся коже, неотличимые от нее. Но Гвен все не умирала. Хлопья копоти летали вокруг костра. Щепоть жирной сажу упала черным пятном на руку Джейн. Она сбросила сажу. Ее нога поскользнулась обо что-то. Посмотрев вниз, Джейн увидела полусъеденный конус сладкой розовой ваты в бумажном фунтике, прилипший к башмаку. Она нагнулась, чтобы отодрать его, а когда выпрямилась, Гвен глядела ей прямо в лицо.

Ивовые прутья, из которых была сплетена клетка, давно сгорели, обнажилась тугоплавкая арматура. Узнать Гвен было невозможно, она превратилась в клубок страдания, в груды горелых костей. Но глаза ее еще жили.. Они смотрели из самого сердца боли, словно знали что-то, какую-то жестокую и простую истину, которую хотели разделить с Джейн.

Они смотрели в самую глубь ее существа.

— Не надо!

Джейн выбросила вперед руку, загораживая глаза, и больно ударилась костяшками пальцев о витринное стекло. Другой рукой она прижимала к груди бутылку с вином. Гвен наконец перестала шевелиться.

Когда Джейн отвела глаза от экрана, было темно. Свет ушел из мира.

* * *

Вернувшись к Питеру, она застала перед телевизором и его. Он смотрел, не мигая, на худенькую фигурку в золототканом костюме. Сверкнул серп, раздался гул аплодисментов, что-то полетело в огонь. Протянувшиеся руки подхватили падающее тело.

Джейн щелкнула выключателем.

— Давай-ка выпьем, — сказала она. — Сразу станет лучше.

Они немножко выпили и не совсем уверенно заговорили о будущем. Питеру предлагали место механика в ближайшем гараже. Джейн могла устроиться на работу в Торговый двор. Придется, конечно, завязать с воровством, но она готова была принести эту жертву. Квартира пока могла сойти и эта, а когда они немножко подкопят, найдут что-нибудь получше.

— Я не жалею, что так вышло, — сказал Питер. — Я думаю, у нас все будет хорошо. — Он взял руку Джейн в свою и стал медленно ее целовать.

Потом во второй раз в жизни они занялись любовью. И Джейн опять не получила особенного удовольствия, потому что, несмотря на всю выпитую воду, все еще мучилась похмельем. Но она думала, что с любовью окажется как с вином: вкус придет позже.

Потом они сидели в постели, строили планы и снова пили.

— Мы теперь будем все друг другу рассказывать, — говорила Джейн. — Все мысли, все, что чувствуем, все. Мы всегда будем говорить друг другу только правду. Ведь мы же любим друг друга, верно?

— Конечно, — отвечал Питер. — Обязательно. На этот раз Джейн постаралась не напиться. Но ее сморила усталость. Глаза

закрылись сами собой.

Когда она проснулась, было темно. Бутылка стояла пустая. Питера рядом не было.

* * *

В школе его не было тоже. Джейн пару раз обошла вокруг кострища на футбольном поле, зашла за трибуны и все время тихонько звала его. Пугливо метались какие-то тени. Но Питера не было.

Когда она увидела, что дверь мастерской, выходящая на разгрузочную площадку, распахнута, то решила, что все — он нашелся. Но его не оказалось и в цехе, хотя он явно там побывал: сборочный отсек был пуст. Питер был здесь и забрал Мятлика.

Какой-то голос прошептал у нее за спиной:

— На загородной дороге... Она резко обернулась.

— Кто здесь?

Никого. Только эхо отозвалось.

В конце кондов, за неимением лучшего, она последовала указанию этого голоса и отправилась к дороге, которая шла мимо школы, пересекала шоссе, ведущее к Торговому двору, и уходила за город, к далеким чернеющим холмам.

Через час ходьбы она увидела Мятлика. Он лежал в придорожной канаве со сломанной ногой и измятым корпусом. Мятлик повернул к ней угасающий глаз. В батареях почти не осталось энергии.

— Это ты, подруга?

— Мятлик!

Она обняла его за шею и расплакалась. В этих слезах была и ее неуверенность в себе, и страх за будущее — свое и Питера, и вина перед Гвен, и все остальное, что томило ее душу, что было ее жизнью.

— Ну-ну, нечего так убиваться, — хрипло сказал Мятлик. — Что я такое — старая, ржавая кляча. Чего мне ждать от жизни? — Он

рассмеялся каркающим смехом. — Я думал, что так и сгнию в этой мастерской, но этот парнишка, Питер, он прямо чудо со мной сотворил. Точно тебе говорю! Вывел меня оттуда. Дал мне побегать в последний раз.

— Мы тебя починим! — пообещала Джейн.

— Черта с два. Я теперь просто куча лома. Но пробежались мы славно, эх, подруга, как славно мы пробежались по этой штопаной дороге! Ни о чем я не жалею!

Джейн понимала, что надо бы усмирить свое нетерпение, побыть с умирающим другом до конца, закрыть ему глаза и только потом думать о своих делах. Но она не могла ждать. Со стыдом, со страхом она спросила:

— Где Питер?

Мятлик коротко рассмеялся — словно кто-то отодрал кусок жести.

— Когда я его видел в последний раз, он поднимался по этому холму. — И крикнул ей вслед: — Поцелуй его от меня, сестренка, он это заслужил.

Питер повесился.

Он висел, такой худенький, на низко протянутой ветви вяза, у самой вершины холма. Сначала Джейн его не заметила, но, когда она поднялась по склону повыше, земля, деревья и небо отчетливо распределились по трем разным оттенкам серого цвета, и фигура Питера ясно выделялась черным штрихом в самом центре картины. Слабый вечерний ветерок легонько покачивал его тело — чуть слабее, и движение было бы совсем незаметно. Покачиваясь, он немного поворачивался вокруг оси, и ноги его описывали дугу, словно колеблющаяся стрелка компаса.

Джейн просидела на середине подъема самые темные ночные часы. Она не могла уйти, но и ближе подойти не могла тоже. Действующие на нее силы взаимно уравнились, и в результате она не двигалась.

Около полуночи вошла луна. Вскоре после этого Джейн заметила какое-то движение на лбу Питера, в самой середине. Медленно появилась черная трещина, пошла вниз, стала расширяться. Его лицо разорвалось, как бумажная маска.

Что-то темное выползло из щели, расправило влажные крылья, взмахнуло ими и улетело. За ним стали выползать другие темные существа, сперва одно, потом три сразу, потом пять. Все они выжидали мгновение, распахивали крылья и улетали. Вот они пошли целым потоком.

Это была стая шершней.

— Пойдем отсюда!

Маленькая детская рука легла в ее руку и потащила прочь.

* * *

Она долго шла по дороге. Наконец повернула голову и посмотрела, кто идет рядом. То, что она увидела, было так неожиданно, что она не поверила своим глазам.

Это был мальчик-тень.

Но у нее даже не было сил удивиться. Они молча шли дальше, шаг за шагом, миля за милей. У школы мальчик-тень выпустил ее руку и сказал:

— Я пришел попрощаться. — Он печально улыбнулся. — Я больше не могу ничем тебе помочь. Они решили, что тебя не найти, и Детолова отзывают. Я возвращаюсь на завод.

— Завод... — повторила Джейн. Она не могла сейчас думать о заводе. С трудом она вспомнила, что полагается говорить, и произнесла:

— Ну как там все?

— Все так же, — грустно ответил он. — Ничего не изменилось. И никогда не изменится.

Его фигурка подернулась рябью, и он исчез.

— Подожди! — воскликнула Джейн. — Это ты?.. Это ты прятался в тени все это время?

Голос мальчика-тени прозвучал у нее за спиной:

— Меня привез сюда Детолов. Я должен был тебя выследить. Как охотничья собака, понимаешь? — Она быстро обернулась и

поймала тень его улыбки. — Но оказалось, что у него меньше власти надо мной, чем он думал. Я мало чем мог тебе помочь, но я старался. Помнишь день Солнцестояния? Это я привел твоего учителя, когда на тебя напали. И еще были случаи...

— Так это был ты? Но почему? Почему ты заботился обо мне?

— Я же твой друг. — Легонько, почти незаметно, он прикоснулся к ее руке, словно перышком погладил. — Друзья должны помогать друг другу.

Она хотела обнять его, но он уже ушел. Чувство, что рядом кто-то есть, не оставлявшее ее последние месяцы, ушло тоже.

Медленно и устало Джейн побрела в сторону насыпи.

Дракон исчез.

Не веря своим глазам, Джейн обошла место, где он лежал совсем недавно. Луна стояла низко, и в ее призрачном свете хорошо была видна рыхлая черная земля.

Мерионы тоже куда-то делись. Домики их стояли пустые, все огни погасли. Джейн споткнулась о линию их укреплений, и никто не поднял тревоги. Жестяной домик хрустнул у нее под ногой, и никто не напал на нее. И тут она натолкнулась на стопку вещей, аккуратно сложенных на голой земле. Два одеяла, немного одежды, плакаты, учебники, туалетные принадлежности — здесь было все, что она нажила после побега с завода. Она вскрикнула:

— Мои вещи! Ты их выбросил. Из-под земли раздался голос. *Уходи. Ты больше не нужна.* Никогда раньше этот голос не звучал так властно. Он эхом отдался у нее в голове, зубы застучали о зубы.

— Но у нас договор, — напомнила она. — Ты же должен заботиться обо мне.

А кто первый нарушил условия, а? Как поживает твоя девственность? Его презрение опалило ее жарким пламенем, так что даже у нее на щеках вздулись маленькие волдыри. Она закричала от боли и от гнева, который не могла больше сдерживать:

— Какой же ты негодяй! Это ты все подстроил, это все твоих рук дело! Я знаю! Я сейчас вырву все твои провода, я тебя на части разберу голыми руками!

Из-под земли у самых ее ног вдруг выскочила какая-то

металлическая труба, вытянулась кверху и, нелепо изогнувшись, застыла, глядя в небо. Справа воздвиглась стальная башня, стала расти, тянулась к луне. Со стен ее летели комья грязи. «Прекрати!» — закричала Джейн. Но вокруг нее продолжали возникать металлические конструкции, какие-то хромированные и чугунные стены с грохотом и скрежетом смыкались, закрывая звезды и облака. Наконец стальной потолок, описав над головой дугу, с лязгом вошел в паз стены — и все затихло.

Джейн оказалась внутри стального города, откуда не было выхода.

— Где я? — в ужасе закричала она.

— Местоположение — всего лишь иллюзия. — Голос раздался из бокового коридора. Она быстро повернулась. К ней приближался воин, стройный, как эльф. Он был одет в камуфляжный костюм, на боку висел пистолет в кобуре. — Этому Меланхтон научил нас в первую очередь.

Его губы шевелились, но лицо оставалось неподвижным, как маска с черными бусинами глаз.

— Ты знаешь его имя, — сказала Джейн без удивления.

— Драконы — особые существа. Чтобы повелевать ими, мало знать их имя. Надо еще держать руки на рукоятках управления.

По гневному бессилию, охватившему ее, Джейн поняла, что это правда.

— Кто ты? — спросила она.

— Мы те, кто заменили тебя.

Она поглядела на него повнимательнее. Ей было ясно теперь, что их встреча происходит не в физическом плане, а в виртуальном пространстве, куда ее поместил Меланхтон. Лицо воина было вылеплено в обобщенной манере, без лишних подробностей, лишено всякого выражения. Она поняла также, что ошиблась в оценке масштаба — то, что казалось громадным стальным городом, было на самом деле каким-то крохотным закоулком внутри драконова туловища, куда она перенеслась, уменьшившись во много раз.

— Ты — мерион?

— Да. Мы — мерионы. Меланхтон по-прежнему нуждается в

обслуживании, а ты вместе с девственностью потеряла нейтральность энергии. Твои руки уже не рН-нейтральны. У него будут цепи гореть от твоего прикосновения. Даже если ты просто прикоснешься к входному люку, нарушится равновесие зарядов внутри. А мы размножаемся неполовым путем. Мы разобрали свои заводы и переместили их в грудную клетку дракона, чтобы посвятить себя уходу за ним.

Он показал рукой на длинный коридор, где крохотные лампочки горели на медных, стальных, молибденовых поверхностях, где целенаправленно передвигались его собратья.

— Посмотри, сколько мы уже всего сделали.

— А что вы за это получаете?

— Крышу над головой, — ответил он. — И зерно, чтобы пережить зиму.

— Вы не нуждались бы ни в его зерне, ни в крыше над головой, если бы он так не подстроил! Он направлял ваше развитие так, чтобы вы не запасали пищу, а строили заводы. Он знал, что это кончится для вас голодом.

— Сильные делают со слабыми что хотят. Это закон природы. К чему возмущаться?

Теперь Джейн понимала все. Она стала не нужна Меланхтону, и он подстроил события так, чтобы она лишилась девственности и он смог разорвать соглашение.

— Ну я еще могу с ним побороться!

Она чувствовала такую усталость, такое бессилие.

— Я ведь знаю его устройство, все его схемы. Я могу ему очень серьезно навредить!

— Да. А победить ты можешь? Они оба знали ответ на этот вопрос.

Металлические стены растаяли, исчезли, и меридион вместе с ними. Снова запахло землей. Джейн стояла рядом с кучкой своего скарба. Она нагнулась, чтобы выбрать самое нужное. Она так устала! Нужно найти какой-нибудь приют на ночь.

Эту ночь она провела тут же, на краю насыпи, в деревянном

ящике. Когда утром она из него выползла, все тело у нее болело и ныло. Она выпрямилась и оглянулась вокруг. На западном краю неба медленно таяли далекие башни и небоскребы Города. Волшебный туман обволакивал их.

Ее будущее тоже скрывал туман.

Глава 12

У Сирий все опыты проходили блестяще.

Джейн понять не могла, в чем дело. Они совершенно одинаково устанавливали реторты и стеклянные трубки, одинаково грели их на бунзеновых горелках — пламя было той же высоты, того же цвета, — отмеряли одинаковые количества аммиачной соли и жабы печени (у жабы предварительно выпускалась вся кровь) — словом, все было одинаково. Но у Сирий с наступлением утра в сосуде оказывалась лазурная эссенция, озаренная изнутри пляшущим сиянием, а у Джейн — только черная грязь на дне. А ведь за испорченную посуду приходилось платить, так что обычно минут пятнадцать она честно пыталась отскоблить ершиком гарь, пока колба не лопалась у нее в руках. Пальцы у нее вечно были в черных пятнах и забинтованы. А изящные, длинные пальцы Сирий всегда были белы и безупречны.

Это было просто несправедливо.

В полном отчаянии она вышла из алхимической лаборатории, и сразу же ее подхватила и понесла толпа бегущих студентов. По всему коридору раздавался стук каблуков и топот копыт. Многие, круто сворачивая, врывались в аудитории, но просторнее в коридоре не делалось, так как взамен им другие выскакивали из узких боковых проходов. Толпа вынесла Джейн на широкую мраморную лестницу. Она стала подниматься в общем потоке. Через три пролета она свернула к анатомическому театру. Как раз и звонок прозвенел.

Мартышка оказалась сегодня в сносном настроении и сооблаговолила занять ей место рядом с собой, у самого ограждения. Когда Джейн подошла, она сняла с сиденья стопку книг. Джейн кивнула в знак благодарности. Сравнительная и теоретическая анатомия была у нее одним из любимых предметов. Она с нетерпением ждала следующего семестра, когда ей самой придется делать вскрытия.

— Кто у нас сегодня? Опять кентавр? — шепотом спросила она.

— Нет, он, по-моему, уже протух. — Мартышка хихикнула и, вытащив заднюю руку из башмака, подергала себя за косичку. — Посмотри, какой сегодня дублер. Значит, и труп симпатичненький.

— Ну наконец-то!

Узкий полукруглый балкон быстро заполнялся студентами. Мелькали клювы, нетопырьи крылья, рога всевозможных форм, шакальи головы, разноцветные косынки-банданы и прически «конский хвост». Внизу, у секционного стола, накрытого простыней, стоял дублер. Это был стройный юноша в казенном зелено-буром халате. Его черные волосы были гладко прилизаны и блестели. Он обводил аудиторию равнодушно-презрительным взглядом. Джейн встретила с ним глазами — и вздрогнула, словно ей бросили за шиворот кусок льда.

В аудиторию вошла Хирургесса. Студенты шумно и нестройно встали. Величественная и торжественная, вся в черном, она остановилась рядом с трупом, сложив на груди руки, словно жрица перед алтарем. Наклонила голову — влево, вправо, — здороваясь. Студенты сели. Ассистент стянул с трупа простыню. Дублер сбросил халат. Теперь он был совершенно голый.

Мартышка сощурилась. На верхнем листочке своего блокнота она вывела крупную семерку. (Это означало «7 дюймов».) Сидящая слева рядом с ней мавка, вытянув руку, нацарапала под семеркой: «Не больше 6,5!» — и слова «не больше» трижды подчеркнула.

Мартышка опустила голову на руки, чтобы скрыть смех.

— ...Функции и расположение второстепенных внутренних органов, — говорила Хирургесса, — желчного пузыря, надпочечников и особенно почек. — Лежащее на столе тело было точно таким же, как у дублера, только тускло-серым и неподвижным. — Брюшная полость данного экспоната уже вскрыта поперечным и нижневертикальным надрезом. Сейчас я продолжу операцию и сделаю второй вертикальный брюшинный разрез.

Ее руки, белые, словно фарфоровые, изящно взмахнули скальпелем. Перед тем как провести разрез, она отделила крохотный кусочек плоти и бросила на пол в жертву Богине.

Мартышка толкнула Джейн локтем в бок. Повернувшись к ней, Джейн увидела, что в блокноте красуется старательно исполненное изображение дублеровых гениталий. Джейн сердито отвернулась.

Ей было не до шуток.

К концу лекции у Джейн свело от напряжения пальцы, так она старалась ничего не пропустить, записывая. Рисунок Мартышки украсился веночком из маленьких фаллосов в разных степенях эрекции.

Хирургесса отложила скальпель и с еле заметным поклоном удалилась. Напряжение спало. Студенты заговорили, начали вставать, собирая книжки. Дублер накинул халат. — Ах да! — вспомнила Джейн. — Где мой «Анатом»?

— Это учебник-то? Как где? — небрежно ответила Мартышка. — Я его съела.

— Но он мне нужен!

— Тогда зачем ты его мне давала? — Мартышкины, маленькие глазки недобро посверкивали на круглой физиономии. — Иногда ты бываешь какая-то глупая. — Внезапным длинным прыжком она оказалась у двери и была такова.

Джейн стиснула кулаки. Но в общем-то это было в порядке вещей. Соседки по комнате на то и существовали. Они жрали ваши книжки, заводили себе крыс и прочих хищных гадов, заботу об их кормежке сваливали на вас, напивались в стельку и облевывали ваше лучшее платье, на нервной почве запирались в чулане и сидели там месяцами, закатывали истерику с попытками самоубийства накануне экзаменов, натаскивали в комнату кучу опавших листьев, развлекались с друзьями в вашей постели, на том основании, что ваша была застелена, а их собственная нет. Если жизненный цикл соседок включал метаморфозу, они превращались в гигантских кровососущих насекомых. Мартышка была еще не самой худшей из них.

Ладно, в конце концов, можно стащить новый учебник.

Она поднялась скорым лифтом восемью этажами выше, к университетскому книжному магазину. За этот год Джейн в совершенстве изучила его план, систему безопасности, распознала детектива в штатском, который там работал на полставки. У касс контроль был жесткий. Но в глубине магазина имелся пожарный выход, который не просматривался телекамерами благодаря второму

ряду забитых книгами стеллажей. Конечно, если открыть эту дверь, включался сигнал, но это не очень страшно.

Джейн взяла с полки новый «Анатом» и прогулочным шагом направилась к этому выходу. Она, к счастью, позаботилась заранее изучить коридор, куда он выходил, и сломать замок на двери, ведущей на ближайшую лестницу. Она не сомневалась, что, пока сыщик доберется до двери, она спустится на целый пролет, а к тому времени, как он добежит до лестницы, успеет свернуть за угол. Риск, конечно, некоторый был, но ей ужасно хотелось попробовать.

Она перевела дыхание и протянула руку к двери.

Но тут воздух сгустился, на нее навалилась какая-то неловкая тяжесть, желудок сжался, во рту стало горько.

Железные когти вцепились ей в плечо.

— Мисс Олдерберри!

Это была профессоресса Немезида, ее наставница.

— Здравствуйте, сударыня!

Она со страхом посмотрела на ученую даму. Ее очки, два сверкающих диска, низко сползли на клюв, не прикрывая слабых, близоруких водянисто-розовых глаз. Джейн казалось, что на нее смотрят два существа, и одного ей было жалко, а другого она боялась.

— Я просматривала ваши отчеты о лабораторных работах, мисс Олдерберри.

— Профессоресса взяла ее под руку и повела к главному выходу. — Должна вам сказать, что они весьма меня разочаровали. При ваших способностях...

— У меня не получается философский ка...

— Вот именно, вот именно.

Они вышли из магазина. Частью сознания Джейн отметила, что под прикрытием внушительного магнитного поля, даруемого профессорским рангом, она спокойно прошла мимо контрольных механизмов. То, что от нее требовало расчета, риска, смелости, ее наставнице далось без труда.

Они подошли к преподавательскому лифту, Немезида отперла

дверь. Уютная, удобная кабина была облицована полированным орехом. Дверь бесшумно захлопнулась, и так же бесшумно лифт пошел вверх. Джейн видела свое отражение в блестящей стене. Наставница нависала над ней, как грозное облако.

— Вы, без сомнения, понимаете, почему это меня беспокоит?

— Наверное... — Джейн не понимала этого, хоть убей, но четыре глаза впились в нее, требуя ответа. — Наверное, потому, что я на стипендии...

— Да нет же! — Профессоресса нетерпеливо топнула ногой. Как бы повинувшись этому знаку, дверь лифта распахнулась. Они вышли. На этом этаже находились кабинеты начальства. На стенах висели большие полотна без рам, изображающие зонтики и говяжьи туши. Здесь тоже немало народа сновало по коридорам, но здешняя публика пахла совсем иначе. — Я вовсе не о деньгах сейчас говорю. Речь идет о вашей жизни! В этом году придет Тейнд, вы ведь знаете.

Джейн кивнула, хотя ничего такого она не знала.

— Главы факультетов уже составляют список тех студентов, тех десяти процентов, которых... без которых мы можем обойтись. Ваше имя, Мисс Олдерберри, окажется в этом списке, если вы не исправитесь.

Одна пара глаз смотрела на Джейн безжалостно, другая беспомощно.

— Что-то я упускаю из виду, — быстро сказала Джейн. — Чего-то я не понимаю, какого-то пустяка. Вели бы я только поняла, в чем дело, у меня бы все получилось, я уверена.

— Вам наверняка небесполезно будет узнать, мисс Олдерберри, что когда-то и я сама была не слишком блестящим исследователем. Представьте себе! Даже я! — Профессоресса самодовольно улыбнулась. — Ленивая, неорганизованная, дерзкая — ни одного качества, которым должен обладать ассистент, у меня не было.

— Я думаю, может, все дело в понтийской во...

— Поворотным моментом оказался один случай. Мой наставник, а вам следует знать, что им был не кто иной, как сам маг Бонгей, получил грант от Фонда Рогоносца для создания предсказывающего механизма в виде бронзовой головы. Это было давно, вы понимаете, кибернетика была в зачаточном состоянии. В те годы все держалось

на вакуумных трубках.

— А я так стараюсь все делать тща...

— Мы обосновались в неиспользуемом спортзале, набили его оборудованием. Мы мечтали о славе. Но год подходил к концу, а мы так ничего и не добились. Когда наступил последний месяц финансирования — а Фонд жестоко карал неудачников, — мы буквально поселились в лаборатории. Три недели мы без передышки монтировали, демонтировали и перемонтировали это страшилище. Каждую ночь, до рассвета! Мы спали на раскладушках и питались всухомятку: утром холодная пицца, в полночь крутые яйца и шоколадные пряники. Бесчисленное число раз мы ее собирали, она открывала глаза, смотрела на нас, но говорить нипочем не желала, хоть тресни!

После одной, особенно огорчительной неудачи Бонгей заявил, что ему необходим сон, и улегся. Но меня он оставил дежурить у головы и строго-настрого велел будить его сразу же, если только она заговорит.

Я сама умирала от усталости, но сидела и все паяла и перепаявала схему. Вакуумные трубки — очень капризные штуки. Вы не поверите, сколько раз удавалось решить какую-нибудь проблему только тем, что мы вынимали вполне исправный по видимости блок и ставили другой, точно такой же.

И вот не прошло и получаса, как голова раскрыла глаза.

— *Время пришло*, — сказала она.

Я отложила паяльник. Сказать вам правду, я совсем не была уверена, что она действительно что-то произнесла, потому что ее глаза немедленно захлопнулись, и ее благородное бронзовое лицо осталось неподвижным, как мертвое. Я не исключала, что мне померещилось от усталости. Но приказ был дан недвусмысленный, и я подошла к койке, на которой спал маг, и уже положила руку ему на плечо, намереваясь его разбудить. В это время он повернулся, одеяло упало, и я увидела, что он ужасно... возбуждился во сне.

А у Бонгея, видите ли, была привычка следовать своим позывам немедленно, как только он их ощущал. Это полезно для мозга. Я была его первым в жизни ассистентом женского пола и уже знала по опыту, что он потребует от меня определенных услуг, которые он привык получать от юношей — старшекурсников и ассистентов.

Немезида многозначительно подняла брови.

— Неужели?.. — Джейн не была уверена, что правильно ее поняла.

— Вот именно. А у меня как раз разыгрался геморрой, и мне просто страшно было об этом подумать. Так что я пришла к выводу, что мне все показалось, и не стала его будить.

Через час голова снова раскрыла глаза и произнесла:

— *Время прошло.* На этот раз никаких сомнений быть не могло. Но теперь — не говоря уже о том, что предыдущая причина, по которой я не хотела его будить, оставалась в силе, я понимала, что, не разбудив его, совершила серьезнейшую ошибку, узнав о которой, он подвергнет меня суровому наказанию. Я была в чрезвычайно затруднительном положении. Я колебалась. Я проколебалась целый час, в конце которого голова заговорила в третий и последний раз.

— *Время ушло.* — сказала она.

Ее глаза закатились. Запахло горелым. От головы несло жаром все больше и больше, пока раскаленный металл не начал светиться. Я закричала. Бонгей проснулся.

— Что, ожила? — спросил Бонгей. — Я должен поговорить с ней. Я должен объяснить кое-что, прежде чем... Но тут он увидел, что голова раскалена и светится, и по шее у нее стекает расплавленный припой, а за ним ручейки золота и серебра из проводки. Тут маг Бонгей сам закричал, страшно и яростно, и я в ужасе убежала.

Немезида засмеялась:

— Из-за этого случая он вместе с должностью потерял и собственную голову. Приближался конец финансового года, и ректорат нуждался в этом гранте. По приказу университетского казначея все, причастные к провалу, были казнены.

— А как же вы уцелели?

— Нужно ведь было, чтобы кто-нибудь написал отчет. «Маг Бонгей, его бронзовая голова и страшный конец. Выводы и заключения». Не читали? А я извлекла урок из этой истории. Никогда более не позволяла я себе пренебрегать своими обязанностями. Бдительность, мисс Олдерберри, постоянная и неусыпная

бдительность должна быть нашим девизом!

— Я уверена, что у меня получилось бы... Если бы мне только кто-нибудь подсказал, что я делаю неправильно!

— Ну ладно, — сказала Немезида. — Я уверена, что наша небольшая беседа окажется вам полезна. Только помните, что у нас план. Мы не можем иметь любимчиков. Если мы оставим вас, должен будет погибнуть другой достойный студент. Как бы вы хорошо ни учились, пережить Тейнд — это привилегия, а не право.

Они пошли к ее кабинету. Профессоресса отперла дверь, шагнула внутрь и на пороге обернулась:

— И помните, что эта дверь всегда открыта для вас. И она захлопнула дверь у Джейн перед самым носом.

* * *

От учебных этажей ходил студенческий лифт к трехэтажному комплексу под названием «Женское студенческое общежитие имени госпожи Габундии». Он был битком набит студентами. Половина из них была с велосипедами. Джейн рядом с ними ощущала одновременно и превосходство, и неполноценность. Они были народ несерьезный и драгоценное время тратили на всякие пустяки, тогда как она все силы отдавала учебе. С другой стороны, нельзя было отрицать, что они получали от жизни удовольствие, а она нет.

Кто-то включил музыку, и, несмотря на тесноту, многие тут же пустились в пляс. Двое попрыгунчиков, видимо с театрального факультета, с худыми, как у борзых собак, лицами, стали изображать танец с саблями. Они вертелись на месте, прыгали и отражали удары невидимых сабель. А вот дергунцы в углу занимались, передавая друг другу конспект.

Лифтом управляла картофельница. У нее было такое перекошенное и шишковатое лицо, что не сходящая с него злая гримаса даже не замечалась. Она открыла дверь, когда лифт остановился у общежития, и габундианки со смехом высыпали наружу. Попрыгунчики попытались выйти вместе с ними. Но картофельница не могла позволить такого нарушения порядка. Схватив метлу, она врезалась в маленькую толпу и так отделала

мальчиков, что у них на лицах и на руках выступила кровь. Громко ругаясь и размахивая метлой, она загнала нарушителей обратно в лифт и с торжествующим хриплым смехом захлопнула дверцу.

Джейн вошла в свою комнату и швырнула книги на кровать. Мартышка, конечно, где-то развлекалась. Джейн знала, что в это время девушки обычно собираются на балконе покурить и поболтать. Сев за стол, она решила часик позаниматься, а потом пойти к ним.

Раскрыв трактат Петра Доброго, она начала читать:

«Нечто весьма сходное с алхимическими зарождениями происходит и в мире животных, а также среди растений, минералов и элементов. Природа порождает лягушек в облаках, а также в земле, смоченной дождем, при гниении и разложении сходных субстанций. Авиценна пишет...»

Она зевнула, глаза соскользнули со страницы. Она заставила себя читать дальше.

«...пишет, что однажды телок зародился в грозовой туче и достиг земли в бессознательном состоянии. При разложении василиска зарождаются скорпионы».

И так далее — сплошное нагромождение примеров. Научный труд считался тем солиднее, чем больше данных он использовал. Но в любой момент среди этого словесного мусора могла мелькнуть принципиальная идея, так что приходилось читать все подряд.

«В мертвой плоти бычка зарождаются пчелы, осы — в теле осла, жуки — в конском трупе, в останках мула — саранча».

Джейн пролистнула несколько страниц дальнейших примеров. «Подобное же можно наблюдать и в мире минералов, хотя и не столь отчетливо».

Джейн захлопнула книгу и вскочила. До чего скучно! Совершенно невозможно читать! Не сосредоточиться. Она должна была получить камень еще две недели назад, ей могли не продлить срок. А хуже всего было то, что у нее не оставалось сомнений: в какой-то момент она упустила самое главное и теперь понимала все меньше, и с каждым новым днем занятий ее отставание увеличивалось. Если она не нагонит в ближайшее время, она не нагонит никогда.

Ей захотелось выпить.

Изумительный закат пылал на горизонте, но они могли видеть только его проблески в узких расселинах между громадными зданиями Серого Города. Да еще в окнах восточного крыла горело его золотое отражение. Сирии сидела, подняв на балюстраду балкона свои длинные, стройные ноги. Здесь же были Чернавка, Наина и Дженни Синезубка. У их ног стоял початый ящик с банками «Лягушачьего».

Дженни бросала пиво грифонам. Она размахнулась и забросила невскрытую жестянку как можно дальше. Жестянка, блестя на солнце, полетела в сторону невидимой с балкона улицы.

Три грифона с пронзительным криком бросились за ней. Победитель ухватил ее мощным клювом, заскрежетала жесть, банка открылась, зашипело пиво. Грифон завис на месте, взмахивая сильными крыльями и смакуя пенистую жидкость.

Грифоны, хоть и любили пиво, переносили алкоголь плохо. Некоторые уже с трудом держались на крыльях и беспомощно тыкались в стены каменных городских ущелий. Один решил с размаху приземлиться на висячий мостик, соединяющий два университетских здания, и чуть не промахнулся. Джейн вздрогнула.

Дженни засмеялась, рыгнула и бросила еще одну банку.

— Бери себе стул, — приветливо пригласила Сирии. — Мы тут болтаем.

Джейн прислонилась к балюстраде, разглядывая бесконечные ступенчатые башни с круглыми куполами. Они были похожи на термитники, могучим заклинанием увеличенные до чудовищных размеров. Воздушные мосты объединяли их в сложное единство. Тут и там мелькали зеленые пятна балконов и висячих садов. В этих домах было все, что нужно жильцам, включая театры и магазины, больницы и рестораны. Здесь можно было жить, неделями не выходя на улицу, и многие, особенно студенты, так и жили. Глядя на бесконечные ряды окон, Джейн ощутила себя — нет, не затерянной, — но одной из миллионов, единственной и неповторимой в целой галактике столь же неповторимых существ. Ей было хорошо здесь, как нигде и никогда.

— О чем?

— О социальной справедливости и анархии.

— О грифоньих яйцах.

— О мальчиках.

Джейн взяла банку, не забыв пролить немного пива на пол. Села на свободный стул. Чернавка придвинула к ней тарелочку сухих соленых жуков, но Джейн покачала головой.

— Никак не могу получить философский камень. Даже не знаю, может, у меня понтийская вода с примесью?

От получения камня напрямую зависел зачет, но Джейн старалась говорить об этом небрежно.

— Можете мне что-нибудь посоветовать?

— Слишком напрягаешься, — весело сказала Сирии. — Серьезная ты у нас очень, ученая такая. Ходи на танцы да чаще спи с мальчиками.

— Как будто мало на свете этого камня! — добавила Наина. Она была из черных гномов и до невозможности политизирована. — Нам не философский камень нужен, а такая система управления, при которой сильные не угнетали бы слабых.

Она изобразила скрещенными руками знак молота — без капли иронии, на полном серьезе!

— Да, помощи от вас, пожалуй, дождешься!

— Кстати! — Сирия подняла глаза к небу и объявила всему свету: — Яшма говорит, что у Билли-страшилы три яйца!

— Что-что?

— А она-то откуда знает?

— Ничего подобного! Или подожди...

— Ну я это скоро узнаю, — продолжала Сирия. — Яшма обещала устроить двойное свидание. — Она вынула из целлофанового пакетика сушеную стрекозу и сунула в рот.

— Смотрите! — Дженни Синезубка метнула банку как раз посередине между двумя пролетающими грифонами. Бросившись на добычу одновременно, они так столкнулись, что полетели перья.

Пока они дрались, подлетел третий грифон и уволок банку. Но его коготь, вонзившись, застрял в ней, и он, поспешно улета, тряс лапой в тщетных усилиях высвободиться. Все расхохотались, в том числе и Джейн. Наина предложила сыграть в канасту, а Чернавка желала непременно в пинокль. В итоге сели играть в эльфийского дурака. Сирин все время везло, а Джейн несколько раз подряд оставалась с черной девой и мелкими червами.

— Не твой день, — сказала ей на это Сирин.

— Да уж, ясно, не мой.

— Ну, не знаю, как вы, а я, пожалуй, погляжу, что в мире делается. В Сенодене открыли новый клуб. Кто со мной?

Чернавка закивала, Наина, нахмурившись, отказалась. Дженни Синезубка подбросила карты вверх, ветер подхватил их, разметал в воздухе, унес прочь.

— Я с вами, — сказала Джейн.

* * *

Переход в Сеноденскую башню лежал двенадцатью этажами выше Габундии. Пройдя его, они поднялись на лифте еще на тридцать четыре этажа. Новый клуб, о котором слышала Сирин, назывался «Утопленник». Вход в него располагался у центральной шахты, и его блестящие стальные стены дрожали, когда мимо проезжала тяжелая кабина.

— Как в подводной лодке, — заметила Джейн, глядя на множество выкрашенных в яркие цвета труб, проходящих по стенам и потолку.

— Не пялся так, — сказала Сирин, — а то все поймут, что мы студентки.

Над стойкой бара висело в ряд несколько телевизоров, и все показывали разрушения, причиненные бомбежкой в Кокейне. Изображение мерцало в такт оглушительному грому оркестра. Девушки сели за столик, им принесли напитки. К ним присоединился гном по имени Рыжий Глот. Сначала он клеился к Сирин, не очень, правда, настойчиво, но потом у него разгорелся политический спор с Наиной.

— Я-то лично за сохранение сословий. Я же гном — мы все в душе консерваторы. — Он сунул в рот сигарету. — Есть у нас такие, что отрекаются сами от себя. Но зря.

— Ох, не начинай ты с ней об этом! — взмолилась Сирий. Но Наина уже проглотила наживку.

— Ну и глупо с твоей стороны! Сословная система выгодна только правящей верхушке. Белая кость — желанный гость, черную кость под лавку брось. Так всегда было.

— Ну и что? — Зажженная спичка осветила надменную улыбку. — Почему я должен думать о других?

— Сирий! — Джейн сжала руку подруги. — Объясни, почему у меня не получаются опыты. Сирий смутилась:

— Джейн, ты должна понять это сама. Так построено обучение. Ты сама должна...

— Но я не могу...

— Так лучше, поверь. Так полагается.

— Думая о других, ты и о себе думаешь! Или ты надеешься подрасти и выбиться в эльфы?

— Очень остроумно! Видал я таких, как ты!

— Каких это таких?

— Сирий!

— Нет! Даже говорить об этом не хочу.

— Таких! Которые часами болтают о страданиях своего народа, а вот переспать норовят с эльфами, со своими не желают!

— Ну, не переживай так, коротышка! Приголубит кто-нибудь и тебя, не посмотрит на твой... размер!

— Ну ты и сука! — Рыжий Глот швырнул окурок на пол и растер подошвой начищенного итальянского башмака. — Вот такие мне и нравятся!

Он протянул Наине руку. Они вышли на площадку и затерялись среди танцующих.

— И больше мы их не увидим! — прокомментировала Сирий.

В воздухе нависло предчувствие. Рядом с их столиком возник эльф в костюме из жатого шелка.

— Девушки!

Он был красив и ухожен и мог нравиться, если смотреть на него. Но стоило отвести глаза, и рядом с ним делалось как-то неприятно.

— Разрешите к вам присоединиться? — Он уселся на свободный стул, протянул руку. — Гальяганте.

— Сирии.

— Джейн.

Когда она дотронулась до его руки, Гальяганте схватил ее за пальцы, перевернул руку и склонился над ней, целуя ладонь. Сирии спрягала усмешку.

Они едва успели обменяться несколькими фразами, как Наина вернулась за сумочкой. Глот ждал ее у двери. Она беспокойно оглянулась на него.

— Я иду в общежитие.

— Конечно, дорогая, мы и не сомневались, — ласково ответила Сирии.

Все трое посмотрели, как парочка вышла из клуба.

— Недолго же они танцевали, — заметила Джейн.

— Я их не виню. Под эту музыку трудно танцевать. — Когда Гальяганте улыбался, его скулы как-то подергивались, словно что-то живое двигалось там, под кожей. Глаза его лихорадочно блестели. — Еще рано. Я знаю одно место, где музыка тихая и танцуют медленно. Если вы согласны немножко прокатиться...

Он взял Сирия под руку и помог ей подняться.

* * *

— Куда мы идем? — забеспокоилась Джейн. — Лифт в другой стороне.

Гальяганте мило улыбнулся:

— В общественных кабинах всегда такая давка! Зачем нам туда?

Он подвел их к небольшой нише, выложенной изразцами. Здесь проходила шахта, но никаких надписей не было. Он нажал на кнопку вызова.

Подъехавшая кабина была маленькая, без освещения, с черными кожаными сиденьями. Управлял ею коренастый гном в шоферской ливрее и фуражке. Они вошли в кабину.

— К «Мертвому озеру», — приказал Гальяганте. Гном, даже не кивнув в ответ, захлопнул дверь. У Джейн перехватило дыхание, когда кабина рухнула вниз. Гальяганте, приподняв рукав, взглянул на часы и сел, поместив руку за спиной Сирии, но все-таки до нее не дотрагиваясь. Сирии, чуть подвинувшись, оперлась на его руку. Он взял ее за плечо.

Джейн смотрела на все это с интересом. Похоже было на дипломатическую церемонию — обмен формальностями вначале, достижение взаимопонимания потом. Гном стоял к ним спиной, следя за мелькающими в застекленной щели этажами. Другая рука вытянулась на спинке за плечами Джейн. Это ей понравилось меньше.

— Итак, — бодро начала она, — расскажите нам, какая у вас работа?

— Работа? — Гальяганте удивился. — Вас, должно быть, интересует, как я добываю деньги. Ну это мало кто назвал бы работой.

— А что же вы делаете?

— Например, я вкладываю другие деньги. Или получаю наследство. Вообще-то деньги поступают от держателей акций. А вот вы, Джейн, где работаете вы?

— Мы студентки. — Она предпочла не заметить гримасу Сирии. — Будущие алхимики.

— Ах вот как? Я связан с некоторыми алхимическими фирмами. Не могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Лифт продолжал опускаться и все наращивал скорость. Сзади звенели и лязгали тросы. Они наверняка давно миновали первый этаж и теперь мчались к сердцу земли. Джейн описала свои мучения с

философским камнем. — У нас в промышленности существует схожее явление, — заметил Гальяганте, когда она закончила. — Мы называем это «синдром новичка». Случается, что на новом заводе запускается какой-то достаточно сложный, но в общем изученный производственный цикл. Технологи делают все как положено, но ничего не получается. Кислота не окисляет, реагенты... не реагируют. Репрессии ни к чему не ведут. Нужные реакции просто отказываются происходить. И тогда администрации приходится разыскивать опытную технологиню, которая уже руководила этим циклом. Ее уговаривают разочек пронаблюдать за процессом. Под ее присмотром все идет как надо. И после этого нет проблем, процесс пошел. Все дело в том, чтобы на первый раз циклом руководил кто-нибудь, у кого уже получалось, кто знает всем своим существом, что не получится просто не может. Думаю, что это имеет отношение к принципу неопределенности в квантовой механике, хотя поклясться в этом не могу.

— Ну, значит, плохо мое дело. Как я могу верить, что не получится не может, когда не получалось пять раз подряд?

Сирин смотрела только на Гальяганте, ни разу не повернувшись к Джейн.

— Понимаю. Но наверняка есть способ перехитрить ситуацию. Например, возьмите в следующий раз посуду, в которой опыт уже успешно завершился. Установите все в нужном порядке. Я уверен, что даже одинаковые трубки нельзя менять местами. И все выйдет. Ваши друзья, без сомнения, согласятся одолжить вам посуду. Или вы можете обменять новое оборудование на использованное.

— Мы тормозим. Сейчас остановимся, — заметила Сирин.

Они вышли в фойе. Дорогу им загородил тролль в смокинге.

— Это закрытый этаж, сэр.

Гальяганте небрежно взмахнул золотой карточкой, и их пропустили.

Первое, что бросилось в глаза Джейн, когда они вошли в «Мертвое озеро»,

— это то, что Сирин еще может считаться более или менее подходяще одетой для такого заведения, но она, Джейн, никак не может. Здесь развлекалась богатая публика, от тильвит-тегов и выше,

и джинсов никто не носил. В таком обществе она еще не бывала, и внутри у нее все сжалось. Когда Гальяганте выбрал столик, она поспешила сесть, стараясь не привлекать к себе внимания.

За баром находился громадный резервуар с водой, ярко озаренный неоновым светом, заливающим все помещение лилово-красным сиянием. В воде барахталась тонущая лошадь. Она била ногами изо всех сил. Страдающие глаза налились кровью, она отчаянно тянула шею, чтобы глотнуть воздуха. Смотреть на нее было мучительно. Звучала томная музыка — тихо, но все же заглушая плеск воды. Лошадь страдала бесшумно.

Джейн повернула свой стул так, чтобы не видеть этого. Гальяганте усмехнулся. Кобольд-официант принес им бренди.

— Может быть, хотите нюхнуть?

— Конечно, хотим, — быстро сказала Джейн, хотя Сирина начала было отказываться.

Среди танцующих мелькали зеркальные девушки с подносами. Из-за того, что поверхность их тел идеально все отражала, Джейн никак не могла решить, совсем они голые или лишь полуголые. Они были ходячим чудом, раздвигающим при движении реальность, которая, однако, тут же смыкалась, стоило им пройти.

Гальяганте щелкнул пальцами, и одна из чудесных девушек, подойдя, наклонилась к ним.

Она протянула поднос, освещенный лучом света, отразившимся от ее сияющего соска. На подносе ровными рядками лежали готовые к употреблению порции порошка. Гальяганте, бросив на стол бумажник, наклонился и вынюхал две порции, по одной в каждую ноздрю. Сирина и Джейн сделали то же. Он положил на поднос несколько ассигнаций.

— Потанцуем?

Сирина встала, и они ушли на площадку.

Бумажник остался на столе. Он лежал в ярком круге света и казалось, что он дышит, что его переполняет жизнь. Кожу украшало тиснение — черепа и розочки. Джейн казалось, что это очень шикарный жест — оставить бумажник на столе. Это говорило об уверенности и богатстве.

Она осторожно заглянула в бумажник.

Эльфы — непредсказуемые существа, обокрасть одного из них было бы просто безумием. Для этого нужно чудовищное хладнокровие. Она медленно пила коньяк. Сирин, конечно же, танцевала великолепно. Гальяганте тесно прижимал ее к себе и что-то нашептывал на ухо. У нее были тонкие, аристократические черты лица, и только теперь, в этом зале, Джейн поняла, что, конечно, Сирин сама родом из тильвит-тегов. Двигаясь в такт медленной музыке, эти двое казались неправдоподобно грациозными, как два лебедя, скользящих по зеркальной озерной глади. Но постепенно безмятежное настроение Сирин сменилось каким-то волнением. Она споткнулась. Казалось даже, что она пытается вырваться из цепких объятий партнера. Джейн задумчиво смотрела на них.

Когда танец кончился, Сирин почти подбежала к столику и схватилась за свою сумочку.

— Пойду, нос попудрю. Ты со мной, Джейн? — Голос ее дрогнул.

— Мы сейчас вернемся, — бросила она через плечо. Гальяганте ничего не ответил. Он сидел, неподвижно глядя на тонущую лошадь, и легкая улыбка дрожала, как огонек, на его губах.

* * *

— Подержи! — Сирии сунула сумочку в руку Джейн и скрылась за дверцей.

Джейн прислонилась к раковине, оглядывая кабинки. В одной кого-то тошнило. Из щели между дверцей и полом торчали красные каблучки. Джейн зашла в соседнюю и заперлась на задвижку.

На полу, рядом с коленями блюющей эльфы, лежала вышитая бисером сумочка. Очень осторожно Джейн носком башмака придвинула ее к себе. Хозяйка сумочки, которую наизнанку выворачивало в унитаз, ничего не заметила.

В сумочке была куча денег. Джейн забрала все, а сумочку подсунула на прежнее место. В кошельке Сирин денег было гораздо меньше, но их она взяла тоже. Потом изорвала в мелкие клочья ее лифтовый проездной билет, бросила в унитаз и спустила воду.

Когда она вышла из кабинки, Сирин перед зеркалом поправляла прическу. Ее лицо было бледным, как бумага. Она схватила Джейн за руку:

— Надо немедленно уходить. Немедленно!

— Что с тобой? Что случилось?

— Этот Гальяганте!.. Джейн, когда мы танцевали, он такое мне говорил! Такое! Я не ханжа, ты ведь знаешь, но такое!.. Про рыболовные крючки и... — Она не договорила. — Уйдем отсюда, Джейн, скорее, пожалуйста!

— Пошли!

* * *

Они выскочили из вращающихся дверей клуба и подбежали к лифту. Сирин нажала кнопку вызова. Она все время со страхом оглядывалась. Но Гальяганте еще не заметил, что они слишком задержались в туалете.

— Идет! Слышишь, трос дребезжит?

— Как медленно! — Сирин вынула из сумочки кошелек, раскрыла. В отчаянии воскликнула: — Ой! У меня, оказывается, нет денег! Придется ехать в общественном... — Она продолжала копаться в сумке, и ее отчаяние все росло:

— Я потеряла проездной!

— Не волнуйся так, Сирин!

— Мы пропали! Джейн, ты не представляешь себе, чего он от меня... от нас обеих хочет!

— Ничего страшного, Сирин, успокойся!

— Ты не понимаешь! Это так...

Подъехала кабинка, и лифтер в ливрее — не тот, что вез их сюда — хмуро посмотрел на них. Джейн втащила Сирин в кабину и резко приказала:

— К проходу на Бельгарду. Там остановитесь. — И успокоила Сирин: — Ничего, у меня хватит. Я заплачу.

Сирин, рыдая, уронила голову ей на плечо.

* * *

Джейн настояла, чтобы они не сразу пошли домой, а завернули по дороге в пивнушку. «Пивнушкой» все называли студенческий бар на несколько этажей ниже Габундии. В нем былолюдно, шумно и безопасно. Джейн заказала кувшин пива, и Сирин проглотила одну за другой три кружки.

От пива Сирин всегда впадала в сентиментальность.

— Я так тебе благодарна! За лифт, за то, что ты меня оттуда вытащила. Джейн, ты даже не представляешь, от чего ты меня спасла, чего он от меня хотел!

— Да ладно, не будем больше об этом.

— Нет, в самом деле, что бы я без тебя делала? Я твоя должница. Я для тебя все на свете сделаю, если только смогу. — Она помолчала, и ее лицо озарилось озорной эльфийской усмешкой. — Может, когда-нибудь мне и захочется... Но пока я к этому не готова.

Джейн смотрела в свою кружку. Пузыри, отрываясь от дна, поднимались сначала медленно, потом все быстрее. Они поблескивали, как маленькие галактики, каждый пузырек был целым миром. Она наклонила кружку и сделала большой глоток. «Я несущерть, — подумала она, — я разрушаю миры». Вслух она сказала:

— Я думаю, эта чушь, что он нес про синдром новичка, ничуть не поможет, верно? Одна болтовня.

— Да нет, кое-что в этом есть. Но это не главное.

— А в чем главное?

— Джейн, я сказала все, что могла. Не заставляй меня...

— Ты же сказала: все на свете. Я ведь тебя спасла.

— Да, но я не думала, что ты об этом попросишь. Об этом не разрешается...

— Тише, тише... — Джейн погладила руку Сирии, дотронулась под столом коленями до ее колен. Пристально глядя в ее помутившиеся глаза, Джейн громко прошептала: — Какая ты

красивая!

— Что?

Джейн была почти трезвая, но понимала, что, разговаривая с пьяными, надо делать выразительные жесты, все упрощать, все раскрашивать в яркие цвета без оттенков. Упершись лбом в лоб Сирии, она заговорила шепотом:

— Ну, пожалуйста, скажи мне! Я бы тебе обязательно сказала. Мы же с тобой подруги. Мне ты можешь довериться. Ну!

Сирии, покраснев, опустила глаза.

— Я жульничаю. Я подделываю результат.

Джейн гладила ее пальцы. Она понимала, что ведет себя подловато, но другого выхода не было.

— Расскажи, как.

Глаза Сирия подернулись молочной белизной, зрачки и радужка рассыпались в мелкие точки и растворились в белом. Чужим низким голосом она спросила:

— Тебе известна разница между эзотерической и экзотерической алхимией?

Джейн отрицательно качнула головой.

— Все, что ты делаешь в лаборатории, все опыты, органика, неорганика — это все экзотерично, это относится к трансмутациям вещества. Это внешнее учение. Понимаешь?

— Да.

— Эзотерическая алхимия — это внутреннее учение. Это другая сторона монеты. Лекций по эзотерической алхимии не читают, студентка должна открыть ее сама. Эзотерическая алхимия основана на духовных трансмутациях. Их можно вызвать страхом, болью или, например, аскетической практикой — но легче всего и проще добиться их определенными дозами секса.

— Расскажи, как. Как это делать на практике? Голос Сирия делался все ниже и тверже. Уже ясно было, что он не женский.

— Процедура состоит из двух частей.

— Из двух частей.

— Первая часть — эзотерическая. Для нее нужен партнер. Занимаясь любовью, мысленно представляй себе опыт, от начала до конца, шаг за шагом. Если партнер кончит раньше завершения опыта, придется начать все сначала.

Холодные руки Сирина крепко держали ее пальцы. От них по ее онемевшим рукам шел поток энергии, опускался по позвоночнику и возвращался к Сирину через их соприкасающиеся колени. Это действовало гипнотически. Она не видела больше ни стола, за которым они сидели, ни стульев. Ничего не существовало вокруг, кроме этого голоса да потока энергии, пронизывающего их двоих.

— Вторая часть — эзотерическая. Управляя опытом, представляй себе то, что ты делала, когда представляла себе опыт. Как ты обнимала партнера, что при этом чувствовала. Это создаст петлю обратной связи. Ты возбудишься. Ради приличия это обычно делают в уединении.

Для получения философского камня достаточно сексуальной энергии первого уровня. По мере продвижения в эзотерической науке тебе понадобятся более изощренные приемы. Но на первых порах можно обойтись обычной сексуальной практикой.

Джейн, слушая ее, видела какое-то окно, распахнувшееся из ниоткуда, и в нем странную местность с лишенными смысла чертами. «Как это может быть? — думала она. — Как может одно влиять на другое? Что связывает их, какой механизм, каким образом?»

Ей вспомнились сияние давнего яркого дня, солнечный блеск — ни облачка в небе, ни единой тени вокруг, — вспомнились так отчетливо, что окружающее показалось тонким как пленка, покрывающая яичный желток, — ткни вилкой, и другая реальность вырвется через отверстие, польется рекой, затопит весь мир. Она знала теперь, что видимый мир — лишь оболочка, за которой живут неведомые громадные существа, что они движутся, колебля завесу, и лица, более обширные, чем созвездия, просвечивают сквозь ткань небес.

Джейн чувствовала, что близка к разгадке, что истина рядом, до нее почти можно дотронуться, попробовать на вкус, ощутить. Она обдумывала следующий вопрос, когда сила, скрывающаяся за обликом Сирина, заговорила снова:

— Ты играешь с великими тайнами. Берегись, они могут

сокрушить тебя.

Глаза Сирин распахнулись, и она сказала обычным голосом:

— Меня сейчас вырвет!

Словно откатывающаяся волна, отступило присутствие чуждой силы. Вокруг снова была знакомая и уютная пивнушка.

Джейн налила себе пива. Когда кружка опустела, налила еще. В какой-то момент она заметила, что Сирин уже ушла, а на ее месте сидит довольно приятный, но ничем не примечательный молодой человек и оживленно с ней беседует. Она смутно припомнила, что он представился как Джейк Петрарте. Он рассказывал какой-то анекдот. Джейн не слушала, зная, что по его интонации поймет, когда надо смеяться. Она была свободна и могла принять любое решение.

Джейк улыбался, как заправский соблазнитель.

Что же, подумала Джейн, он или другой, все равно. В конце концов, она больше года каждое утро добросовестно исполняла предохранительный ритуал.

Не пропадать же усилиям.

Через два дня она снова поставила опыт. На этот раз все получилось безупречно.

Глава 13

Джейн поймала на стеклышко последнюю струйку спермы, пролитой Билли-страшилой, отмерила пипеткой нужное количество, разбавила соляным раствором и потрясла пипеткой, чтобы жидкости хорошенько перемешались. Потом, выпустила раствор из пипетки в резервуар цитометра, щелкнула затвором и пристроила на предметный столик.

— Посмотрим, какие будут предзнаменования. Билли, повернувшись к ней, смотрел, как она натягивает трусики и джинсы, как склоняется над микроскопом. Печально шуршали простыни.

— Никак я тебя не пойму.

— Тебе и не положено.

Не отрывая глаз от микроскопа, Джейн нашарила руками лифчик, накинула, перевернула правильно, расправила. На том же стуле, с которого она взяла лифчик, висела и блузка.

— Ну-ка, застегни, — велела она. Билли послушно застегнул.

— Я знаю, ты и с другими встречаешься. Тебе с ними тоже хорошо или только со мной?

— Моя соседка вот-вот вернется с занятий, — холодно сказала Джейн. — Ты бы штаны надел.

Билли со вздохом пошарил под кроватью, нашел свои брюки. По очереди сгибая и разгибая длинные, как у журавля, ноги, засунул их в штанины. Он был тонкокостный, худущий и долговязый, как воронье пугало. Когда он сидел, голова его почти упиралась в потолок. А стоя он в комнате не помещался, ходил согнувшись.

Кто-то дернул снаружи дверь и тут же заколотил кулаками изо всех сил. Дверь заходила ходуном.

— Это, надо думать, она. Может, откроешь? Но, прежде чем Билли успел повернуть ключ, окошечко в дверной фрамуге распахнулось, и в нем показалась карабкающаяся Мартышка. Билли машинально взял ее под мышки и, перенеся, как куклу, поставил на ее же собственный письменный стол. Лицо Мартышки потемнело от злости, как остывающий уголек в камине. Билли вежливо улыбался.

Зубы у него были кривые, а улыбка прорезала все лицо и с обеих сторон загибалась к затылку. В такие минуты, как сейчас, стараясь выглядеть особенно любезным. Билли был особенно нелеп.

— Какого хрена ты запираешься, так что я не могу на фиг попасть в собственную комнату!

Предзнаменования получились плохие. Конечно, перед приходом Тейнда и не могло быть хороших. Какой бы образец ни исследовать — прядь волос, мочу, соскобы с рогов, — спектрофотометр неизменно показывал широкую черную полосу, которая и была знаком приближающегося Тейнда. Ведь даже те, кому суждено было уцелеть, скорее всего теряли кого-то из близких.

— Я готовила препарат, — рассеянно пробормотала Джейн. Билли справился с пряжкой пояса и поспешно застегивал рубашку. — Не хотела, чтобы ты влетела в комнату в разгар приготовлений, понимаешь?

Вообще-то говоря, использовать эзотерическую технику для предварительного гадания не полагалось. Но иначе ей пришлось бы долгие часы всматриваться в разлитые чернила или ковыряться в козлиных внутренностях.

— Что-то вы за последнее время сильно обнаглели, мисс Олдерберри. — Мартышка прыгнула со стола. — Не понимаю, когда это я вам разрешала в моей комнате устраивать ваши поганые свиданки!

— Ну мне, пожалуй, пора, знаете, занятия... — Билли подобрал носки и башмаки, сунул под мышку, неловко кивнул и, как листик, гонимый бурей, выкатился из комнаты с прощальным «Пока!».

Чтобы гадание было успешным, прежде всего надо уяснить себе, что предсказать будущее невозможно, поскольку оно не определено. Невозможность эта полная и абсолютная. Единственное, что можно сделать, — это правильно истолковать то, что уже существует, но пока малозаметно. Любовники тянутся друг к другу задолго до своего первого поцелуя. Убийство зреет в приметах дружбы. Карцинома, которая на рентгеновском снимке кажется приставшей пылинкой, означает смерть. Многие кажущиеся случайности подготавливаются всем ходом событий. Джейн стала заносить наблюдения в свой лабораторный журнал.

Мартышка выхватила у нее карандаш и с треском разломала

пополам.

Джейн закрыла глаза и мысленно начертала знак Бафомета. Успокоившись, она выдвинула ящик стола.

— Ладно. — В ящике были резиновые перчатки. — Не хотела я этого делать.

— Она натянула перчатки. — Но ты меня вынуждаешь.

Надо отдать Мартышке должное, трусливой она не была. В роду у нее были ловкачи и пройдохи, а ген наглости — всегда доминантный. И все же она нервно облизала губы, когда Джейн сделала вид, что вынимает из ящика невидимую коробку.

— Я тебя не боюсь!

— Это хорошо. — Джейн откинула несуществующую крышку. — Тем лучше сработает, раз ты не веришь. — Она достала из коробки воображаемый скальпель и повертела перед глазами, якобы любуясь его блеском.

— Что ты хочешь делать? Джейн улыбнулась:

— А вот что!

Она ткнула кулаком Мартышке в живот. Малышка-гоблинка согнулась от боли. Джейн мгновенно навалилась на нее и, не обращая внимания на ее визг, прижала к полу. Потом она задрала ей блузку, другой рукой вытащив из кармана джинсов резиновый пузырек, заготовленный как раз для этого случая.

— Так, чуть повыше... — Сделала вид, будто примеривается, и ткнула пальцем в голый Мартышкин живот. — Готово!

Она раздавила пузырек.

Хлынула кровь. Темно-алое пятно расплылось по животу, поползло ниже. Джейн встала, сжимая в руке кусочек резины. Никто по виду не отличил бы его от кусочка окровавленной плоти. И когда Мартышка, приподнявшись, стала оправлять блузку, Джейн сунула этот кусочек в рот, разжевала и проглотила.

Сделав дело, она быстро спрятала скальпель в коробку, убрала ее в стол (в небытие), стащила перчатки и бросила их в мусорную корзину. Теперь осталось посмотреть, какое впечатление произвело действие на соседку.

Мартышка вскочила на ноги:

— Что все это значит?

— Надеюсь, теперь у меня будет немного покоя.

— Не верю я, это была ловкость рук!

— Думай как хочешь.

Зажав в руке тяжелый степлер, Мартышка подступила к Джейн.

— А если я тебя этим стукну по голове? Спорим, тебе будет больнее, чем мне!

— Давай проверим!

Мартышка нерешительно пожевала губами. Потом, с гримасой отвращения, бросила бумагосшиватель на пол, а сама с размаху уселась на стул.

— Зараза! — Она была вне себя от ярости. Но внезапно расслабилась, даже усмехнулась про себя и с рассчитанной непринужденностью сказала: — А я сегодня познакомилась с твоим старым другом.

— Я потрясена, — ответила Джейн, — последовательностью и логичностью твоего мышления.

Стерев с лица пятнышко крови, она вернулась к микроскопу. Но слова Мартышки засели у нее в голове и не давали покоя. Наконец она со вздохом спросила:

— И кто же это?

— Знаю, да не скажу! Угадай!

И торжествующая Мартышка, не сводя глаз с Джейн, приподняла край своей замаранной блузки и стала сосать окровавленную ткань.

* * *

Перед уходом из дому Джейн долго смотрела на листок желтоватой папиросной бумаги. Плохие новости всегда являлись на дешевой бумаге со слепым шрифтом, с именами и прочими деталями, впечатанными с ошибками, выше строки, одними заглавными

буквами и под выбитую копирку. Со вчерашнего дня, когда она получила эту бумагу, она прочла ее раз десять, не меньше.

Кому: Господину/Госпоже ОЛДЕРБЕРИ О т кого: Управление Истины и Покаяния, Отдел Финансовых Вспоможений. П оскольку текущий момент требует строжайшей экономии, долг вынуждает нас редуцировать или вовсе элиминировать лишние расходы, постольку поскольку это не отразится негативно на уровне получаемого Вами образования. Соответственно, в качестве меры, направленной на интенсификацию экономии, мы элиминируем Вашу СТИПЕНДИЮ в тех ее составляющих, каковые имеют исходить от нашего Отдела. Ни сомневаясь, что Вы вместе с нами горячо желаете родному Университету скорейшего избавления от временных финансовых затруднений, мы настоятельнейше рекомендуем Вам рассмотреть многочисленные доступные Вам возможности оплатить Ваше образование за счет частных ресурсов. Счет будет выслан Вам не позднее чем через ТРИ НЕДЕЛИ.

Гнев давно выдохся. Джейн перечитывала бумагу, только чтобы окончательно вырвать ее жало, очиститься от последнего следа волнений. То, что ей надо сделать, она хотела сделать внимательно и спокойно. Пора было идти.

Университетская библиотека открывалась в полночь, а закрывалась рано утром. Такой странный порядок заведен был, как объяснялось, для того чтобы отвадить лодырей, а также тех, кто читает книги для собственного удовольствия. Джейн подозревала, что есть этому и Другие, более мрачные причины, но сейчас только радовалась, что никого нет в обширных коридорах и залах, где лишь эхо отзывалось на ее шаги. Пройдя по лабиринту боковых проходов, несколько раз поднявшись и спустившись по железным спиральным лестницам, она выбралась к самым потаенным хранилищам вековой мудрости.

Чтобы наилучшим образом использовать ограниченное пространство, старинные книгохранилища оборудовали электрифицированными стеллажами. Они были составлены вплотную по десять штук, как старые шкафы на мебельном складе, а между группами тянулись узенькие проходы. Джейн медленно шла, читая надписи на стеллажах, и когда нашла то, что искала, нажала кнопку на торце полки. Загудел невидимый мотор, и стеллажи тяжело и

медленно раздвинулись, загородив прежний проход, но открыв ту полку, которую выбрала Джейн.

Здесь стояли старинные пожухлые тома. Некоторые были перетянуты веревочками или резинками, которые от древности рвались при первом же прикосновении, однако не падали, врезавшись за долгие десятилетия в переплет. Более ценные книги сохранялись в герметических картонных футлярах, тщательно завязанных тесемками. Но и футляры не спасали от разрушения. Все книги без исключения под губительным действием времени и атмосферы распадались, разрушались, рассыпались, неостановимо и неотвратимо, и Джейн ощущала льнувший к полкам сухой и горьковатый запах умирающей бумаги, словно донесенное ветром дыхание далекого осеннего костерка из сухих листьев. Книги здесь были обречены на смерть.

Поэтому Джейн без всяких угрызений совести срезала бритвенным лезвием библиотечный ярлык с одной из умирающих книг.

* * *

С тем, кто должен был проводить ее, она встретилась у главного лифта. На нем были потертая кожаная пилотская куртка с наклейками, потрепанные джинсы и еще более потрепанные ботинки.

— Робин Эльшир, — представился он. — Книга у тебя с собой?

— В сумке.

— Тогда пошли.

Робин оказался тем самым дублером с лекции по сравнительной анатомии. У него были очень темные, очень серьезные, пристально глядящие глаза. Чтобы заставить его улыбнуться, Джейн сказала:

— Последний раз, когда я тебя видела, ты стоял голый рядом с трупом.

Он поглядел на нее и ничего не ответил. В молчании они поднялись на десять этажей, перешли в Хиндафьялль и сели в дребезжащий общественный лифт, идущий на первый этаж.

— А почему мы сразу не могли спуститься и выйти из своего

подъезда? — спросила Джейн.

— Потому что там Крипов район. Ты, значит, совсем серая. Чтобы так вот, ночью, выйти на улицу, где Крип гуляет...

— А-а!

В вестибюле Хиндафьялль было пусто и почти темно. Из витрин убрали на ночь все товары. Гном-привратник в форменной красной куртке как раз зевал во весь рот и их не заметил. Когда Робин открыл дверь, газетный лист, расправив крылья, взлетел, целя в Джейн, но, подхваченный сквозняком, промахнулся и врезался в стену. Джейн плотнее запахнула подбитую мехом куртку.

Они вышли в пугающую темноту. Уличные фонари висели слишком высоко, их свет не долетал до земли, и только неоновые отблески трепетали на мокром асфальте. Рычали, пролетая, невидимые грузовики, да раздавался противный квакающий гномий хохот из ближайшего бара. Где-то вырвался в распахнутую дверь обрывок музыки, но дверь тут же захлопнулась, втянув музыку обратно. На улице никого не было.

Джейн едва поспевала за размашисто шагающим Робинот.

— Не очень-то ты вежливый, — сказала она.

— А ты... сучка в брючках!

— Что?

— Что слышала. Видал я таких барышень в меховых курточках! Очень смешно, конечно, что у меня куртка лезет по швам и я хватаюсь за любую работу, какая под руку подвернется. Только я тебе вот что скажу. Есть и похуже способы добывать деньги, чем стоять голым рядом с трупом, как ты изящно выразилась. И деньги мне нужны, чтобы платить за обучение, а не для того, чтобы лишний раз нюхнуть кокаина.

— Да я вовсе...

— Ладно! — Его гнев угас так же быстро, как и разгорелся. Он отвернулся. — Считай, что я ничего не говорил. Какое мне дело!

Над витринами магазинов горели неоновые надписи:

«Амброзиус», «Дядя Сом», «Гномология», «Три атласных башмачка», но витрины были пусты, и за металлическими решетками

стоял мрак, как в подземных пещерах.

— Пришли.

Они остановились перед каменным домом с двускатной крышей, украшенным керамической плиткой. С обеих сторон над этим одиноким пережитком старины нависали небоскребы. Нижнюю часть фасада испещряли надписи, у порога валялись кучкой пять пустых пивных бутылок.

— Она нас ждет, — сказал Робин и постучал. Дверь распахнулась. За нею оказалась одна громадная комната, холодная и темная. Все внутренние стены были разрушены. В полусвете, проникшем с улицы, Джейн рассмотрела остатки кирпичной кладки, следы копоты на стене, полуистлевший матрац и менгир высотой примерно в два ее роста. Камень стоял перед выложенным изразцами камином.

Дверь захлопнулась, и они оказались в полной темноте.

Внезапный ужас охватил Джейн. Она осознала, что находится сейчас полностью во власти Робина. Все, что угодно, может случиться с ней. Как она могла рисковать так глупо?

— Тут обычно не так паршиво, — проворчал Робин. — Гадость! — Под ногой у него загремела бутылка. — Эй, старушенция! Где ты там? А ну, включай свет!

В темноте сильнее чувствовались запахи — гнилью и плесенью пахли матрац и обои, золой и гарью тянуло от печки, но назойливее всего ощущался запах, который нельзя было спутать ни с чем: запах змей. Неужели у них тут гнездо, в этих развалинах? Джейн вздрогнула.

— Подождите минуточку.

Тусклый, бесполой голос раздался из самого сердца дышащей тьмы. Звякнуло что-то металлическое, запахло керосином, чиркнула серная спичка. Загорелся дрожащий огонек, стал виден фонарь. Фонарь висел в воздухе, его держала темная костлявая рука. Тень менгира наклонилась к ним, потом качнулась назад.

— Можете подойти ближе.

Позади фонаря — Джейн сощурилась, чтобы разглядеть — стало различимо лицо. Ни капли плоти, только череп, обтянутый сухим

пергаментом кожи. Это была воплощенная старость. Высокий лоб, тяжелые веки, окруженные тенью. Тысячелетняя усталость заставила опуститься уголки глаз. Она была одета во что-то черное, с глухим воротом. Ее фигура была еле различима выше пояса, а то, что ниже, совершенно терялось в темноте.

Безгубый рот шевельнулся, произнеся:

— Дай ее мне.

Джейн вынула из сумки книгу. Выражение старого лица напоминало свечной огонек: беспомощная жадность.

Джейн сунула книгу в протянувшуюся руку.

Старуха поднесла книгу к носу, принялась. Раскрыла, вырвала три листка, сунула в рот. Медленно сжевала. Пролистнула несколько страниц, поколебалась на следующей, потом решительно вырвала ее и тоже съела. Под конец вырвала страничку из оглавления и, расправившись с ней, протянула книгу Джейн.

— Остальное меня не интересует. Коричневая рука исчезла, потом появилась снова — уже с конвертом.

— Это возмещение. Надеюсь, достаточное. Джейн, не заглянув в конверт, положила его в сумку. И, поколебавшись, спросила:

— Почему вы это делали?

— На этих страницах было одно имя. Я хочу, чтобы его забыли.

— А зачем вы их ели?

— Я уничтожаю свое прошлое.

— Но зачем?

Что-то сухо зашуршало, словно шелком по мрамору, и лицо подплыло ближе. Рот широко раскрылся в пародийной гримасе отчаяния, потом сжался с пугающим выражением решимости.

— Железом пахнет, холодным железом, трудной судьбой и предательством. — Она резко приблизила фонарь к лицу Джейн. — Ты не из моих детей! Что ты тут делаешь?

Джейн испуганно вздрогнула.

Фонарь отдалился.

— Ладно, неважно. Садись у печи, я все тебе расскажу.

Она сунула фонарь в пустой очаг — по комнате запрыгали тени. Достала из ниоткуда два низких стула.

— Какого хрена время теряем? — проворчал Робин, усаживаясь рядом с Джейн. Сидеть было неудобно. Из каминной трубы тянуло холодным сквозняком, но сажа не сыпалась — здесь давным-давно не разводили огня.

Хозяйка садиться не стала.

— Сейчас все не так, — начала она. — Представьте себе время, когда высота жилищ не превышала высоты копья, не было машин сложнее ткацкого станка, и календарь был только один: Луна. В то время все женщины жили в гармонии.

Робин фыркнул.

— А мужчины? — спросила Джейн.

— Не было никаких мужчин. Мы еще не создали их.

Лицо повернулось к менгиру. Камень не отражал света, только поглощал и в темноте выделялся как сгусток тьмы еще более глубокой.

— Это моя вина, мой грех. Я разделила женщин на женский пол и мужской. Это был первый грех и самый ужасный, потому что он привел во вращение Колесо.

Открылась со щелчком дверь шкафчика, она достала хрустальный графин и налила себе стопку. Бросила туда, взяв щипцами, кусочек льда из ведерка, потом ведерко накрыла крышкой. Изящно скользнула к менгиру, трижды обогнула его. При ее движениях раздавалось шуршание. С каждым оборотом ее лицо и руки оказывались все выше.

— Я тогда была могущественна, да, и красива так, что даже вообразить трудно, красива и бледна, словно сама Владычица Смерть. Тогда, в те далекие времена, правителей у нас не было, и почитали мы только старость, но я стояла высоко среди могучих, и за мои свершения Совет Семи сделал меня Ламией. Она помолчала. Джейн пришлось сказать:

— Я не знаю, что такое ламия. Шуршание. Словно кто-то ворошит старые газеты. Лицо поднялось еще выше.

— Это очень высокий сан, дитя. И нес он великую

ответственность. Потому что мы владели таким могучим волшебством, о котором этот выродившийся век и представления не имеет. По мановению этих рук, — она воздела руки, — раскрывались горы и разверзались пучины морские. Звезды сходили по моему зову на землю, и я говорила с ними и училась у них. Никто не умирал тогда. В этом не было необходимости.

С шипением и постукиванием у самых ног Джейн включился электрообогреватель. Вздрыгнув, она посмотрела на него. Раскаленные спирали бросали на стены темно-красные отблески. Грязное пятно на обоях таяло, исчезая. Джейн пропустила несколько слов из рассказа.

— ...Не слушала поначалу, считала просто своей фантазией, случайно забредшей в голову мыслью.

Одному боку Джейн было холодно, другому жарко. Сильно пахло керосином. Огонек в фонаре помаргивал, и что-то двигалось вокруг менгира, словно он выпускал широкие серые крылья. У Джейн слегка мутилось в глазах, и менгир виделся ей одновременно и камнем, и двулезвийным топором.

Необоримая усталость навалилась на Джейн.

— Я не могла помыслить, — говорила Ламия, — что такая простая идея обернется таким злом.

Джейн никак не могла сосредоточиться. Она зевала, терла глаза, трясла головой. Монотонный голос убаюкивал ее, и постепенно она впала в полудремоту. Ей показалось, что комната растаяла и уплыла куда-то и только менгир остался стоять где стоял.

Джейн находилась на какой-то ярко освещенной равнине. А Ламия снова была молода. Ниже пояса она была змеей. Она трижды обвилась вокруг камня. Но она была так прекрасна, так невинно сияла ее нагота, так приятно от нее пахло, что Джейн ничуть не боялась. Змеиная чешуя, яркая, как самоцветы, блестела на солнце. Зеленые глаза глядели пристально, не мигая.

— Где я? — спросила Джейн. Ламия ответила с высоты:

— Это Омфалос, пуп мироздания. Все обращается вокруг него. Чем дальше от центра, тем быстрее вращение, тем опаснее там находиться. Можно упасть. Оглянись вокруг. Джейн оглянулась. От менгира во все стороны опускался мир. Она видела его весь, целиком.

Дороги, словно нити, вели к миниатюрным городам, а дальше вздымались горы, простирались океаны, лежал лед. Это напоминало гипсовые макеты, которые на втором курсе делали геоманты, чтобы проиллюстрировать такие темы, как «Электричество на службе промышленности» или «Аллегория на службе просвещения».

— А мир-то круглый! — закричала Джейн. — Он круглый!

— Круглый, потому что он иллюзорен. Мира просто не существует, ни в каком разумном смысле, поэтому его формы изменчивы. — Диск начал вращаться, медленно, но явственно, под украшенной облаками чашей неба. — Вот перемены делаются видимыми. Это то, что мудрые называют Колесом. Сейчас ты видишь мир так, как его видит сама Богиня.

У Джейн закружилась голова. Она быстро отвела взор от горизонта. Но ее все еще мучило.

В голосе Ламии появилось пророческое исступление.

— Это я привела в движение Колесо. Во всем виноваты мои гордыня и безрассудство. И я понесла наказание. Мои дети стали ходить на двух ногах, я же осуждена на недоверие и презрение потомков и, что самое жестокое, на бессмертие, дабы видела я последствия своего деяния.

Земля завертелась быстрее. Джейн пошатнулась, но удержала равновесие.

— Но, как милость, что стоит по жестокости наказания, мне обещано, что, когда я изглажу последний след моего бытия, мне даровано будет исчезновение. О, как еще далеко до этого дня!

Ветер завывал над вращающейся Землей.

— А Колесо все вертится. Оно возносит униженных, ниспровергает высоких, лучших втаптывает в грязь, а подонкам дает торжество. В этом неустанном кружении — источник всех страданий. Колесо вертится все быстрее, и мы неизменно возвращаемся к своему началу, постаревшие и скорбящие, в морщинах и шрамах. Если бы я знала, кто мне шепчет, я не стала бы слушать. И Колесо не завертелось бы.

Джейн прижала руки к глазам. Голова у нее шла кругом. Она сделала шаг по направлению к камню и опустилась на колени, чтобы не упасть.

— Чей это был голос? — воскликнула она. — Кто тебя искушал?

— В самом деле, кто? Кто наказал меня за то, что я ее послушалась? Кто захотел запустить Колесо, а вину за это переложить на меня? Все она, все она.

— Кто же? Кто?

Теперь голос Ламии стал очень спокойным.

— Богиня, конечно. Кто бы еще осмелился? Джейн протянула руки к камню, чтобы о него опереться. Как только она коснулась его поверхности, вращение прекратилось и головокружение прошло. Раскрыв широко глаза, она смотрела на Ламию, на совершенные линии ее змеиных колец, на томный изгиб живота, на коралловые ореолы вокруг сосков. Смотрела в сияющую вселенную ее глаз с черными провалами зрачков. Ламия улыбнулась. Это была теплая, уверенная улыбка, шедшая из глубины ее существа.

— Ты меня хочешь.

— Да, — ответила Джейн с удивлением. Ее никогда особенно не притягивал собственный пол, мальчики всегда казались ей интереснее. Но в Ламии сливались оба пола одновременно, в ней было все, что нравилось Джейн и у мужчин, и у женщин.

— Так поцелуй меня.

Ламия опустила к ней голову. Ее влажные губы раздвинулись, показался розовый язык. У Джейн колотилось сердце, как у зажатой в руке птички. Она послушно потянулась к этим губам...

— А ну, прекрати, старая галоша!

Робин схватил Джейн за плечи и потащил. Она споткнулась об оттоманку и навзничь упала на пол.

Ламия опять была старой — старой и отвратительной. На короткое мгновение сожаление мелькнуло на ее ужасном лице и тут же исчезло. Она убрала руки.

— Мы уходим, — твердо сказал Робин.

— Я сейчас включу свет.

— Можешь не беспокоиться.

Робин помог Джейн подняться и повел ее из комнаты вон. За

время ее забытья дом исцелился. Восстановились внутренние стены, их покрыли обои. Комнаты, через которые они шли, были уютно обставлены и устелены коврами. В прихожей горели лампы матового стекла. Никаких бутылок у порога больше не валялось. И даже надписи исчезли со стены.

— Совсем из ума выжила, — сказал Робин, когда они вышли на улицу. — Плетет невесть что. А сегодня вообще... Коли бы мне не так были нужны деньги... Он сплюнул. Не замедляя шага, развернул и надел защитные пилотские очки. Неоновая радуга скользнула на их черном стекле. В очках его лицо выглядело зловеще, словно голова насекомого. Было и без того темно, так что в очках он, наверно, совсем ничего не видел, но шел по-прежнему быстро и уверенно.

— Чего она от меня хотела? — не сразу спросила Джейн. Дурман еще не совсем рассеялся, и у нее не было уверенности, что реален тот мир, который она видит сейчас, а не тот, что ей показала Ламия.

Была поздняя ночь, и упыри вместе с прочей нечистью повылезали наружу из канализационных люков. Они собирались небольшими компаниями у фонарей или торчали в подъездах. Молодой вурдалак нагло взглянул на Джейн, дожевывая чей-то палец, и выплюнул косточку как раз в тот момент, когда они проходили мимо.

— Неужели непонятно? — ответил Робин. — Она хотела...

— Эй, студент! — У обочины остановился грузовик, и пожилой тролль высунул голову из кабины. Он широко улыбался, показывая гнилые зубы и черные десны. — Тебя еще не вышибли под зад ногой из колледжа? — Он перевел взгляд на Джейн. — Завел новую подружку?

— А, Том-барыга! Что скажешь хорошего? — Натянута улыбка Робина не выражала никакой радости.

Они хлопнули друг друга по рукам, и Джейн заметила, что небольшой пластиковый пакетик перешел из рук в руки и исчез в кармане ее спутника. Тролль провел рукой по пегим волосам и сказал, понизив голос:

— Говорят, на улице белая смерть появилась.

— Э, нет! — Робин отступил на шаг. — Это без меня.

— Да никто тебя и не просит! — с досадой сказал Том-барыга.

— Найди себе другого.

— Да ладно, ладно!

— Я такими делами не занимаюсь.

— Точно? А жаль, денежки хорошие. Грузовик нетерпеливо заворчал. Том-барыга подмигнул Джейн и сказал:

— Ну мне пора. Не пропадай, лады? Когда грузовик отъехал, Джейн спросила:

— Про какие дела он говорил?

— Про нехорошие. Но тебя это не касается. В молчании они вернулись в Хиндафьялль, поднялись, перешли по мосту в Бельгарду. Робин уже шел к своему лифту, когда Джейн остановила его.

— Я тебе хочу сказать кое-что. Я не сучка в брючках, как ты изящно выразился.

Робин не сразу вспомнил, о чем речь, а вспомнив, сделал гримасу:

— Слушай, я же извинился!

— Нет, это ты послушай! У меня была стипендия. И, кроме этого, никаких источников дохода: ни покровителей, ни работы, ни сбережений, ничего. Только стипендия, и ту университет отнял. Что же мне делать? Надо же как-то добывать деньги.

— А прикид у тебя...

— Это все краденое. Я ворую. А когда воруюшь, ясно, выбираешь что получше, верно? Так что знай. Вовсе я не богатенькая сучка. Просто я верчусь как могу, чтобы выжить.

— Так ведь и я тоже! — Робин поразился совпадению. — То есть мне никто бы стипендии не дал, но я твердо решил получить образование. Я учусь в фармакологическом колледже. А этим всем занимаюсь, только чтоб им платить.

— Ну и хорошо. Значит, мы друг друга понимаем. — Джейн повернулась, чтобы уйти. Она еще дрожала, сама не понимая почему — рассердилась или еще не отошла от испуга. Но Робин не уходил.

— Слушай! Может, мы встретимся когда-нибудь? Ну там, потанцевать сходим или что. — Поняв, что Джейн сейчас откажется,

он хлопнул себя по лбу. — Фу ты, ну я и дурак, совсем из головы выскочило! У меня же приворот есть! — И он зашарил по карманам джинсов и куртки, бормоча: — Тебе понравится, приворот стопроцентный. Куда ж я его... Ага, вот!

Он вытащил призрак розы. Лепестки были ярко-алые, ярче крови, с пурпурными отблесками. Сквозь розу слабо, но отчетливо просвечивали окружающие предметы.

С поклоном Робин вручил ее Джейн. Как только ее пальцы охватили стебель, роза исчезла. Робин был прав, Джейн действительно потянуло к нему.

— Ну так как?

Он убрал в карман очки и посмотрел ей в глаза. Он был искренен. Против ее воли он ей нравился. Несмотря на грубоватость, чувствовалось, что он хороший, настоящий. Что-то встрепенулось у нее в самых глубинах души и потянулось к нему.

— Нет! — сказала она.

* * *

Действие гашиша еще не выветрилось, когда Джейн вернулась с приема Дженни Синезубки. Дома было жарко, радиатор шипел и плевался пузырями, вылетающими из вентиляционной решетки.

Был холодный осенний день. За окном, вздымая темные вершины гигантских башен, лежал Город, безжизненный и унылый. Над башнями мелькали в воздухе какие-то черные точки — это ведьмы разлетались перед грозой. Несколько мокрых дубовых листьев, принесенных неведомыми ветрами, жались к стеклу окна.

Джейн задернула шторы и в полумраке разделась. Мартышка была в экспедиции и должна была вернуться только завтра к вечеру, Джейн легла на кровать. Медленно-медленно она стала поглаживать себя, ласкать грудь, живот. Сначала она думала о Робине, потом уже ни о чем не думала.

Она опустила глаза к груди, потом ниже. Увидела холмик, обильно поросший густыми курчавыми волосами. Ей нравилось иногда воображать, что это лес, а она — крохотный путник, пробирающийся сквозь чащу. Пальцы скользнули дальше, ко входу в

лабиринт, почувствовали влагу, остановились. Это был очарованный лес — и молчаливый, ни одна птица не пела в ветвях. Она бродила по чаще, с удивлением озираясь. Пальцы задвигались быстрее. Все замерло в ожидании, в предвкушении... Пальцы почти остановились. Осторожными движениями она выманивала кого-то, и вот он показался из укрытия, ожил, а она не спеша, медленно, окольными тропинками приближалась к нему.

Предаваясь фантазиям, Джейн в то же время видела комнату, кровать, потолок над головой. Играя со своей пуговочкой, она чувствовала, что поднимается, кровать несет ее вверх, набирает скорость, взлетает в небо. Комната, университет, весь Город с башнями отпали, рухнули, канули вниз, а она неслась все выше, выше...

А потолок расширялся, утончался, вытягивался. Сквозь него просвечивали первые вечерние звезды. Их делалось все больше, все ярче они горели. Джейн задышала чаще, извиваясь на кровати. Простыни сбились в комок. Быстрее! Небо полиловело.

Джейн парила в воздухе.

В нетерпении она побежала вверх по холму. Деревья мелькали с обеих сторон. Быстрее, быстрее, в такт движениям пальцев, бежала она и одновременно парила в небе. И вот, закончив подъем, она в удивлении, не веря глазам, осмотрелась.

Там, внизу, стоял домик.

Он был невысокий, белый, странной архитектуры. Таких она еще никогда не видала, и все же он был ей знаком, как часто повторяющийся сон. К дому примыкала пристройка, без окон, но с дверью во всю стену. К двери вела короткая, но широкая дорожка. На крыше торчала, видимо, телевизионная антенна — не было оберегов, как у громоотвода.

Джейн как во сне обогнула по тропке дом, толкнула заднюю дверь, вошла в кухню. Ее обступили до боли знакомые запахи.

Там была женщина. Понимая рассудком, что видит ее впервые в жизни, Джейн всем своим существом потянулась к ней. Женщина сидела за кухонным столом, сгорбившись, уронив голову на руки. Бутылка виски и полупустой стакан стояли у одного ее локтя, пепельница у другого.

Джейн подошла на цыпочках, боясь заговорить и не в силах оставаться на месте. У женщины были темные кудрявые волосы, спадающие до плеч. Она ничего не слышала.

Джейн дотронулась до ее руки:

— Мама!

Мать, тихонько вскрикнув, подняла голову.

Глава 14

Мартышка добралась до ее тайника!

Тайник у Джейн был в картонной коробке под кроватью. Сверху для маскировки там лежали старые колготки. Мартышка вытащила коробку, разбросала содержимое по полу, перещупала своими лапами. Разъяренная Джейн стала все собирать. Там были книга, которую она украла для Ламии и собиралась при случае вернуть в библиотеку, стопка кредитных карточек и удостоверение личности, которые она вытащила тогда из бумажника Гальяганте, трубка, гашиш и летучая эссенция, хранящиеся для моментов досуга и уединения, и еще какие-то пустяки, дорогие ей как память о Гвен и Питере. Ничего не пропало. Мартышка рылась в ее вещах ради информации.

В коробке не было ничего, что могло бы раскрыть ее тайны. Джейн прятала эти вещи не потому, что боялась, что их увидят, но они были ей дороги, и она не хотела, чтобы к ним прикасались чужие руки.

И все-таки к ее гневу примешивалось беспокойство. Она ощущала какую-то угрозу. Хорошо изучив Мартышку, она понимала, что та полезла в ее вещи не просто так. Это был сигнал — но чего?

Из коридора доносился смех. Габундианки украшали свои двери венками из остролиста в честь зимы. А потом они растерзают кабанью тушу и окропят кровью все окна и двери. Джейн не собиралась в этом участвовать, слишком мрачно было у нее на душе для их невинных забав. Мрак и холод глубоко запустили когти в ее душу. Такой длинной зимы она еще не видела.

Она задернула шторы, сбросила одежду, мазнула эссенцией по животу, растерла. Зажечь гашиш в трубке удалось только с третьей спички. Мысли блуждали, она никак не могла сосредоточиться. Не меньше часа прошло, пока ей удалось наконец собраться и перенестись.

— Расскажи о себе.

Ее мать шла в сумерках по речному берегу, Джейн догнала ее и пошла рядом. Она неловко сложила руки на спине, мать скрестила

свои на груди. Они обе боялись прикоснуться друг к другу.

— Ну что тебе рассказать... Я косметичка. С Франком мы расстались, семь лет уже. Теперь я в основном одна живу. — Она нервно рассмеялась. — Вроде и рассказывать не о чем. Иногда помогаю в больнице.

— О мама!

Она смотрела на речную гальку у себя под ногами, на линию нанесенных водой щепок, черепков и пластиковых бутылок, обозначающую границы невысокого речного прилива. Ей так много хотелось спросить у матери. «Что ты пережила, когда я исчезла? Как ты это объяснила? Искала ли ты меня? Где? Когда наконец перестала искать?» Но почему-то ни один из этих вопросов задать она не могла, не получалось.

— Это у тебя новая блузка? — внезапно спросила мать.

— А что, не нравится?

— Ну почему обязательно не нравится? Почему всегда что-то должно не нравиться? Я только... Тебе не кажется, что она простовата? Ты была бы очень миленькая, если бы следила за собой, одевалась бы получше, пользовалась косметикой. У тебя черты лица хорошие.

— Слушай, мама, у меня полно знакомых мальчиков, я вовсе не страдаю от одиночества, понимаешь? Так что не надо мне про косметику.

Мать заговорила резче:

— Надеюсь, ты держишь их в рамках? Я вот лично только об одном жалею, что не подождала до свадьбы. И не смотри на меня так. Если ты им позволяешь лишнее, потом они тебя не уважают. Даже твой отец такой. Я уверена, что если бы... А, да ладно, неважно!

У противоположного берега разгружался танкер. Его очертания приобрели в полутьме что-то таинственное. Они остановились поглядеть на него.

— Я тут подумала, мама... Может, ты бы пила поменьше?

Мать, продолжая глядеть на танкер, ничего не ответила.

— Слушай, мама, я теперь какое-то время не смогу с тобой

видеться. Скоро у меня экзамены, я буду ужасно занята. Я, может быть, до конца зимы не выберусь. Где-нибудь весной.

Ее мать покачала головой, не слушая.

— Меня так радуют эти сны, — сказала она. — Такое утешение, ты не-представляешь. Хотя я и понимаю, что это не на самом деле, но в каком-то смысле они для меня все равно что взаправду. Я, кажется, говорю непонятно.

— Это не сон, мама.

— Молчи, Джейн, молчи...

— Когда-нибудь я вернусь на самом деле. Я работаю сейчас над этим, я учусь как могу. Когда-нибудь я вернусь домой.

— Перестань! — Мать тихо заплакала. — Перестань, пожалуйста, не надо...

Могучая волна любви, вины, жалости нахлынула на Джейн. Не думая, что делает, она потянулась к матери и опрокинула банку с летучей эссенцией. Крышка отлетела в другой конец комнаты, эссенция разлилась по всему полу. Джейн пришлось два часа ее отскребать.

* * *

— Камень, камень, поднимись!

Профессоресса Немезида взмахнула ясеневым жезлом над серым обломком скалы. Жезл разлетелся на куски. Студенты смотрели во все глаза, затаив дыхание.

Камень вострепнулся и приподнялся, меняя очертания. Почти выпрямившись, он, однако, тут же застыл снова, и только самый пристальный взор различил бы в его форме появившийся намек на некоторое человекоподобие.

Отряхивая с мантии кусочки жезла, Немезида спросила:

— Итак, что доказал наш опыт? — Ее свирепый взгляд обшаривал лица студенток. Все как одна отводили глаза.

— Мисс Синезубка! Отвечайте немедленно.

— Что камень крепче дерева, — ответила Дженни наудачу. Нередко случалось, что Профессоресса удовлетворялась расхожей истиной, если ее хорошо сформулировать.

— Неверно! Контрпример: черное дерево и пемза, — резко ответила Профессоресса. Запахло гнилым мясом, как всегда, когда она гневалась. Студентки в страхе съежились. — Мисс Олдерберри! Отвечайте не задумываясь!

— Мы доказали, что всюду жизнь. — Немезида нахмурилась, и Джейн-поторопилась поправиться: — Что вещество содержит потенциал жизни, и то, что кажется нам бесчувственной материей, просто спит.

— Развейте вашу мысль на примерах.

— Ну, например, *vis plastica*, формообразующее воздействие. Оно есть не что иное, как животворное дыхание, и коровы, и овцы, стоящие на лугу спиной к нему, начинают в себе новую жизнь. Когда оно веет на скалу, поверхность камня трепещет, стремясь усложнить свою форму, и принимает образ странных зверей, черепов с костями или змей, свернувшихся в клубок. Невежды же думают, что кто-то заставил чарами окаменеть живые существа. А когда ветер улетает, унося животворящую силу, метаболизм камня снова замедляется, и он опять впадает в сон.

— Как это доказывает ваше утверждение?

— Мы знаем, что ничто нельзя наделить качествами, которые не содержались в нем изначально. Фиолетовый луч, проходя через красную линзу, делается красным благодаря удалению синей составляющей. Но через желтую линзу этот луч просто не сможет пройти, поскольку он не содержит в себе желтого. Следовательно, жизнь должна быть присуща камню, раз он может, хотя бы и на время, двигаться и оживать.

Немезида набросилась теперь на девушку-зяблика.

— Мисс Ключпоклюй! Предположим, что *vis plastica* не отлетит от камня, но будет овеивать его день за днем. Какие известные вам формы жизни получатся из него?

— Химеры и горгульи.

— Докажите!

— Как уже было сказано, материя реагирует в соответствии со своей природой. У этих существ должна быть каменное тело и такие же задатки, в частности любовь к вертикальным поверхностям и замедленное течение всех процессов...

Аудитория, где проходил семинар, была маленькая, а радиаторы грели слишком сильно. Они звякали и жужжали, испускали столько тепла, что стекла запотели. Было душно. Джейн подождала, пока профессоресса отвернется, и тихонько зевнула, зажимая рот рукой.

Немезида моментально, каким-то внутренним чувством, уловила зевок. Она застыла и бросила через плечо суровый взгляд на Джейн. Ее водянистые, окруженные розовыми мешочками глаза стали жесткими.

— Извините, пожа... — начала Джейн.

И осеклась. В комнате было пусто. Куда-то ушло все тепло. Исчез бледный зимний свет, льющийся в окно. За окном было сумрачно, и в полумраке тянулась широкая, слишком широкая панорама Города. Это была совсем другая комната. Это был аспирантский холл на верхнем этаже Бельгарды. Огни индустриального заката догорали на горизонте.

Был вечер.

Ничего не понимая, Джейн вытянула руку и коснулась оконного стекла. Оно было твердым и прохладным. Это успокаивало. «Ну-ка соберись, — приказала она себе. — Как я сюда попала?»

— Джейн! — сказал кто-то. — Тебе что, нехорошо?

Бледное отражение появилось в стекле рядом с ее собственным. Оно подернулось зыбью, меняя очертания.

Сначала это был череп, но он тут же превратился в лицо, художавое и очень красивое. В свете флюоресцентных ламп тени под глазами казались густыми и темными. Джейн впилась в это лицо глазами.

Это была Гвен.

Хватая ртом воздух, Джейн резко обернулась. Но рядом с ней стояла вовсе не Гвен. Это была Сирий. Джейн оглянулась на стекло — в нем было отражение Сирий, ничуть на Гвен не похожее.

— Джейн, милая! — Сирий взяла ее за руку. — Что с тобой?

— Я... — Отвернувшись от окна, Джейн видела пустые кресла холла, коридор за ним. Студенты и преподаватели шумным потоком вливались в двери большой аудитории. Это был аспирантский лекционный зал имени Лесного царя.

— Немезида выгнала меня с семинара, а больше я ничего не помню. Я потеряла полдня.

Только сейчас до нее дошло, как сурово обошлась с ней разгневанная профессоресса. Все, что она делала с той минуты: занятия, чтение, встречи с друзьями, — все это у нее было украдено.

— Ну и стерва! — проворчала она. — Да пошла она!..

— Вот это правильно! — Сирин набросила на Джейн академическую мантию, такую же, как та, что была на ней, и потащила в гущу толпы. — Держись посolidнее! Проверять, наверное, не будут. — Она засмеялась. — Ты видела в своей жизни столько твидовых костюмов сразу?

— Они же не нарочно. — Джейн и Сирин беспрепятственно вошли в дверь красного дерева. — Я пробовала... Эй, куда ты меня тащишь?

Джейн предпочитала на лекциях садиться подальше и в стороне, но Сирин притащила ее в пятый ряд, сразу за профессорскими местами. Лицом к залу, позади кафедры, восседали деканы факультетов на откидных стульях, как вороны на проводах.

— Это лекция по глубинной грамматике, дурочка! Я тебе говорила за обедом, неужели не помнишь? Джейн покачала головой. Сирии продолжала:

— Эта лекция читается раз в десять лет. Остальное время лектора держат в подвале, в запечатанной банке с оливковым маслом.

— Что ты врешь!

— Seriously! Мне рассказывал один ассистент. Он лично помогал вскрывать эту банку.

К кафедре вышел администратор с козлиной головой, откашлялся и объявил:

— Естественная философия не может похвастать обилием героев. Но сегодня я представляю вам не только героя, а воина, истинного академического берсерка, лобовой атакой вырвавшего у

Богини самые сокровенные из ее личных тайн. Когда он и его спутники вышли в поход, целью которого было завладение знанием, они прекрасно понимали, что в своей отважной попытке не только легко могут лишиться собственных жизней, но и погубить в придачу весь мир, как верхний, так и нижний. Однако это не смутило отважных исследователей, превыше всего ставящих интеллектуальную честность.

Лишь один из славной когорты вернулся назад. И вот он стоит перед вами. Есть ли кто-нибудь, кто менее нуждается в том, чтобы его представляли, чем мой прославленный коллега? Позвольте же мне приветствовать его вместе с вами! Перед нами величайший ученый, ходячее сокровище знания, редчайший экземпляр нашей коллекции... — Сирин подтолкнула Джейн локтем. — ...Профессор Цараппль!

Под гром аплодисментов он с достоинством удалился на свободный стул, а по ступенькам кафедры вскарабкалась сморщенная фигурка...

Даже для факультета Углубленной грамматики, где выражение «свободное искусство» понимали чересчур буквально, профессор Цараппль выглядел слишком причудливо. Он был крошечный, черный, обугленный, с ручками и ножками как обгорелые палочки. Нижняя челюсть у него отвисла, двигался он мучительно медленно, кряхтя и пошатываясь, и казалось, что он вот-вот рухнет от старости и слабости.

Добравшись до кафедры, он зашарил руками в поисках микрофона. Когда он его нащупал, раздалось «Бум!», и рука отскочила. Черные глазницы поднялись к потолку. Джейн поняла, что профессор слеп.

— Други! — начал он. — Ученые! Маги! — Голос у него был слабый и дребезжащий, но микрофоны разносили его по всей аудитории. Снизу казалось, что его голова, торчащая, словно тыква на шесте, слишком велика для тощеньких плеч и вот-вот упадет. Он вцепился в крышку кафедры обеими руками.

— Мир постигается в трех состояниях, которые часто кажутся несовместимыми и противоречащими друг другу. — Он пошатнулся, чуть не упал, но удержался на ногах и продолжал: — Первое из них есть непосредственно воспринимаемое состояние, доступное и

ребенку, в котором, например, хлеб есть хлеб, а вино есть вино.

— Второе состояние... — он накренился набок, — ...есть результат консенсуса, совокупность соглашений, и в нем хлеб — это еда, а вино — веселость и дружество. — Вежливый смешок в аудитории. — Третье же, занимающее нас, состояние есть то самое, с которым имеют дело коллеги с факультета Чародейства и Волшебства, то взаимодействие сил, которое они только и почитают истинной реальностью. — Громкий смех в зале. — Но спросим себя: а что же скрывается за всем этим? Каково же истинное состояние того, что я предлагаю назвать гиперреальностью? Долгое молчание.

— Попрошу первый слайд.

В зале погас свет, и из проекционной будки у задней стены раздался отчетливый щелчок. На стене за спиной профессора показалось яркое изображение. Это было нечто вроде гигантской, величиной с гору, морской раковины, нависающей над безбрежным океаном. Аудитория затихла.

Профессор Цараппль шарил руками в поисках лазерной указки, оставляя на кафедре черные отпечатки обугленных рук. Найдя ее, он указал на изображение неверным порывистым движением марионетки.

— Это... — Его голова закачалась. — Это не что иное, как сам Спиральный дворец. — Все затаили дыхание. — Никто еще до меня не проникал так глубоко в тайны Богини. Океан, над которым висит дворец, есть Время, которое простирается, насколько можно судить при нашей несовершенной аппаратуре, во все стороны до бесконечности. Следующий слайд!

Щелк! На стене появилась лента, свернутая восьмеркой.

— Это лента Мебиуса с одним поворотом. Щелк! Несколько более сложная фигура.

— С двумя поворотами. Щелк! Еще одна.

— С шестнадцатью.

Щелк! Стеклянная бутылка, вроде реторты со стеклянным клювом, который, изогнувшись, входил в стенку так, что наружная сторона стекла становилась внутренней. Сосуд сверкал и переливался всеми цветами радуги, как мыльный пузырь.

— Это бутылка Клейна, трехмерный аналог фигуры на втором слайде.

Щелк! Другой мыльный пузырь, бесконечно более сложный.

— Это шестимерный эквивалент третьего слайда. Щелк! Третий пузырь, похуже, чем первые два вместе взятые.

— Двенадцатимерный эквивалент четвертого слайда. Щелк! Снова Спиральный дворец. Теперь было ясно, что его форма продолжает усложняющуюся последовательность многомерных фигур и стоит в том же ряду. Попытки проследить его линии кончались головокружением.

— Заметьте, как он наворачивается на себя. Число измерений не меньше тринадцати. Посетитель, следующий изгибам кривой, может подвергнуться инверсии и, скажем, войдя праворуким, выйти левшой. Но, если проделать тот же путь в обратном направлении, можно, вместо обратного преобразования, претерпеть еще одну инверсию и вывернуться наизнанку, так что кожа окажется внутри, а, извините за выражение, кишки — снаружи.

Зададимся вопросом: что же это означает на практике?

Здесь мы должны вспомнить основные положения теории метемпсихоза. От формул я вас избавлю. — Он сделал паузу для смеха, но никто не засмеялся. — Не все из входящих в Спиральный дворец выходят обратно. Но те, кого он выпускает, могут родиться снова, как в прошлом, так и в будущем с одинаковой вероятностью. Было доказано, что в любой наперед заданный момент может существовать до шести воплощений одного и того же индивидуума. Разумеется, встречаться друг с другом им не рекомендуется. — Несколько старших профессоров усмехнулись.

Видимо, это была весьма тонкая и глубокомысленная шутка.

С большим трудом Джейн следила за лекцией. Ярко-белое изображение Спирального дворца сияло, как огненное, и ей казалось, что оно колышется и как будто дышит. Она пыталась проследить его изгибы, но глаза разболелись и пришлось отвернуться.

В бледном свете проекционного луча все лица казались серыми, застывшими, словно все впали в оцепенение. Джейн поймала себя на том, что пристально рассматривает лицо Сирина. Она угадывала очертания черепа под кожей. Ей виделось все больше сходства с Гвен

в этом лице.

А вдруг Сирии и есть Гвен?

Это была тревожная и мучительно-искушающая мысль. Но не новая. Джейн давно уже заподозрила это. И если то, что говорил профессор Цараппль, было правдой, значит, вполне возможно, что Гвен возродилась как Сирин. И в этом случае их судьбы связаны, и сложный ход их взаимодействий опять приведет к роковому концу.

Сирин нравилась ей. Это была открытая, щедрая натура. К тому же Сирин, бесспорно, из них двоих была умнее, талантливее. У нее были все задатки прирожденного алхимика. Джейн могла многому у нее научиться. Но если подойти к ней слишком близко, то кончится это трагедией.

С другой стороны, если Сирин не была воплощением Гвен, не было причин избегать ее. И не было никакой возможности узнать истину.

Что касается Робина, то тут совсем другое дело.

— Свиньи! Дубоголовые козлы! Безмозглые павианозадые сукины дети!

Джейн вздрогнула и пришла в себя. Слушатели зашумели, многие встали. Профессор-тег, сидящий прямо перед Джейн, выпрямился и фыркнул. Сидящий слева от нее гном провел рукой над головой. На макушке у него росли грибы.

Профессор Цараппль забыл, разъярившись, о лекции. Он стыдил своих слушателей.

— Единственный-единственный! — и это я — я! — проник в тайны Богини и вернулся, чтобы рассказать о них. Слушайте же меня, вы, тупицы! Я ведь не только жизнью и рассудком рисковал, чтобы показать вам эти фотографии. Я ведь молод был — скоты! — красив и строен! У меня были друзья. Они погибли в этом походе и никогда не возродятся. Нас поймали, наказали и снова наказали, и снова, и снова. Я один вырвался. Смотрите же на меня! Смотрите, какую цену я заплатил! Сколько раз вам повторять? Почему вы не слушаете меня?

Он рыдал.

— Горе, горе! — восклицал он. — Горе взыскующим истины,

ибо истина — драгоценнейшее сокровище Богини. О, жестока Богиня и непостижима, и страшна, страшна ее месть!

Медленно зажегся свет. Загремели аплодисменты.

* * *

Джейн знала, что ей делать.

В алхимической лаборатории было темно, но в кладовке горел свет, и Джейн оставила дверь открытой. Висящее под потолком чучело крокодила медленно поворачивалось в легчайшем воздушном течении. Воодушевляемая планом, зародившимся у нее на лекции по Углубленной грамматике, Джейн потратила на подготовку три дня: украла ключи, добыла оборудование, выкроила время.

Она поставила слева от себя ионный лазерный излучатель, справа — предметную камеру, снабженную монохромометром и счетчиком фотонов. Эти два предмета да увеличивающее зеркало — вот и вся нужная аппаратура. Задуманный ею опыт был прост и изящен.

В дверь постучали. Через матовое стекло смутно виднелась тощая длинная фигура с непропорционально большой головой.

Джейн отперла дверь.

— Я принес то, что ты хотела. — Билли-страшила, согнувшись, робко вошел. От него пахло дешевым мылом, импортными сигаретами и робкими надеждами. Он разжал руку. На ладони у него лежал кусочек ткани, наклейка с картинкой. Последний раз Джейн видела эту наклейку на куртке Робина, на плече. Она еще тогда заметила, что наклейка держится прочно.

— Спасибо! — Она оторвала от наклейки несколько отстающих ниточек и опустила в сосуд.

— Откуда ты знаешь Робина?

— А ты откуда?

— Нас Сирии познакомила.

Джейн медленно капнула на нитки *aqua regia*, вставила пробку. Царскую водку обычно использовали только для растворения золота

и серебра, но и для ткани она была хороша. Джейн потрясла трубкой. Нити на глазах распадались на мельчайшие частицы.

— А Сирин откуда его знает?

— Да он такой, его все знают. — Билли пожал плечами. — Может, она у него покупала священные грибы, а может, он ей велосипед чинил. Он на все руки мастер и всегда под рукой.

Джейн сориентировала лазер так, чтобы зеркало отражало его луч прямо на камеру. Подключила охлаждение, убедилась, что все в порядке.

— Ну вот оттуда же и я его знаю.

Она вставила в камеру контрольную трубку с солевым раствором.

— А-а... — Билли чуть растерялся. — Слушай, я раздобыл пару билетов на жертвоприношение. Думал, может, мы...

— Нет. — Все было на месте. Она включила лазер и посмотрела на счетчик фотонов. Совершенно не то. Разочарование заставило ее ответить резче, чем она хотела: — Даже если бы мне хотелось посмотреть — а мне не хочется, — я бы с тобой не пошла, потому что ты потом захочешь со мной переспать. А я этого не хочу. Ты от этого только больше начинаешь приставать.

Билли молча переминался с ноги на ногу у нее за спиной.

— Пригласил бы Коноплянку! Говорят, она очень хороша. — Может, сила тока не та? Она проверила все включения, надеясь найти какой-нибудь легкоустранимый дефект. Если бы, например, барахла в вспышка, она бы ее могла исправить.

— Я ей скажу, что у тебя три яйца.

Не глядя на Билли, она поняла, что он покраснел.

— Не вижу необходимости быть вульгарной, — сказал он самым напыщенным голосом.

— Да ведь все девушки...

Повернувшись, она увидела его глаза и осеклась. Глаза были простодушные, обиженные, страдающие. Ей стало стыдно. Захотелось обнять его, но он понял бы это неправильно.

— Ну хорошо! Извини, что я тебя дразнила. Мир! Будем друзьями.

С другой стороны, если дело в хромометре, она ничего не сможет сделать. Его и разобрать не удастся, они продаются запечатанными. Но ведь только вчера Варга работала с этим же самым хромометром, и все шло прекрасно. Что она пропустила?

И тут ее осенило: зеркало!

Ну конечно! Взглянув на зеркало, она увидела, что оно слегка поцарапано и из-за этого рассеивается луч. Джейн мигом его заменила. Включила ток, проверила. Все как надо! Вынула контрольную трубку, вставила ту, в которой были Робиновы нити, оставила камеру открытой. Надела лазерные очки. Если настроить устройство на 514 ангстрем, очки отфильтруют все, кроме *рамана*. Она его увидит!

— Насчет этого жертвоприношения... — сказал Билли.

Действие лазерного луча на свободные ионы в растворе породило рамана — крохотное оранжевое существо. Оно плавало в зеленоватой жидкости — Джейн его видела, — как водоросль, колеблемая подводным течением. Срок жизни таких созданий был чрезвычайно мал. Под живительным действием лазерного луча они рождались и умирали тысячи раз в секунду. То, что казалось ей одним существом, на самом деле было множеством. Его кажущееся единство было такой же иллюзией, как картинка на экране телевизора. Оно было такое хрупкое, что Джейн боялась дышать.

— Да, так что?

— Может, ты все-таки пойдешь, если передумаешь...

Джейн вздохнула, не поднимая глаз:

— Уходи, Билли.

Он еще постоял, печально брэнча монетками в кармане. Потом ушел, Посредством элементарной наведенной трансформации раман должен был принять в конце концов форму, наиболее тесно связанную с частицами нитки из лоскутка. Джейн ждала, а человечек, медленно изменяясь, приобретал знакомые черты. И вот наконец миниатюрный Робин широко улыбнулся ей, облизал губы и взялся рукой между ног. Понятно, от такого примитивного существа ждать хороших манер не приходилось.

Теперь, когда началось самое главное, ей стало страшно. Лазер имел оснащение для переноса информации. Джейн подключила к нему микрофон. Нервно откашлялась. Давно она не произносила тайного имени Крутого.

— Тетигистус! — воскликнула она.

Человечек подпрыгнул, словно его вытянули кнутом по спине. Трубка с громким треском лопнула, почернела. Запахло горелым пластиком. Джейн с криком отдернула голову, сорвала очки.

Но было поздно. Ясно и отчетливо перед ее глазами сиял тройной неразделимый образ: Крутой-Питер-Робин. У них были ясные глаза и кожа гладкая, как слоновая кость. Они лежали, укутанные в белые одежды, светлые, чистые, безупречные.

Все трое были мертвы.

* * *

Значит, так и есть. Крутой — это Питер — это Робин.

Было поздно, скорые лифты уже не ходили. Джейн ехала домой сорок пять минут, с остановками на всех этажах. По дороге она не думала ни о чем, отдавшись своему горю. Раньше она надеялась, что, узнав правду о Робине, любую правду, она станет свободна от него. Но именно сейчас, когда она твердо знала, что вместе им не быть, она поняла, как он ей нужен.

Подходя к своей комнате, она чувствовала смертельную усталость. Позади был длинный день, и она хотела только спать.

Из дверного окошка и из щели внизу выбивался свет. Раздавались голоса. Мартышка вернулась. У нее гости. «Неважно, — подумала Джейн. — Мне уже все неважно. Можно ударить меня по лицу кирпичом, я ничего не почувствую».

Она открыла дверь.

На ее кровати сидел кто-то — нескладный, красноглазый, с волосами как солома. Он посмотрел на нее и нагло осклабился.

— Как делишки. Сорока?

Это был Крысбой.

Глава 15

Зима выдалась небывало длинной. Старейшины Города объявили указом наступление нового, третьего по счету декабря, так что за Черным декабрем потянулся декабрь Ледяной, и все понимали, что и от четвертого они тоже не застрахованы. Стояла Волчья луна. Богиня являла свой самый жестокий лик. Иногда казалось, что Тейнд не придет никогда.

Через неделю после появления Крысобоя, Джейн отправилась с ним и Мартышкой прогуляться и посмотреть на витрины. Полная нехороших предчувствий, она нехотя тащилась за ними по роскошным магазинам Карбонека и Гладсхейма, таким заведениям, как «Козий Рог», «Фата Падурия», «Малефиций», и везде Джейн чувствовала себя неловко и не на месте. Крысобой держался от нее в стороне, побрякивая в кармане ключами, и, когда Мартышка начинала восхищаться очередной цацкой, его пухлые губы довольно улыбались.

— Ой, вы посмотрите только! — восклицала она. — Какая прелесть!

— Да, ничего! — отвечал Крысобой и со значением смотрел на Джейн. — А ты как думаешь?

Наконец они засели в «Пещере». Там был объявлен вечер свободного доступа к микрофону, и непризнанные поэты, менестрели и барды набежали со всей округи с невероятным количеством плохих стихов. Сидя за столиками, сделанными из бобин от телефонного кабеля, они попивали кофе и ждали своей очереди завладеть микрофоном. Младшекурсники в джинсах и черных свитерах разносили чашки и убирали грязные.

— Ой, ну эти перчатки из девичьей кожи! — не могла успокоиться Мартышка. — Я теперь только в «Джеттатуре» буду все покупать.

Нежно водя пальцем по подбородку Крысобоя, она мурлыкала:

— Ты только представь себе, какие они... Мя-а-агонькие!

На небольшом возвышении стоял очередной поэт. Судя по его виду, последнюю неделю он спал, не раздеваясь, в стогу сена. Поэт

читал:

Только что руки его лизала, К как вдруг свободной и гордой стала...

Крысобой слушал, закатив глаза под самый лоб. Потом вернулся к прерванной мысли:

— Вот именно! Секс — это вопрос власти. Господство и подчинение, только так.

— А у нас с тобой не так, — сказала Мартышка, — правда, зайчик?

Он снисходительно похлопал ее по руке:

— Кто-то дает, а кто-то получает. Это в природе вещей. Мужчина — прирожденный агрессор, а женщина пассивна, ее призвание — заботиться, опекать. В любви сталкивается сильный со слабым, это захват и капитуляция, словом — война в миниатюре. А все остальное — ухаживания там, ссоры, примирения — это так, завитушки. Сублимация.

— Какой ты грубый, — надула губы Мартышка. И заискивающим тоном добавила: — Но, сокровище мое, кто же захочет, чтобы им все время помыкали!

— Другое дело, — задумчиво продолжал Крысобой, — когда это любовь втроем. Конечно, тут бывает по-разному, но чаще всего двое оказываются наверху. И для равновесия та, что внизу, подвергается двойному гнету. Она должна научиться пресмыкаться и ползать на коленях. Ей придется полюбить свое унижение.

Мартышка, недобро посверкивая черными, как гагатовые пуговицы, глазками, бросила быстрый взгляд на Джейн. Ее ноздри раздувались. Но потом она покачала головой и отвернулась.

— Это извращение.

— Конечно, — согласился Крысобой, — а что не извращение?

Джейн упорно смотрела на свечу в подсвечнике. Под толстым красным стеклом трепещущий огонек то пригасал, то снова вспыхивал. Она сама себе казалась мошкой, которая трепыхается из всех сил, чтобы не угодить в огонь.

— Ты, кажется, хотел со мной о чем-то поговорить?

Стройна и прекрасна, стоит, сияя, С ловно колонна у двери рая...

— Что? Ах да, действительно. Ты так внезапно исчезла и при столь странных обстоятельствах... — Он вынул из внутреннего кармана конверт и положил на стол рядом со своей чашкой. Джейн потянулась к конверту, но он его быстро отодвинул. — Странных, вот именно, иначе не скажешь! И даже не удосужилась попрощаться со старыми друзьями. Это после всего, что нас связывало! Ну мне и стало любопытно. Я решил провести небольшое расследование. Мартышка подскочила:

— Вы что, ходили вместе?

— Нет!

— Так, ерунда, ошибки молодости. — Крысобой небрежно повел рукой. — Я подсказал Сучку запросить контору Детолова. — Он со значением постучал по конверту пальцем. — Ну как, интересно тебе, что они ответили?

Сама как врата, чрез кои Любовь В ступает в святилище...

У поэта был чрезвычайно неприятный голос, писклявый, гнусавый и дребезжащий.

— Зачем мы пришли слушать эту чушь? Ничуть не интересно! Какое мне дело до всего этого? — Крысобой снова засунул конверт в карман и резко сменил тему: — Ну что, хорошо провела вечер. Мартышка, девочка моя? И погуляли, и по магазинам походили, и поболтали.

Она прижалась к нему:

— Замечательно, Крысобойчик мой!

— А что бы ты выбрала из всего, что мы видели?

— Ой, ну конечно, перчатки девичьей кожи. Ясно, перчатки!

Крысобой повернулся к Джейн:

— Слышала, что дама желает? — И щелкнул пальцами, словно она обязана ему служить.

Джейн пришла в ужас, возмутилась и от волнения сказала совсем не то, что хотела:

— Да меня туда и на порог не пустят! «Джеттатура» — это не мой уровень, там слишком шикарно.

— Ничего, мы в тебя верим! — Крысобой встал, за ним поднялась Мартышка. Хозяйским жестом он шлепнул ее по заду, чтобы быстрее шевелилась. — Наша Сорока способнее даже, чем она сама думает. И он бросил ей воздушный поцелуй через плечо. Они с Мартышкой удалились под аплодисменты. Аплодисменты относились к поэту, который как раз закончил чтение. На смену ему вышел другой, похожий на предыдущего как две капли воды. Новый гений откашлялся с оглушающим микрофонным грохотом и запел:

О чем скорбишь, о рыцарь бледный, З ачем ты мешкаешь в тиши?

Надо было не рассуждать, пустят ее в «Джеттатуру» или нет, а немедленно дать Крысобойю отпор. Надо было заявить, что никогда больше она не будет для него воровать. Что ей плевать, что бы там ни было у него в конверте, ей это никак повредить не может. Что она его не боится, не боится!

Так много она могла ему сказать, но не сказала!

* * *

Громадный Старорегентский зал был отведен под книжные магазины. Туда мог прийти кто угодно, но поскольку в Сенодене размещался университет, большинство магазинов специализировалось на поддержанных учебниках, научных монографиях и прочем, что нужно студентам.

В высоту эти магазины тянулись на два-три этажа, площадь же каждый из них занимал столь малую, что уже двум покупателям было нелегко разойтись. Много лет назад, при реконструкции зала, все трубы подняли под его сводчатый синий с золотыми звездами потолок. Из сочленений горячих труб постоянно, шипя, выбивался пар, на поверхности холодных конденсировалась вода. Поэтому в зале все время не прекращался дождь, и выложенный плитками пол, и зеленые крыши магазинов всегда были мокрые.

— Зачем тебе книга про орхидеи? Или без нее уже и имени придумать не можешь? — Сирии выбрала со стойки у двери зонтик и

раскрыла. Джейн взяла другой.

— Могу, наверно. Но вообще-то все это не так просто. Дело все-таки важное и очень личное. А то поспешишь и останешься на всю жизнь с имечком вроде Мадам Фатима.

Подняв зонтики, Джейн и Сирии пошли под ручку. В проходах между магазинами было полно прохожих.

— Дженни Синезубка назвала свою Садик-у-речки.

— Больно красиво. И у Элинора тоже не лучше.

— А у нее как?

— Командирша.

— Ужас! Так можно корову назвать. А знаешь мавку, в твоём коридоре живет? Она клянётся, что выбрала имя Погибельная Осада.

— Это неплохо!

— Но вряд ли очень притягательно. — Сирии засмеялась. — А Чернавка говорит, что свою назовет Пещера Отчаяния.

— Ну это она в грустях, её парень бросил. А что Наина придумала, слышала?

— Что?

— Передряга. — Обе засмеялись. — Ну а ты на чём остановилась?

— Мясорубка.

— Да что ты! Серьезно?

— Да нет, шучу, конечно! Я её назову Отважная. По-моему, это...

— Скорее! — Джейн схватила подругу за руку и втащила в ближайший магазин. Судя по золоченой надписи на дверном стекле, фамилия владельца была Инглсут.

Сирии с удивлением выглянула из двери наружу.

— Джейн! Что на тебя нашло?

Мимо магазина прошёл Робин Эльшир. Он шёл под дождем без зонта, с непокрытой головой, был мрачен, по сторонам не глядел. Вот он скрылся среди вздымающихся зонтиков. Сирии раздраженно

вздохнула.

— Ах вот что! Ну знаешь, эта твоя история с Робинот — ни в какие ворота не лезет. У Джейн екнуло в сердце.

— Какая история? Он что-нибудь говорил обо мне?

— Ничего он не говорил и говорить не мог. Ты же его избегаешь, не замечаешь, видеть не желаешь. Нельзя говорить о том, чего нет.

Джейн начала перебирать лежащие на прилавке сонники, травники, сборники кроссвордов. — На нем печать смерти. Сразу видно, что он не переживет Тейнда.

— Ну так тем лучше! Это должно взывать к твоим худшим чувствам. — В глазах Сирии заплесали злые искры. — Подумай, Джейн, это идеальный вариант. Ты можешь делать с ним все, что захочешь, и он не притащится с упреками и воспоминаниями на следующий семестр. Да любая нормальная девушка зуб отдаст за такую возможность!

— Нет, спасибо, я это уже проходила. Больше не хочу.

Сирии топнула ногой:

— Благовест и святая вода! Ты просто невозможна! Как я тебя терплю, не знаю!

— Да ведь...

— Хватит! Никогда, никогда я больше ничего для тебя не сделаю!

И с побелевшим от злости лицом Сирии выскочила, хлопнув дверью, из магазина и исчезла в толпе.

Джейн осталась в полном недоумении. Что, собственно, произошло? Только что Сирии смеялась и вдруг так разъярилась. Веселое настроение вмиг исчезло, словно туча нашла на солнце. То, что сказала Джейн, никак не могло вызвать такую бурю.

Джейн со вздохом повернулась к полкам, и ее рука сразу легла на ту самую книгу, которую она искала. Это был тоненький томик, переплетенный в тисненую кожу и озаглавленный «Имя орхидеи». Джейн пролистала книжечку. Там были дюжина раскрашенных от руки иллюстраций и словарь из нескольких сот имен с их значениями, этимологией и объяснением достоинств и недостатков

каждого имени. Невозможно было взять эту книжку в руки и не влюбиться в нее.

Джейн обвела глазами магазин. В нем никого не было. Она поглядела вверх. Полки, казалось, уходили, сужаясь, в бесконечность. Узкая лестница поднималась мимо свисающих лампочек, туда, где бесчисленные ряды полок терялись в высоте.

— Эй! — крикнула Джейн. — Есть тут кто-нибудь? Господин... — Какое имя написано на двери? — ...Инглсут!

Никто не ответил. Джейн пожала плечами и шагнула к двери.

Лестница сердито задрожала. Небольшой человечек спускался по ней, карабкаясь вниз головой. Добравшись до восьмой ступеньки, он спрыгнул, перевернулся в воздухе и шумно приземлился у ног Джейн.

— Не продается! — Он вырвал книгу у нее из рук.

— Что? — Она отступила на шаг. — Не продается, не продается! Плохо понимаете? Не продается — это значит, что вам ее не купить.

Господин Инглсут росточком был ей по пояс. На черном личике, заросшем седой бородой, ярко блестели очки в золотой оправе.

— Убирайтесь отсюда! Ничего тут для вас нет!

— Но... Это ведь книжный магазин?

— Ну и что из этого?

— Обычно в книжных магазинах торгуют книгами.

— Нечего мне тут логику разводить! — Инглсут переложил книгу из одной руки в другую, спрятал за спину и не глядя поставил на нижнюю полку. Намеренно или нет, но он загораживал выход, иначе Джейн сразу бы ушла.

— Знаю я, что вам надо. Обокрасть меня хотите! Это мои книги, понятно вам? Мои! Я буду их защищать, не щадя жизни! И не думайте, что это пустые слова!

Джейн вся дрожала.

— Ненормальный какой-то магазин!

— Ах, ненормальный? — Он негодуя подскочил к ней, тряс пальцем перед самым ее носом. — Знаю я таких, как вы, знаю, как вы

мыслите. Да уж, кто-кто, а я-то знаю! Вы думаете, что собрание книг — то же, что голова какого-нибудь вашего академика — все разложено по полочкам, все рубрики представлены, все есть. На каждое мнение есть контрмнение, все факты легко доступны. А если есть какие недостатки, то только те, что содержатся в самой природе познания. И коли в коллективном всезнании обнаруживается пробел, орда прислужников тут же кидается и заваливает его грудой отменнейших томов. Каждый взвешен и опробован на вкус, так что информация получается горячая, острая и жирная. И все это детские забавы, и ученый ваш — лжеученый, а вы думаете, что это очень хорошо. Ну, не молчите, скажите что-нибудь!

— Если вы чуть-чуть подвинетесь, я уйду.

— Вы презираете мой магазин, потому что он больше напоминает вашу голову, такую, как она есть на самом деле, — напичканную случайными фактами, наскоро, что под руку попало. Все ненадежно, и одно другому противоречит. Книга, которая вам нужна, где-то лежит, но не на месте и к тому же устарела. Сокровища и хлам навалены вперемешку и отличить одно от другого вы не можете. — Он наудачу взял с полки книгу и прочел название: — «Скрибблдехоб». Что это? Трактат о каминах? Похождения юного демона? Бессмысленная стряпня слабоумного графомана? Кто может сказать? — Он взял другую книгу. — «Острозуб и Миловзор». Ну это ясно что — веселые проказы двух обаятельных проходимцев. А вот рядом справочник «Преступные и непристойные культы». А кто эти книги собирал, хранил, покупал? Один я!

— Да, да, все правильно. Мне ничего не нужно. Пустите.

— А вы думайте! Шевелите мозгами, хоть изредка. Мы ведь ценим в других не похожесть на всех, а именно своеобычность. Только различия делают нас личностями. Попадись вам ваш хваленый ученый в этом самом коридоре, благообразный такой, с гладкой речью — сами скажете, что он зануда невозможный, ходячая копилка цитат и больше ничего. И сравните с этим остроумие и разнообразие, постоянные сюрпризы моей милой, моей возлюбленной!

— С бесконечной любовью он гладил книжные переплеты старой веснушчатой рукой. — А вы хотите ее изуродовать, лоботомировать, расчленить ее труп! О подлость, беспримерная подлость!

— Я хотела всего одну книгу!

— Извините! — В дверь заглядывала женщина-ящерица с добрым лицом. — Я провожу барышню. Она зашла по ошибке, ей надо было ко мне. А ты посиди, дедушка, отдохни.

— А? Что? — Инглсут вздрогнул и растерянно повернулся к двери. Колени его подогнулись, он опустился на пол, рядом с картонной коробкой, наполненной картами, брошюрами и рекламными проспектами.

— Все, все погибло! — простонал он, закрыв руками лицо.

Джейн воспользовалась моментом. Взяв протянутую ящерицей руку, она осторожно перешагнула через хозяина, который этого даже и не заметил. Путь был свободен.

Раскрыв зонтик, она тихонько спросила:

— Что с ним?

— Это у нас профессиональный риск! — Ящерица пожала плечами. Она была плотного сложения, апатичная, с замедленными движениями. — Начинаем с чтения книг, а кончаем тем, что их любим.

— Но эти безумные разговоры! О смерти, увечьях, лоботомии!

— Три дня назад нам всем прислали извещения. — Она достала желтую бумажку из кармана передника, развернула, посмотрела на нее и снова сложила и спрятала. — Городские власти конфискуют десятую часть нашего товара для костров в честь Тейнда. Инглсут до этого был вполне нормален. Но, когда он начал было отбирать лишние книги, оказалось, что это ему не по силам. Мы тут кое-кто пришли с коробками, помочь ему. Стали туда складывать дубликаты, книжки похуже, которые никогда не продать. Он ходил за нами по пятам, стонал и выхватывал все из рук. К концу дня в коробке остался один дамский роман без начала и конца, и то он сказал, что еще насчет его подумает. Так что мы сдались.

— Что же с ним будет?

— Заберут все книги, ясное дело, и его самого в придачу.

— Но это ужасно! Уговорите его!

— Деточка, какой прок от продавца книг, который не хочет

продавать? Звучит жестоко, но как раз от таких неудачников Тейнд и должен нас избавить. Без него будет лучше. — Ящерица грустно улыбнулась и зашла в соседний магазин.

Джейн постояла на дожде, колеблясь. Потом вернулась.

— Господин Инглсут!

Не поднимая глаз, он спросил:

— Кто это?

— Неважно кто! Ваш друг. Послушайте меня! Городу нужна только десятая часть ваших книг. Подумайте, сколько их у вас — тысячи, вы всех никогда не прочтете.

Инглсут поднял глаза, и она увидела в его взгляде несокрушимое упрямство фанатика, которого можно убить, но нельзя переубедить.

— Так лучше. Лучше нам сгореть вместе, чем мне пережить мою любимую, остаться с ее трупом и жить, вспоминая о ее былой красоте.

— Ваша библиотека — не женщина! Это только метафора, абстракция. Вы умрете напрасно, ради принципа, которого никто даже не поймет!

Уговаривая старика, Джейн осознала, что сама она никогда не захочет умереть ради принципа. Пусть ей будет стыдно, но она готова улыбаться, лгать, уступать, притворяться, лишь бы выжить. Понимать это было печально, но в то же время она чувствовала себя взрослой.

— Умирают не ради принципов. — Инглсут прижал какой-то альманах двумя руками к груди. Он потерял всякий интерес в Джейн и говорил еле слышно. — Ради книг.

* * *

В «Джеттатуру» входили как в сон наяву. Вместо вкрадчивой, тихо-назойливой музыки, играющей в большинстве магазинов, здесь стояла густая, бархатная тишина. Джейн прошла мимо высоких, как деревья, стоек с пальто, и ее щеку нежно погладила царственно мягкая викунья. Чуть посверкивала медь, изредка тоненько звенел ручной колокольчик. Все, что было здесь, дружно сговорилось

ласкать чувства. Но воздух был насыщен напряжением, как бывает, когда в комнату вот-вот должен войти важный эльф.

Понаблюдав заранее за посетителями, Джейн старательно поработала над своим внешним видом. Она разодрала свои лучшие джинсы на коленях и еще в трех местах и обдергала нитки, чтобы они вызывающе торчали. Поверх кружевного черного лифчика надела прозрачную шелковую блузку и нитку жемчуга в такой аляповатой оправе, которая могла быть только у очень старинной вещи. Кроме того, она одолжила у Чернавки вышитую накидку, которую той удалось купить за бесценок во время экспедиции в горы Лионии.

И наконец, немного косметики. Глядя в зеркало на то, что у нее получилось, Джейн решила, что она выглядит как тегианка с деньгами, которая хочет выглядеть как эльфа со вкусом.

Перчатки лежали у самого входа. Джейн прошла мимо них, не глядя. Это был ее обычный прием. Она постояла у тонкого, как паутинка, белья, которое льнуло к пальцам, когда его трогали. Прошла по длинному загибающемуся отсеку с шальями и кожаными сумочками благородного коричневого оттенка сухих дубовых листьев. Здесь она спугнула белочку. Зверек, мелькнув хвостом, скрылся среди шерстяных юбок.

И всюду Джейн чувствовала на себе сверлящий, пристальный взгляд. Но стоило ей обернуться, как продавцы отступали в тень, деликатно отворачивались, делались невидимками. Их выучка была безупречна.

Да, незаметно тут не украдешь. Придется хватать и бежать.

«Джеттатура» выходила на мощный булыжником крытый дворик, заканчивающийся тупиком, занятым разными конторами. Она могла проскочить через помещение страхового общества, выскочить в заднюю дверь, обогнуть угол и мгновенно вбежать в дамский туалет. Войти в кабинку, подтянуться и вылезти в люк на крыше. А там выбор пути большой. Она изучила путь отступления и все проверила. Все, что требовалось, — это хладнокровие и хорошая скорость.

Она глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

— Барышня! — Худощавый мужчина в безупречном, но не бросающемся в глаза костюме почтительно прикоснулся к ее руке. — На два слова!

— Я не понимаю... — Джейн стала отворачиваться, но чуть не закричала от боли, когда его рука сжала ее запястье.

Он приятно улыбался, но глаза глядели холодно.

— Сюда, пожалуйста.

В тени сине-зеленой мраморной колонны стояли два серых плюшевых кресла. Мужчина выпустил руку Джейн, она села. Потом он сел сам, слегка подпернув на коленях брюки, чтобы они не мялись. Подвинул кресло так, что они оказались вполоборота друг к другу. Со стороны можно было подумать, что старые друзья сели в сторонке, чтобы спокойно поговорить с глазу на глаз.

— Моя фамилия Видок. Я сотрудник отдела безопасности магазина. Я не мог не заметить, что вы замышляете украсть какой-нибудь из наших товаров. Джейн почти искренне возмутилась:

— Вы не можете это утверждать!

— Могу, могу. Каждый из нас выдает своим поведением гораздо больше, чем ему кажется. Давайте посмотрим, что можно разглядеть в вас. И не трудитесь ничего отрицать, это всего лишь упражнение.

Несколько секунд он пристально всматривался в нее. Потом закрыл глаза очень белыми веками.

— Вы — человек. Вас похитили еще ребенком. Вы учитесь в университете, не гуманитарий, скорее по части магии. Это бросается в глаза. Украсть вы хотели не для себя. — Он поцокал языком, выражая сожаление. — Кому-то нравится принуждать вас к этому. Печально, но встречается чаще, чем вы можете думать. Но вы довольно необычны. У вас за плечами тень. К вам пристал запах холодного железа. Где-то есть завод, который хотел бы заполучить вас обратно.

Джейн начала подниматься. Но Видок прикосновением к колену остановил ее.

— Я попросил бы вас! Нашим посетителям нужна спокойная и приятная обстановка. Только попробуйте поднять шум! Вы будете вести себя спокойно?

Она села. Видок вопросительно поднял брови, и она покорно кивнула:

— Да. Буду.

— Хорошо. Напоминаю вам, что мы просто приятно беседуем, больше ничего.

Он вынул из внутреннего кармана серебряную коробочку, вытряхнул мятную лепешку. Ей не предложил. Темно-серому нетопырю надоело сидеть на стенде с итальянскими шарфами, он снялся и улетел.

— Вы очень одиноки, дитя мое. Скажите мне, вы знаете, какому наказанию подвергаются магазинные воры?

Джейн отрицательно покачала головой. Видок поджал губы:

— Так я вам скажу. За кражу пары перчаток — я имею в виду перчатки высшего качества, которыми мы торгуем, — наказание плетью, позорный столб и, возможно, отсечение руки.

Джейн затошнило. Видок, видимо, понял это по ее лицу и ласково ей напомнил:

— Но вы же пока ничего не украли! Но позвольте мне развить мою мысль немного дальше. Предположим, вы задумали ограбление. Вы проникаете в чужой дом, вооруженная, скажем, ножом. Предположим далее, что дом вы выбрали хорошо. Вы рассчитываете унести золотые слитки, драгоценности, возможно, также предметы искусства. Как минимум, охапку серебряных столовых приборов. Кража со взломом требует не намного больше умения, чем магазинная, верно? А приобрести можно неизмеримо больше, чем пару перчаток из девичьей кожи. И, как вы думаете, какая кара положена за это преступление? Наказание плетью, позорный столб и, возможно, отсечение руки.

Джейн ждала, что будет дальше, но Видок замолчал. Она не знала, как понимать его слова. Они напоминали предсказание, которое можно получить от оракула в именины: очень глубокомысленно и сформулировано с такой безупречно гладкой завершенностью, что смысл и значение полностью ускользают.

Видок встал и предложил ей руку.

— Я прошу вас хорошенько обдумать то, что я сказал.

— Я подумаю, — обещала Джейн.

— Прекрасно!

Он проводил ее к выходу из магазина. У двери он выпустил ее руку и с вежливым поклоном сказал:

— Очень приятно было побеседовать. И позвольте вам напомнить, что, если ваши финансовые обстоятельства изменятся, «Джеттатура» к вашим услугам.

* * *

— Я тебя искал, — сказал Робин Эльшир. Джейн обернулась. Она оставила свой велосипед на общественной стоянке двумя этажами ниже «Джеттатуры» и как раз собралась его забрать, когда Робин внезапно тронул ее за плечо.

Он сунул в карман джинсов что-то, что сжимал до этого в кулаке.

— Слушай, — сказал он. — Я слышал, тебя достает новый Мартышкин дружок.

— Тебя это что, очень сильно волнует? Робин помолчал, опустив голову и держась за пояс. Мимо проезжали велосипеды, он мешал, владельцы сердито трезвонили, но Робин их словно не замечал.

— У меня есть друзья на улице. Если хочешь, они поговорят с Крысобоєм. Они умеют разговаривать очень убедительно.

Джейн сняла велосипед с крюка и поставила задней шиной на землю.

— Обойдусь без твоей помощи.

— Послушай, — сказал Робин. — Я знаю таких, как он. Считают себя крутыми, но на самом деле они просто подлые. Такой сбросит тебя в шахту лифта, просто так, для развлечения, если будет думать, что это ему сойдет с рук. Но стоит им прищемить пальчик, — он поднял вверх мизинец, — и все, сломались. Ты никогда его больше не увидишь, ручаюсь.

Сжав губы и стараясь на него не смотреть, Джейн покачала головой.

— Тебе и не надо знать подробностей, только скажи мне в принципе, что не возражаешь.

Она надела на голову шлем, застегнула под подбородком.

— Ничего я тебе не собираюсь говорить. Может, мне это нравится! Может, мне нравится Крысобой. Может быть, не он, а ты мне мешаешь. Ты об этом подумал? — Она наклонилась и прикрепила брючные зажимы. Выпрямившись, вцепилась в руль так, что побелели пальцы. — Так что уйди от меня, ладно? Вообще, уйди из моей жизни! Держись подальше!

Робин, кажется, ей не поверил. Глаза его гневно сверкнули. Тихо, с трудом, он проговорил:

— Не забудь, что я сказал.

Джейн села на велосипед, нажала на педали и уехала.

Но с ней остались его глаза, его голос, забота о ней и недоумение, которые в нем звучали. Запах его кожаной куртки. Он понимал ее как никто. И Джейн знала, даже не по тому, что он говорил, но по звуку, по интонации, что она Робину не безразлична.

Живое впечатление его взгляда и голоса медленно увядали в памяти. Но запах кожи остался с ней на весь день и большую часть ночи.

Глава 16

Чернавка предлагала собраться небольшой компанией и устроить оргию в честь нареkania имени. Джейн ничего не имела против оргий, но по такому случаю ей хотелось чего-то более интимного и торжественного.

Поэтому в последний день перед началом зимних каникул она встретилаcь после занятий с Джимми-прыгунком. Джимми был парень приятный, хотя несколько флегматичный. Он умудрился незаметно провести ее в свое общежитие. День был холодный, и в углы окна набилось мокрого снега. Джимми опустил шторы и старательно постелил постель.

Они немножко пообнимались, потом раздели друг друга.

— Где этот листок? — спросил Джимми. Джейн протянула ему листок-шпаргалку и села в ногах постели, широко раздвинув колени. Он зажег курительную палочку и низко склонился у ее ног. — Маленькая красавица, цветок жизни! — начал он.

Сам Джимми был уже готов. По близорукости он оставил на носу очки. Держа на отлете шпаргалку, он торжественно возглашал хвалу всем качествам новонарекаемой: ее цвету, текстуре, форме и запаху. Джейн боролась с собой, чтобы не расхохотаться.

— Да воздадут тебе дань уважения все входящие! — Он капнул красным елеем из пузырька на живот. Масло, щекоча, потекло ниже. В комнате было прохладно. У Джейн выступила гусиная кожа на руках и затвердели соски.

— Да минуют тебя нужда и лишения! — Он откупорил бутылку с золотым елеем.

С каждым новым возгласом он наклонялся ниже. Джейн чувствовала на бедрах его теплое дыхание, оно шевелило волосы, мягко грело между ног. Его слова начали возбуждать ее, смеяться уже не хотелось. Но он все еще не прикасался к ней. Ее охватило желание. Но надо было завершить обряд.

Наконец Джимми выпрямился и отложил шпаргалку.

— Какое имя ты выбрала для нее?

— Маленькая Джейн.

— Да будет так!

Джимми-прыгунка капнул прозрачным елеем. Потом снял очки и, смешав все масла, воздал Маленькой Джейн поклонение руками. После этого ртом. И наконец, когда Джейн, схватив его за волосы, прижала его губы к своим, он воздал ей хвалу всем, что у него было.

На этом, собственно говоря, церемония завершилась. Но то, что последовало, тоже было важно. Целью обряда было сделать Маленькую Джейн другом и союзником на всю жизнь. Ее будущее поведение сильно зависело от того, будет ли ей хорошо в ее первом после нарекания имени выступлении.

Некоторое время Джейн сосредоточенно старалась, чтобы ей было хорошо, но вскоре отвлеклась. Время шло. Джимми покраснел и стал испускать звуки перегревшегося парового двигателя. Джейн охватила его ногами и плотно прижала к себе.

И тут она кончила, и комната наполнилась порхающими бабочками.

Джимми в полном недоумении поднял голову и расхохотался. По всей комнате мелькали яркие крылья. Красные, оранжевые, голубые и синие пятна то появлялись, то исчезали, собираясь в узоры, мгновенно сменяющиеся новыми. Комната стала напоминать внутренность калейдоскопа. Джимми нечаянно вдохнул маленького мотылька и чуть не задохнулся. Джейн заколотила его по спине. Они оба обесслели от смеха.

Быстро одевшись, они полотенцами выгнали большую часть насекомых в коридор. Смотритель этажа появился как раз, когда они захлопнули дверь, и с рычанием забегал, ища виновных. Джейн пришлось лечь на живот и заткнуть рот подушкой, чтобы заглушить смех. У нее бока заболели. Был момент, когда смотритель подошел к самой двери и замер, прислушиваясь. Они чуть не попались.

Словом, начало получилось многообещающее.

* * *

Следующий день выдался не по сезону теплым. Джейн, надев легкую курточку, поднялась на колокольню. Колокола на памяти

Джейн никогда не звонили — может быть, у Города просто денег для этого не хватало. Но в хороший день там было хорошо посидеть с подругами, позагорать, покурить травку.

Порывистый ветерок шевелил ее волосы. Она сунула руки в карманы брюк и подставила ветру лицо. С вершины Тинтагеля она видела три других университетских здания, а за ними широкую панораму небоскребов и более скромных строений, составляющих Большой Серый Город. Это была каменная армия, марширующая куда-то за горизонт, где шло сражение. Дома казались серотуманными на фоне белого, как чистый лист бумаги, неба.

Не дожидаясь Сирии, Джейн сделала самокрутку с травкой. Чтобы ее зажечь на ветру, понадобилось три спички. Джейн затаила, закрыла глаза, медленно выдохнула. Опираясь спиной о выступ стены, она смотрела на большие бронзовые колокола, закапанные белым гусиным пометом.

Ее охватило какое-то суровое воодушевление. Она как-нибудь выживет, добудет деньги, чтобы завершить образование, найдет свое место в мире. Зрелище громадного каменного города убеждало в этом. Не может же быть, чтобы в этом громадном скоплении домов не нашлось приюта для такого малого, такого незначительного создания, как она.

— Обалденный вид, точно?

Она обернулась. Говорящий сидел на краю невысокого каменного ограждения. Обезьяний лоб, раскосые глаза, отвисающие губы, вздернутый нос. Никакого подбородка. Крылья нетопыря, большой живот, козлиные рога, горб на спине. А в целом он был прелестен. И в его узких глазках горел разбойничий огонек. Горгулья!

— Да, — ответила Джейн, — вид замечательный.

— Вы эту штуку так весь день будете держать? Джейн посмотрела на свои пальцы, сжимающие самокрутку, потом на горгулью. Порылась в рюкзаке, ища что-нибудь тяжелое, положила самокрутку на парашют, придавила пудреницей.

— Хочешь затаиться?

— Не откажусь.

Горгулья придвинулась чуть поближе, вытянула длинную, как у

гиббона, руку. Каменные пальцы сомкнулись вокруг сигареты. Сделав глубокую затяжку, Горгулья протянула сигарету обратно. Джейн надо было только поднять руку. Но она отрицательно покачала головой. Ей было кое-что известно об охотничьих хитростях горгулий.

— Как вас зовут? — спросила химера.

— Джейн.

Каменное создание отвесило комически-неуклюжий поклон.

— Сордидо ди Оргулос, к вашим услугам. Поднялись сюда помедитировать?

— Нет, я жду кое-кого. — Джейн надеялась встретиться с Сирин, и Чернавка тоже говорила ей, что любит бывать здесь в это время.

— И я тоже.

Джейн все любовалась видом Города — такой простор, такое разнообразие! И такой покой. Не сразу и скорее из вежливости, а не потому, что ей было интересно, она спросила:

— Другую горгулью? Сордидо грубо хохотнул.

— Как бы не так! Мы, каменный народ, охраняем свою территорию. Мне, например, принадлежит южная сторона, верхние пятнадцать этажей. С севера наверху хозяин Лордо ди Брансток, пониже — Соджо ди Тинтагель. И пусть только кто из них сунется на мой участок! Живо научатся прыжкам с высоты. Нет, у меня своя клиентура. Они специально приходят со мной поговорить. Я хороший слушатель. Это потому, что у нас обмен веществ замедленный. Мне не надоедает их слушать.

— И о чем они с тобой разговаривают?

— Вы не поверите. Всю душу раскрывают, лучшим друзьям того не скажут, что мне. Большинство просто заигрывает с опасностью. У других серьезная тяга к самоубийству. Они говорят. Я слушаю. Они просят совета. Я советую. И время от времени мне удастся подбить кого-нибудь сигануть с высоты. Ну, значит, мне обед готов. В девяти случаях из десяти они этого и добивались с самого начала. Я большие надежды возлагаю на ту, что приходит сюда в это время. Темное подозрение зашевелилось у Джейн.

— А ты не знаешь, как ее зовут?

— Не интересовался.

— Высокая, длинноволосая, с красивыми ногами?

— Не обижайтесь, барышня, но по мне так вы все одинаковые. Я вас с трудом различаю.

— Понятно! — Джейн умолкла.

Какое-то время они любовались видом молча.

— Ну а как насчет Тейнда? — внезапно спросил Сордидо. — Ждете не дождетесь? Джейн повернулась к нему:

— В общем-то, можно сказать и так. Конечно, он унесет кого-то из знакомых, может быть, многих. Так что я не очень хочу, чтобы он наступил. Но, с другой стороны, пусть уж он поскорей пройдет. Можно будет жить дальше.

— Она помолчала. — А почему вас интересует Тейнд? Вам ведь ничего не грозит.

— Это единственное время, когда мы едим досыта.

— Ах вот что! — Она отвернулась.

— Ах вот что! — передразнил он. — Ах, что за манеры, как вульгарно! — Откинувшись на пятки, он медленно развернул широкие, тяжелые крылья. — Посмотрите на меня! Как вы думаете, сколько мне нужно энергии, чтобы я, с моим весом, поднялся в воздух?

— Ну, я...

— Я вам скажу. Много, вот сколько! И еще одного, кажется, вы о нас не знаете. Мы спариваемся в воздухе. И вот раз в десять лет ваши улицы оказываются забиты падалью. Мы карабкаемся по стенам вниз и наедаемся до отвала. Не больно-то это красиво, я согласен, но кто виноват? А? Мы наедаемся, а потом снова карабкаемся, теперь уже вверх, по стене ближайшего здания.

Лезть приходится долго. Нам тяжело. На кормежку ушел весь день, так что дело, понятно, к вечеру. Заходит солнце. Этот ваш пресловутый кровавый закат сияет, как врата ада. Облака фиолетовые, как хороший синяк. А мы все лезем. Темнеет, загораются звезды. К тому времени, как мы долезем доверху, наступает ночь.

Вы, может, заметили, что женщин у каменного народа мало. Так что, когда наши дамы не заняты, на их милости претендентов хватает. Вот восходит луна. Мы ждем. И одна из них начинает петь. — По каменному телу прошла дрожь. — Нехбет! Вы не представляете себе, как они поют. Так сладко, что хочется упасть с крыши.

Дверь из Тинтагеля негромко открылась и закрылась. На колокольню вышла Сирин. Увидев Джейн, она, кажется, удивилась. Но после мгновенного колебания присела рядом. Они стали вместе слушать горгулью.

— И вот постепенно, по одному, к пению присоединяются мужские голоса. Низко так, глубоко. Может, у нас звучит не так красиво, но глубоко. Как раскаты грома после песни жаворонка. Даже не знаю, сколько это продолжается. Тут обычно вроде как теряешь чувство времени. Себя не помнишь. Она расправляет крылья. Взлетает. Она парит высоко в небе и все поет, все поет. Тут уж мы полностью теряем рассудок. Мы переваливаемся через парапет, и дальше нами управляет инстинкт. Нас, может, двадцать или тридцать, а то и сорок. Мы летим всей стаей туда, где она. Мы возбуждены, мы смеемся, шутим. А ей ведь нужен только один. Так что мы начинаем вести себя грубо. Видите, у меня нога хромая. И два когтя вырвано. — Он распустил когти, показал, потом опять втянул.

— Дама летит далеко впереди. Понимаете, им же приходится растить детенышей, выкармливать. Выгонять из гнезда, когда они подрастают и начинают убивать друг друга. Так что, естественно, она сильнее нас. Только лучшие из нас могут за ней угнаться. Постепенно, один за другим, большинство отстает. Ну и, конечно, есть способы убедить соперника, что пора бы ему домой.

И в конце концов остаешься с ней один на один. Она еще впереди, но не очень старается оторваться. Может, даже слегка замедляет полет. Может, она оглядывается, как бы вроде игриво: интересно, мол, посмотреть, кто это там летит. Она расправляет крылья. На боках ее сияют лунные отблески. Ах! Какое у нее длинное, стройное рыжее тело! Как у львицы! Ее когти как кинжалы из гематита. Грудь ее как два черепа, и в глазах желание.

Она поднимается вверх, по спирали, и вы летите за ней. Город далеко внизу. Воздух холодный и ясный. Каждый мускул в вашем теле горит огнем, но вы приближаетесь. Ее крылья загораживают все небо. Она протягивает навстречу вам свои длинные красивые руки.

Она прекрасна и нежна, как сама Смерть. От нее одуряюще пахнет мускусом. Она хочет вас и не может этого скрыть, она хочет вас так же, как вы хотите ее.

Сирин была взволнована.

— Как это прекрасно! — прошептала она.

— Вот и наши дамы говорят, что это прекрасно. — Сордидо глубоко вздохнул. — Но, с другой стороны, что им еще говорить? Мужик-то уж никогда своего мнения на этот счет не выскажет.

— Что?!

— А вы как думаете? Дама летала всю ночь, а ведь ей вынашивать детенышей, а их, быть может, двенадцать штук! Ей же энергия нужна! Поесть-то ей надо или нет?

— Какой ужас! — воскликнула Джейн. Сирин промолчала.

— Ну, может, с вашей точки зрения это и ужас. Но только дамы в этом не виноваты. Так уж мы устроены, ничего не поделаешь. — Сордидо мрачно замолчал. Потом с видимым усилием выпрямился, расправил плечи. — Ладно, я не хотел вас огорчать. Просто уж сам предмет такой... Понимаете?

— Понимаю.

— Так что никаких обид? — Он протянул руку.

— Никаких...

— Джейн!

Сирин обхватила Джейн за плечи и оттащила назад, когда та уже протянула горгулье руку. Каменные пальцы сомкнулись в пустоте.

Сордидо усмехнулся:

— Не вышло!

Сирин помогла Джейн спуститься с колокольни. Они шли через гранитные коридоры и мраморные залы Тинтагеля с их неподвижным, застоявшимся воздухом. Джейн, пережив испуг, чувствовала ужасную слабость и с трудом передвигала ноги. Однако она не благодарила Сирин за то, что та ей спасла жизнь. Она чувствовала, что, пока ее благодарность не высказана, напряжение между ними не исчезает и Сирин от нее не уйдет. А Джейн хотела ей

кое-что сказать.

Потолок в коридоре нависал так низко, что приходилось наклонять голову, проходя под воздуховодом. Электрические кабели связками шли по стенам, нависали над дверьми бывших аудиторий, превращенных в склады. У дверей валялись картонные коробки, с устаревшими программами курсов и забытыми конспектами.

Коридор уперся в лестницу. Они присели на верхнюю ступеньку. Снизу доносились голоса и топот спешащих ног. Пыльное чучело крокодила висело над ними, медленно поворачиваясь в воздухе. Из лопнувших швов торчала серая вата.

— Сирина, чего ради ты встречаешься с этим созданием?

Сирин, не поднимая глаз, покачала головой. Джейн взяла ее руки в свои. Они были холодны как лед. Сирин похудела за последнее время, черты лица стали резче, в глазах появился холодный блеск. Она была по-прежнему красива, но казалась обреченной.

— Я знаю, что это не мое дело. Но ты пропускаешь занятия. Я слышала, девочки говорили, что, если ты не исправишь оценки, тебе грозит автоматическое исключение.

— Подумаешь... — Вот именно, об этом твоём настроении я и говорю! Сирин, послушай, у меня полно своих проблем. Мне нельзя чересчур вовлекаться в твои. Понимаешь? Если я возьмусь тебе помогать, это для обеих нас плохо кончится. Но я твой друг. Я должна хотя бы предупредить тебя о том, что все видят, кроме тебя.

Сирин сидела неподвижно, как каменная, с белым, как мел, лицом.

— Я отмечена, — сказала она, — для Тейнда. «Ты не можешь этого знать»,

— хотела возразить Джейн. — Но, взглянув на Сирин, поняла: она знает.

— Как ты узнала?

— Я гадала. Три раза. Раз на девственном зеркале, раз на чернилах. И на собственной крови.

— Ну, это еще ничего не значит! Предсказание ведь, в конце концов, не точная наука.

— Три раза? Нет уж, это точно. И тут Джейн расплакалась. Она ничего не могла с собой поделать.

— Сирина, как ты могла! Ты же знаешь не хуже меня, как опасно гадать о будущем! Сплошь и рядом несчастье происходит только потому, что о нем знаешь заранее.

Она выпустила руки Сирина. Ей хотелось обнять подругу, утешить. Но от волнения вместо этого Джейн ударила ее изо всех сил в плечо.

— Почему, черт тебя возьми? Почему? Сирина сказала без всякого выражения:

— У меня нет никаких причин. И все, что я в жизни делала, было без причин. Может быть, у других людей это не так. Но, когда я заглядываю в себя, там, где должно что-то быть, я вижу лишь одну пустоту. Почему? Я не знаю. Только почему бы и нет?

Крокодил скалил зубы, глядя на них сверху. Ироническая искорка мерцала в одном из его тусклых стеклянных глаз, и молчаливый смешок заставлял его так широко разевать пасть, что он рисковал потерять всю вату. Овладев собой, Джейн вытерла глаза рукавом.

— Надо что-то сделать, чтобы отвлечь опасность!

— Я уже сделала все, что могла. Я даже дошла до того, что думала, не купить ли освобождение.

— А разве...

— Но я не хочу этого, так что все бессмысленно. Внезапно Сирина засмеялась, тряхнув головой:

— Ладно, хватит об этом. Пойдем лучше в клубную гостиную. Выпьем содовой, сыграем в карты, поболтаем. Развлечемся немного. Мне так мало осталось, я не желаю терять время на разговоры, бесконечные разговоры об одном и том же.

Джейн кивнула, кусая губы. Они спустились по лестнице. Крокодил снова стал неживым. Джейн видела, как его презрительный взгляд сжался в точку и погас.

— Сирина! Ты говоришь, освобождение? Что же, можно, значит, освободиться от Тейнда?

— Считай, что я ничего не говорила. Все равно у тебя таких денег нет.

* * *

Оказалось, что освобождение от Тейнда действительно стоит бешеных денег

— она специально навела справки в кабинете Немезиды. И хотя Джейн не верила, что может добыть такую сумму, но брошюрку с условиями все-таки взяла и носила с собой в сумочке.

Крысобой пришел узнать насчет перчаток.

Джейн только что вышла из анатомички. Металлическая дверь бесшумно захлопнулась. За ней остались трупы на хромированных столах. Эти холодные помещения располагались в конце дальнего тупика, и к вечеру здесь никого не было. Вокруг стояла тишина.

Из-за поворота в коридор въехала на велосипеде Мартышка, загородив проход. Крысобой шагнул рядом.

Джейн остановилась.

Оставив Мартышку позади, Крысобой подошел к Джейн. Она молча ждала, готовая выслушать все, что он скажет.

— Слыхала? — спросил он. — Сирин села на белую смерть.

— Что? Не верю! — Но она встревожилась. Это было похоже на правду. — Не может быть! Только не Сирин!

Он пожал плечами:

— Думай как хочешь.

Мартышка стояла неподалеку, опершись на свой велосипед. Глаза ее злобно блеснули.

— Нам надо обсудить наши дела.

— Я для тебя воровать не буду! Ни сейчас, ни потом. Никогда!

— Но ты должна рассчитаться.

— Я тебе ничего не должна!

— Неужели? — Крысобой поднял брови. Его ладонь

протянулась к Джейн. — Дай мне перчатки девичьей кожи, и мы в расчете. Я уйду из твоей жизни, и ты меня больше не увидишь.

Джейн ничего не ответила. Ей было нечего сказать.

Крысобой оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что поблизости, кроме них, никого нет. Потом медленно — и как ему, должно быть, казалось, источая соблазн — расстегнул брюки и вытащил свой предмет.

Джейн охватило отвращение. Она и вообще-то не находила в пенисах большой красоты, а у Крысобоя он оказался слишком уж безобразный да вдобавок еще и с прозеленью — видимо, школьный друг по неряшеству развел у себя какой-то грибок.

С противной улыбочкой он наблюдал за ней. Пенис постепенно поднимался, мелкими рывками, как резиновая игрушка, которую надувают ручным насосом.

— Лучше убери, пока мухи не налетели, — сказала Джейн.

Его лицо перекосилось от злости.

— Лицемерка! Он тебе понравился, я видел! Тебе очень хотелось за него взяться! — Но все-таки он его убрал.

— Говоришь, понравился? А я как раз пожалела, что никогда под рукой нет секатора, когда надо.

Ей показалось, что сейчас он на нее бросится. Но вместо этого он схватил обеими руками ее руку и поцеловал пальцы.

— Туше, красавица! Но наша дуэль не кончена, и я не побежден. Мы еще встретимся на поле битвы, дражайшая врагиня!

И он с гордостью удалился, даже не посмотрев, идет ли за ним Мартышка.

* * *

Джейн зашла в ближайший туалет вымыть руки.

Стены туалета были выложены плиткой и покрашены черной масляной краской. По краске процарапывались надписи. Их покрывали новым слоем краски. И так далее. Можно было видеть несколько поколений рун в последовательных слоях. Надписи были

двух сортов: непристойные и непристойно ругающие начальство. Над раковинами висели зеркала — кривые, так что Джейн видела свое лицо искаженным и перекошенным.

Хлопнула дверь. В зеркале появилась Мартышка. Ее изображение то раздувалось, то чересчур худело.

Мартышка сердито сжимала кулаки. Над покрасневшимся лицом торчали растрепавшиеся волосы.

— Ах ты, мерзавка! Стерва! Оставь в покое моего парня!

— Да бери его себе на здоровье, мне его даром не надо. — Джейн продолжала мыть руки. — Видит Богиня, что вы друг друга заслуживаете.

— Очень остроумно! Знаю я твои хитрости! — Мартышка расплакалась. — Я для него делала такое, что тебе и не снилось. Ты бы и не смогла. Я себя опозорила ради него!

Джейн ополоснула руки и вытащила бумажное полотенце.

— Это хорошо.

— Не смей так со мной разговаривать! Я тебя предупреждаю! — Внезапно Мартышка пошатнулась и упала бы, если бы не ухватилась за край раковины.

— Что это с тобой? — спросила Джейн.

— Я думала, что сейчас... — Мартышка потрясла головой. Она явно забыла, о чем говорила. Ее била дрожь. Она достала из кармана жакета небольшой сверточек. — Посмотри-ка вот! — Она развернула бумагу. В свертке оказался единорожек дутого стекла. Мартышка поставила его на полочку для мыла. — Это Крысобой мне подарил на нашем первом свидании. — Печальная безделушка поймала лучик света, и он заплескался. — А тебе он что купил?

— Ничего.

— Вот именно! — И Мартышка, торжествуя, схватила своего единорога.

Он лопнул у нее в руке.

Джейн, вздрогнув, сделала шаг назад. Мартышка стояла неподвижно, вытянув руку. Кровь сбегала по пальцам и капала на пол.

— Для человека это один маленький шаг, — произнесла Мартышка, — и один гигантский прыжок для... — Она замолчала, словно в рот ей вставили кляп. И тут же ее стошнило. Всю Мартышкину блузку залило пеной.

— Мартышка!

— Поверхность покрыта тонким порошком, который, словно угольная пыль, пристаёт к моим ногам. — Голос, идущий из Мартышкиного рта, звучал странно, хрипло, прерывался шумом помех, словно раздавался за сотню тысяч миль отсюда. — Я вижу отпечатки своих ботинок...

Когда она начала вещать, ее зрачки и радужка сузились, сжались и исчезли, залитые молочной белизной. Она не сопротивлялась, когда Джейн, преодолев страх, подвела ее к раковине и смыла с руки кровь.

— Поверхность очень мягкая, — продолжала она. У Джейн в сумочке был чистый платок. Она перевязала Мартышке руку, надеясь, что в ране нет осколков стекла. — Но местами, когда я беру пробы грунта, попадаются очень твердые участки.

— Твердые участки, — повторила Джейн. Она смочила бумажное полотенце водой и вытерла Мартышке рот. В одной из кабинок спустили воду, и оттуда вышла русалка. Она посмотрела на них с испугом и ушла, даже не вымыв рук. Джейн поняла, что надо что-то решать. Она шагнула к двери, вернулась, отошла снова — нет, она не могла бросить тут Мартышку одну.

Со вздохом она сказала:

— Пошли домой. Мартышка сонно кивнула.

— Этот телефонный разговор будет самым знаменитым в истории.

* * *

Мартышкин велосипед стоял у стены, а велосипед Джейн был на стоянке неподалеку. Мартышка ехать самостоятельно не могла, но в сумке у нее нашлись нужные инструменты, и Джейн удалось, орудуя гаечным ключом и распорками, превратить два велосипеда в один, четырехколесный, с седлом водителя впереди и пассажирским сзади. Взгромоздив у себя за спиной обмякшее Мартышкино тело, она кое-

как тронулась.

С пересадками, на трех лифтах, они добрались до Габундии. У двери их комнаты Мартышка сползла с сиденья, споткнулась и чуть не упала. Джейн отперла дверь и за шиворот подтащила соседку к кровати. Та повалилась ничком поверх покрывала.

Джейн подняла на кровать ее ноги, перевернула Мартышку на спину. Лицо у нее было бледно-серое, но она дышала — Джейн убедилась в этом, поднеся к Мартышкиным губам пальцы. Она стащила с нее туфли и уже начала было ее раздевать, но решила все-таки, что всему есть предел.

Десять минут ушло на то, чтобы разъединить и убрать велосипеды. Покончив с этим, Джейн поняла, что сил на занятия уже нет. Сев на край кровати, она с отвращением взглянула на соседку.

В дверь постучали.

Да кончится ли когда-нибудь этот проклятый день! Джейн нехотя подошла к двери и рывком ее распахнула.

— Ну что такое?

Пышная маленькая берегиня улыбнулась ей:

— Билли-страшила ждет тебя в вестибюле. У него для тебя в кармане банан.

— Скажи ему, чтобы...

— Он говорит, что достал для тебя то, что ты хотела.

— Ох!

— Так что ему сказать?

— Черт! — Джейн чувствовала смертельную усталость. У нее не было сил никого видеть. Почему с ней так обращаются? Как похоже на Билли — припереться в такое время! — Скажи, сейчас приду, только возьму смену белья.

* * *

— Ты что, хочешь, чтобы я это надел?

— Нет, я сама надену.

Она сняла блузку, повернувшись к Билли спиной.

— Расстегни-ка мне лифчик! — Пока он возился с крючками, она спросила:

— Трудно было ее украсть?

— Какая разница? Достал же я эту долбаную штуковину!

— Билли, да ты ли это? — сказала она в удивлении. — Прямо не узнаю!

— Прости, пожалуйста! Сам не знаю, как вырвалось... — Смущенный и растерянный. Билли расстегивал пуговицы на рубашке. На одно мгновение он вырос было в глазах Джейн, но теперь опять стал самим собой. — Понимаешь, мне это не совсем нравится.

— Но мы же договорились, ты помнишь? — Джейн посмотрела на него со смесью жалости и презрения. Все-таки он безнадежный зануда. Она сказала тихонько: — Что делать, Билли, мы иногда хотим того, чего хотеть не должны. Зато ты видишь, как я тебе доверяю. — Он не отозвался, и она добавила: — Нам будет хорошо, вот увидишь.

Она рывком стянула джинсы. Билли свои аккуратно сложил на комод. Теперь они были обнажены.

— Дай ее мне, — попросила она.

Комната Билли была настоящей коробкой, условным, как на сцене, жильем — ни коврика на полу, ни плаката на стенке. Постель, маленький столик, стул, лампа. Небольшая стопка учебников на столе рядом с лампой. Занавес поднят, свет в зале погашен — представление вот-вот начнется.

Билли достал из стенного шкафчика куртку.

Да, это была она. Джейн узнала наклейки, трещины, вытертые места. Это была куртка Робина Эльшира. Ее запах ни с чем нельзя было спутать.

Джейн набросила куртку на плечи. Она оказалась неожиданно тяжелой, и Джейн это понравилось. Куртка грела. Оттого, что теперь она была частично одета, остальное казалось особенно голым и уязвимым. Пахло кожей. Пахло Робинем. Джейн закрыла глаза.

— Иди ко мне, — сказала она.

Билли наклонился к ней, сунул руку под куртку, очень крепко

обнял ее. Джейн подняла к нему губы. Она стояла на цыпочках, прижавшись к нему всем телом и чувствуя, как пульсируют его вены. Он был готов, и она решила не длить этот первый оргазм, а заставить его кончить как можно быстрее.

Откинувшись назад, она взяла в руку, сжала. Лизнула его соски, легонько укусила. Билли обхватил ее голову. Из горла его вырвался глухой клокочущий звук, словно какой-то болотный зверь призывал в ночи свою самку.

Джейн чуть приподняла руку. Куртка скользнула с плеч, но она успела ее подхватить. Она начала быстро двигать рукой вверх-вниз.

— Тебе так нравится?

— Д-да!

— Хорошо. — Она продолжала. Вверх-вниз. Быстрее!

Он кончил с жалобным криком. Горячая сперма забрызгала их животы, потекла у нее по руке.

Джейн обвила его ногой и толкнула на кровать.

— Все перепачкал, — бормотала она, — надо же, все перепачкал. — Она перевернулась и начала вылизывать его живот.

К тому времени, как она облизала весь его длинный торс, он опять был готов. Сообразив сам, без приказа, он тоже стал лизать ей живот.

— У меня на стуле, где блузка, черные пилотские очки, — сказала Джейн.

— Дай их мне, пожалуйста. Билли послушался, но с ворчанием:

— Я хочу видеть твои глаза.

— Мне это нужно для зачета, — соврала она. — Ты же не хочешь, чтобы меня исключили? — Она надела очки. — Ну-ка, видишь что-нибудь?

— Конечно, нет. Если очень присмотреться, вижу, что у тебя глаза закрыты.

— Ну так не присматривайся. И не говори больше ни слова, пока мы не кончим, ладно? — Прежде чем он успел возмутиться, она быстро добавила: — Это же моя курсовая, не забыл? Я ведь

немногого прошу. И сегодня я все сделаю, что ты хочешь. Что хочешь, как хочешь

— пожалуйста! Только молчи. Так надо, такие правила. Это эзотерика.

На самом деле эзотерические методы были чистой импровизацией, без рецептов, ритуалов и правил. Чтобы обрести силу, приходилось преодолевать стыд, страх, даже отвращение. Но то, что Джейн собиралась сделать сегодня, она могла сделать, только представляя себе на месте Билли другого.

О мой Робин!

Время шло.

Большую часть путешествия она была как рулевой маленького суденышка. Она уверенно вела его по течению, поворачивая паруса, чтобы поймать больше ветра и убежать от шквала. Она скользила по водной глади на фантастической скорости, слышала плеск воды, скрип туго натянутых парусов. Внезапно пучина вздыбилась под ней, и она потеряла самообладание. Билли тяжело навалился на нее. Она отчаянно забилась.

Встревоженный Билли приподнялся, но она обхватила его обеими руками и изо всех сил прижала к себе. Робин от нее бы не оторвался. Он бы не отступил. Билли двигался на ней все быстрее, не помня себя, словно дикий зверь. Она вонзила ногти ему в спину, до крови. Он еще больше возбуждался от этого. Он был безумен, невменяем от похоти. Он уже забыл, что это она. Кто под ним, он не помнил, ему было все равно.

Она была близка к цели. Зарывшись лицом в воротник куртки, она дышала ее запахом. Вся куртка пропиталась запахом Робина. Сильнее всего им пахло под мышками. Джейн и сама обливалась потом. Их запахи смешались, слились в алхимическом браке, породили новый запах, необузданный и густой. Джейн впилась в куртку зубами. Вот-вот!

Сексуальная энергия высвобождается в момент оргазма. Именно поэтому адепты эзотерической практики — как правило, женщины. В то время как ведьма может иметь множество оргазмов и пользоваться их энергией, маг-мужчина ограничен одним. Из-за этого мужчины предпочитают заниматься некромантией — для убийства живых существ особых талантов не требуется. Но Джейн знала, что самой ей

придется обойтись одним разом. Ей не доставало опыта. Если не выйдет сразу — значит, не выйдет вообще.

Собравшись, сосредоточившись, она постаралась отделиться, обособиться от силы, поднимающейся внутри. Мысленно она схватила ее, словно поймала руками птицу. Полная, безмятежная тишина охватила ее. На краткое мгновение она была свободна от всех ограничений.

Принудив себя — это было самым трудным — ничего не ждать, Джейн открыла глаза.

Она сидела на табурете у стойки переполненного кафе. Ее мать, вздрогнув, подняла глаза от чашки кофе с молоком, задела локтем пепельницу, та опрокинулась. Разлетелись пепел, окурки. Несколько голов повернулось в их сторону.

Джейн твердо сжимала трепещущую силу. Вот, значит, как чувствуют себя чародейки! Сила излилась, заполнила ее всю, словно свет стеклянную фигурку. Сила билась, вырываясь, как птица. Сила росла, расширялась, как сияющая сфера. Джейн приказала ей подняться, направила по руке. Руке стало щекотно. Сила становилась реальной, такой же осязаемой, как все предметы вокруг. Пора!

Джейн ударила рукой о прилавок. Кофейная чашка подскочила. Джейн схватила в руку то, что лежало рядом с чашкой. Мать медленно открывала рот, собираясь что-то спросить.

Но она не успела. Сила разошлась, истощилась. Мгновение кончилось. Ни бара, ни матери больше не было. Джейн снова была в постели, Билли неподвижно лежал на ней. Она подняла руку, стащила очки.

— Мне трудно дышать, — сказала она.

Билли со стоном сполз.

В руке у Джейн была ложка.

Совершенно реальная, хоть и странная. Не посеребренная, не хромированная — просто ложка из стали. Джейн потеряла ее пальцем. Ложку украшали несколько выдавленных кружочков и две тонкие линии по краю ручки. Джейн перевернула ложку и прочла надпись на другой стороне:

IKEA Stainless Made in Korea

Эти странные руны при всей своей непонятности несли надежду. Они много, очень много значили. Они были видимым доказательством того, что ее возможности растут. Значит, ей все доступно. Нужны только удача и знания. Она достанет деньги для продолжения образования и на освобождение от Тейнда. Для Сириу она тоже купит освобождение, почему бы и нет, и еще одно, для Робина Эльшира.

У нее была трудная жизнь, правда, но все еще можно исправить. Для этого нужны только деньги. Деньги могут исправить все, если их много.

Она знала, где можно достать деньги, но до этой ночи боялась рискнуть. Теперь она поверила в себя. Пора!

— О-о! — простонал Билли, — Да замолчи ты!

Глава 17

Чтобы сделать «руку власти», прежде всего надо раздобыть кисть покойника, умершего насильственной смертью. Это необходимое условие. Шок внезапной гибели насыщает кровь эндорфинами, которые и придают амулету могущество. По счастью, Джейн имела доступ к моргу при анатомичке. Она стащила руку, спрятав ее в сумочку, а дома положила в раствор соли и селитры и выдержала в банке, в стенном шкафчике. Затем руку надо было высушить; если сушить на солнце, потребовалось бы несколько недель, поэтому она просто заморозила ее в морозилке и испарила лед при помощи пылесоса.

За окном лаборатории яркие, четко очерченные силуэты города излучали холод; холод проникал в окна. Последние закатные огни, бледные и неживые, догорали на горизонте. Джейн сидела на высокой табуретке, положив ногу на ногу, и прикрепляла между пальцев мертвой руки свечные огарки. Она не зажигала свет, боясь, что ее обнаружат. Но и в полутьме она видела, что рука грубая, с толстыми пальцами, и ее прежний владелец имел привычку грызть ногти.

Для такой работы лучше всего подходил именно этот час: влияния солнца и луны примерно уравнивали друг друга и почти не искажали результатов. Убедившись, что свечи держатся прочно, Джейн взяла перочинный нож и осторожно, тщательно вырезала на большом пальце *sfwa*, на второй фаланге среднего пальца — *ya* и на мизинце — *sig*. В целом получилось тайное имя Богини в ее ипостаси Исполнительницы желаний.

После этого оставалось только привязать к ладони одну из кредитных карточек Гальяганте.

Покончив с этим, Джейн убрала клубок шпагата в ящик и соскочила с табуретки. Амулет она положила в свой рюкзачок, вместе с ломиком, замшевыми перчатками и фонариком.

Она выбрала одежду понезаметнее: черную рубашку, черные джинсы. Сверху

— Робинова куртка. Рюкзак у нее, к счастью, был темно-серый. Она повесила его на плечо, надела вязаную шапочку. В таком виде

она совершенно не будет бросаться в глаза.

Ложку, добытую в материнском мире, она повесила на шею, просверлив в рукоятке дырочку. Она достала ее из-под блузки и поцеловала на счастье.

Пора.

Ее охватил ночной холод. Резкий, ледяной ветер сметал с мостовой обрывки бумаги, кружа их в воздушной пляске. Улицы были пусты. Джейн пробежала мимо Бранстока, Триденты, Лоназепы. Забежала на минуту в вестибюль Анеиры погреться — уши и щеки совсем замерзли, ноги выше колен — тоже, джинсы совсем не грели. Побежала дальше — мимо Кэдбери и Сьюингшилдз. Ломбарды, Змея и Альтарипы. Время от времени ей встречался гном или тролль, но они, сутулясь от холода, спешили домой, им было не до нее. Наконец она дошла до цели.

Кэр-Гвидион.

Джейн, задрав голову, смотрела на блестящие стеклянные стены, поднимающиеся в невообразимую высоту и теряющиеся в темноте. Сердце ее упало. Рядом с этой неприступной твердыней она сама была так мала, так ничтожна. Она свернула в аллею и, обогнув башню, вышла к ней с другой стороны.

Сзади Кэр-Гвидион выглядела совсем иначе — глухая стена в потеках копоти, разгрузочная площадка, печь для мусора, где тлел слабый огонь. Словно башня, сбросив прикрасы, показала свое истинное лицо. Джейн закурила и замерла в тени, наблюдая и выжидая.

Шло время. Из служебной двери вышел тролль с мусорным ведром. Он вывалил мусор в печь и поспешил назад. Дверь закрылась. Джейн закурила снова, выжидая, пока смотритель чем-нибудь не займется. Она курила медленно, наслаждаясь сигаретным теплом, с сожалением выбросила окурочку. Потом натянула серые замшевые перчатки и вытащила руку власти. Держа ее за запястье, с зажигалкой в другой руке, она подошла к двери. Толкнула ее, открыла. Ящики, метлы, банки с пастой, старые половики. Смотрителя не было видно. Из мрака на нее зашипело железное чудовище: печка.

— Здравствуйте! — сказала Джейн. — Мне сюда? Я насчет работы.

Никто не ответил.

Дверь закрылась. Джейн стояла с бьющимся сердцем, ей хотелось убежать. Поборов это желание, она вошла в комнату. Здесь было тепло, и у Джейн сразу закололо в щеках и мочках ушей. Где-то бормотал телевизор. Прямо перед ней была раскрытая дверь грузового лифта. Джейн вошла в эту дверь.

В бумажнике была визитная карточка с адресом — Гальяганте жил на самом верху башни. Джейн убрала пока в рюкзак амулет и фонарик, нажала кнопку лифта. Ее охватило счастливое возбуждение, предвкушение удачи. Это было не сравнимо ни с чем — лучше наркотиков, лучше секса, лучше всего, что ей довелось испытать. Все вокруг казалось до невозможности ясным и четким, словно заново отполированным. Какой фантастический кайф!

* * *

Грузовой лифт вез ее через все этажи этого исполинского сооружения.

Мелькали стены. Словно рты, открывались и закрывались двери. Показывались на мгновение коридоры, кухни, кладовки. Иногда слышались голоса

— споры, смех, но никого не было видно, и ее тоже никто не замечал. Она скользила мимо, как невидимка.

Наконец лифт остановился. Она вышла в неосвещенную кухню. Стояла абсолютная тишина. Держа руку власти перед собой, как щит, Джейн осмотрелась и заглянула в примыкающие комнаты. С первого взгляда было понятно, что весь этаж отведен под домашние службы и прислугу отпустили на ночь. Но на всякий случай она держала зажигалку наготове.

Из кухни шел лифт — без сомнения туда, куда ей было надо. Но лифт окружала странная аура, холодное ощущение угрозы исходило от его бронзовой двери, украшенной головами хищных птиц. Лифт наверняка имел сигнализацию. Придется ей найти другой путь вверх.

Джейн задумалась. Раз пищу готовят вдалеке от столовой, должен существовать быстрый способ доставки ее к столу. Иначе,

пока ее несут к лифту, пока поднимают, она успеет остыть. Должен быть какой-то путь побыстрее. То, что называется «немой лакей».

Раз она знала что искать, найти было уже нетрудно. Окошечко в стене, прямо напротив двери.

Она влезла в подъемник, устроилась на дне ящика.

Было очень тесно. Сначала она положила рюкзак, потом, сложившись пополам, села сама. Колени прижимались к подбородку, рука власти уперлась в нос.

Она закрыла дверцу, и темнота сомкнулась вокруг нее, как сжатый кулак. Было совсем ничего не видно. Глубоко вздохнув, она ухватила за веревку и начала подтягиваться, медленно, чтобы блоки не заскрипели.

Она медленно перебирала руками. Немой лакей дюйм за дюймом поднимал ее вверх.

Это было долгое путешествие.

Как выяснилось позже, апартаменты Гальяганте занимали четыре этажа. Нижний предназначался для слуг, три остальных — для хозяина и его возможных гостей. Но Джейн казалось, когда она медленно и в полной темноте ползла в высоту, что этажей тут по крайней мере двадцать. Похоже было, подъем никогда не кончится. Джейн отгоняла эту фантазию, но ей стало мерещиться, что она попала в ловушку, что коробка плывет в бесконечном пространстве среди звезд.

У нее заломило в плечах, разболелись руки.

По бокам текли струйки пота. Блузка насквозь промокла. Джейн тихонько обругала себя, что не сняла Робинову куртку, прежде чем залезть в этот ящик. Она просто варилась в ней.

Ящик изнутри был подбит кожей. Гвоздики мешали ей нормально сидеть. Она попробовала переменить положение. Не помогло. Она все перебирала руками по тросу. Желудок сжимала судорога. Одну ногу она отсидела. Джейн остановилась, несколько раз обмотав веревку вокруг руки, чтобы не полететь вниз, и попробовала помассировать отсиженную ногу. Все время она прислушивалась — не раздадутся ли голоса, звуки шагов. Она поднималась долго, и если сейчас сорвется вниз, то, конечно, убьется насмерть.

Ладони вспотели. Она по очереди вытерла их о джинсы и снова стала подниматься.

Вверх и вверх сквозь темноту.

Наконец возник лучик света, стал опускаться, дошел до глаз, скользнул по ногам. Руки с веревкой замерли. Она затаила дыхание, прислушиваясь.

Снаружи кто-то ходил.

С трудом, неуклюже, она кое-как обмотала веревку вокруг ноги. Достала руку власти. Необходимо было соблюдать полную тишину, поэтому она двигалась мучительно медленно. С трудом она вытащила из кармана зажигалку.

Распахнула дверцу. Освободила ногу. Выскочила из ящика.

Гном в ливрее перепуганно глядел на нее.

— Эй! — крикнул он. — Что вы... Она поднесла огонек к фитилю. Родилось пламя. Пламя отразилось в расширившихся глазах гнома. Крошечный огонек затанцевал в каждом зрачке. Джейн зажгла второй огарок.

— Где Гальяганте? — спросила она. Гном держал в руках серебряный поднос с двумя рюмками, салфетками и пустым шприцем.

Они находились в углу столовой. Невозможно длинный стол, уставленный высокими серебряными канделябрами, тянулся к противоположной стене, но до нее было слишком далеко. Гном движением подбородка указал на отдаленную дверь.

— В большой спальне, — прошептал он. — Он не один.

Она зажгла третий огарок.

— Есть еще кто-нибудь в квартире?

— Нет. Только я. Он. И его гостя. — Загорелся четвертый огонек. Восемь отражений прыгали в глазах гнома.

— По-моему, тебе хочется пойти полежать.

— Да. — Гном, как одурманенный, прошел мимо нее в коридор. Лифт узнал его и распахнул перед ним дверь. Он исчез.

Время было дорого. Зажженные свечи нельзя заменить другими.

В запасе у нее оставалось минут двадцать, не больше.

Джейн принялась за работу.

* * *

Она никак не думала, что будет так трудно найти что украсть. Держась подальше от спальни, Джейн быстро обследовала остальные комнаты — большие, хорошо обставленные и совершенно бесполезные для нее. Там стояли бюро из тигрового клена и шкафчики красного дерева с удивительной резьбой. В хрустальных вазах красовались белоснежные тюльпаны или бледные светящиеся грибы с длинными тонкими ножками. Под ногами лежали ковры, над каждым из которых трудилось несколько поколений ткачей. Предполагалось, что кредитная карточка, привязанная к руке власти, приведет ее к хозяйским сокровищам, но рука поворачивалась только туда, куда ее поворачивала сама Джейн. Можно было сойти с ума от досады. Ее окружали бесценные вещи, но взять с собой было нечего.

Прошло шесть минут. Осталось четырнадцать. Быстро и бесшумно она осматривала комнату за комнатой. Стены были увешаны картинами. Сцены борьбы

— пронзительный крик борца, нога выбрасывается вперед. Домашние сцены — элегантные господа блюют в сверкающие раковины из фарфора. Для Гальяганте только самое лучшее.

Осталось девять минут. Джейн забрела в тупик — полутемная гардеробная, ни одного окна. И вдруг рука власти похолодела, как лед, и шевельнулась. Джейн открыла шкафчик, откинула в сторону шелка и твиды и обнаружила сейф. Не сразу, но сейф все же признал кредитную карточку хозяина и открылся. Внутри оказалась стопка банкнот — Джейн быстро их перелистала: хватит на все! — а также документы и драгоценности.

Ну наконец! Джейн стащила с плеча рюкзак, запихала в него банкноты. Документы брать не стала. Кольца, булавки, бриллиантовые браслеты рассовала по карманам куртки.

Осталось четыре минуты.

Она уже прошла столовую, когда ее внимание привлекли серебряные подсвечники. Они были такие массивные, так мягко

поблескивали! В последний момент она протянула руку и схватила один из них.

Ее ударило током. Рука в перчатке прилипла к подсвечнику. Мышцы свело судорогой.

— Караул! — завопил подсвечник. — Воры! Грабят!

— Пусти! — закричала Джейн. Подсвечник было не сдвинуть с места, он был намертво прикреплен к столу. И орал без умолку.

— Воры! Грабят! Караул!

— Что тут происходит? — Дверь спальни распахнулась.

Джейн обернулась и увидела стоящего в дверях Гальяганте. На нем был шелковый халат, наскоро прихваченный в талии. Сзади виднелась кровать под балдахином. Рама была белая, а ножки имели форму борзых, стоящих на задних лапах. Углы простыни борзые держали в зубах. На подушках лежал яркий световой шар, сияющий кокон, сквозь который что-то смутно проглядывало, чье-то тело, изгибающееся там, внутри. Тело нимфы.

Дверь закрылась. Гальяганте подошел к ней — гневный, с пылающими глазами, в обличье власти, настоящий эльфийский владыка. Поднялся ветер, обвеял Джейн, яростно растрепал волосы. Она протянула перед собой амулет, но огоньки свечей задрожали, мигнули и погасли.

Джейн отступила бы назад, но проклятый подсвечник держал ее, не давая сделать ни шагу. Он все вопил:

— Хозяин! На помощь! Держи вора!

У Джейн мысли путались из-за этих воплей.

— А ведь я вас знаю! — Гальяганте, хмурясь, смотрел на нее. — Студентка-алхимик, верно? — Он щелкнул пальцами, и подсвечник умолк. Утих ветер. Очень деликатно эльф снял рюкзак у нее со спины и перебрал содержимое. Банкноты он аккуратной пачкой сложил в сторонке. Оставив рюкзак на столе, он обшарил ее карманы и вытащил драгоценности. Джейн не пыталась сопротивляться. Попалась так попалась.

— Какой случай! — Странная улыбка заиграла, как огонек, на его губах. Он окинул ее взглядом с головы до ног. — Но какой, собственно? — Он размышлял вслух. — Что же мне с вами делать?

Невольные слезы навернулись ей на глаза.

— Отпустите меня! — прошептала она.

Гальяганте, взяв руку власти, с интересом рассматривал ее. Он пощелкал языком.

— Не надо портить хорошее впечатление, — сказал он строго. Отложил руку и спустил молнию на кожаной куртке. Наружу вырвался запах пота. — Что это у вас?

Он расстегнул на ее блузке две верхние пуговицы и взял в пальцы стальную ложечку.

— Ну и ну! — Развеселившись, он покачал ложку кончиком пальца. — Мне, видимо, придется...

Дверь спальни распахнулась. На пороге стояла обнаженная нимфа с растрепанными волосами.

— Куда ты... — Она осеклась. Потом сказала недоуменно: — Джейн?

Гальяганте застыл на месте. Не оглядываясь, он рявкнул:

— Подожди в спальне! Закрой за собой дверь! Она скрылась.

— Это Сирин, — сказала Джейн.

— Забудьте о ней. — Гальяганте, казалось, о чем-то задумался, он колебался, что-то решая про себя. — У нее своя судьба. Думайте о вашей собственной. — И внезапно рассмеялся: — Я вас отпускаю.

— Спасибо, — смиренно проговорила она.

— И у меня есть предложение. Джейн вздрогнула и промолчала.

— Если вы переживете Тейнд — а судя по всему, это очень большое «если»,

— придите ко мне в контору и обратитесь к моим служащим. У меня есть для вас работа. Работа выгодная. И многие сочли бы ее приятной.

Он снова щелкнул пальцами, и подсвечник ее отпустил. Джейн сделала шаг назад, потирая руку. Онемевшая кисть наливалась болью.

Гальяганте вернул ей пустой рюкзак. Ложечку он оставил у себя.

— Можете идти. Пожалуйста, нормальным лифтом. Он снял со стола подсвечник и бросил ей. Она его машинально поймала.

— Вот, возьмите. В знак моей искренности. Лифт еще не подошел, а он уже повернулся к спальне. Она посмотрела на закрывающуюся за ним дверь и отправилась домой.

* * *

На следующий день она ходила как во сне. Наступила наконец оттепель, и студенты распахнули во всех аудиториях окна. Холодный, свежий ветер ворвался внутрь, охладил термостаты, и радиаторы исходили паром, стараясь поддержать нужную температуру. Маленькие воздушные обогреватели разведали бумаги, и по коридорам кружилась смерчами пыль.

Все это было бы приятно, но Джейн чувствовала странную отрешенность. Окружающее казалось каким-то отдаленным, незначительным, словно она призраком блуждала по миру, которому перестала принадлежать. Так не могло продолжаться. Что-то должно было произойти. Может быть, сегодня наступит наконец Тейнд и положит конец этому состоянию подвешенности, ожидания, полужизни? А пока апатия и безразличие ко всему овладели ею.

Даже когда Крысобой стал за ней в очередь в студенческой столовой, изобразив мимикой поцелуй, она только пожала плечами и отвернулась. Если бы Джейн намеренно собиралась его разозлить, то не могла бы придумать ничего лучше. Она видела злобное выражение, появившееся на его лице, и знала, что ничего хорошего это ей не сулит.

Но что она могла сделать? Тупиковая ситуация.

Она отнесла поднос на пластмассовый столик, села. Рядом рос в горшке куст терновника. В глубине куста прыгал с ветки на ветку сорокопут. Стол был четырехместный. Крысобой уселся напротив. Не поднимая глаз от салата, она сказала:

— Тебя никто не приглашал здесь садиться. Он поднял на вилке жирную сардельку и ткнул в ее сторону.

— От этой зеленой дряни тебя стошнит. Что тебе надо, так это хороший кусок мяса. — Он откусил от сардельки, продолжая с

набитым ртом: — Есть идея! Почему бы тебе не сходить со мной нынче вечером в ресторан? Подкормим тебя немножко. Протеинчиков в органон добавим.

Джейн отложила вилку:

— Послушай, ты не мог бы... Внезапно на соседний стул скользнула Сирии и без предисловий сказала:

— Я тебе кое-что должна объяснить. Ты можешь понять все неправильно.

Ее волосы были гладко зачесаны и собраны в конский хвост. Она почти не накрасилась, только мазнула по губам белой помадой и наложила немного белых теней на веки. На ней был черный глухой свитер. Даже в нем Сирия была красива.

— По-моему, тут нечего объяснять. Крысобою откашлялся.

— Рад видеть и тебя, Сирия, — сказал он громко.

— Привет, Крыса. — Она на него почти не взглянула. — Джейн, ты не знаешь, что значит испытывать желания... не совсем обычные. Но это мои желания. Ты ведь понимаешь? Они часть меня, я не могу отказываться от них.

Джейн очень мешал Крысобою, жадно прислушивающийся к каждому слову. Она сказала:

— Совсем не нужно объяснять, почему тебе нравится Гальяганте. У каждого свой вкус. Я прекрасно могу это понять.

— Гальяганте мне нравится? — В серебристом смехе Сирии слышалось удивление. — Да с чего ты это взяла? Гальяганте тут вообще ни при чем.

— Главное — властный самец, а кто — неважно, — вставил Крысобою. — Все решают феромоны.

Сирии просто отмахнулась от него движением руки. Удивительно, как ей удавалось совсем его не замечать?

— Мне нравится то, что он со мной делает. Мне нравятся ощущения, которые он во мне вызывает. Если я найду кого-нибудь, кто окажется удобнее, с Гальяганте будет покончено. Но можно поспорить, что новый будет ничуть не лучше. Так всегда бывает.

— А ты меня попробуй. Почему ты знаешь, может, я лучше!

— Сирин, почему ты все это мне говоришь? — Джейн не понимала, как можно говорить о своих секретах при посторонних — при Крысобое! — как будто совершенно неважно, что знают о тебе другие? Как будто они не воспользуются тем, что знают?

— Я видела сон. О своей участи. — Лицо Сирин напряглось и осунулось. — Мне снилось, что Гальяганте... Что он... Нет, это слишком мерзко. Я проснулась и подумала: нет, только не это! Джейн, ты такая уверенная, такая сильная...

— Я? — Джейн улыбнулась. Крысобой, маслено улыбаясь, что-то соображал про себя. Джейн прямо-таки слышала скрежет проворачивающихся в его голове жерновов. — Я подумала, может, ты поживешь у меня несколько дней? Понимаешь, просто будем разговаривать, ходить вместе... Я боюсь сделать какую-нибудь глупость. — Дрогнувшим голосом она добавила: — Больше я ничего не могу придумать. Джейн, вся сжавшись, ответила:

— Я уже говорила тебе. Мне тебя очень жаль, я очень бы хотела помочь. Но я ничего не могу сделать.

— Я ведь так немного прошу! И тут у последнего свободного стула появился Билли-страшила с подносом.

— Не занято?

— Ох! — Джейн вскочила. — Садись! Ешь! Мой салат тоже! Мне все равно! Только тебя мне тут еще не хватало!

Он в недоумении смотрел на нее. Она выбежала из столовой.

* * *

Вечером Джейн, не желая никого видеть, не пошла в столовую, а вышла в город и пообедала в ресторане в Оргулосе. Она съела котлету с пюре. Какой-то гном попробовал было завязать знакомство, но она так на него заорала, что ее попросили уйти.

Вечер был приятный, почти теплый, и грузовики не слишком шумели. Джейн шла сгорбившись, засунув руки в карманы, погруженная в мрачные мысли. Сколько же это будет еще продолжаться, спрашивала она себя, до каких же пор?

Джейн перешла в Оргулос из Сенодены, а там ей захотелось

заказным лифтом спуститься вниз. Когда она ступила с улицы в вестибюль Бельгарды, до нее внезапно дошло, что за разными делами она не была здесь уже несколько месяцев. А еще до нее дошло, что она забыла дома лифтовый проездной. «Черт!»

Было бессмысленно платить деньги за то, что уже оплачено, так что она пошла служебными коридорами в заднюю часть здания в поисках грузового лифта. Ездить на них не полагалось, но студенты делали это постоянно.

Почти сразу Джейн заблудилась. Она спустилась в подвал по какой-то лестнице, потом решила вернуться, но найти лестницу уже не смогла. Ничего не оставалось, как идти дальше, через полутемные склады, где пахло скипидаром, дегтем, уксусом, книжной плесенью. Ей сделалось не на шутку страшно. И тут Джейн увидела рядом с угольной ямой стальную дверь, покрашенную в зеленый цвет.

Сама не зная почему, она чувствовала, что именно туда ей и надо.

Она раскрыла дверь.

В полумраке чернела громадная железная машина. Пахло смазочным маслом. При свете единственной лампочки без абажура, висящей высоко под потолком, она смотрела на злобное стальное чудовище. Она знала его, знала, как закоулки своей души. Это был дракон, 7332, Меланхтон.

Дракон улыбнулся.

— Ну что, не ожидала увидеть меня, человечек? — Его насмешка была обжигающей, словно Джейн стояла перед открытой топкой громадной печи. Дверь, за которую она держалась, куда-то пропала, темнота за спиной сгустилась. Во всей вселенной существовали теперь только дракон и она. Люк кабины бесшумно распахнулся.

— Входи. Нам есть о чем поговорить. Пилотское кресло выглядело новее, чем раньше. Но, когда она села, оно обняло ее по-старому. Мягко светилась приборная панель. Краем глаза она заметила в темноте какое-то движение. Где-то закричал мерион и тут же умолк.

— Ты меня бросил, — сказала она.

— Я вернулся к тебе.

Руки Джейн вцепились в подлокотники. Одно движение, и иглы вонзятся в ее запястья. Опустится шлем и погрузит ее в ощущения дракона. Но она не стала поворачивать рукоятку.

— Хорошо выглядишь. Процветаешь? Как она и думала, он обиделся.

— А ты все та же: скучна и глупа, — презрительно сказал Меланхтон. В глубине его груди пробудился к жизни какой-то двигатель, и его вибрации сотрясали кабину. — Я ведь пришел дать тебе смерть, кровь, месть и участие в величайшем приключении со времен самого первого убийства — а ты встречаешь меня пустыми любезностями.

— Кроме пустых любезностей, нам нечего друг другу сказать.

— Говори, что хочешь, — злобно сказал дракон. — Сотрясай воздух несвежими, вялыми словами, словами, словами. Но мы с тобой жили друг в друге, мы ощущали и думали вместе, и ни один из нас не освободится от другого до конца этой жизни. — В наступившем молчании Джейн со сжавшимся сердцем ощутила его правоту.

Когда дракон наконец заговорил снова, он уже овладел собой. Говорил он холодно и уверенно:

— Как ты могла, так долго прожив и так много испытав, даже не спросить себя, кто же виновен во всех твоих несчастьях?

— Я знаю своего врага. Я знаю его, вплоть до операционных кодов. — Это меня, что ли? — сказал он насмешливо. — Я всего лишь симптом. Разве это я сотворил мир и тебя в нем? Разве я повелел тебе жить, любить, терять, стариться и умирать? Кто отравил тебе радости дружбы и оторвал тебя от всех, кого ты любила? Кто сказал, что ты должна учиться только на своих ошибках и ничего не извлекать из этих уроков? Нет, это не я. Ты попала в паутину, сотканную кем-то посильнее меня. Я знаю, кто твой враг. Она и мой враг тоже. По сравнению с моей ненавистью к ней, наша с тобой вражда — как свечка рядом с солнцем. Пойми меня хорошенько: ты в моей власти, и мне очень хотелось бы поиграть с тобой, как играет кошка с пойманным мышонком. Но я отпущу тебя, потому что у нас общая цель. Ты тоже должна отказаться от мелких чувств. Сосредоточься на своем истинном неприятеле. Ты должна ненавидеть ее всей душой. И бояться ее, как я ее боюсь.

Джейн всегда казалось, что выражение «кровь заледенела в жилах» — простая метафора. Но теперь она убедилась, что фраза может иметь буквальный смысл.

— О ком ты говоришь?

Только ли любовь к театральным эффектам или нечто более сокровенное — наслаждение святотатством, к примеру — заставило Меланхтона помедлить с ответом? Наконец со спокойным удовлетворением он произнес:

— О Богине.

— Не может быть!

— Перестань! Ты что же, ничего не подозревала? Не думала по ночам, что Богиня тебя не любит? Что она зла, что ее забавляют твои несчастья — потому что иначе какой в них смысл? Не отказывайся от своей судьбы. Тебе выпала маленькая роль в ее ниспровержении. Ты должна гордиться.

— Ты сошел с ума! — прошептала Джейн. — Никто не может ниспровергнуть Богиню.

— Никто не пробовал. — Меланхтон говорил спокойно, убедительно, на безумца он был не похож. — Я не терял времени, пока мы не виделись, уверяю тебя. Я сам себя усовершенствовал, и теперь я намного сильнее, чем мои собратья. Мощь моя велика, можешь не сомневаться. Но для беглого дракона, нарушившего присягу, без хозяина, будущего нет. Небеса для меня закрыты. Я могу либо вечно ползать среди корней мира, по подвалам, либо насладиться последней роковой битвой. Я больше не застану защитников Закона врасплох. Пусть так. Но я пролечу в четвертый раз через Адские Врата, я атакую Спиральный дворец, я опрокину его и протащу Богиню по развалинам. И всем злом, что есть в мире, клянусь, что я убью эту суку.

— Невозможно, — слабо проговорила Джейн.

— Ты все еще заражена надеждой. Ты думаешь, что где-то может быть жизнь, которую стоит прожить. Что какое-то сочетание действия, бездействия, знания и удачи может спасти тебя, если ты правильно подберешь пропорцию. Так послушай меня. Вот здесь, сейчас, — лучше, чем сейчас, не будет никогда.

— Нет, все еще будет хорошо!

— Да раскрой же глаза! — Презрение дракона стало физически ощутимо. Люк со скрежетом раскрылся. — Иди. Возвращайся в свою комнату. Тебя там ждет подарок — надеюсь, понравится. Вернешься, когда повзрослеешь, когда ясно увидишь тщету всего. Когда отчаешься и, шагнув за пределы отчаяния, захочешь мести. Когда перестанешь лгать себе.

— Какой подарок?

Свет погас. Меланхтон молчал.

— Ты сказал, меня ждет подарок. Какой подарок? Молчание.

— Это все уже было! Я не собираюсь больше играть в твои проклятые игры! Молчание.

Джейн с усилием попыталась стряхнуть с себя гнев, страх, ощущение беспомощности. Это потребовало времени. Но наконец она сделала то самое, чего хотел Меланхтон: вышла из кабины.

Как всегда, ей ничего другого не оставалось.

* * *

Она не помнила, как добралась домой, в Габундию. Перед порогом комнаты ее пронзило ледяное предчувствие. Она остановилась, не в силах повернуть ручку двери.

Это было глупо. Хуже того, что она видела только что в подвале Бельгарды, она ничего не может увидеть. Это Меланхтон мучает ее по своей злобе. Она распахнула дверь.

Мартышка и Крысобой лежали на полу, мертвые.

У нее вырвался — нет, не крик, какое-то клочкотание. Да, шуточка в стиле Меланхтона. А может быть, это с его стороны то, что Гальяганте назвал «знаком искренности». Может быть, он счел проявлением заботы — убрать из ее жизни эту мелкую доуку.

В комнате горел свет. Потому-то это и было так ужасно. Если бы хоть где-то был клочок тени, ее глаза могли бы найти в нем убежище. Но в ярком жестоком свете глазам было некуда деться. Она не могла их отвести, не могла избавиться от того, что лежало перед ними.

Лицо Мартышки в смерти стало пепельно-серым, а лицо

Крысобоя — ярко-белым с синими отблесками. Радужки их глаз растворились, исчезли, оставив под фиолетовыми веками слепо глядящие бельма. Их рты были широко открыты. Влажный след слюны тянулся по подбородку Крысобоя, и последняя капля застыла на самом краю, сводя с ума нежеланием упасть. Словно время остановилось.

Из предплечья Крысобоя все еще торчала игла. Он, видимо, сделал укол Мартышке и, отвернувшись, чтобы уколоть себя, не видел, как ее тело беспомощно обмякло, прислонясь к кровати. И, когда белая смерть дошла до сердца, он просто повалился на бок. Крысобой лежал головой к двери, даже в смерти отвернувшись от бедной Мартышки.

Джейн стояла на месте, пораженная ужасом.

Где-то в отдалении завывала сирена. Еще одна присоединилась к ней, потом третья. Скоро по всему Городу звучали сигналы тревоги.

Пришел Тейнд.

Глава 18

Выходить на улицу ей, конечно, не следовало. Университетское начальство озаботилось раздать студентам отпечатанную на ротаторе инструкцию — крупный шрифт, фиолетовые буквы, приятно пахнущая бумага. И первый пункт недвусмысленно требовал: **ОСТАВАЙТЕСЬ В СВОЕЙ КОМНАТЕ**. Джейн понимала, что это хороший совет. Но ужас лишил ее способности рассуждать, выгнал из комнаты, из Габундии, из Бельгарды. Ее сознание не участвовало в этом. Только что она стояла и с дрожью глядела на трупы, а в следующий момент она, все еще дрожащая и испуганная, оказалась в совершенно незнакомой ей части города.

Мимо проковылял плачущий свиночеловек. Он пытался прикрыть голову руками, с загнутых клыков стекали слезы. За ним стаей, хохоча и улюлюкая, гнались вурдалаки. В бок его ударилась брошенная дубинка. Он споткнулся, но удержался на ногах. И пустился бегом.

Раздавался звон бьющегося стекла.

Скорей, скорей назад в Бельгарду! В полночь запрут подъезд. Но, если она проскользнет до этого, ей, может быть, удастся укрыться в комнате Сирии или у Коноплянки. Главное — подняться повыше, самое страшное, конечно, будет происходить внизу, на улице.

За поворотом открылся узкий переулок. Вздвигающиеся с обеих сторон глухие стены делали его похожим на коридор или ущелье. Впереди горел костер, вокруг него плясали, били в барабан. Толпа вломилась в текстильный склад, из окон всех пяти этажей на улицу летели, разворачиваясь на лету, рулоны муслина, ситца, поплина, шелка. Их подхватывали, бросали в огонь.

Джейн остановилась, шагнула назад, но тут на улицу хлынула из-за угла орава причудливых созданий. Они распевали:

Х ватит Городу стоять! В ремя жечь, крушить, ломать!

Они трезвонили в колокольчики, дули в рожки, прыгали, размахивая подобранными где-то флажками с рекламными картинками. С высоких шестов свисали фонари. Это напоминало карнавальное шествие — мелькали нетопырьи морды, оленьи

ветвистые рога, журавлиные ноги.

В еселимся от души! Ж ги дотла, ломай, круши!

Джейн так испугалась, что даже убежать не смогла. Толпа подхватила ее и понесла. Она стала теперь одной из них, частью толпы, а не ее потенциальной жертвой. Их тела прикрыли ее, как живые щиты, она была в безопасности. Все веселились вокруг, пьяные, раскрасневшиеся, безобразные. Рыжий карлик протянул ей жестянку с пивом. Чтобы успокоиться, она вскрыла ее и сделала хороший глоток. Пиво было холодное, язык защипало.

В ремя жечь, крушить, ломать! Х ватит Городу стоять!

Новоприбывшие смешались с теми, кто плясал у костра.

— Развлекаешься?

Джейн обернулась в удивлении:

— Коноплянка! Что ты тут делаешь? Ее однокурсница пожалала плечами:

— То же, что и ты — наслаждаюсь жизнью.

— Коноплянка, надо вернуться в общежитие! Ты хоть знаешь, где мы? Если не слишком далеко, мы еще можем успеть в Габундию, пока там не заперли.

— Еще чего! — Коноплянка охватила себя руками, ее худенькие плечи поднялись, как еще одна пара крыльев. — Лишиться всего этого? Сидеть у себя в комнате и смотреть в стенку. Книжку еще, может, почитать или включить кипятильник и заварить чайку с ромашкой? Габундия за миллион световых лет отсюда! Не понимаешь? Сегодня все можно. Хочешь чего-то — бери! Нравится тебе кто-то — хватай! Все можешь делать, от чего торчишь, никто тебе не мешает. Никто потом не припомнит.

Она сунула в рот мятую сигарету с травкой и щелкнула пальцами. Вспыхнул огонек, сигарета задымилась. Коноплянка затаилась, не предложив Джейн. Ее глаза горели таким отчаянным весельем, что Джейн смущенно отвернулась, не в силах выдержать ее взгляд.

Толпа снова пустилась вперед, с ревом и шумом. Джейн кинуло сперва в одну сторону, потом в другую. Ей пришлось перейти на бег, чтобы не упасть.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Не все ли равно?

Они пробегали мимо магазинов, и витринные стекла разлетались вдребезги. Кое-кто подбегал, соблазнялся кожаным бумажником или пригоршней запонок, но в целом толпа не сбавляла шага. Звон бьющегося стекла все нарастал.

— Да что же это творится! — прокричала Джейн.

— Пустяки! — Глаза Коноплянки горели, как брызги расплавленного металла. Она смеялась: — То ли еще будет!

В толпе стало тесно. Плечи, локти, костлявые подбородки толкали Джейн со всех сторон так, что у нее ребра трещали. Те, кто только что был рядом, исчезали, выжатые обступающими телами, словно грейпфрутовые семечки, запущенные большим и указательным пальцем. Коноплянка пропала из виду.

Джейн не могла пошевелиться. Она даже упасть не могла — так тесно ее зажали. Толпа приподняла ее и понесла. Только когда они вышли на улицу попросторней, ноги Джейн коснулись земли, и ей снова пришлось бежать, чтобы не упасть. Упала она, ее бы мгновенно затоптали.

Впереди послышался шум — толпа справлялась с кем-то. Когда Джейн поднесло поближе, она увидела, что им попался грузовик. Его загнали в тупик и раскачивали, навалившись. Он яростно рычал. Нападающие залезли в кузов, запрыгнули на капот, оторвали дверь, начали выдирать внутренности. Сиденья, провода, свечи зажигания, пластмассовая статуэтка Великой Матери с приборной доски — все это летело в толпу.

— Сволочи! — ревел грузовик. — Поубиваю всех! Задавлю! — Страшно было видеть, что с такой огромной, сильной машиной так легко справились.

Страшно и... восхитительно.

Снесли витрину бара, разбили прилавки, растащили выпивку. Джейн обнаружила у себя в руках бутылку мятного шнапса. На вкус пойло было ужасное. Но скоро она к нему притерпелась.

Толпа неслась дальше, круша и грабя все на пути. Но вот она замедлила ход — то ли впереди был тупик, то ли, наоборот, развилка,

и передние заколебались, не зная, куда сворачивать. Джейн уже не бежала, а шла. И тут она снова увидела Коноплянку под руку с высоким и очень уродливым парнем. Джейн дернула ее за рукав. Коноплянка оглянулась, поглядела равнодушно.

— А ты тут зачем? — Не дожидаясь ответа, выпустила руку своего спутника. — Знакомься, это Череп.

Такое странное имя, безусловно, подходило ему. Массивная, неправильной формы голова, остриженная под машинку, смертельная бледность лица. Лоб и щеки наполовину закрывала татуировка, изображающая большие черные очки. Тупо и тускло глядели узкие бесцветные глаза.

В знак приветствия он похотливо осклабился и ухватил себя между ног. Изо всех сил стараясь не обращать на него внимания, Джейн сказала:

— Ты хоть приблизительно знаешь, где мы? Можешь не идти со мной, скажи только, в какой стороне дом, я сама попробую добраться.

Коноплянка посмотрела на нее с убийственным презрением.

— Так и не поняла ничего? — Хлопая крыльями, она стащила с себя свитер. Под ним ничего не было. Грудь у нее были небольшие, но соски громадные, абрикосового цвета. В толпе раздались возгласы одобрения.

Коноплянка швырнула свитер в воздух. Горбатый музыкант, нагнувшись, просунул голову ей между ног. Сидя у него на плечах, она была похожа на статую, вырезанную на носу корабля.

— К Могильникам! — закричал кто-то. Коноплянка призывно взмахнула рукой.

— К Могильникам! — воскликнула она.

И они двинулись.

Коноплянка возглавляла шествие, а несущий ее горбун играл на флейте.

Они шли быстро, почти бежали. Густо пахло потом, словно прелыми овощами, у Джейн кружилась голова. Они не пели больше, но звуки их голосов сливались в рокот, похожий на ровный шум прибоя, над которым время от времени острым шпилем вздымался

чей-нибудь пронзительный крик. Басовое гудение, не умолкая, вибрировало, отдаваясь у нее внизу живота. В голове шумело, как от амфетамина, и ровный шум отдавался в черепе, меняя окраску, напряжение и тембр. Это была симфония хаоса.

Джейн провела рукой по волосам. Они затрещали, наэлектризованные. Она уже не пыталась выбраться. Происходящее возбуждало ее. Что-то живительное было в этом ужасе, что-то, от чего она не могла отказаться. Она должна была видеть, что будет дальше. Как крохотная капля в неудержимом потоке, она позволила толпе нести себя вместе со всеми.

Их занесло в магазин электротоваров. Вокруг шныряли юркие личности, расхватывая плееры, компакт-диски, мини-холодильники. Кто-то сунул ей в руки коробку. Она машинально взяла ее.

Черный, как сажа, чертенок выскочил откуда-то из угла и весело завопил:

— Пожар. Спасайся кто может!

За его спиной поднялись языки пламени.

Все сразу рванулись к дверям. Было страшное мгновение, когда Джейн подумала, что пришел конец, ее раздавят. Выбравшись на улицу, она не сразу вспомнила про свой трофей.

В коробке оказалась микроволновая печь. Вышло очень удачно. Ей как раз давно нужна была такая печь, а украсть ее никак не получалось, слишком крупный предмет. Джейн решила, что возьмет ее домой.

* * *

Но, волоча коробку, Джейн трудно было поспевать за толпой. Постепенно она отставала и оказалась в задних рядах. Разболелись руки и плечи. Она выбилась из сил. С мостовой спускались железобетонные ступеньки к старому каналу, и Джейн присела на них передохнуть.

Толпа ушла вперед. Похолодало. Рев голосов стал едва слышен, но время от времени с разных сторон, из разных частей Города доносились новые голоса, как будто толпа была каким-то вездесущим чудовищем. Джейн смотрела под ноги, на ржавые железяки,

пластиковые растрескавшиеся бутылки, окурки. В голове у нее шумело.

Там, где проходило буйное шествие, оставались мертвые улицы с мертвыми домами, словно толпа на ходу высасывала из них жизнь. С металлических поверхностей отваливалась пластами краска, обнажая ржавчину. Пузырился асфальт. С кирпичных домов облетала штукатурка. Мусор громоздился у края тротуаров, плавал в маслянистых водах канала. Стены покрывались трещинами.

Разоренные дома с неестественной скоростью зарастали бурьяном. На глазах Джейн из трещины в основании бетонной опоры моста выбился побег, тут же разросшийся в пышный терновый куст. В глубине его зацвели розы, и на их запах, как на прокисшее молоко, налетели крылатые человечки ростом с палец.

При полете они издавали звуки, похожие на звон колокольчиков. Они летели парами, и каждая пара тащила такого же миниатюрного пленника, связанного веревками толщиной в нитку. Они с размаху влетали в гущу куста, и оттуда раздавались тоненькие крики.

Как будущий алхимик, Джейн разбиралась в природных процессах. Происходящее восстанавливало равновесие, нарушения которого копились годами. Но смотреть на это не было сил. Она перевела дыхание. Пора идти. Она встала, оставив печь на ступеньках. Не нужна ей эта чертова штука!

На мостовую сверху выплеснулась струя блевотины. Джейн успела отскочить в сторону, но туфли ей все же забрызгало.

Три гиеноголовых существа толклись у ограждения виадука над ее головой.

— Эй вы, поосторожнее! — крикнула Джейн. Тот, кого тошнило, ее даже не заметил. Другой грубо заржал. Третий влез на ограждение, растянулся и помахал прибором.

— Эй, красотка, не хочешь попробовать?

— Скоты! — крикнула она.

— Эту суку, — холодно сказал соблазнитель, — надо проучить.

Его друг уже бежал по виадуку, ища спуск.

— Сюда! — крикнул он. Оставив пьяного страдать у перил, они побежали к железной лестнице на дальней стороне моста.

Джейн в ужасе вбежала в первую попавшуюся дверь и в подъезде обнаружила лестницу, ведущую на тот самый виадук, где только что были гиены. Они ее, к счастью, не заметили.

На середине подъема ей пришлось остановиться, пропуская мимо сначала десяток, а потом целую сотню уродливых созданий. Те трое явно откололись от этой толпы. Но это была другая толпа, не та, которую она бросила. Она никого не узнавала, а тут были лица, которые она бы запомнила. Но это не имело значения. Она побежала с ними, снова чувствуя себя в безопасности.

* * *

Очень скоро впереди послышался страшный рев. Улица влилась в широкую пятиугольную площадь. Как молекулы газа, попавшие в зону низкого давления, бегущие мгновенно распределилась по всей площади. Джейн стало страшно: она догадалась, куда попала.

Это была. площадь Оберона. Четыре стороны ее занимали кафе и магазины — пластинки, галантерея, скобяные товары и тому подобное. На пятой же стороне возвышался обсидиановый фасад знаменитой и страшной городской тюрьмы. Он нависал над площадью, как массивный нос зловещего черного корабля.

Тюрьма называлась «Могильники».

Добравшись до своей цели, толпа, однако, не спешила на приступ. Разбившись на небольшие группы, она рассредоточилась по остальным четырем сторонам площади. Витрины магазинов были закрыты решетками и стальными щитами, но выше первого этажа окна были не защищены. Толпа забрасывала их булыжниками и кирпичами.

Повинуясь мгновенному, неосознанному порыву, Джейн подобрала пустую пивную бутылку, размахнулась и запустила в ближайшее окно. Стекло разлетелось. Она радостно завопила. Проходящий тролль одобрительно похлопал ее по спине, она зашаталась.

Ей стало хорошо. Общее возбуждение охватило ее, одарило прозрачными крыльями. Она глубоко вздохнула, наполнив легкие и желудок кипящим, пузырящимся воздухом безумия. Возврата не

было. Джейн стала одной из них, принадлежа им душой и телом. Она была теперь человеком толпы.

На нее налетел пьяный, она оттолкнула его:

— Пошел вон, скотина!

Это ей тоже понравилось.

Когда они разбили все окна, сорвали щиты, разграбили что смогли и подожгли несколько магазинов, наступило затишье. Несколько коренастых, крепких гномов пытались сорвать с петель тюремные ворота. Они были сильны и сноровисты, но отступили ни с чем.

Толпа почти растеряла активность. Чтобы не останавливаться, некоторые занялись винным погребком, который до этого пропустили. Кожаные кресла и растения в горшках полетели на улицу. Картины маслом, изображающие обнаженных троллей на унитазах, отправились в огонь. И наконец на мостовую с грохотом выкатили три гигантские бочки. Один из погромщиков вспрыгнул на первую бочку и замахал в воздухе своей шапкой с пером:

— Сograждане!

Толпа встретила это обращение презрительным смехом. Оратор взмахнул топором.

— Наши любимые Правители, отцы Города, заточили в эти бочки — для ее же, безусловно, блага — преступную и строптивую жидкость. Долгие, мучительные годы провела она в дубовых темницах, исправляясь, зрея, смягчаясь, избавляясь от грубых привычек, дабы стать почтенным, законопослушным напитком, достойным благородных глоток нашего достоуважаемого начальства. — Все глаза были прикованы к нему.

Гримасничая, он выпятил грудь и прокричал: — Но созрела ли она?

— Нет!

— Поняла ли она свои заблуждения?

— Нет!

— Стала ли она на путь истинный?

— Нет!

— Правильно! Она упорствует в заблуждениях и недостойна того, чтобы ее лакало начальство. — Он рубанул топором по втулке. Вино хлынуло, растекаясь по площади. Смеющиеся уроды кинулись к ручейкам, опустили на четвереньки.

Из магазина приволокли насос и с его помощью наполнили пустой фонтан в центре площади. Сбросив одежду, многие — среди них Коноплянка — радостно бросились туда, стали пить из ладоней, плескать друг в друга кроваво-красной жидкостью. Горящие здания и ртутные светильники озаряли происходящее тускло-оранжевым светом.

С другой стороны площади донеслись крики. Из боковой улицы медленно шагал башенный кран. Им управлял ухмыляющийся чертенок — сидя наверху, он шептал команды гиганту в ухо. Они остановились у ворот, и великан поднял громадный чугунный кулак. Три раза он ударил по окованным железом воротам. От них только щепки отлетали, но ворота пока держались. После четвертого удара ворота рухнули.

Раздался такой вопль ликования, что содрогнулось небо.

Джейн вбежала в мрачное здание вместе со всеми. Она оказалась в темном узком коридоре. Рядом с ней бежал Череп. Он схватил ее за руку и заставил остановиться перед дверью камеры.

— Подержи-ка! — Он сунул ей в руки свою куртку, сплюнул под ноги и стал ломиком сбивать запор. Мускулы вздулись под его темной от пота рубашкой.

Дверь распахнулась.

Гнилозубый рот. Перекошенное лицо. Существо вышло из камеры и ущипнуло ледяными пальцами Джейн за щеку.

— Это мне? — продребезжало оно. Хихикнуло, видя, как она напугана, и уковыляло прочь.

Череп тем временем взломал следующую дверь. Оттуда вылезло что-то черное, какая-то скрежещущая тень. Оно глянуло на Джейн, проплывая мимо. Взгляд наполненных ненавистью глаз коснулся ее, словно тысячью скорпионьих жал. Ее сердце подскочило от страха.

— Что стоишь! — прокричал ей в ухо Череп. — Работы же полно!

Но Джейн не тронулась с места. Череп не заметил этого, он был слишком занят. Он шел дальше по коридору, взламывая одну дверь за другой, освобождая чудовищ, подобных которым Джейн никогда не видела.

Она бросила его куртку и убежала.

* * *

На площади веселый чертенок дал ей бутылку виски. Она хлебнула. Другой раздавал таблетки. Она проглотила пять штук.

Нетерпеливые поджигатели уже начали внутри тюрьмы разводить огонь. Освободители и освобожденные выскакивали из огня, кашляя, задыхаясь, хохоча пьяным смехом. Выпустить узников успели только из ближних камер. Все остальное быстро охватило пламя, жаркое, как в доменной печи.

Те, кто успел освободиться, с визгом выскакивали из ворот, бегали кругами, пытаясь сбить с себя пламя. Толпа приветствовала их хохотом.

Пепел падал, как снег. Хлопья были величиной с кулак. Джейн, моргая, смотрела вверх.

Как принято в тюремной архитектуре, над воротами имелся арочный мост с небольшой сторожевой башенкой. Сами стражники давно убежали, ворота рухнули, но мост остался — нависал над пустым местом, чернея на огненном фоне.

На мосту плясали и прыгали какие-то фигурки. Они распевали песни и мочились в огонь, не обращая внимания на опасность. Эта безумная, самоубийственная отвага вселяла ужас.

Внезапно с моста раздался крик. Оттуда показывали на одну из боковых улиц.

На площадь выходил строевым шагом отряд эльфийских воинов в блестящих черных шлемах.

Немедленно у подножия стены растянули, держа за четыре угла, одеяла. Один за другим наблюдатели попрыгали вниз.

Толпа затихла.

Эльфы построились в одном из углов площади. Они стояли сомкнутыми рядами, держа дубинки и плексигласовые щиты. У всех на рубашках были значки с крылатой стрелой.

Командир поднял на дыбы своего коня. Хромированные бока сияли так, что самого коня было почти не видно. Отражения толпы, воинов, горящих стен тюрьмы мелькали на зеркальной поверхности, увеличиваясь, когда конь делал шаг вперед, исчезая, когда он отступал в сторону.

По-прежнему мягко падал пепел.

Эльфийский командир приподнялся на стременах и ясным, звонким голосом прокричал:

— Это сборище не соответствует установлениям Тейнда! Ваше присутствие здесь незаконно. Даю вам две минуты, чтобы очистить площадь!

Бунтовщики ответили нестройными криками. Они явно колебались. Кое-кто начал разбегаться. Если бы эльфы сейчас выступили, они бы без усилий разогнали толпу и очистили площадь. Но командир не отдавал приказа.

Крики стали громче. Полетел камень, потом бутылка. Она разбилась со звоном. При этом звуке какая-то волна пробежала по толпе. Джейн невольно задрожала. Стоящие вокруг напряженно застыли.

— О черт, — пробормотал какой-то гном. — Они хотят сопротивляться. Сопротивляться эльфам!

Гном схватил Джейн за локоть и показал налево. Многие головы повернулись туда. В боковой улице показался еще один эльфийский отряд. И еще один, с другой стороны. Они окружали площадь. Поэтому командир и медлил. Он хотел, чтобы толпа оказалась в мешке.

— Если не разойдетесь, мы применим силу! — Командир небрежно взглянул на часы.

Его коварство возмутило Джейн и придало ей решимости. Джейн охватила страстная ненависть к эльфам. Они, значит, думают, что могут ей помешать! Ну уж нет! Никакие ужасы ее не запугают. «Здесь я стою, — подумала она, — и никто меня отсюда не сдвинет».

Воины с боевым кличем ринулись вперед.

* * *

Это была беспорядочная схватка. Во всяком случае, такой она виделась Джейн. Вокруг нее толкались, визжали, сквернословили. Воины хлынули стремительно, словно океанские волны на берег. Но и толпа встретила нападающих стойко, как прибрежные скалы. Прежде чем воины достигли первых мятежников, командир поднял дубинку и произнес короткое заклинание.

Все уличные фонари на мгновение вспыхнули и погасли. Теперь площадь освещалась только заревом пожара.

Это давало преимущество эльфам. Их боевая подготовка включала обучение ночному бою. Кроме того, древнее благословение Богини наделило их даром ясно видеть в темноте, лишь бы хоть один луч Дамы Луны светил в небе. Мелькали дубинки, эльфы надвигались, толпа отступала. Но воины так спешили нанести удары, что ровная линия наступления разорвалась. Это сильно ослабило их преимущество.

Джейн толкали то в одну сторону, то в другую. Она увидела, как один из тех гномов, что пытались сломать ворота, бросился на солдата, прямо на щит. Солдат с криком упал, сломав руку. Толпа взвихрилась вокруг него, гном исчез. Потом, когда сражающиеся переместились, Джейн увидела, что три эльфа набросились на него с дубинками. С него сорвали рубашку. Он лежал у их ног, окровавленный, полуобнаженный, не сопротивляясь. Голова его бессильно дергалась при каждом новом ударе. У него был сломан позвоночник. Джейн сделала шаг вперед. Она с удивлением поняла, что собирается за него вступить.

«Глупо, глупо, — яростно твердила она себе, — как глупо! Какого дьявола я здесь вообще делаю? Это бессмысленно. Гном уже мертв, ему не помочь. Беги отсюда, беги скорее!»

Но она, как сомнамбула, шла вперед.

Перед ней вырос солдат. Шлем слетел у него с головы, светлые волосы разметались. Пламя битвы сияло на его лице. Он поднял дубинку. Но тут он поскользнулся на мокром от пролитого вина

булыжнике и упал на одно колено.

На него мгновенно накинулся тролль, сел верхом, уперев голову между лопаток, и обвинил туловище ногами.

Хрясь! Он заломил эльфу голову назад. Хрустнули позвонки. Тело эльфа обмякло, свет на лице погас. Дубинка со стуком выпала из руки.

Джейн схватила ее.

Пепел падал все гуще. Было трудно дышать. Запах гари проникал повсюду, забивал ноздри, оседал горечью во рту. Джейн умом понимала, что это самые страшные минуты в ее жизни, но, как ни странно, чувствовала совсем другое.

Ей было хорошо.

— Прочь! Прочь от меня! — Дубинка была из литой стали, длинная, как копье, и с перекладиной на одном конце. Это было удобное оружие для схватки с толпой. Не зная, как с ней обращаться, Джейн просто схватилась за один конец и размахивала ею взад-вперед, как двуручным мечом. Пространство вокруг расчистилось, стало легче дышать.

— Мерзавцы! — кричала она. — Подлые, гнусные, проклятые эльфы!

Послышался звук, напоминающий тяжкий вздох, потом другой, потом еще и еще. Даже в шуме схватки эти звуки были хорошо слышны. Канистры с газом, прогремев по камням мостовой, взорвались, испустив облака отравляющего газа.

Те, которых он настиг, упали, кашляя и задыхаясь. Они пытались встать, корчились, хватаясь друг за друга. Но, прежде чем воины успели воспользоваться смятением, группа коротко стриженных парней, зажимая рты и носы мокрыми носовыми платками, бросилась вперед. Они схватили канистры и метнули их в солдат.

Налетевший ветерок понес облачко газа в ту сторону, где была Джейн.

Она мгновенно ослепла. Кожа горела, будто в огне. Она кашляла, задыхалась, из глаз текли слезы. Из носу тоже текло. Щеки горели, словно их отхлестали крапивой. Согнувшись пополам, ничего не видя, она вслепую пыталась выбраться.

И тут случилось чудо. Кто-то взял ее за руку и повел. Она почувствовала на лице дуновение свежего ветерка. Сквозь слезы разглядела, что путь впереди свободен.

— Скорее! — прохрипел ее спаситель. — Сейчас опять пустят газ.

Но, когда они выбрались с площади, Джейн пришлось остановиться. Высвободив руку, она вытерла одним рукавом глаза и высморкалась в другой. Сквозь слезы оглянулась назад.

Дым и пламя сотни пожаров превратили небо в серый холст с красными узорами. Под этим сумрачным балдахином какие-то темные существа ползали среди поверженных тел. Некоторые шарили по карманам. Джейн узнала кое-кого — это были заключенные, которых она помогала освобождать.

— Некогда разглядывать, — торопил ее спутник. — Зеленые рубашки подходят.

И действительно, она слышала ровный шаг свежих эльфийских подкреплений. Джейн снова побежала. И только тогда она посмотрела, кто бежит рядом с ней.

Это был Череп.

* * *

Когда стало ясно, что их никто не преследует, Джейн резко остановилась. Ее стошнило. Череп поддерживал ее, обняв за плечи, пока она освобождалась от пепла, безумия, ужаса. Наконец она выпрямилась. К ее удивлению, в голове прояснилось.

— Ничего заварушка? — сказал Череп. Она посмотрела на него.

— Я у одного паразита откусил палец. А на нем толстенное кольцо золотое со всякими алмазами-хреназами. Вот! — Он похлопал по запачканному кровью карману рубашки. — Так что ночка получилась прибыльная.

Череп был все так же уродлив. Но глаза у него изменились. Они были теперь зеленые с золотыми искорками, как молодые майские листья, и в них светилось веселье, словно Череп был просто ролью, словно это уродливое лицо было маской, из прорези которой

выглядывал кто-то другой.

— У тебя что-то за ухо зацепилось, — сказала Джейн.

— Что? — Череп резко обернулся, взметнул руки, но опоздал. Джейн ухватила талисман, висящий у него в мочке уха. — Эй, поосторожнее!

Джейн сорвала талисман. Череп с испуганным криком отшатнулся. Черты его лица поплыли, стали меняться. Исчезла татуировка, сползло выражение злобной тупости. Никакой это был не Череп!

Это был Робин Эльшир.

Джейн поглядела на талисман — янтарная бусина, косточка, сверхпроводящий диск, два синичьих пера — и бросила на землю. Она сама могла сделать таких сколько угодно.

— Какого дьявола ты тут делаешь?

— Тебя искал, устраивает? Фу, больно как! — Он поморщился. На нем была потрепанная мешковатая нейлоновая куртка. — Слушай, я понимаю, что ты меня не просила идти за тобой. Но все равно я здесь. И, если бы ты соображала сейчас лучше, ты бы обрадовалась. Надо выбирать. Там уже пошло на ножи. И они их не спрячут, когда разделяются с эльфами. Он схватил ее за руку и потащил дальше. Спеша вслед за ним и спотыкаясь, Джейн вынуждена была признать, что вид у него геройский: сверкающие глаза, мужественный подбородок. Ее сердце смягчилось. Потом она опустила глаза. Что-то торчало у него из кармана, наспех и небрежно туда засунутое. Какой-то клочок черного трикотажа. Трусики. И на вид знакомые.

— А это что? — Она рывком их схватила. Ношенные, не стиранные. Понюхала. Это были ее трусики.

— Откуда они у тебя?

Робин смущенно опустил голову, не замедляя шага.

— Я... Ну... Я их выменял у Билли-страшилы. Он сказал, что ты однажды заночевала у него, а утром, когда одевалась, забыла их прихватить.

— Ну, Билли! — воскликнула она в ярости. — Я его придушу!

— Мы думали, ты будешь не против. — Нет, я буду против и даже очень!

— Но без них я бы тебя не нашел. Это они на тебя вывели. Закон притяжения.

— Ах, притяжения!

— Слушай, ну что тут такого? Билли сказал, что ему нужна моя кожаная куртка, нет ли, мол, у него такого, чего я хочу? — Он искоса поглядел на нее и впервые заметил, во что она превратила его куртку. — А к тебе-то она как попала?

Джейн покраснела.

Некоторое время они шли молча. Потом Робин сказал:

— Мы, наверно, оба не всеми своими поступками гордимся. Но сейчас это неважно. Надо поскорее убираться, пока целы.

* * *

На улице валялись трупы.

Джейн и Робин шли по следам недавно прокатившейся тут толпы. И время от времени слышали впереди ее рев. Это было страшновато, потому что, проходя квартал за кварталом, они ни разу не повстречали живой души. Только трупы.

Трупы в основном были мелкие. Район был жилой, и от толпы время от времени отделялись охотники погромить квартиры гномов. Но лежали там и лешие, и домовые, и козлолюди. Джейн особенно запомнился человек-олень с наполовину освежеванным лицом. Охотник за трофеями успел срезать все мясо с нижней челюсти. Потом его что-то, по-видимому, отвлекло, и олень остался лежать с чудовищной улыбкой. Был виден один глаз, широко открытый, синевато-белый. Он глядел, будто что-то знал, что-то видел впереди, неотвратимо страшное. Глядя на него, Джейн почувствовала, что вот-вот поймет нечто важное. Знала бы ты, что тебя ждет, говорил этот ужасный глаз. Если б ты только знала!

— Не стой тут, — сказал Робин. — С ума, что ли, сошла? — Он потащил ее дальше.

Они проходили улицу за улицей. У Джейн подкашивались ноги.

Она ухватила за руку Робина, чтобы не упасть.

— Куда мы идем?

— Вообще-то я приготовил убежище в Бельгарде, за мусорными ящиками. Но прошло слишком много времени, пока я тебя искал. Мы туда не доберемся. Нас мог бы приютить старина Муфель, но он живет на том берегу. Есть тут, правда, гнездо неумоек, меня бы они пустили, но с тобой — никогда, женщин они не терпят. Выбор у нас невелик. — Похоже было, что он не перебирает возможности, а оправдывает уже сделанный выбор, который очень не нравится ему самому.

— Так куда же мы? — снова спросила она.

— Сюда. — Они свернули за угол и вышли на улицу, которую толпа оставила в стороне. Впереди, под стальными опорами виадука, теснилось несколько обшарпанных, убогих строений. Должно быть, недалеко была пристань — Джейн чувствовала запах реки.

Дома казались необитаемыми, окна были заколочены досками. Когда-то здесь, видимо, был ресторанчик — единственный уцелевший фонарь позволял прочесть вывеску:

ДОМАШНИЕ ОБЕДЫ ТЕТИ МИННИ

— Это притон, где колются, — объяснил Робин. — Хозяин здесь Том-барыга. Сегодня это для нас самое безопасное место. Тут никого сейчас нет, кроме доходяг, накачавшихся в кредит. Украсть нечего, сжигать неинтересно. Лишь бы самого Тома здесь не было. А его не будет. Он сейчас ищет меня. — Робин щелкнул языком. — А это последнее место, где он меня будет искать.

— Ты уверен?

— Я не собирался и за версту сюда подходить. Он меня хорошо знает, значит, и это понимает.

Пронзительный крик разорвал небо. Тень черных крыльев накрыла их на мгновение, как волна ужаса, и тут же схлынула. Крылатое чудовище уселось на перилах моста. Налетели с пронзительными криками и другие черные тени, до того сидевшие на проводах. Словно чайки, только громадные, из кошмара, они дрались из-за добычи, принесенной тем, первым.

Два чудовища сшиблись, налетев друг на друга, и добыча упала

вниз. Она шлепнулась на мостовую с тошнотворным звуком. Джейн вскрикнула.

— Не смотри! — быстро сказал Робин. Но она, конечно же, посмотрела. Это было туловище гнома, без рук и без ног. Она видела сегодня вещи и пострашнее, но это зрелище почему-то подействовало сильнее всего. Ее словно ударили по лицу.

— Пойдем скорее в дом, — взмолилась она. Они поднялись по выщербленной бетонной лестнице. Робин распахнул ободранную дверь с веревочной петлей вместо ручки.

Глазам их предстало великолепное зрелище. Изысканная роскошь, словно на рекламе дорогих духов. Сияли шахматным узором мраморные полы. Изящные колонны из полудрагоценных камней уходили в высоту, поддерживая невидимый потолок. Белоснежные совы порхали в воздухе, то появляясь, то исчезая. Шелковые занавеси трепетали у стен. Богоподобной красоты юноши возлежали на подушках. И нежно играла музыка.

У Джейн закружилась голова. Чтобы не упасть, она схватилась за порфиновую колонну и ощутила под пальцами отваливающуюся масляную краску. Мраморный пол под ногами слегка пружинил.

— Это все фуфло, — сказал Робин. Дверь за ними закрылась. — Просто мы малость кайфу словили из воздуха.

Один из золотокожих юношей медленно и грациозно двигался к ним. Робин протянул ему монетку, но тот, широко улыбаясь, покачал головой.

— Сегодня все на халяву. — Он указал на ряды белых тарелок, на которых высились горки порошка или лежали пластинки жвачки.

— Угощайтесь сколько влезет. Хватит на всех! И все высшего качества! — Джейн уловила сладкий, гниловатый запах. — Хозяин платит.

— Да уж, Том знает, как дешево откупиться от Тейнда.

— Он такой щедрый! — сказал юноша.

— Он вонючка и сукин сын. Пожав плечами, юноша сложил руки восточным жестом приветствия и вернулся к своему кальяну.

Высоко в стене зарешеченное окно с полукруглым сводом выходило в летний сад, где сияло солнце, пели птицы и вились

виноградные лозы с тяжелыми гроздьями. Ветерок донес до Джейн запах сада, и у нее перехватило дыхание. Она узнала бы этот запах среди миллиона других. Это был сад ее матери.

Робин взял в обе руки ее лицо и насильно заставил отвернуться.

— Не смотри, — сказал он. — Я знал одну девушку, которая помешалась на этом саде. Ей все казалось, что туда должна вести дверь. Она искала эту дверь и никак не могла остановиться.

— И что с ней стало?

— Да ничего. — У Робина было каменное лицо. — Она и сейчас где-то здесь. Джейн поежилась:

— Я никогда не видела никого на белой смерти. Я иначе все себе представляла.

— Это? Это не белая смерть. Это так, безобидный кайф. То, чем занимаются почти в открытую. Красивые сны, больше ничего.

— А-а, — сказала Джейн. И добавила: — Откуда ты все это знаешь?

— Ну, понимаешь, у меня были в молодости ошибки. — Робин внимательно огляделся по сторонам. — Интересно, есть здесь где-нибудь место почище, чтобы нам сесть?

В глубине комнаты была мавританского вида арка с шелковой занавеской. Занавеска отдернулась. В комнату кто-то вошел. Из-за яркого солнца вошедшего было не рассмотреть.

— А, студент! — Это был Том. Он улыбался широкой, безумной улыбкой. — Я тебя ждал.

* * *

Джейн попала в середину пьесы, завязки которой не видела. Происходящее было непонятно. Задавать вопросы не имело смысла. Слишком много времени потребовалось бы на объяснения. Да и не в том она была состоянии, чтобы выслушивать объяснения. Она знала, надежды нет.

— Пошли ко мне в кабинет, — сказал Том. — Я все приготовил.

— Что это значит? Что происходит?

— Сделал я одну ошибку.

— Ну, не будь к себе слишком строг, — сказал Том. — Кто в жизни не ошибался? На ошибках учимся.

— Но я все-таки хочу знать... — начала Джейн. Робин кинулся к Тому и сгрел его за рубашку.

— Смотри, чтобы с ней ничего не случилось! Понял? — яростно воскликнул он. — Чем бы ни кончилось, она должна уйти целая и невредимая!

— Она мне ничего не сделала. Почему с ней должно что-то случиться? Только ты тут ничего не решаешь. Лицо Робина стало безжизненным.

— Ладно. — Он отпустил Тома. Они прошли под мавританскую арку.

С другой стороны шелковая занавеска оказалась грязной дырявой тряпкой. Под ногами лежал отставший затертый линолеум. В плохо освещенный коридор выходили комнаты, грязные и ободранные. Они были без дверей, и Джейн видела истощенных наркоманов, валяющихся на пропитанных мочой тюфяках. На стенке висел клоч бумаги с надписью от руки: «Вытирай за собой иглу».

Том бросил на Джейн холодный внимательный взгляд.

— Вот она, белая смерть. А не та ерунда в переднем зале. Никаких иллюзий, никаких фантазий, никакой лжи. Одна только голая истина.

Робин очнулся от оцепенения.

— Что есть истина? — вяло проговорил он.

— А вот это мы с тобой сейчас и узнаем. Точно?

В конце коридора была дверь. Том открыл ее, и они вошли в комнату, освещенную только экранами включенных телевизоров. Пять штук стояло на полу и один на металлическом конторском шкафу. Телевизоры издавали шум, на экранах были сплошные снежинки. «Они просто не настроены, — подумала Джейн,

— или сегодня нет передач?»

В центре комнаты стоял ломберный столик с двумя плетеными стульями. На столе лежали пара кожаных ремешков и два

заряженных шприца. Робин сел на стол. Глаза его были пусты.

Телевизоры трещали.

Как можно уговаривать кого-то, не понимая, что происходит? Джейн схватила Робина за плечо и прошептала:

— Не надо, пожалуйста, не делай этого!

— У него нет выбора, барышня, — сказал Том почти с сожалением. — Все это решилось задолго до того, как вы появились. — Он сел за стол лицом к Робину. — Так. Значит, дуэль на шприцах. Ты согласен?

Робин кивнул.

Они обвязали ремни вокруг бицепсов. Крепко их стянув, стали сжимать и разжимать кулаки, чтобы накачать кровь в вены. Том предоставил Робину выбрать шприц. Взяв тот, что остался, он задумчиво посмотрел на мутную жидкость внутри.

— Вот, основа нашей цивилизации.

— Что? — не поняла Джейн.

— Да вот, пистон. — Он помахал шприцем в воздухе, как сигаретой. — Простейшая форма четырехтактного двигателя: впуск, сжатие, зажигание, выхлоп. Изящно.

— Хотя бы раз в жизни, — проговорил Робин сквозь зубы, — хотя бы этот, последний, один-единственный раз не слышать этой твоей долбаной болтовни.

Он поставил локоть на стол.

Том, усмехнувшись, сделал то же самое. Они сцепили большие пальцы.

— Готов?

— Давай скорее!

Свободной рукой каждый занес шприц над рукой другого. Иглы нависли, замерли, примерились и наконец вонзились.

— Робин...

— Не надо, — сказал он. — Не говори ничего.

— Но я...

— Я не хочу этого слышать, понимаешь? Я знаю, чему я хочу верить, и это скорее всего не то, что ты хочешь сказать. — И добавил, обращаясь к Тому: — Первый выстрел!

Поршни подались назад. Кровавые змеи сворачивались, извиваясь, внутри стеклянных цилиндров. Телевизоры шумели оглушительно. Светящиеся экраны бросали лиловатые отблески на лица дуэлянтов, подчеркивали тени под глазами, впадины под подбородком. Они напряженно смотрели друг на друга. Джейн здесь была лишней. Они очертили вокруг себя круг ненависти и страсти, а она осталась снаружи.

Перед ее глазами что-то мелькнуло.

Маленькая рука тронула ее за плечо.

— Пойдем, — сказал мальчик-тень. — Ты знаешь, что ничем не можешь ему помочь.

* * *

Мальчик-тень увел Джейн из комнаты, где неподвижно застыли эти двое. Они миновали фальшивое восточное величие передней комнаты и вышли на улицу. Никто их не остановил.

Они шли городскими улицами, словно зачарованные. Дважды они натыкались на беснующуюся толпу с трофеями, на которые Джейн не хотелось смотреть. Каждый раз мальчик-тень уводил ее в сторону, и никто их не трогал. Ей казалось, что ничего не может случиться с ней, пока он держит ее за руку.

Мальчик-тень прикоснулся к боковой двери Бельгарды, и дверь открылась. Они вызвали лифт. В громадной кабине, рассчитанной на сотню пассажиров, они вдвоем доехали до самого верха. Джейн категорически отказалась идти к себе в комнату, и они прошли в студенческий холл.

— Да ты не бойся, — уговаривал он, — трупы давно убрали. Они это делают очень быстро.

— Нет!

В холле никого не было. Джейн, отвернувшись от окна, взглянула на кресла. В любом из них можно было переночевать. А

можно лечь и на полу.

— Ну, мне пора. Если я опоздаю на завод... — Мальчик-тень тоскливо поежился.

— Да, конечно, завод. — Джейн не выпустила его руки.

— Мне пора, — повторил он.

— Кто ты? Он отвернулся.

— Ты же знаешь меня, — прошептал он.

— Кто ты такой? Он молчал.

— Хочешь, я сама тебе скажу?

— Нет, — прошептал он, — не надо. То, что собиралась сделать Джейн, было жестоко. Но она была пьяна, и потрясена, и измучена, у нее все болело, и на все ей было наплевать. Она обвила руками его тоненькое, не сопротивляющееся тельце. Он был маленький и холодный. Она с удивлением поняла, как она выросла с заводских времен. Он, дрожа, с испугом смотрел ей в глаза. Джейн наклонилась и шепнула ему на ухо свое собственное имя.

— Я делал что мог, — плача, произнес он.

— И я тоже. Но ведь этого мало, правда? Его била дрожь. Он молчал.

— Когда поймают гиппогрифа, подрезают ему крылья, чтобы не улетел. Оленю подрезают сухожилие на ноге. А как искалечить человека, чтобы он не стал от этого хуже работать?

— Не надо... Пожалуйста... — Он слабо забился в ее руках.

— Тихо! — Джейн потянулась к нему. Раздвинула языком его несопротивляющиеся губы. Втянула его язык себе в рот, И тянула дальше, втягивала его в себя, больше и больше, пока не втянула всего.

Она подняла глаза. Яркие рассветные лучи озарили комнату. За окном вставало солнце.

Тейнд кончился.

Глава 19

Только к концу дня Джейн наконец заставила себя подняться с кресла. Ее одежда пропахла потом, и от нее самой пахло не лучше. За окном было сумрачно, в помещении уныло. Болела голова, першило в горле, урчало в животе. И вдобавок ко всему, мучило похмелье.

Ей необходимо было принять душ и переодеться. Тела Мартышки и Крысобоя, конечно, уже забрали из комнаты. Мальчик-тень был прав. В чем, в чем, а в таких вещах администрация поддерживала порядок.

Она повертела головой, послушала, как хрустят позвонки. Старательно потерла зубы указательным пальцем, счищая налет.

Посмотрела на часы.

— О черт!

С минуты на минуту должны были вывесить списки.

Тело Сирина нашли на улице у подножия Кэр-Гвидион. Ее выбросили из окна. Оpoznать ее удалось только по пломбам на зубах.

В Новорегентском зале как раз выставляли застекленные стенды со списками погибших и сведениями об обстоятельствах гибели. Многие из выживших, и среди них Джейн, толпились у стендов. Волосы у Джейн не высохли

— она полчаса простояла под душем, — и голова еще гудела. Она тщательно просматривала списки, ища знакомые имена. Это требовало времени. В канцелярии, ради собственного удобства, имена заносили в списки в порядке обнаружения тел.

Сирин.

Мартышка.

Крысобой.

Изучение списков объединяло читающих и в то же время уединяло каждого. Джейн просматривала список медленно, внимательно, ведя пальцем по стеклу. Все вокруг делали то же самое, молча, не глядя друг на друга. Каждый стоял сам по себе.

Громадный зал с круглыми сводами освещался через невидимые,

спрятанные под самым потолком окна. Деревянные панели придавали ему почти нерукотворный вид — Джейн чувствовала себя насекомым, ползающим в дупле. Зал казался пустым. Собравшиеся студенты занимали в нем мало места. Университет обезлюдел.

Гном в костюме-тройке и башмаках из василисковой кожи быстро и внимательно просматривал списки, словно деловые бумаги. Джейн припомнила его

— это был приятель Наины, встреченный в тот далекий вечер, когда Джейн и Сирина впервые увидели Гальяганте. Рыжий Глот, вот как его зовут. Она подумала, что, наверное, надо поздороваться. Но тут он заплакал и отвернулся, закрыв рукой глаза, и она решила его не тоогать.

Наина.

Грымза.

Хромуша Мирта.

Джимми-прыгун.

Потягушка.

Большинство было ей незнакомо. Других она знала только издали, в лицо, по рассказам. По всему залу студенты просматривали списки. У всех были красные глаза, растерянный и потрясенный вид. Они читали, шевеля губами, и время от времени кто-нибудь начинал плакать. Другой вдруг изумленно смеялся. Никто не разговаривал. У каждого было свое, и никто не собирался ни с кем делиться.

Коноплянка.

Горицвет.

Царапка.

Снеговик.

Робин Эльшир.

Вот оно. Сердце Джейн глухо отозвалось, словно ее ударили кирпичом по груди. И все. Она ничего не чувствовала. Только тоску по желанию что-то почувствовать.

У нее не было слез. Вот такое она чудовище, даже заплакать не может. Ее подталкивали с боков, другим тоже хотелось подойти, она

слишком долго стояла перед этим стендом. Она передвинулась к другому списку и машинально стала читать его. Если бы Робин не отправился ее искать, он бы не встретился с Томом. Он лишился жизни из-за нее. И умер, не подозревая, что он для нее значит. А она теперь даже не может его оплакать.

Панч.

Черныш.

Билли-страшила.

Мурзилка.

Она остановилась. Что такое она прочла только что? Джейн вернулась по списку и нашла это место. И застыла, не веря глазам.

Билли-страшили нет в живых! В примечаниях говорилось, что он возглавил отряд бунтовщиков — невозможно поверить! — громивших биржу, и пал от эльфийской пули. Звездочка и кинжал рядом с именем означали, что, поскольку он погиб смертью храбрых, он получит университетский диплом посмертно.

Вот уж не думала она, что и Билли может погибнуть! Что-то оттаяло у нее внутри при этом известии — и вот, словно прорвавшая плотину река, хлынули слезы. Они текли по щекам ручьями.

Джейн откинула голову и заревела в голос.

Ее терзал стыд. Как плохо она обращалась со своими друзьями! Терзала потеря. Она плакала от беспросветности существования. Она плакала по Билли, и горе от потери Робина лежало камнем, и Коноплянка, и Сирии, и Мартышка — все были в ее слезах. И мальчик-тень тоже, хотя умом она понимала, что он-то был лишь частью ее самой. Она оплакивала их всех, знакомых и незнакомых, всех жертв Тейнда, всех жертв этого страшного мира.

Потом слезы прошли, так же быстро, как хлынули. И снова каменное бесчувствие овладело ею. «Я больше никогда в жизни не заплачу», — подумала она. И тут же оказалось, что это неправда. Но эти новые слезы, обильные и бурные, лились недолго. И снова она ощутила безразличие. Она поняла, что эти два состояния так и будут сменять друг друга весь день. Она асе ясно понимала сейчас и мыслила логически. И понимала, что, когда ее снова охватит горе, рассуждать она не сможет. А когда сможет, перестанет чувствовать горе. Что-то сломалось в ней, и только время могло это залечить. Да

выспаться бы как следует!

Когтистая рука легла на ее плечо.

— Добро пожаловать в мир взрослых, — сухо сказано Немезида. — Заслуженно или нет, но теперь вы одна из нас.

Джейн повернулась к ней и впервые, не задержавшись взглядом на противных пухлых розовых мешочках, окружающих глаза ее наставницы, твердо заглянула в эти круглые недобрые глаза. Она увидела в них вину и предложение разделить вину на всех поровну, и, как ни противно, что-то в ней сочувственно откликнулось.

— Спасибо, — ответила она.

Немезида подтянула очки, сползшие на кончик клюва, и глаза ее стали невидимы за толстыми синими, почти фиолетовыми стеклами.

— У меня для вас хорошие новости. Ваша стипендия возобновляется.

— Почему?

— Обычная вещь после Тейнда. Другая экономическая ситуация. Потребности университета резко сокращаются, и финансирования хватает на всех. Некоторое время деньги текут рекой. В вашем случае, конечно, возобновление фиктивное, простая формальность. Но это полезно для вашего послужного списка.

— Почему фиктивное?

Рука Немезиды опустилась в карман жакета и вытащила, зажав в железных когтях, конверт.

— Как ваша наставница, я рада вас известить, что ваше ходатайство об академическом отпуске удовлетворено.

Она вынула бумагу из конверта, осмотрела печати, перечитала про себя. Опять сложила, вернула в конверт, спрятала в карман.

— Обычно студентам академический отпуск не предоставляется. Но вам мы присудили диплом по промалхимии условно и зачислили в преподавательский штат, в надежде, что со временем вы успешно овладеете программой. Все это совершенно против правил. — Клюв раздвинулся в гримасе, которая у нее считалась улыбкой. Линзы очков мрачно поблескивали. — Вам повезло, что наша администрация насквозь коррумпирована. Иначе такого бы не

потерпели.

— Но я не просила об отпуске!

— А зачем вам просить? Фата Инколоре подала заявление от вашего имени. Все документы готовы, дело только за вашей подписью.

— Кто это — фата Инколоре?

— Она, насколько я понимаю, близкий друг благородного господина Гальяганте, спонсирующего многие университетские программы.

— А-а! — воскликнула Джейн. — Я, кажется, начинаю понимать.

— Зайдите на этой неделе ко мне в кабинет, и мы все оформим. Зарплату, естественно, вы начнете получать, только когда приступите к преподаванию. Но квартирные и кое-что на мелкие расходы вам причитаются.

— Что же, — сказала Джейн, — видно, у меня сегодня счастливый день.

* * *

С помощью водки и хорошей дозы гашиша Джейн наконец удалось заснуть. Она проспала без сновидений большую часть следующего дня и проснулась, когда солнце уже садилось. Быстро переодевшись, она покинула свою комнату — навсегда. Джейн не стала собирать вещи. Она сможет прислать за ними потом, если ей что-нибудь отсюда понадобится. Пришло время поговорить всерьез с Меланхтоном. Им многое надо было обсудить.

Пока продолжался Тейнд, дракон покинул подвалы Бельгарды. Джейн знала, что его там уже нет, хотя не знала, откуда она это знает.

Так — просто внутреннее ощущение. И она знала еще, что ей достаточно идти куда глаза глядят и ноги сами приведут ее к дракону. Он маячил где-то, в слепой глубине подсознания. К нему все время обращались ее мысли, как язык обречен постоянно трогать шатающийся зуб.

Он снова принадлежал ей, как когда-то. И теперь она знала, что в

этом мире им не освободиться друг от друга никогда.

* * *

Она нашла дракона в Термаганте, на четырнадцатом этаже сверху. Здесь был очень шикарный район, и она ловила на себе в лифте удивленные взгляды. Ей было все равно.

Она прошла по тихому и сверхъестественно чистому коридору, остановилась у двери. На медной табличке стояло: 7332. Дверь открылась от прикосновения.

Громадные комнаты, светлые стены. Солнечные блики на дубовом паркете. Арочный проход вел в хорошо оборудованную кухню. Все новое, свежее, покрашенное. Никакой мебели.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?

В ответ только глухое эхо.

Джейн отпустила дверь, которая тут же захлопнулась. Комната, куда она вошла, похоже, была гостиной. Следуя той же логике, обширное помещение рядом должно считаться спальней. Джейн вошла туда через резную дверь. И увидела дракона.

Меланхтон ждал ее в угрюмом молчании. Черная железная стена тянулась через всю комнату. Джейн поняла, что он занимает не только весь этот этаж, но и половину следующего, и стены пришлось разбирать, чтобы он мог поместиться. Прodelать все необходимые перестройки без ведома городских властей было трюком, достойным его хитрости.

В центре железной стены виднелся люк, вход в кабину. Джейн поднялась по узким железным ступенькам, потянула за ручку люка. Он открылся.

— Только без фокусов, — сказала она. Внутри было тепло, горел неяркий свет. Пилотское кресло ожидало ее. — Хватит с меня вранья, уверток, словесных игр. — Она села, как садилась до этого много раз. — Я пришла договориться. Все зависит от тебя. — Шлем опустился ей на голову. Она увидела только пустоту и сказала в нее: — Другого шанса у тебя не будет.

Никакого ответа.

Ее руки опустились на рукоятки. Вот он, решающий момент. Резиновые подлокотники были сухие и твердые. Она судорожно их сжала. Иглы ужалили запястья.

Темнота стала глубокой, тяжелой, почти осязаемой. Джейн ждала. Она была теперь взрослая и понимала молчание Меланхтона. Красноречивее всяких слов оно говорило о его силе и ее слабости, его величии и ее ничтожности. О том, что их взаимные чувства не изменились.

Зажурчал жидкий фреон, переливающийся по каким-то трубам.

Джейн пошевелилась в кресле. В кабине было ужасно тесно, и все пропиталось запахом железа. Она вдохнула, почесала подбородком плечо. Перед ее глазами зажглась искорка света, бледная, как светлячок, крошечная, словно пылинка.

Звезда.

В полной тишине загорелась еще звезда, потом еще и еще. И наконец миллиарды солнц собрались в галактики и туманности, которые в свою очередь объединялись в колоссальные скопления. А потом все это стало сжиматься и стягиваться, а Джейн словно бы находилась вне мироздания, наблюдая его со стороны. А может быть, не оно стягивалось, а просто Джейн уносилась с невообразимой, все увеличивающейся скоростью куда-то прочь, от всего, что есть. И вот все звезды и галактики слились в одну обозримую единым взглядом фигуру.

Джейн видела разом все, все пространство и время, скованные гравитацией. Вселенная имела вид твердого тела седловидной формы. Потом Меланхтон вышел в более высокие измерения, где стало ясно, что ее структура много сложнее. Седло превратилось в девятимерную бабочку, бабочка в n-мерный зиккурат. И это было завершением всего. Больше ничего не было. Не потому, что ничего не существовало вне этого зиккурата, а потому, что самого «вне» у него не было и быть не могло.

Глядя на сияющую многомерную структуру, Джейн поняла, что это точная модель ее жизни. Всю жизнь она двигалась по спиральному лабиринту, все время попадая в уже знакомые места, где никогда не была раньше, все возвращаясь к трудностям выбора, которые задним числом должна была предвидеть. Она вращалась по уменьшающимся кругам, от нее зависело все меньше и меньше, и

наконец с последним поворотом она должна попасть в ту, предельную точку, где уже не будет выбора, направления, выхода, будущего.

Было ясно теперь, в какую безвыходную, безжалостную ловушку она попала. Все, что она пробовала, — хитрость, сострадание, бездействие, терпение, жестокость — все вело к неминуемому поражению. Потому что иначе просто не могло быть. Это была нечестная игра, в которой у нее не было шансов. Звезды сплвились в твердое тело. Вселенная плыла перед глазами Джейн, как исполинская раковина. Она уже видела ее раньше. С дрожью, с отвращением она вспомнила и эту раковину, и ее имя.

Она смотрела на Спиральный дворец, и отчаяние медленно охватывало ее.

Видимо, Меланхтон только того и ждал. Теперь он заговорил, и его голос звучал на удивление мягко.

— В Рифейских горах до сих пор водятся дикие тролли. Современная цивилизация пощадила троллей, сохранив их обширные территории как последние заповедники. Тролли эти — грубые создания, ведущие примитивную жизнь. Самцы их — воплощенная свирепость, что же касается самок, то цельность их характера подпорчена необъяснимой тягой к прекрасному.

Зная эту их слабость, охотники оставляют на горных тропах лунные камни. Проходят дни, недели, и вот на самоцвет натывается троллиха. Она видит под ногами что-то блестящее и останавливается. Блеск и переливы камня завораживают ее. Она хочет отвернуться, но не может. Она жаждет схватить этот волшебный предмет, но боится прикоснуться к нему. Идут часы. Она слабеет. Она опускается перед камнем на колени. Она беспомощна и не может оторвать взор от камня, даже когда слышит приближающиеся шаги охотников. Но эта охота — все-таки спорт, а не просто убийство. Потому что троллихи бывают двух пород, и по внешности отличить одну от другой нельзя. Одни так и умрут, не сводя глаз с лунного камня. Но другая порода — о, у этих сила ненависти превосходит любовь к красоте. Такие троллихи сами, собственными руками вырывают себе глаза, чтобы освободиться от власти камня. Слепнув, она может бежать домой, в родную пещеру. Но она не бежит. Она остается на месте, скорчившись, на коленях, не шевелясь, несколько дней поджидая того, кто устроил ловушку. Она знает, что умрет. Но она твердо

намерена прихватить с собой хотя бы одного охотника.

Поэтому нельзя приближаться к попавшейся в ловушку троллихе в одиночку. Это надо делать вместе с приятелем, причем приятеля следует подобрать такого, который менее проворен, чем вы, но не догадывается об этом.

Дракон надолго замолчал. В кабине было холодно, кондиционеры перестарались. Наконец Меланхтон произнес — резко, безжалостно:

— Пора выбирать. Какой ты породы?

— Ты что, правда можешь убить Богиню? — спросила Джейн.

— Глупый комок плоти! Ты еще не поняла? Нет никакой Богини!

— Врешь! — воскликнула Джейн. — Ты сам говорил...

— Я лгал, — сказал он с пугающим спокойствием. — Все, все, кого ты в жизни встречала, лгали тебе. Существует жизнь. Те, кто живут, родились, чтобы страдать. Лучшие моменты кратки и покупаются ценой долгих мучений. Все связи рвутся. Все любимые умирают. Все, что тебе дорого, уходит. Смеются лишь глупцы, веселятся лишь слепые безумцы. Нравится ли нам думать, что все это совершается без основания, без причины? Что винить нам некого, кроме самих себя, но и брать на себя ответственность бессмысленно, ибо это не облегчает боли? Нет, мы не хотим этого! Гораздо утешительнее смастерить соломенную фигурку и возложить всю вину на нее.

Одни склоняются перед Богиней, другие проклинаят ее имя. Ни на грош разницы между теми и другими нет. Они держатся за выдумку, потому что правда невыносима.

— Но тогда... Тогда зачем нужна тебе я? — Она пыталась удержать слезы, но не могла. «Он радуется моим слезам, — думала она, — он доволен. Он этого и добивался». — Ты играл со мной! Ты заманивал меня обещаниями, ты изощрялся в хитростях, чтобы заманить меня сюда. Зачем? Какой в этом смысл?

— Мне нужна твоя помощь, чтобы уничтожить вселенную.

Джейн рассмеялась — горько, резко и коротко. Меланхтон молча ждал. У нее дрожь прошла по спине — он не шутил! Тонким,

дрожащим голосом она спросила:

— И ты можешь это сделать?

Висящая в темноте раковина Спирального дворца сменилась его схематическим рисунком. Линии свивались, накручиваясь друг на друга, изгибаясь безумными кривыми, и, сходясь, устремлялись к центру.

— Вселенная родилась из нестабильности. Существует центр слабости, уязвимая точка — в начале времени, при зарождении материи. Один трепещущий миг, из которого появляется все. Ребенок с рогаткой может попасть в эту точку. А все держится лишь на ней. Поразить ее — и не останется ничего.

Это было непредставимо. Но дракон не лгал, Джейн, погруженная в его ощущения, знала это.

— Что тогда будет?

Где-то в железных глубинах заработал двигатель. Кресло задрожало.

— Нельзя этого знать, не зная природы хаоса, из которого все возникло. Похож ли Спиральный дворец на кристалл, который разрушается при повреждении структуры? Я предпочитаю думать так. Или он похож на зеркальную поверхность пруда, на которой волнение и круги от брошенного камня потихоньку затихают и угасают? Считай так, если тебе это больше нравится. Ты даже можешь думать, если желаешь — почему бы и нет? — что возродившаяся вселенная будет лучше прежней. А мне лишь бы отомстить, разрушив эту, остальное меня не интересует.

— А что будет с нами?

— Мы умрем. — Что-то в его словах — убыстрение темпа, повышение тона — сказало ей, что она коснулась какого-то тайного и нечистого его желания, родственного жажде битвы, но постыдного. — Мы умрем и никогда больше не возродимся. Ты, я и все, что мы знали, перестанет существовать. Миры, породившие нас, существа, давшие нам форму, — исчезнут, исчезнут целиком, даже их прошлого не останется. Не просто смерти мы ищем, но посмертного уничтожения, бесконечности несуществования. Никто не вспомнит нас, никто не оплачет. Наши печали, радости, борьба станут никогда не бывшими.

И даже если возникнет новый мир на обломках старого, нас он знать не будет.

Джейн захватила эта величественная тяга к небытию. Она молчала, не в силах сказать ни слова. Она казалась себе маленькой, смешной и жалкой.

Меланхтон постепенно закрывал от нее свои внешние чувства. Она висела в пустоте. Тишина обволокла ее, глаза ослепли, паралич сковал рот и горло. Только его голос остался, а когда он затих, — отголоски, пронизывающие тишину.

Потом не стало ничего.

— Хорошо. — Джейн глубоко вздохнула. Она чувствовала себя холодной и твердой, как камень. — Хорошо. Мы поняли друг друга.

Глава 20

На балконе дрались не на жизнь, а на смерть два гнома — рыжий и черный. Оба были обнажены. Блестели их скользкие от пота тела, блестели ножи в свете прожекторов. Из-под ног разлетались опилки, набросанные на каменные плиты, чтобы впитывать кровь.

Джейн смотрела на представление сверху, из висячего сада. Ее бокал стоял на перилах.

Гномы осторожно ходили кругами, лицом друг к другу, как два скорпиона. Каждый выжидал, пока другой раскроется. Внезапно один из них сделал выпад, но поскользнулся. Это была непростительная ошибка для такого опытного борца. Второй сделал обманное движение, притворившись, что собирается воспользоваться промахом противника. Но, когда упавший, опираясь на руку, взмахнул ногами, чтобы сбить нападающего с ног, того рядом не оказалось. И тут же второй прыгнул с пронзительным криком. Первому удалось только чуть-чуть ослабить удар — ценой пальца. К счастью, это был палец левой руки.

Гости столпились на балконе. Мало кто наблюдал поединок сверху, как Джейн. Серьезные болельщики хотели быть ближе, слышать хрип и тяжелое дыхание борющихся, вдыхать запах ярости и страха.

Это был жестокий спорт. Джейн не понимала его привлекательности. Вот зрители — другое дело. Она задумчиво сжала губы. Меланхтон нуждался в горячем, она обещала ему. Почти любой из этих годился. Кого выбрать?

Она протянула руку к бокалу. И тут по спине у нее пробежала дрожь, волосы на руках и бедрах поднялись дыбом, показалось, что по ноге ползет насекомое. Эти знаки возвещали приближение Гальяганте.

Джейн ждала. Когда он был совсем близко, она кокетливо обернулась, как учили на специальных курсах. Губы разжались, изогнутая бровь чуть поднялась, глаза широко раскрылись с легким вызовом и едва заметной насмешкой. Это выражение должно было означать: ну-ка, покажи, что у тебя есть.

На Гальяганте эти ужимки не действовали.

— Ты должна быть с гостями!

По берегам искусственной реки горели факелы. На фоне огней Гальяганте выглядел как один из своих воинственных предков. В те времена, потревожив какого-нибудь из них, расплачивались кровью, своей или чужой. Джейн откинулась на перила с притворным безразличием.

Никогда не признавать свою вину. Это первое, чему ее обучили.

— Я и так все время с гостями. — Она приподняла бокал, бросила на Гальяганте поверх него быстрый взгляд. — Красуюсь в своем наряде! — Отвернулась, села, задрав на перила ногу в сапоге с высоким каблуком. На ней были черные кожаные брюки в обтяжку. — Могу сказать, что и костюм, и я пользуюсь успехом.

Она наклонилась вперед, позволяя заглянуть в опустившийся вырез жакета, стянутого молнией на талии и на бедрах. Не достигающая до пояса тесная трикотажная блузка задралась, так приподняв ее груди, что они лежали как на подносе.

— Вам нравится, как переделали мою ложечку? — Она кокетливо покачала висящей на цепочке ложкой.

Гальяганте повертел вещицу в руках. Ювелиры-гномы изогнули рукоятку сложной спиралью, чтобы ее аллегорическое значение было более очевидным. Головку сделали плоской и выбили на ней рельефный символ Богини — с одной стороны шершавые выпуклости, с другой — загадочные гладкие цилиндры.

— Ты не стараешься. — Он выпустил ложку из пальцев. — Выглядишь как картинка из комикса.

— Я продавала бы себя успешнее, если бы лучше понимала, кем вы хотите меня представить.

— Твой образ еще не завершен. Мелочи не имеют значения.

— Но я...

— Если ты не справишься, я верну тебя на место. — Он выделил последнее слово. Щелкнув пальцами, Гальяганте бросил через плечо: — Пройдитесь с ней! Пусть не сидит на месте.

И как гора, окутавшая себя туманом, скрылся из виду.

— Фата Джена! — почтительно произнес кто-то. Перед слугами надо было задирать подбородок и разговаривать с ними небрежно — но не высокомерно. Слуги, гномы и кредиторы — слишком ничтожны и не стоят высокомерия. Надо твердо смотреть им в глаза. Отворачиваться, не успев договорить. Не проявлять к ним участия, разве что специально хотите их помучить. Джейн обернулась, и у нее рот раскрылся:

— Видок!

— Госпожа меня помнит? — Видок почтительно улыбнулся, склонив тронутую сединой голову. Но и в этой позе он казался опасным. — Большая честь для меня!

Джейн видела Видока раз в жизни — в «Джеттатуре», когда она чуть не попала на краже. Но запомнился он ей хорошо, и сейчас Джейн встревожилась:

— Что вы тут делаете?

— Благородный господин Гальяганте пожелал расследовать ваше прошлое. В ходе расследования мы и встретились. Гальяганте нравятся хорошие специалисты. Он предложил мне службу на таких условиях, что я не смог отказаться. И вот я здесь. — Видок предложил ей руку. — Вы уже знакомы с фатой Инколоре?

— Нет еще. Она возлюбленная Гальяганте, верно?

— О, гораздо больше того.

Не прерывая беседу, он вел ее к центру сада.

* * *

Фата Инколоре стояла у пруда, подсвечиваемого снизу, через стеклянное дно, и оживленно беседовала с тремя гостями. Мягкое освещение подчеркивало модную трупную бледность ее лица. Увидев, какое на ней платье, Джейн действительно почувствовала себя картинкой из комикса. Под прудом находился бальный зал, и темные тени рыбок скользили над головами танцующих.

Видок зашептал ей на ухо:

— Слева — фата Джуиссанте. Ее прочат на пост сенатора от партии Левой Руки на ближайших выборах. Еще вернее, что она

займет место фаты Инколоре у Гальяганте. Скоро ей придется выбирать. Нельзя иметь и то и другое сразу. Рядом с ней — благородный господин Корво. Типичный представитель своего класса, в обращении небрежен, но опасен, если его рассердить. Смейтесь, когда он шутит. Тот, тощий, в красном плаще и шляпе с пером — это выскочка, внимания не стоит. Он выпустил руку Джейн и отступил в тень. Джейн подошла к беседующим. За разговором на нее не обратили внимания.

— Но согласитесь, фата Инколоре...

— Эксперименты с истязаемыми химерами неопровержимо доказали...

— А разве не может быть, что...

Фата Инколоре нетерпеливо затрясла головой:

— Все пытаются установить какие-то соотношения между двумя мирами. Говорят, что тот мир — нижний, а наш — верхний, что мы корабль, а тот мир — якорь, что они реальность, а мы — фантазия. Все это просто смешно. Два мира

— просто два уровня существования материи. Просто-напросто мы существуем на более высоких энергиях, чем они. Это разделение непреодолимо. Ничто из нашего мира не может существовать там и ничто из того в нашем. Если вы просунете руку в нижний мир, она мгновенно аннигилирует, каждый ее атом превратится в энергию. Можно, конечно, пройти Вратами Сна, но перенос материальных предметов из одного мира в другой невозможен.

— А дети? — возразила фата Джуиссанте. Лицо выскочки оживилось, словно произнесли непристойность. — Вы слишком много зарабатываете на похищенных детях, чтобы говорить о невозможности переноса.

Пухлые губы фаты Инколоре сердито сжались. Брови взметнулись, как черное пламя. Но в глазах ее мелькали искры веселья. Словно она была хищником, которого загнал в угол не слишком уважаемый противник.

— Физического переноса нет. Я говорю только об этом. Дети — это особый случай, исключение, если хотите, которое... — Она подняла глаза. — А! Новая игрушка нашего хозяина.

— О, прошу вас! — Джейн изобразила обиду, хотя ей было все

равно. А вот прерванный разговор очень ее интересовал. — Пожалуйста, не называйте меня игрушкой. Скажем лучше, вложение капитала.

— А какая разница? — Выскочка обращался не к ней, а к ее грудям, к сапогам, к звенящим и бренчащим на бедрах цепям с замочками.

Искоса поглядывая на фату Джуиссанте, Джейн сказала:

— Разница та, что Гальяганте серьезно подумает, прежде чем меня выбросить.

Фата Инколоре фыркнула, а ее соперница, кажется, слегка покраснела. Корво грозно откашлялся и встал между ними.

— Скажите-ка нам, — обратился он к Джейн с подобием улыбки на сером лице, — правда ли то, что рассказывают о вас и Гальяганте?

— Он застукал меня с его серебром в руках, — призналась Джейн. — Естественно, не в этой одежде. Этот наряд — театральный. Но я действительно профессиональная воровка.

— Говорят, он задумал телепостановку на сюжет ваших приключении.

— Сериал, я слышал, — вставил выскочка.

— А по-моему, он подумывает дать мне адреса своих друзей. А потом мы поделим выручку.

Выскочка так бурно расхохотался, что у него шляпа слетела. Джейн отвернулась.

Гостей обслуживали дети-лакеи, одетые по такому случаю в самые фантастические костюмы: платья из цветочных лепестков, туники из шмелиных шкур, шали из дикого винограда, шапочки из желудей. У некоторых к плечам были прикреплены стебли одуванчика с пушистыми белыми головками. Другие таскали за плечами грибы, такие большие, что могли служить зонтиками. Одни разносили угощение, других пустили только для красоты, и они бегали и прыгали с преувеличенной непринужденностью, изображая детские игры. Но большинство вело себя серьезно и торжественно, как на похоронах.

Девочка в юбке из лепестков маргаритки и мальчик в трико и камзоле, со шляпой в форме чертополоха, подошли с серебряным

блюдом, на котором лежала лошадиная голова с содранной кожей.

Фата Инколоре пошевелила пальчиком, и голову подали ей. Взяв нож и вилку, она умело вырезала глаза. Один положила на белую тарелочку:

— Это вам.

Другой взяла двумя руками и сунула в рот. Джейн в ужасе смотрела, как она жует с полным ртом. Потом опустила глаза на тарелку в своей руке. Глаз бессмысленно пялился на нее. Это напоминало ей побасенку Меланхтона об охоте на троллей при помощи камней. Она тоже не могла отвести глаз от тарелки, чувствуя, что попалась в ловушку.

— Позвольте мне. — Корво взял вилку и нож и с чрезвычайной серьезностью стал разрезать глаз. Глаз лопнул и растекся по тарелке, как студень. Корво подцепил кусочек на кончик ножа. — Как многие изысканные лакомства, это требует привычки. — Он протянул ей нож. — Откройте-ка рот!

Джейн затрясла было головой. Но увидев, как изменилось выражение лица Корво, поспешно раскрыла рот. Он сунул туда кусок.

— Ну что, вкусно?

Глаз, как она и думала, был холодный и скользкий. К тому же он оказался ужасно наперченным. У Джейн выступили на глазах слезы.

— Очень вкусно, — проговорила она, хватая ртом воздух.

— Любите, значит, положить в рот что-нибудь новенькое? — Выскочка был в восторге от своего остроумия. Дамы глядели с ледяной скукой.

— Не понимаю, о чем вы, — холодно сказала Джейн.

— Неужто не понимаете?

— Извините! — Фата Джуиссанте отстранила выскочку. — Это не так делается. — Она стащила с руки перчатку и нежно прикоснулась кончиком прохладного пальца к запястью Джейн. Молнией пронзило желание. Джейн вздрогнула, как испуганная лошадь. Ее живот напрягся, соски затвердели. Глядя эльфе прямо в лицо, она чувствовала себя беззащитной, раскрывшейся, уязвимой. Она не хотела этого, но ничего не могла поделать. Пожелай сейчас

эльфа, она тут же пошла бы с ней в спальню. И все вокруг это понимали.

— Хорошо, — хрипло сказала Джейн. Не поднимая руки, она согнула пальцы, как уличный мальчишка, предлагающий подраться. — Если вы хотите — прямо здесь, сейчас. На полу. На глазах ваших друзей.

Джуиссанте гневно вспыхнула.

На долгое мгновение все неподвижно застыли. Потом фата Инколоре рассмеялась с прежней непринужденностью.

— Вы поквитались, — сказала она. И добродушно добавила: — Но не пытайтесь соваться в политику, дорогая. Это опасная игра. Неосторожность может погубить вас.

Она отвернулась. Легкое движение в маленькой группе — и мгновенно Джейн оказалась за ее пределами, вместе с выскочкой.

Она бросилась прочь.

Выскочка догнал ее.

— Я отверженный в этом обществе, — пожаловался он. — Заметили, как эти ломаки меня третируют?

— Честно говоря, — ответила Джейн, — нет, не заметила.

— Обрывают! Эта стерва Джуиссанте меня перебила. Она меня оттолкнула — меня! — будто я какое-нибудь ничтожество. — И конфиденциально добавил, обращаясь к ее грудям: — Мы, правда, разбогатели недавно, но семья вполне старинная. Не верьте тем, кто говорит, что наша родословная недостоверна. Мы просто восстановили наше имя и перековали свой древний меч.

— Послушайте! — перебила Джейн. — Что надо сделать, чтобы от вас отделаться?

— О, не надо так! — С широкой улыбкой он стащил с головы шляпу и склонился в пародийном поклоне. — Дражайшая фата Джена, я ваш поклонник, ваш паладин, ваш верный раб!

— Сударь! — Перед ними возник из ниоткуда появившийся Видок. — Я, кажется, не имею удовольствия...

Выскочка тупо глядел на него.

— Аполлидон, — произнес он наконец.

— Счастлив познакомиться! — Видок взял Джейн под руку. — Надеюсь, вы нас извините.

* * *

Красиво изогнутая лестница вела из темноты к яркому свету. Они сошли вниз. С высоты гости казались цветочными лепестками на глади пруда — легко скользя, они собирались в группы, медленно передвигались, а потом легчайший, незаметный ветерок относил их в разные стороны.

Крошка-лакей торопливо поднимался по лестнице с подносом, уставленным бокалами. Видок взял из руки Джейн ее бокал, в котором шампанское перестало пениться, швырнул его вниз и на ходу взял с подноса и подал ей новый бокал.

За этот вечер Джейн еще не выпила ни капли спиртного. Здесь собралось столько высоких эльфов, что наэлектризованный воздух искрил и потрескивал, и Джейн казалось, что она купается в шампанском. Один глоток. — и она опьянела бы совсем.

— Между прочим, вы неплохо справились, — сказал Видок.

— Меня унизили!

— Еще бы — ведь вы стали мериться силой с тремя могучими эльфами. Тем не менее вы доставили удовольствие обеим дамам и подвигли Корво к проявлению заботы. Все трое — потенциальные инвесторы, а вы вызвали у них интерес.

— Не думаю, что Джуиссанте получила удовольствие.

— Уверяю вас! На свой лад, конечно. — Он переменял тему: — Вас еще не познакомили с Горцем?

— Нет.

— Прекрасный юноша. И не судите по имени — он не из каких-нибудь лесовиков. У него вполне благородное происхождение, он единокровный брат самой фаты Инколоре. Не будь он незаконнорожденным, да еще и получеловеком вдобавок, он стал бы гордостью семейства Инколоре. Но сейчас с ним следует считаться.

— Откуда же у фаты Инколоре брат-полукровка?

— Он летчик. — Видок понизил голос. — Драконий пилот. Семья Инколоре, как вы знаете, разбогатела на связях с нижним миром, так что у них... наследственная слабость в этом смысле. — Они осторожно пробирались сквозь толпу гостей. Видок время от времени тихонько называл чье-нибудь имя или титул, но большинство гостей пропускал как не представляющих интереса. Наконец он сказал: — А вот и Горец.

Пилот стоял к ним спиной. На нем была синяя форма. Он вел легкую беседу с тремя незначительными эльфами. Со спины он был очень привлекателен. Джейн понравились высокий рост, фигура, широкие плечи. «Может быть, взять его? — подумала она. — Да, пожалуй, такой подойдет».

Почувствовав за спиной движение. Горец обернулся.

Их взгляды встретились. У него были зеленые глаза, с выражением изменчивым, как северное море. Хитрые, плутовские глаза, которые грозили бедой, У Джейн все оборвалось внутри: она его узнала. Она видела его впервые, но он был знаком ей, как содержимое собственной сумочки.

Это был все он же — Крутой, Питер, Робин. В лице особого сходства не было, волосы коротко подстрижены и зачесаны глаже, чем у тех, других. Черты лица тоньше, правильнее. Он был стройнее и выше их и держался как воин. Но это был он. Она узнала бы его где угодно.

Ей нельзя было выдать себя.

Побежденного гнома выносили из зала на том же самом серебряном блюде, на котором подавали лошадиную голову. Шестеро детей, надрываясь, волокли блюдо. Гости толпились вокруг, каждому хотелось на счастье окунуть веточку падуба в кровь убитого.

Странно улыбаясь, Горец шагнул к Джейн.

— Убирайтесь, — бросила она Видоку. Тот блеснул зубами и удивленно зашипел. Джейн бросилась прочь, расталкивая гостей. Пробравшись через толчею разгоряченных тел, она выбежала на балкон.

Воздух был свеж и прохладен. В голове у нее вмиг прояснилось. Двое гномов в ливреях дома Гальяганте как раз заканчивали уборку.

Страхнув вниз последние горсти опилок, они забрали метлы, коротко поклонились и ушли.

Джейн смотрела на Большой Серый Город. Черные громады домов казались таинственными, их огни — шифрованным посланием на неизвестном языке. Она хотела опять поставить бокал на ограждение, но, повинаясь импульсу, швырнула вниз. Он полетел, вращаясь в воздухе и блестя, как падающая звезда.

Как она и боялась — или надеялась, — Горец вышел на балкон следом за ней.

— Кто вы? — спросил он. — Откуда я вас знаю? Она бросила на него презрительный взгляд:

— Вы, кажется, выпили лишнего.

— Я вас знаю, — повторил он. — Наши судьбы как-то связаны. Если не в этой жизни, значит, в другой.

— Ваши фантазии неинтересны мне, сударь. Всего хорошего!

— Я пилот. Я летаю на драконах. Каждый день я имею дело с машинами, которые разорвут меня на части при первой возможности. Уверяю вас, госпожа моя, пустым фантазиям я не подвержен.

— Вот как? — Джейн не могла не заметить, что он слегка краснеет перед ней. Как же, пилот, укротитель драконов, такая геройская профессия! Подумайте, он садится верхом на этих железных чудищ и газует вовсю. Дамочки, конечно, млеют. — Вы, стало быть, из тех господ, что воруют детей и продают в рабство? Вы этим зарабатываете на жизнь?

Горец покраснел.

— Я занимаюсь не только этим, — ответил он.

— Неужели? — Джейн чувствовала себя легкой, злой и бессовестной. — Вам этого мало?

Его лицо напряглось. Но он овладел собой, улыбнулся и поклонился вежливо:

— Я, кажется, не с того начал. Может быть, вы позволите мне сделать еще одну попытку? Мое имя Горец. Могу ли я удостоиться чести вашего общества?

— Вы что, плохо слышите? — Она наслаждалась. — Я отпускаю

вас, сударь.

Пилот порывисто протянул к ней руку, но тут же ее убрал. Ему оставалось либо ударить ее, либо немедленно уйти. Джейн холодно смотрела на него. Ее охватило нездоровое возбуждение, захотелось узнать, как далеко она может зайти, дразня его. Внезапно с полуприглушенным криком он подскочил к ней, схватил за подбородок и грубо повернул ее голову к свету:

— Святой волк! Да ведь вы человек! Джейн вырвалась:

— Вот как вы обращаетесь с дамами? Доброй ночи, сэр.

— Я проходил Вратами Сна семнадцать раз. В таких вещах я не могу ошибиться.

— И что же вы теперь сделаете? — спросила Джейн. — Пошлете меня на детферму? Я вполне здорова, меня можно вязать. От меня можно получить десять или даже двадцать метисов, пока я не начну стариться.

Ударь она его, Горец не побледнел бы сильнее. Он отступил назад, сжав кулаки и блестя глазами. Он хотел что-то сказать, но передумал.

И все же Горец не уходил.

— А, вот вы где!

На балкон вышел Гальяганте. За ним его друзья. Воздух заискрился. Джуиссанте сказала: «Мы решили пойти в народ», и Инколоре пояснила: «Мы собираем компанию пойти на гоблинскую ярмарку», и сам Гальяганте спросил довольно равнодушно: «Не хотите с нами?»

— Конечно! — ответила Джейн. — Почему бы и нет? Конечно, я с вами.

— Я тоже присоединяюсь, — мрачно сказал Горец.

* * *

Пошли всемером: Гальяганте, по обе стороны которого Джуиссанте и Инколоре попеременно перевешивали одна другую, как две чашки колеблющихся весов, Горец, Джейн и два худородных

эльфа, Флористан и Эспландиан, не столько гости, сколько подчиненные Гальяганте. Слуги подали плащи. Дамы, в том числе Джейн, надвинули поглубже капюшоны на лица. Все надели белые маски.

Они спустились на улицу экспресс-лифтом и весело зашагали к гоблинской ярмарке.

— Эй, подходи, заходи, не проходи! — надрывался гоблин-зазывала.

Громкая, но плохая музыка лилась из ветхих громкоговорителей, назойливый ритм подчеркивался басами. Гальяганте шевельнул пальцем, гоблин пропустил их, они вошли в вестибюль с зеркальными стенами.

Зашуршали банкноты. Гостей ввели в маленький темный кинозальчик. Пол был покрыт липким линолеумом. На экране голова кобольда много больше натуральной величины что-то жевала с открытым ртом. Они стоя смотрели, как бифштексы, бананы, устрицы, шоколадные батончики и бесконечные миски горячей овсянки исчезают в огромной пасти или вылетают оттуда влажными комками. Несколько зрителей сидело на тесных сиденьях.

Когда у Джейн от музыки заломило в висках, Гальяганте открыл заднюю дверь. Они вышли в пахнущий карболкой коридор и поднялись по узкой лестнице. Снова зашелестели деньги, и другой гоблин шагнул в сторону, пропуская их в дверь. Они вошли.

За дверью оказался вестибюльчик, из которого полукругом расходились новые двери. Гальяганте вошел в одну из них. Джуиссанте толкнула другую. Один из эльфов, кажется, Эспландиан, сунул Джейн пригоршню жетонов. Она тоже выбрала себе дверь.

Там стоял стул. Она села. Пронизанный пылинками луч света падал на висящую на стене машинку с прорезью для жетонов. Она бросила туда сразу все.

Взвилась шторка, закрывающая окошечко, стала видна полукруглая сцена. В центре ее стояло низкое кресло, на котором корчился тролль, одетый в носки, зашнурованные коричневые башмаки и закатанную до подмышек серую майку. Большое волосатое пузо вздымалось горой. Веки его были плотно сомкнуты, причем так давно, что успели срастись.

В окошке, выходящем на сцену с противоположной стороны, Джейн увидела Горца. Его белая маска была повернута к ней.

Троль застонал. У него была могучая эрекция. Пенис был цвета сырого мяса, словно с него содрали кожу, с фиолетовым, как синяк, концом. Сначала Джейн показалось, что троль занимается мастурбацией, но, когда он повернулся, она увидела культю у плеча и поняла, что у него нет рук.

Потом жетоны кончились, окошечко захлопнулось, и компания снова собралась перед дверью.

— Я бы хотел увидеть приватное представление, — сказал Гальяганте гоблину с узкими усиками, напоминавшими полоску грязи, присохшей к верхней губе. Они коротко переговорили. Гоблин проводил их на два этажа ниже, через складское помещение с протекающими трубами, в крохотный театр.

Здесь имели место слабые попытки создать уют. Перед низкой сценой были расставлены маленькие столики. Из динамиков раздавался тяжелый рок, и подвешенный под потолком зеркальный шар разбрасывал по залу световые блики. Они сели.

— Это, наверное, интересно, — заметила Джуиссанте.

— Вы на меня смотрите, сэр? — спросила Джейн.

Горец покачал головой, угрюмо глядя на свою маску, которую он сжимал в руках.

— Боюсь, что это все не по мне.

— Если вам здесь не нравится, зачем вы вообще напросились с нами?

К столику подошла малоодетая нимфа.

— Фалернского! — приказал Гальяганте и сунул ей в трусики несколько бумажек. Он стащил с себя маску и положил рядом с пепельницей. Здесь было жарко и душно, но Джейн решила маску не снимать.

Вскоре два гнома вывели на сцену того самого безрукого тролля. Они сняли с него халат. Он был одет все так же: носки, туфли и майка. Один из гномов ткнул его палкой.

Троль рухнул на колени.

Нимфа принесла вино и по корзинке с серебряными монетками на каждой столик. Усатый гоблин включил микрофон.

— Даммы-госсда! — Он перекрикивал музыку, микрофон трещал, сам он хрипел. — Уважаммы-пас-титли, пачтенны-битли-скуства...

— Жаббы-сковорда, — передразнил его один из эльфов. — Искаттли-ощений,

— засмеялась Инколоре.

— Честьмем-вас-привессть-нанаши-прествлени. — Лампы в зале погасли, синие и красные лучи осветили тролля на сцене. — Своння-выспаит-звестнпрс-слав-лнннепрвзденны... Тоби Буме!

Они снисходительно похлопали.

Гном с палкой угостил Тоби по шее. Троль вздрогнул и звонко заговорил:

— Холодная война окончена, и мы стоим в преддверии нового мирового порядка. Опасности подстерегают на каждом шагу. Смотрите на кофейную гущу, ловите оттенки. Время тяжелое, можете мне не рассказывать. Но я всегда был оптимистом и не советую шарахаться от собственной тени. Это вам не игрушки и не балаган. Американский народ еще себя покажет. Наши храбрые бомбы еще впишут славную страницу. Приветствую вас, герои психушки.

Он откинулся назад, заверещал что-то уже совсем непонятное, закончив криком:

— И одним словом итожа все — рабочие места! Первый гном утихомирил его новым ударом по шее, Второй гном схватил его сзади за уши и пригнул к полу. Подбородок тролля задрался кверху. Троль протестующе застонал, и первый гном съездил ему палкой по зубам. Медленно, с усилием, Тоби стал раскрывать рот все шире и шире. Захрустели челюстные суставы. А он все раздирал свой рот, делая его невозможно большим и круглым. Рот превратился в широкий черный туннель, ведущий к внутренностям. Грянул громовой аккорд: гоблин включил музыку на полную мощность.

Гальяганте лениво сунул руку в корзинку, вынул монетку и бросил ее небрежным движением. Монетка долетела до сцены и упала в разверстую пасть.

— Браво! — воскликнула Джуиссанте. Она тоже бросила и тоже попала. За ней Инколоре. Четвертая монета, брошенная Джейн, пролетела бы мимо, но Тоби, руководимый каким-то шестым чувством, вытянул шею и поймал ее.

Теперь монеты летели на сцену сплошным потоком. Тоби Буме отчаянно дергался во все стороны, не желая пропустить ни одной. Он заглотал уже невероятное количество монет.

Джейн, перестав на минутку бросать, искоса взглянула на Горца. Он барабанил пальцами по столу — единственный из всех, кто ничего не бросил. Она со стуком шлепнула на стол перед ним монету.

— Присоединяйтесь, господин пилот!

Он так резко отодвинул свой стул, что чуть не упал сам. Стул перевернулся.

Горец выбежал из зала.

Чувствуя непонятную обиду, Джейн бросила сразу целую пригоршню монет, размахнувшись изо всех сил. Тоби приподнялся с колен, непременно желая поймать их. Некоторые он проглотил, но большинство попало в лицо и живот, оставив красные пятна ушибов. Фата Джуиссанте, смеясь от души, положила теплую ладонь на плечо Джейн.

— Ну а вы сами? Вы бы сумели поймать столько монет, если бы довелось?

— Я не смогла бы так широко открыть рот.

— Вы могли бы стоять на голове и ловить их вашей *belle-chose*. — Она повернулась к Гальяганте: — Сколько ты за нее хочешь?

— Наличными? — Гальяганте прикинул: — Как минимум в три раза больше того, что потратил. Но я пока не готов продавать. У меня есть план пробраться на телевидение. Я ведь туда немало денег вложил. Теперь хочу вложить идеи.

Подошла нимфа с новыми корзинками. Тоби Буме был уже почти полон. Каждая монета теперь падала в его глотку со звоном.

— Извините меня, — сказала Джейн. Она взяла сумочку и встала. Гоблин ткнул пальцем через плечо в сторону дамской комнаты. Джейн пошла туда.

Там было грязно. Даже не заходя в кабинки, можно было сказать, что многие унитазы забиты. Она перешагнула через лужу, подошла к зеркалу, сняла маску. Краска на лице размазалась.

Раскрылась дверь, вошла фата Инколоре. Тоже сняла маску перед зеркалом. Соскребла что-то с зуба. Достала серебряную коробочку.

— Нюхнешь? — спросила она.

— Ладно.

Инколоре положила коробку на край раковины, отмерила две дозы. Свернув трубочкой банкноту, протянула Джейн. Джейн поднесла конец трубочки к носу и наклонилась к кучке порошка.

Она почувствовала удар сразу в горле и в голове. Откуда-то возникло ощущение широкой зеленой лужайки. Как будто в комнате, о существовании которой она ничего не знала, зажегся свет.

Инколоре вынюхала вторую порцию, а банкноту скомкала и бросила в угол.

— Что у тебя произошло с Горцем? Ты его вывела из себя.

— Правда? — небрежно спросила Джейн. — Должно быть, я сказала что-то не то.

— Ну и ну! — Инколоре прикоснулась к коробочке, и та исчезла. — Сначала фата Джуиссанте, потом мой брат. Ты, видно, со всем светом воюешь.

— Если и так, вас это не касается.

— Я скажу прямо. Мой брат явно заинтересовался тобой. У меня есть причины поощрять это увлечение.

— Мечтать не запрещается. — Джейн потянулась за маской.

Инколоре взяла ее за руку.

— Гальяганте слишком разбрасывается. Эта его идея заняться телевидением... — Она пожала плечами. — Это безнадежно. Он сам еще не знает, как тебя использовать. Понимаешь меня? Если у него будут проблемы с фондами, он постарается вернуть то, что вложил. У него не будет выбора. Он продаст тебя Джуиссанте. — Ее темные глаза смотрели серьезно и сердито. — И это будет сделка, о которой ты очень пожалеешь.

— Меня нельзя продать, — резко сказала Джейн. — Я не собственность Гальяганте. Джуиссанте купить меня не может. А вы вообще ни при чем.

— Ты все-таки странное создание. — Инколоре провела рукой по лицу. Во рту у нее появилась дымящаяся сигарета. Она выпустила дым из ноздрей. — Слушай, что я предлагаю. У меня нет большого желания финансировать очередные затеи Гальяганте. Но я повожу его за нос недельку-другую, если ты согласишься, чтобы я тебе кое-что показала.

— Что?

— Тебе понравится. — Она отщипнула горящий кончик сигареты и проглотила. Остальное бросила на пол. — Позвони моей секретарше, мы договоримся о времени.

* * *

Гальяганте заторопился уходить. Они спустились следом за ним еще по одной обшарпанной лестнице. Коридор загоразивала поставленная поперек метла, так что они свернули и попали в комнату со множеством стеклянных кабинок, куда зазывали гурии в микроскопических ярко-розовых бикини и кожаной сбруе с блестящими кнопками. Джейн внезапно подумалось, что гоблинская ярмарка, наверное, не имеет конца. Вполне возможно, что через городские подвалы и подземелья тянется бесчисленное множество глухих комнат и залов для оргий, с запахами гари и грязных туалетов, с назойливой музыкой, и там толкуются бесчисленные бездельники и отбросы общества. Ей было скучно, она устала, она не понимала, что здесь делает. Полная безнадежность. Джейн подавила зевок.

— Фата Джена скучает с нами, — сказал один из двоих, возможно Флористан.

— Нет, ничего.

— Может быть, наши удовольствия для нее слишком изысканны. — Если тот был Флористан, этот, стало быть, Эспландиан.

— А почему бы нам не пойти куда-нибудь, где Джене понравится?

— Если есть на свете такое место.

Они надвигались на нее, эти эльфийские ничтожества, и их глаза недобро поблескивали в прорезях масок. Джейн отшатнулась от них, чего-то вдруг испугавшись, побежала, увидела перед собой арку. Над стеклянной дверью, в окаймлении мигающих лампочек, висела вывеска:

АДСКИЕ ГОРИЛЛЫ ПРИГЛАШАЮТ.

Сны наяву. Губительные наркотики.

Омерзительные фантазии.

— Я думаю, — сказал Гальяганте, — что наша Джена найдет здесь то, что ей надо. — Он открыл перед ней дверь. — Прошу!

* * *

— О да, о да, в восхищении приветствуем вас! Они сидели на мягких стульях в небольшом фойе, а пожилой гоблин, толстый и лысый, распинался перед ними. Он подпрыгивал, кланялся и беспрестанно потирал руки.

— О да, — говорил он, — конечно, мы знаем! Еще бы, кому и знать, как не нам! Знаем лучше вас самих. Ваши отвратительные секреты, ваши грязные тайны! То, что вы никому не откроете! Первая любовь! Промывание желудка! Восемь ярдов пожелтевших, старых кружев! — Он осклабился в сторону Гальяганте. — Рыболовные крючки! И все прочее!

Гальяганте достал толстую пачку банкнот:

— Вот ее обслужите!

Гоблин кинулся к нему, протягивая обе руки, но фата Инколоре перехватила пачку. Отсчитав половину, она вернула остальное Гальяганте.

— Раз уж мы планируем деловое партнерство, — сказала она, — не худо бы сначала научиться считать деньги.

Он пытливо посмотрел на нее:

— Ты мы, значит, будем партнерами?

— Поживем — увидим.

— Сюда, пожалуйста. — Гоблин показывал на неприметную дверь — гнусно-омерзительно, дивно-восхитительно. — Только для вас!

Джейн колебалась. Заходить ужасно не хотелось. Там, за дверью, ее ждало что-то страшное, она знала. Знала, что всю жизнь потом будет жалеть, что увидела это.

— Вы что, боитесь? — подначивала Джуиссанте. Это был вызов. — Я? Боюсь?

— Джейн вошла в дверь и решительно захлопнула ее за собой. Что бы за порогом ни оказалось, она не намерена показывать им свои чувства!

Комната размером с баскетбольную площадку, без мебели. Несколько гномов, сидя на корточках, смотрели в углу телевизор. Увидев Джейн, моментально его выключили и убежали через разные двери. Потом двое из них вернулись, волоча старинный патефон, заводящийся вручную. Третий нес восковой валик. Гном вставил валик, повернул несколько раз ручку, опустил иголку.

Полились скрипучие звуки старинного вальса.

К стенам прислонились лестницы. Через весь зал мгновенно протянулись бумажные гирлянды. За дверью слышались шаги.

Три гнома ввели Болдуина, Болдуин был во фраке, дорогом и поношенном ровно настолько, чтобы было видно, что он собственный, а не прокатный. Старый эльф с трудом волочил ноги. Белые руки, усыпанные коричневыми старческими веснушками, безжизненно висели. Голова медленно поворачивалась из стороны в сторону, как у черепахи. Глаза его смотрели в никуда, в другой мир.

«Я не боюсь, — сказала себе Джейн. — Я не буду бояться».

Голова Болдуина повернулась к ней. Он остановился.

И посмотрел на Джейн.

Гномы радостно засуетились вокруг нее. Один снял с Джейн маску, другой подхватил плащ. Они подтолкнули ее вперед, положили ее левую руку на плечо Болдуина. Одну из его неживых рук вложили в ее руку, другую обвили ей вокруг талии.

Джейн и Болдуин танцевали. Под скрипучую музыку патефона они кружились в вальсе по всему залу. Оба двигались неуклюже, но гномы их поддерживали и направляли. Они кружились и кружились — вальс был бесконечен.

Сначала Джейн смотрела в Болдуинову манишку. Но между ними пролез гном и маленьким кулачком толкнул ее подбородок вверх. Она посмотрела в бледно-серые глаза Болдуина.

Что-то в его взгляде мелькнуло. Губы задрожали, словно он пытался что-то сделать или сказать, но забыл, как управляют лицом. Они опять дрогнули.

На третий раз у него получилось. Болдуин вытянул губы, словно маленькая девочка, которая просит ее поцеловать. Он слегка чмокнул ими.

Джейн затрясла головой: «Нет!»

Он снова сложил губы трубочкой. Потянулся к ней. От него пахло тлением. Руки старика ожили, пальцы подались к Джейн.

— Нет! — Джейн отшатнулась от него изо всех сил. Но вырваться ей не удалось. При всей его дряхлости и немоци хватка Болдуина оказалась крепкой. Руки его стали как полосы металла. Медленно, неостановимо он прижимал Джейн к себе. Рот прижался к ее губам. Она пробовала отвернуться, но гномы крепко держали ее голову.

Он втолкнул свой язык ей в рот. Язык вошел как ключ в замочную скважину.

Она открылась.

И сразу все вокруг стало другим. Комната, гномы, сам Болдуин — все это ушло куда-то, растворилось, как воск в карболовой кислоте. У Джейн закружилась голова. Такого с ней еще не бывало. Ее словно перенесли в какое-то новое измерение, не воспринимаемое обычными чувствами. Другое пространство сомкнулось вокруг нее.

— Джейн!

Она даже не повернула головы. Ее внимание было приковано к окну, к тому страшному, что она там видела. Рамы были грязные, на подоконнике валялись дохлые мухи. Белая краска пошла пузырями и легко отдиралась чешуйками, если нажать. Острые края чешуек

могли больно вонзиться в палец, хотя не до крови.

Но не это было самое страшное.

— Я тебе яблочек принесла, — сказала Сильвия. — И хороших бананчиков. И блок «Салем», ментоловых, длинных, какие ты любишь. Я их отдала сестре. Хотела бы я все-таки знать, сколько ты выкуриваешь. Уверена, что она таскает у тебя сигареты.

Небо было хмурое, но дождем, кажется, не грозило. Скорее казалось, что так будет всегда — сумрачно и уныло. Вид из окна был безобразный, хотя считалось наоборот. Газон стригли чуть ли не через день, сквозь редкую травяную щетину просвечивала земля. Они, должно быть, боялись, что какая-нибудь травинка вырастет в полный рост, выпрямится свободно. Для Джейн этот газон был символом угнетения. Но страшное было и не это.

— Присядь-ка тут, на кровати, я тебя причешу.

Джейн повернулась к матери. Какая она бледная, усталая, как постарела! Сильвия улыбалась, как всегда, когда навещала ее, — отважной, бодрой улыбкой, словно бы говорила: «У нас все хорошо!», но глаза глядели печально и устало.

Джейн подошла к кровати, села. Она была тяжелая, Толстая, неповоротливая. Слишком много мучного, слишком мало движения, а главное — ради чего за собой следить?

Сильвия присела рядом, взяла щетку, стала причесывать дочь. Какие у нее ловкие, умелые пальцы! Джейн представила себе, как хороша была мать в молодости, как весела, кокетлива — пока не появилась она.

— Я видела на днях тетю Лилиан, — сказала Сильвия. — Говорит, Альберт решил вернуться к жене, представляешь? Это который же раз — третий уже. Нет, нам их просто не понять!

Она закурила, критически глянула на волосы дочери:

— Может, косу заплести?

«Мама, — хотела она сказать, — мама, я хочу домой».

Но не сказала ничего.

Она никогда ничего не говорила.

Джейн приподняла голову и снова посмотрела в окно. Отсюда

было не видно, но она представила себе это, страшное, на которое смотрела, когда в палату явилась мать. Страшное было — ее отражение. Одутловатое, неряшливо накрашенное лицо, вечная обида в темных глазах. Взгляд отсутствующий, словно она не здесь, словно ее внимание где-то за миллион световых лет отсюда.

А ведь лучше не будет, осенило ее. Она в ловушке. Она навсегда останется в этой лечебнице, будет стареть, толстеть, будет по капле высасывать жизнь из своей матери, пока не высосет до конца. Тогда некому станет ее навещать. Она останется одна. Горечь, старость, медленное разложение заживо — и пустота в конце.

Джейн заплакала.

От неожиданности Сильвия выронила щетку. Щетка загремела по полу.

* * *

Болдуин убрал язык.

Он отпустил Джейн.

Она стремительно обернулась. Испуганные гномы разбежались. Джейн дергала ручку двери изо всех сил, дверь дрожала, но не поддавалась, пока она не сообразила, что надо просто толкнуть.

Выйдя в фойе, она обнаружила, что все ушли без нее.

Только гоблин поспешил вперевалку навстречу, подал, широко улыбаясь, маску и плащ.

— Ну как? Прелестно? Омерзительно? Понравилось? Приходите еще!

* * *

Все эльфы такие. Склонны к измене и перемене. Только что они ваши лучшие друзья, а через минуту они вас бросят. Их и винить нельзя, такая у них природа. Если вы куда-нибудь идете в компании с эльфом, будьте готовы остаться в одиночестве посреди улицы, ночью, ногами в луже и с полным карманом сухих листьев. Такова жизненная реальность, твердила себе Джейн, целый час добираясь по

темным, полным опасностей улицам до Кэр-Гвидион. Чего бы ей по-настоящему хотелось — так это скормить всех эльфов Тейнду. Если бы она могла втолкнуть их в Адские Врата, она сделала бы это радостно и собственноручно.

К тому времени, как Джейн добралась до апартаментов Гальяганте, она слегка оправилась от встречи с Болдуином. Но ее одолевала усталость, настроение было плохое, общаться ни с кем не хотелось. «Что я делаю здесь?»

— спрашивала она себя. Если бы не обещание, данное Меланхтону, сегодня его накормить, она давно бы уже была дома.

Джейн сняла маску, бросила слуге плащ. В прихожей возник выскочка Аполлидон.

Он увидел ее и немедленно заговорил с ее грудями.

— Я здесь изгой, — пожаловался он. — Со мной обращаются как с какой-нибудь шушерой. Никто не уважает мое знатное происхождение.

— Да, они очень важничают, — равнодушно поддакнула Джейн. Аполлидон все пялился на ее костюм. В свитере и джинсах он бы ее не узнал.

— Если бы я вдруг исчез навсегда, никто бы и не заметил! Я так одинок, всем на меня наплевать!

Джейк вдруг осенило. Вот же он, тот, кто ей нужен!

Она решила попробовать.

Взяв Аполлидона за руку, она послала импульс желания в его нервную систему. Это было то же самое, что проделала с ней самой фата Джуиссанте. Конечно, у Джечи по неопытности получилось хуже, но, судя по реакции выскочки, все-таки получилось. Он вздрогнул и первый раз за все время посмотрел ей в глаза. Их взгляды встретились. У него от желания расширились зрачки.

И тут он понял, что она с ним сделала, и залился краской.

— Ты просто чудо! — торопливо сказала Джейн, пока он не отвернулся. — Пошли ко мне!

Глава 21

Прижавшись щекой к бедру Томми-мокрошлепа, Джейн поигрывала его пенисом. Такой забавный, думала она с умилением. Ей вообще нравились пенисы. Милые, смешные штуки! И дурацкий колпак хорошо ими украсить, и на скипетре к месту.

Только в такие минуты, сразу же после секса, она чувствовала себя спокойно и мирно. Джейн так любила это тихое, ничем не омрачаемое довольство и старалась продлить его как только могла, старалась завернуться в него, как в одеяло, укрывающее от мрака и ужаса жизни. И ненавидела грубый миг пробуждения.

— Эй! Раз уж ты там, может, на губной гармошке сыграешь?

Она отмахнулась.

— И так хорошо! — Она поскребла ногтем влажное пятнышко на простыне и, наставив палец на пенис, произнесла: — Ну-ка вставай, друг Бамбл! Ну-ка, подрасти! — Другой рукой она изобразила знак духовного расширения. Теперь другу Бамблу деваться было некуда. Раз она знала его имя и все делала правильно, пришлось встать. Ну, хватит развлекаться. Пора за работу.

Она приподнялась, повернулась и, склонившись над неподвижным торсом Томми, пригласила мистера Бамбла к Маленькой Джейн.

— Ты снова хочешь попробовать фокус с шарфом?

— Нет, я хочу кое-что получше. Но для этого мне нужно твое настоящее имя.

— Ой, ну зачем? — забормотал Томми. — Нет, нехорошо.

— Зачем? — Она наклонилась к нему, легонько задела его лицо грудью, мазнула соском по губам, потом вытянула руку и ухватила его внизу. Он со всхлипом втянул воздух. — Тебе ведь понравилось с шарфом?

— Да, но...

— Ну а сейчас будет еще лучше!

В небольшой кухоньке, которой Джейн никогда не пользовалась, был стенной шкаф. Она открыла дверцу и пихнула туда одежду Томми. Шкаф уже был забит — шелк, хлопок, кожа. Красивая Аполлидонова шляпа с пером валялась где-то в самом низу, ее, наверное, совсем раздавило. Джейн захлопнула дверь.

— Видок сегодня приставал с вопросами, — сказала она.

— Да?

— Тебе что, больше нечего сказать, кроме «да»? Тебя не волнует, что Видок вышел на твой след?

— Нет.

— А зря. Он знает, что у меня что-то неладно в прошлом. Очень скоро он будет знать все.

Струя пара с сердитым шипением ударилась в стену. Но голос дракона был холоден и спокоен:

— Ах, ей с вопросами надоедают! Надо же мне было связаться с таким жалким существом! Да что ты знаешь! За нами по пятам идут такие силы, что у тебя кровь в жилах застынет, если ты их сможешь хотя бы вообразить. Восемь раз за последний год мы были на волосок от разоблачения. И сейчас за всеми источниками высокооктанового горючего тщательно следят. Они знают, что я где-то здесь, и знают, сколько горючего я взял с собой. Они не сомневаются, что рано или поздно я попытаюсь раздобыть еще. Так бы и вышло, если бы мы не отыскиали другой источник энергии.

— Какие силы? Назови их!

— Их имена, кроме одного, ничего тебе не скажут. А того единственного, которого ты знаешь, ты наверняка недооцениваешь. Скажи я тебе, что три ночи подряд по коридору перед этой самой квартирой бродил Болдуин, ты бы...

— Ах, Болдуин! — беззаботно сказала Джейн. — Я тебе не рассказывала, как мы с ним танцевали? Угадай, чего он хотел.

— Не давай ему целовать себя! — Взволновавшись, Меланхтон заревел так, что стальной каркас Термаганты задрожал снизу доверху. Джейн чуть не упала. В столовой с буфета свалилась ваза и разбилась

вдребезги.

— А почему? — спросила Джейн. — Что страшного, если и поцелует? — Она, конечно, заметила: дракон знает, что Болдуин хотел ее поцеловать. И что он почему-то решил, что Болдуину это не удалось. Она все-таки была орешком покрепче, чем думал Меланхтон.

Он снова замолчал.

— Ты все время мне врешь! Да будь ты проклят! Я-то тебя не обманываю. Мы ведь партнеры, верно? Когда ты бросишь свои дурацкие игры и фокусы? Почему мы не можем работать сообща?

Дракон молчал. Немного подождав, Джейн пошла в ванную принять душ.

Через двадцать минут, когда она вышла, обернув полотенцем голову, дракона нигде не было видно. Он скрылся за созданной им иллюзией: стены, занавешенные окна, висят корзинки с вьющимися растениями. Но воздух, пронизываемый его злобным взглядом, звенел от напряжения.

— Ну что? — сердито сказала Джейн. Долгое молчание. Наконец неохотно дракон заговорил:

— Ты права. У нас мало времени. Надо скорее заканчивать приготовления.

— Знаю я, чего ты хочешь. Забудь об этом. Только не сегодня!

— Нет, сегодня, — настаивал дракон. — Мне нужно еще.

— Еще? Я скормила тебе не меньше сотни имен. Куда тебе столько?

— Я скажу, когда будет достаточно.

Джейн ждала непрочитанный сценарий и невыученная роль. Она не спала три ночи, это начало сказываться на цвете лица. Она собиралась лечь в постель пораньше, с детективом поглупее и с питательной маской на лице.

— Ну дай мне хоть одну ночь передохнуть!

— Смерть, муки и разрушение, — сказал дракон, — цель моей жизни. Твои вопли были бы для меня лучшей музыкой, твои мучения — слаще крови невинных младенцев, твоя медленная смерть —

наслаждением. Так что не одна ты чем-то жертвуешь. Нужна тебе, в конце концов. Богиня или нет? Она противник хитрый, я должен идти на нее в полной силе, иначе и начинать не стоит. Если не хочешь помогать, так и скажи. Тогда я умерю замыслы. У меня не будет сил погубить Госпожу, но уж город-то этот со всеми башнями я всяко могу стереть с лица земли.

Вся квартира пропахла его возмущением и холодным железом.

Джейн со вздохом посмотрела на часы. Он всегда побеждал в таких спорах. Может быть, она сама подсознательно хотела ему проиграть. Может быть, из-за того, что она жила так близко от него, его ледяные страсти отзывались в ее теле желанием. Во всяком случае. Маленькая Джейн всегда была на стороне Меланхтона. Да и ее самое принятые на себя обязанности не так обременяли, как она боялась поначалу.

— Мне утром фотографироваться, — сказала она. Агентам нужна была серия снимков для презентации ее нового имиджа. Насколько сама Джейн могла понять, новый имидж отличался от старого только тем, что она теперь ходила в красной коже, а не в черной. И все-таки на две недели все рабочее расписание было скомкано ради этих съемок. Да ладно, в конце концов, она может заглотать амфетаминку за завтраком. Лишь бы не привыкнуть. — Хорошо, сниму кого-нибудь в баре.

— Ты моя потаскушечка! — ласково сказал Меланхтон.

* * *

В конце съемки, когда ассистенты фотографа начали убирать оборудование, подошел Коринд и, отложив свою тросточку, обнял Джейн за плечи. Коринд был чрезвычайно тощий апатичный эльф в черном и такой манерный, что были трудно разобраться в его характере и истинных чувствах. Ходили слухи, что он вообще не эльф, а выбившийся наверх ночной бука. Во всяком случае, Джейн ни разу не видела его при дневном свете. Но к ней он относился неплохо.

Привычным движением сунув тросточку под мышку, Коринд сказал:

— Милая, должен тебе сообщить, я работал на своем веку со многими звездами, с суперзвездами — а ты знаешь, что я льщу только при крайней необходимости, — но ничего подобного я никогда не видел. Ты была просто — ужасна!

— Извини, но...

— Да, да, да! Секс, наркотики, тусовки. Думаешь, я не понимаю? Ты ходишь в лучшие клубы, уходишь оттуда с красивыми мальчиками, делаешь с ними что тебе нравится. — Джейн терпеливо слушала. — Поверь, киска, я все это прекрасно понимаю. Но послушай меня. Твои богатство и сомнительная известность получены в кредит. Они тобой не заслужены и держатся на ожиданиях. Все это может исчезнуть в один миг. Это все равно что мчаться на машине, наращивая скорость. — Он значительно поднял брови. — Ты бодра и переполнена энергией. Выглядишь чудесно. Веселишься как никогда в жизни. Но рано или поздно врезаешься в дерево. И тогда приходится платить по всем счетам. Понятно я говорю?

— Д-да, — тоненьким голоском проговорила Джейн.

— Ну и хорошо. Пойди теперь домой и отоспись.

— Коринд, я пошла бы, честное слово. Но я договорилась с фатой Инколоре...

Глаза Коринда блеснули. Он стукнул тростью по полу и повернулся на каблуках. Через плечо крикнул:

— Эй, кто-нибудь, сократите путь для фаты Джены, у нее важная встреча в городе.

Несмотря на все колкости, Коринд был в сущности очень милый. Жаль, что пришлось его обидеть. Джейн надеялась, что он не стал ее врагом. Эта мысль беспокоила ее всю дорогу до Триденты.

* * *

Вход в резиденцию Инколоре — а точнее было бы сказать, в физическую составляющую проекции резиденции Инколоре на данную местность — был скромнен и малозаметен. Дверь открылась от одного прикосновения и бесшумно закрылась за ее спиной. Джейн неуверенно прошла через полутемный вестибюль-пристройку и

вступила в удивительную галерею. Здесь витали тени, и величественные своды смыкались высоко над головой, теряясь в полумраке. Вдоль серых гранитных стен высились стройные ряды белых колонн, слабо светящихся в серой дымке. Сначала Джейн думала, что эти колонны мраморные, но, прикоснувшись к одной из них, почувствовала тепло и живую гладкость слоновой кости.

В изумлении она снова посмотрела вверх, на своды, и у нее голова пошла кругом: она поняла, что стоит внутри грудной клетки какого-то гигантского существа, чьи отполированные ребра послужили каркасом гранитной постройки. Как могло существовать такое животное? Как его не раздавила собственная тяжесть? Откуда бралось столько пищи, чтобы прокормить его? У него, наверное, был замедленный обмен веществ. Наверное, оно двигалось мучительно медленно, и проходили столетия, пока у него мелькала мысль, тысячи лет, пока оно делало еле заметное движение.

— Вот и ты!

Фата Инколоре энергичным шагом вышла в коридор, натягивая перчатки.

— Пошли?

— Пошли. Почему бы и нет? — Джейн продолжала с любопытством глядеть на колонны. Она не могла от них оторваться. Инколоре заметила это.

— Моя прародительница.

— О! — Джейн последовала за хозяйкой в крытую террасу за правым рядом колонн. Оттуда они на открытом лифте, где тоже было полутемно, поднялись в верхнюю галерею. Узкий коридор вел в еще более глубокую тень. С каждым шагом они все дальше удалялись от входа.

— Я думала, мы куда-то хотели пойти, — сказала Джейн.

— Да. В то место, которое я хотела тебе показать.

— Вы не попросите кого-нибудь сократить путь? Инколоре шла впереди — серый силуэт в любую минуту мог затеряться среди теней. Она шла быстро, длинными шагами, и Джейн приходилось бежать, чтобы не потеряться.

— В этом нет необходимости. В моем доме есть двери, ведущие

куда угодно. Куда мне надо.

Она остановилась, вытянув руку, и оглянулась через плечо. Ее глаза светились, как у хищника, — ровным, холодным светом.

— Сюда.

Джейн вошла в дверь, и ее ослепил солнечный свет.

Когда к ней вернулось зрение, она поняла, что находится в больничной палате. Запах антисептика, характерные больничные белые занавески. Они были полузадернуты, и перед ними плясали пылинки в лучах света, густого и золотистого, словно мед. Джейн знала, что никаких больниц поблизости от Триденты нет.

В коридоре застучали каблуки. Инколоре закрыла дверь поплотнее. Вновь стало тихо. Дверь, через которую они вошли, исчезла без следа у Джейн за спиной. Посреди комнаты стояла капельница, рядом с капельницей — стеклянный гроб.

В нем спала женщина.

Она была худая, высохшая, истощенная. Сквозь тонкие седые волосы просвечивала розовая кожа. Лицо бороздили морщины. Сначала она показалась Джейн очень старой, потом — не очень, но сильно измученной.

Должно быть, только во сне обрела она печальное спокойствие. Лоб и кожа в уголках глаз были напряжены, словно она всматривалась вдаль. Но в складке губ был покой. Радости на ее лице не было. В нем читалось заслуженное долгой борьбой избавление от страданий.

— Она человек, — сказала Инколоре. — Похищенная, как и ты.

— Не понимаю, о чем вы... — начала Джейн. Но видя, что эльфа смотрит на нее снисходительно, спросила: — Как вы узнали?

— Деточка моя, это же наш семейный бизнес, ты не забыла? От меня ты так же не можешь скрыть свою природу, как и от Горца. — Она коротко рассмеялась:

— Не волнуйся, я не выдам твою тайну. Зачем волноваться из-за потери одной, когда их сколько угодно?

Помолчав, Джейн спросила:

— А что с ней?

— Синдром спящей красавицы. — Фата Инколоре окунула окурок в стакан с водой и вытряхнула из пачки следующую сигарету. — Этим часто болеют похищенные люди в определенном возрасте. Ведь их место не здесь. Этот мир отталкивает их или наоборот. В конце концов тебя это тоже ждет. Ты как, не боишься?

— Да. — Джейн всматривалась как зачарованная в лицо женщины. Пыталась понять ее, вжиться в сны, разыгрываемые в театре спящего мозга. — Нет. Не знаю. Кто она такая?

— Ее зовут Элизабет.

— Элизабет. — Джейн попробовала это имя на вкус, прислушалась к его странному звучанию. Она впервые в жизни видела чистокровного человека, не считая самой себя. — Похоже, что у нее была трудная жизнь.

— А как могло быть иначе? — У окна на небольшом столике, рядом со стаканом, послужившим Инколоре пепельницей, и вазой с увядающими цветами, стояла карликовая сосна в глазурированном глиняном горшке. Инколоре подняла горшок, держа его на ладони. — Этому дереву более ста лет. Знаешь, как получают такие деревья?

— Обматывают проволоку вокруг ствола, да? Ограничивают приток воды и питательных веществ из почвы. И еще подрезают.

— Да. А ведь это всего лишь растение. Чтобы воспитать полукровку, нужно затратить труда много больше. Но мы — умелые садовники. Начинают с того, что мальчиков-полукровок поселяют с матерями в маленьких хижинах, в огороженном стеной поселке, специально построенном для них на одном из Южных островов, где вечное лето. Там чудные места, тебе бы понравилось. Жизнь там приятная. На холмах все время звучит смех. И материнская любовь, и сыновняя поощряются. Некоторые матери, правда, отказываются сотрудничать. Тогда их разлучают с мальчиками и посылают на те же заводы, куда отправили их дочерей. Но большинство — да что там, понятно. Богиня не дала им выбора. Они поневоле любят свою плоть и кровь. Они растят сыновей и стараются не думать о будущем.

Но в саду есть еще служители, сказители, учителя, чья обязанность не дать детям забыть о благородном наследии их отцов. Подросших мальчиков наряжают в шелка и везут в гости к эльфийской родне. В отцовских домах у них есть личные слуги. Они впервые узнают вкус богатства. Им ни в чем не отказывают.

Высокопоставленные родственники обращаются с ними с величайшей снисходительностью и очень надменно.

Потом их снова одевают в грубую шерсть и возвращают в хижину.

Такими средствами им придают нужную форму. Честолюбие поощряется. Зависть и ревность неизбежны. Когда они начинают взрослеть, их эльфийские кузины ложатся с ними в постель, учат светским манерам и презрительно обрывают на людях. Их отцы дают им понять, что они всего лишь незаконнорожденные, смешанной крови, что признаны они никогда не будут. Дело матерей — вытирать им слезы унижения. Как ты думаешь, чем это кончается?

— Они начинают презирать своих матерей.

— Вот именно. Пропустим несколько лет, можешь представить все сама. И вот самых лучших, самых удачно изуродованных метисов приглашают в Академию. Стать пилотом — это далеко превосходит их разумные ожидания и близко, очень близко к самым их безумным мечтам. Они ведь не знают, что для этого они с рождения и предназначались.

Гонец вручает им приглашение далеко от хижин, в лесу, у ворот, которые на их памяти никогда не открывались. Тот, кого приглашают, должен отбыть немедленно. Он тут же должен выйти в эти ворота, не зайдя домой за плащом, за едой на дорогу. Не простившись, зная, что будет чувствовать его мать, он покидает ее без единого слова сожаления. Ему говорят, что он больше не увидит ее никогда.

— И он ее предает, — сказала Джейн.

— Он ее предает.

— Но какой в этом смысл?

— Они чувствуют вину, — сказала Инколоре. — Это такая редкость. Этому цены нет. Признаться, я сама здесь до конца не все понимаю, хотя состояние семейства Инколоре построено на этом. Но принцип тут простой. Предав свою кровь, юные воины чувствуют боль и вину предательства очень глубоко. Их верность другой половине крови, той, которая им осталась, несокрушима. А это весьма желательное качество для тех, кто имеет дело с такими опасными созданиями, как драконы, и должен дышать их

вероломством каждый день.

Изящным движением она поставила сосну на место. Джейн всматривалась в лицо женщины. Оно заслонило ей все и казалось большим и загадочным, как неизвестный континент. Она может заблудиться в нем, если не будет осторожна.

— Куда она смотрит?

Инколоре не успела ответить. Открылась дверь и вошел Горец.

Увидев Джейн, он застыл на месте, взволнованный. В руке у него был большой букет.

— Извините, я не знал... — начал он. И не договорив, изумленно спросил:

— Как вы сюда попали?

— Приветствую тебя, брат! — сказала Инколоре.

— А-а-а! — Это был почти вздох. — Вот оно что! Джейн нахмурилась:

— Может быть, кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

— Я прихожу сюда раз в неделю, навестить свою мать. — Горец отвернулся и положил цветы на столик. Он выбросил из вазы старый букет, заменил воду и поставил новый. — Моя полусестрица знает это. Без сомнения, у нее были причины подстроить нашу встречу.

Он снова повернулся к ним лицом, с чопорным и формальным выражением. С легким поклоном он протянул Джейн маргаритку.

— Я прошу прощения за своих родственников, госпожа. Я вижу, что ваше участие в этом фарсе непреднамеренно.

— Не будь таким занудой, — сказала Инколоре. — Джена,ними кофточку, покажи моему брату, какая у тебя красивая грудь.

Джейн залилась краской. Но Горец только сказал:

— Не оскорбляй эту девушку, Лесия. Ты не заставишь нас полюбить друг друга такими дешевыми приемами.

Лесия Инколоре с упрямой улыбкой сложила руки на груди. Длинные черные ногти неприятно вонзились в кожу.

— Очень досадно, — сказала она, — когда расстраивают твои планы. Горец чуть улыбнулся:

— По определению.

— Помолчи. Вот ты. Здесь все напоминает тебе о смерти и смертной природе. Вот Джена. Только что она своими глазами убедилась, какой ты верный и надежный. Вы двое сберегли бы мне массу усилий и труда, если бы немедленно и безумно возжелали друг друга.

Не обращая внимания на сестру. Горец подошел к гробу и положил руку на крышку. Постояв так немного, он повернулся.

— С твоего разрешения, — сказал он, — я уйду тем путем, каким вы пришли. — Он пошарил рукой в воздухе. Что-то щелкнуло, и открылась дверь и тени за ней. — Фата Джена! — Он твердо посмотрел ей в глаза. — Неизменно пребываю вашим покорным слугой.

— У него ляжки пятнистые, — сказала Инколоре. — Как у оленя.

Он выскочил в дверь так стремительно, что пронесся легкий ветерок.

Инколоре вздохнула:

— Верность тех, которых предали и предают! Есть ли что грустнее на белом свете?

— Есть, и немало. — Джейн заложила маргаритку за ухо. Поправила растрепанную прядь. — Какого дьявола вы это затеяли?

Фата Инколоре с досадой махнула рукой:

— Да просто попробовала вмешаться не в свое дело, только и всего! Я решила, что у вас двоих все задатки до чрезвычайности усложнить друг другу жизнь. Меня бы это развлекло.

— Развлекло? Что за вздор! Вы могущественная эльфа! Неужели вам нечем больше заняться?

— Для меня важно влезать в эфемерные события ваших мелких жизней, чтобы убедить себя, что они имеют значение. Чтобы ухватиться, удержаться... — Она внезапно замолчала. — Чтобы... — По ее телу прошла судорога. Одна рука непроизвольно затряслась.

Она издала вопль. Ее глаза загорелись, изо рта вырвался сноп света.словно какое-то божество, схватив ее за волосы, заставило

вырваться наружу ядерные пожары, бушующие внутри. Отшатнувшись, заслоняясь рукой, Джейн закричала:

— Что это? Что мне сделать?

— Там... Пилюли... — Инколоре задыхалась. — Там... В доме Инко... — Она замолчала, плотно сжала рот и глаза. Когда она их открыла, огни исчезли, и лицо уже казалось нормальным. Но это было другое лицо.

— Гвен?

Гвен с улыбкой приложила к губам палец и подмигнула. Джейн хотела спросить у подруги, как она пережила жертвоприношение на футбольном поле, как возродилась в Инколоре. Но тут лицо Гвен вытянулось и потемнело. На лбу выросли рога. Джейн схватила ее за плечи, но та с шипением потянулась к ее шее острыми, как иглы, зубами.

Джейн отскочила:

— Перестань!

Существо покачнулось, выпрямилось, похудело, выросло. На мгновение Джейн показалось, что оно хочет превратиться в змею. Но тут перед ней возникло явно мужское лицо.

— Ну что за безобразие! — проворчал благородный господин Корво. — Скажите Инколоре, что если она настолько не владеет собой, то пусть... — Он осекся, запрокинулся и изменил обличье.

Джейн шарила рукой в воздухе, ища ручку двери, ведущей в дом Инколоре. Но у нее не получалось. Значит, она не сможет вернуть Инколоре домой.

А с Инколоре произошло последнее превращение. Она зацепила пальцем подбородок Джейн и заставила посмотреть себе в глаза. Джейн в ужасе вздрогнула, увидев знакомые, сияющие острым умом глаза.

— Ну и ну! — расхохоталась Джуиссанте. — Вот это возможность!

Она поднесла тонкий пальчик к красивым губам.

— Так, с чего начнем? Может, для началаотрежем у тебя что-нибудь лишнее, киска, как ты думаешь? — Джейн в отчаянном

испуге сделала шаг назад.

— Ба! Не будем растрчивать такую бесценную возможность на пустяки. Надо сделать что-нибудь замечательное, чтобы надолго запомнилось.

Неожиданным движением фата Джуиссанте открыла дверь, которая вела в тень. Схватив Джейн за руку, она втащила ее в дом Инколоре.

* * *

Джуиссанте, проведя Джейн через тени, тащила ее наверх по бесконечно длинной винтовой лестнице.

— Мы все — пузыри земли, — сказала она, — ты знаешь это?

— Пустите! — Про себя Джейн отчаянно звала Меланхтона. Дракон не отзывался. Она добралась до самых тайных, глубинных ущелий мозга, где он обычно таился в молчаливом, настороженном ожидании. Его там не было. Он снова покинул ее в беде.

— Ты ведь алхимик и понимаешь, что все состоит из одной и той же материи. Разница между деревом и дриадой не в составе, а в структуре. — К лестнице льнули холодные клочья тумана. Изредка попадались жаровни с углями. Они слабо серебрились в густой дымке, от них пахло гарью. Отсыревшие угольки еле тлели. — Если бы дерево осознало себя, оно портило бы воздух и ело мясо.

— Зачем вы мне это говорите?

— Неужели непонятно? — Лестница все не кончалась. — Ты не задумывалась, почему мы так подвержены гневу, страсти, зависти? Почему у нас так много семейной вражды, мимолетных романов, сплетен? Они нужны нам. Наше понимание мира и самих себя так велико, что граница между миром и нами размывается. Нам постоянно угрожает опасность раствориться. А Инколоре, бесспорно, — среди нас одна из самых великих. Ходят даже слухи... Ну, неважно. Наши мелкие недостатки — это трение, которое позволяет нам не соскользнуть с поверхности жизни.

Оторвав Джейн от земли, Джуиссанте тащила ее под мышкой, как тряпичную куклу, с той разницей, что Джейн отчаянно вырывалась. Джуиссанте на минутку остановилась на лестничной

площадке, и Джейн встала на ноги. Они понеслись дальше. Каблучки Джуиссанте высекали из ступенек искры.

— Но если... Если вы на самом деле не вы... — Когда тебя тащат за руку, трудно ясно думать. — Если вы на самом деле фата Инколоре, почему вы ведете себя как...

— Ты что, плохо соображаешь? Или не слушаешь, что я тебе говорю? Индивидуальность — это иллюзия.

Думаю, даже ты можешь это понять. И фата Инколоре, и фата Джуиссанте — всего лишь игры материи. Я не больше Лесия Инколоре, чем ты.

Они все поднимались. Энергия фаты Джуиссанте была неистощима. Джейн не хватало воздуха. Голова кружилась. На мгновение ей показалось, что вокруг бродят призраки всех ее жертв, дергая за волосы, щипля своими тонкими злыми пальцами, молчаливо требуя возвращения украденных имен. Она потрясла головой, и они исчезли.

— ...спросишь ты. Да, иногда рождается ребенок без тайного имени. У него нет тонкого тела, понимаешь? Нет индивидуальности. Глаза, мозг, пальцы, все органы — все на месте и в полном порядке. Но он ничего не чувствует, не понимает, ни на что не реагирует.

Отдай мое имя, сказал Эмери. Джейн быстро повернулась, но его не было. Отдай, сказал Грызун, сказал Аполлидон, сказал Гандалак. Отдай мне, сказали Лип и Глоам, мою жизнь, сказал Гипаллаж. Слишком много их было, чтобы разобрать, кто что сказал, и никого из них не было здесь, а фата Джуиссанте продолжала:

— Когда это случается, такой ребенок поступает в собственность государства. Отправляют дракона через Врата Сна и в нижнем мире похищают тонкие тела человеческих детей — там эти тела называют душами. Материальные предметы нельзя перенести в верхний мир, а вот души...

«Я не чувствую вины, — сказала Джейн призракам. — Уходите».

Они взвились вокруг нее, менее материальные, чем скелеты осенних листьев, сердито тычась ей в бока, в губы, как заблудившиеся бабочки. Удивительно, что Джуиссанте их не видела.

Джуиссанте оглянулась через плечо.

— Если не будешь слушать внимательно, мне придется вырвать тебе глаза.

— Нет, пожалуйста! — с трудом прошептала Джейн.

Наконец они дошли до верхней площадки. Измученная, задыхающаяся Джейн с облегчением остановилась. Джуиссанте распахнула костяную дверь.

— Это ее алтарь, святая святых. Череп. Они вошли. Разлился холодный белый свет и прогнал призраков. Стены были из кости, пол застелен выцветшими коврами. С низкого потолка свисали лампы. Бледная стена делила помещение на две комнаты так, что можно было видеть либо одну, либо другую, но не обе сразу. В каждой комнате перед окном стоял стул с высокой спинкой. Окна имели форму глазниц с толстыми хрустальными стеклами. Джуиссанте втащила Джейн в левую комнату.

— Мы находимся в черепе родоначальницы Инколоре. Если прислушаешься, услышишь идущий из глубины костей гул. Это ее голос.

Если так, значит, прародительница фаты Инколоре была еще более странным существом, чем можно было думать, судя по ее останкам. Потому что ошеломляющее ощущение несущественности существования наплывало на Джейн со всех сторон. Здесь, чувствовала она, ничто не стремится оставаться самим собой. Письменному столу из белого клена было безразлично, положат в его ящик письмо или нальют машинного масла, оставят стоять здесь или зароят в землю, выкинут под дождь или бросят в огонь. Алебастровый крокодил трепетал на грани полета.

— Что... Что вы собираетесь со мной сделать?

— Вот я тебе и объясняю, дурочка! Я хочу разрушить твоё грубое тело, а тонкое поместить в дрозда или в малиновку. У тебя будет собственная клетка.

— Она стала рыться по шкафам. — А еще лучше в поросеночка. Хорошенького, розовенького. Инколоре сможет водить тебя на ленточке. — Она на мгновение обернулась. — Да не смотри ты так! Поросянком быть гораздо лучше, чем малиновкой. Его хотя бы можно приучить не гадить в комнате. — Звенели и стукали бутылки. — Посиди пока на стуле, но в окно не смотри. Оно может показать тебе такое, что тебе не понравится.

Джейн оставалось только повиноваться. Правда, она все-таки рискнула и бросила взгляд в окно. Оно выходило в пустую комнату с парой грубых ботинок на полу. От них тянулась бледная тень. Один ботинок лежал на боку. Подошва была грязная, шнурки мокрые. Хотя убейте, Джейн не представляла себе, зачем окну показывать такие вещи. И все-таки ее мучительница была права — ее почему-то охватил необъяснимый ужас при этом зрелище.

— В алтаре два окна. Одно глядит на правду, другое на ложь. И даже Лесия Инколоре не знает, которое где. — Джуиссанте перевернула коробку и ногой разбросала ее содержимое по комнате. — И здесь нету! Да где же он, во имя Аргеи?

Этот стул, а может быть, сама комната действовали усыпляюще. Джейн глядела на свои руки и не могла встать.

— Ага! — Фата Джуиссанте торжествующе подняла телефонный аппарат без проводов. Набрала номер. Подождала, потом сказала: — Говорит фата Инколоре. Пришлите, пожалуйста, поросенка. Да. Нет, я хочу хорошенького. Миленького, да. Мне очень важно, чтобы он был миленький. Нет, боровка не надо. Свинку.

Слушая это, Джейн понимала, что надо бояться. Но как-то не получалось. Апатия, не дающая встать со стула, охватила все тело. Если она не предпримет чего-нибудь немедленно, она уже никогда ничего не делает.

Ее пальцы, будто сами по себе, добрались до волос и взялись за маргаритку, которую дал ей Горец. Она посмотрела на цветок и сжала его, смяв лепестки.

— Скоро вы сможете его доставить? Да! Еще атласную подушку!

Глядя на свои руки, Джейн сосредоточилась на тайном имени Горца и призвала его. Это было мощное заклинание. Она прибегала к такому впервые, но теорию знала в совершенстве. «Тетигистус, — раздавался ее шепот в ледяном оцепеневшем мозгу. — Тетигистус, приди ко мне».

Джуиссанте резко обернулась, еще держа телефон.

— Что ты сейчас сделала? — крикнула она. — Ты что-то сделала. Что?

Джейн ответила туманной улыбкой. Остатки воли ушли на призыв, и теперь она была совершенно бессильна. Даже произнести что-то она не могла.

На лестнице слышались шаги. Открылась дверь, вошел Горец.

Он понял все с одного взгляда и действовал без колебаний. Рванувшись вперед с почти неуследимой для глаза скоростью, он вырвал из рук Джуиссанте телефон. С испуганным криком она бросилась на него, вонзила ногти ему в лицо, добираясь до глаз. Но Горец ловким движением охватил ее запястья и заломил руки за спину. Она изогнулась всем телом, норовя впиться зубами в его яремную вену. Этого он и ждал. На мгновение ее рот оказался у самого его уха.

— Куносаура! — шепнул он так тихо, что при обычных обстоятельствах Джейн не смогла бы расслышать. Но она знала его тайное имя, и он был здесь по ее зову. Поэтому то, что он произнес, сразу пришло к ней.

Куносаура. Что значило «собачий хвост». Это было истинное имя Лесии Инколоре. И сразу облик Джуиссанте начал таять. Черты лица стали меняться, что-то делалось мягче, что-то тверже, острее. Когда все кончилось, перед ними снова была Инколоре. Ее глаза закрылись, и тело бессильно поникло. Горец держал ее на руках.

— Откройте, пожалуйста, эту дверь. — Он сделал жест подбородком.

С возвращением фаты Инколоре апатия Джейн рассеялась. Она вскочила со стула и открыла узкую дверь, на которую указал Горец.

В этой комнате все стены были увешаны карнавальными масками. Окон не было. Горец усадил сестру в кресло.

— В шкафчике есть аптечка с лекарствами, — сказал он. — Когда очнется, дадим ей две белые таблетки. Этого хватит.

Джейн склонилась над фатой Инколоре, чтобы убедиться, что ей удобно. Потом выпрямилась.

Они с Горцем робко поглядели друг на друга.

— Да, — сказал Горец, — повезло, что я оказался рядом.

— Да, — сказала Джейн, — повезло.

— Прошу прощения, госпожа, что второй раз за один день навязываю вам свое присутствие. Я знаю, что противен вам...

— Вовсе нет! Ничуть, ни капельки! Горец шагнул к ней. Она шагнула от него. Он остановился и поглядел с недоумением.

— Но тогда почему? Если я вам не противен, почему вы держитесь так, словно я ваш враг? Почему вы все время стараетесь уязвить меня?

— Я не хочу вас впутывать в эту мерзость. Вы многого не знаете. Я не хочу, чтобы вам было больно.

— Больно? — Горец был самым отважным и искренним существом, какое ей только встречалось. — Лишь бы честь моя не была затронута, а в остальном можете обращаться со мной как вам угодно. Мучайте меня, если вам это доставит удовольствие. Мучительнее вашего пренебрежения все равно не может быть ничего.

Этого она не предвидела. Чтобы снова овладеть ситуацией, она сказала так холодно, как только смогла:

— Политические игры вашей сестры зашли слишком далеко, сударь. Она хотела превратить меня в свинью. — Внезапно до нее дошла смешная сторона происшествия, и она расхохоталась. — В свинью!

— Это была фата Джуиссанте, — напомнил Горец. — Но вы имеете право сердиться, и если я не могу загладить обиду, позвольте хотя бы объяснить. — Он вздохнул и потер кончик носа. — Глаза этого черепа — сложный механизм. Большое превращение, совершенное под одним из этих глаз, могло бы... трудно подобрать слово — искривить? Нет — навязать себя глазу, так что он не захочет видеть ничего, кроме превращения снова и снова. Это очень ослабило бы могущество Лесии. Но много странных поступков совершается во имя любви.

— Любви? К кому?

— К Лесии, естественно. Бедная Джуиссанте! Она полна ужаса перед тем днем — а он близится, — когда Лесия поднимется в коллегия невидимых, станет одним из хранителей. Стать хранителем — это великое событие и очень большая честь. У всех заинтересованных лиц это вызывает весьма бурные эмоции. — Он пожал плечами. — Даже при самых лучших обстоятельствах

могущественные играют в очень детские игры, когда дело касается любви.

Джейн надолго задумалась. Наконец спросила:

— Значит, вот кто такой Болдуин? Хранитель?

Все его тепло моментально испарилось, как туман на ветру.

— Откуда вам известно имя Болдуина? — сурово спросил он. — Болдуин — один из Восьми. Никто не должен о нем знать.

Джейн прикоснулась к его камзолу, расстегнула две верхние пуговицы, погладила пальцами грудь. Он растерялся и замолчал.

— Где вы живете? — спросила она. — Мне нужен точный адрес.

— Кэр-Ариан, северная сторона, 9743-А, площадка Д.

Джейн второй раз произнесла его тайное имя.

— Иди домой, — сказала она. — Забудь все, что здесь было.

Она неохотно убрала руку. И Горец ушел.

* * *

Проглотив пилюли, фата Инколоре вздрогнула. Бледность с ее лица ушла.

— Похоже, я у тебя в долгу?

— Мне ваша благодарность не нужна!

— Я так и думала. — Длинные пальцы забарабанили по крышке ящичка с лекарствами. — Наверное, если бы я пообещала устроить так, чтобы некий юный и стойкий пилот в одну из ближайших ночей, обнаженный и пылкий, оказался в твоей постели, ты бы снова на меня зарычала.

Джейн сложила руки на коленях и ничего не ответила.

— Ты удивительно парадоксальное существо. Я таких еще не видела. — Лесия засмеялась. — Ладно, переменим тему. Я тебе не показывала свою коллекцию? — Небрежным движением руки она показала на маски, висящие на стене. Неподвижные лица глядели на Джейн — пустые, самоуверенные, привлекательно бездушные.

— Нет.

— Они довольно ценные. И к тому же полезные. Но, что мне в них нравится, — при всей магии, которая потребовалась, чтобы их изготовить, это не просто амулеты. Это инструменты, действие которых зависит от умения и таланта того, кто их надевает.

— Я не поняла.

— Возьмем, например, эту. — Она сняла со стены полумаску, украшенную перьями. Вокруг прорезей для глаз поднимались два крыла, скрывающие лоб и нос. Рот оставался открытым. — Чтобы надеть маску силой, принесли в жертву трех быков. Но ее власть проявится лишь в умелых руках.

Джейн невольно заинтересовалась.

— В этой маске тебя никогда не узнают, если будешь молчать. Такую маску часто надевают при случайных связях, чтобы не повредить своей репутации. Но предназначена она для того единственного, кто запрещен тебе, но кого ты хочешь.

Ты должна хотеть его отчаянно, страстно, чтобы сила твоего желания была видна ему. Ты должна отбросить всякий стыд, должна делать вещи, на которые не считала себя способной, и наслаждаться ими. Ты должна изумить и потрясти своего возлюбленного. Ты должна измучить его, лишить сил, чтобы, когда ты оторвешься от него при первых проблесках утра, он не смог бы даже пошевелить рукой, удерживая тебя, хотя и хотел бы удержать.

Все время, пока вы вместе, он будет смотреть в твои глаза, хотя маска не даст ему запомнить их цвет, и видеть там пылающую и яростную любовь к нему. Твои глаза станут зеркалами его внутренней сущности, они покажут ему самого себя таким, каким он никогда себя не видел, — огненным.

Он спросит, кто ты, — молчи. Он спросит, любишь ли ты его, — улыбайся и отворачивайся. Он будет изучать цвет и форму твоих сосков, узнает, легко ли охватить твою грудь его руке, его губам. Он запомнит твои вздохи и стоны, он будет щекотать тебя, чтобы послушать музыку твоего смеха. Он сохранит в своем сердце запах и вкус каждого уголка твоего тела, нежную ямочку на шее, теплые местечки в складках бедер. Запомнит, как меняется запах и вкус самого твоего сокровенного места по мере того, как растет твое возбуждение.

Желание узнать, кто же она, та, что так любит его, — естественно. И на первых порах он испытывает только обыкновенное любопытство. Может быть, у него есть какие-то догадки о том, кто ты. Он начинает искать тебя — сначала лениво, между делом.

Конечно, узнать тебя наверняка можно только во время любви. Ты не должна быть одной из тех, многих, кого он укладывает в свою постель. Ты будешь мучительно ревновать к ним ко всем, но напрасно. Потому что в постели он будет вдыхать их пот, пробовать его на язык под коленями и за ухом и думать: нет, это опять не она.

Лесия повесила маску на стену. Ее руки двигались грациозно, как бабочки.

— Сначала им движет простое любопытство. Но потом он теряет власть над собой. Проходят месяцы. Он одержим. Соперницы, которых ты когда-то с полным основанием опасалась, одна за другой уходят, оскорбленные, — какая женщина не поймет, что тот, кто лежит с ней, думает о другой? А ты По-прежнему неуловима. Твой возлюбленный начинает безумствовать. Теперь им движут только любовь и желание. И тут ты делаешь свой ход...

Было поздно. Если она хотела вернуть расположение Коринда, следовало утром явиться бодрой и полной сил. Она хотела уйти, но Инколоре, на которую продолжали действовать возбуждающие таблетки, задержала ее еще на целый час. Они обсудили перипетии личной жизни благородного господина Корво и шансы фаты Джуиссанте на сенаторскую мантию. Поговорили о военных новостях, обсудили преимущества горностаевых потрохов как катализаторов в амулетах для увлажнения кожи, а также проблему компенсации дополнительных капиталовложений повышением производительности труда.

Наконец Джейн собралась уходить. У двери она остановилась и, словно это только что пришло ей в голову, сказала:

— Кстати, не дадите ли вы мне на время эту маску?

— Моя милая! А зачем, по-твоему, я ее тебе показала?

Джейн собиралась идти домой. Но вместо Термаганты ноги сами привели ее к Кэр-Ариан. «Нет, я туда не пойду, — думала она, поднимаясь на лифте к площадке Д. — Я только доеду до этого этажа, а потом сразу вниз. Двери лифта раскрылись, она вышла. — Я

только пройду мимо двери, стучать не буду».

Она постучала. Маску фаты Инколоре она всю дорогу держала в руке. Сейчас она нетерпеливо сунула ее в сумочку.

Горец открыл дверь.

— Джена, — сказал он тихо.

— Можно войти?

Глава 22

Проснулась Джейн на рассвете. Осторожно распутала простыни, выбралась из объятий Горца.

Потом быстро оделась, сунув бельишко в сумку. Маску Инколоре, которая так и не пригодилась, взяла тоже. Горец легонько похрапывал. Джейн посмотрела на него, спящего. Рот у него приоткрылся, вид был глуповатый, родной. Она бы его поцеловала, да боялась разбудить. Ей нужно было уходить.

На улицах почти никого не было. Воздух, свежий и прохладный, омывал Город светом раннего утра. Джейн шла быстро, почти бежала, для тепла размахивая руками. Она стала напевать старую песенку:

Что, скучал? Целуй скорей. Не гляди, что я избита...

Молоденькая девушка-сокол прислушалась к ее пению, засмеялась, взлетела и пропала в золотом блеске зари, пляшущем в миллионах оконных стекол. Джейн тряхнула головой и запела громче:

Обними и сок мой пей, Я, как гроздь...

Ее голос звенел, отражаясь от каменных стен. Она была счастлива.

Какое дивное, чудесное утро! Хорошее настроение держалось у нее до самой Термаганты.

* * *

Черный дым валил из окон верхних этажей. Стены покрывала копоть. Жильцы Термаганты, спасаясь от огня, толпились на улице. Русалки, ореады и теги-юристы возбужденно топтались на тротуаре. Манекенщицы, мымры и лешие ожесточенно спорили, яростно жестикулируя и показывая наверх. Трое наркодоров притащили большой колокол и медленно, ритмично били в набат.

Она застыла на месте. В высоте что-то вспыхнуло, рвануло, словно гром загремел. Джейн показалось, что ее ударили в живот.

Вся радость ушла. Все было кончено.

Подъехал верховой полицейский, тесня толпу металлической конской грудью.

— Отойдите! — приказал он Джейн.

— Но мне надо туда!

— Туда нельзя. У нас приказ.

Он поднял копье, и ей пришлось отойти. Появились еще полицейские, начали оцеплять здание.

Что-то шевельнулось у нее в голове, там, где был раньше дракон. Меланхтон вернулся, молчаливо и тяжело угнездился в мозгу. Джейн охватило тревожное желание немедленно войти в дом. Надо как-то обойти полицейских. Она достала маску Инколоре и внимательно осмотрела изнанку. Джейн примерно представляла себе, как эта маска работает, и не сомневалась, что может добавить к ней заговор на невидимость. Все, что ей было нужно, — немного аммиачной соли, красная тинктура и лист бузины. Конечно, через пять минут маска сгорит, но пяти минут хватит.

Она побежала за угол, в аптеку.

* * *

Все пассажирские лифты поднялись к горящему этажу, огонь притянул их, как мошек. Но грузовые лифты были примитивными машинами с ручными управлением. Джейн поехала на грузовом.

Три раза за время долгого подъема на семьдесят третий этаж раздавались взрывы. Каждый раз она останавливала кабину, боясь, что взрыв повредил механизм или покорежил шахту. Она боялась, что огонь не пустит ее домой. Но, когда она доехала до своего этажа, там витал лишь легкий дымок. Было неожиданно тихо. Она чувствовала во рту горечь горящего пластика и обугленного дерева.

Она вошла в перекошенную прихожую. Маска раскалилась, она ее сбросила. Искрясь и потрескивая, маска упала на пол и вспыхнула. Джейн оставила ее догорать на полу.

Дверь к дракону упала, как только она к ней прикоснулась.

От квартиры ничего не осталось. Вся мебель была разломана в щепки, внутренние стены снесены, с потолка торчали обломки дранки. Меланхтон был весь на виду — черная железная гора.

В центре комнаты лежал Видок, рядом с ним — короткий обоюдоострый меч. Это был эльфийский меч силы — Джейн узнала его по черной рукоятке и едва ощутимому притяжению намагниченного лезвия.

Видок был мертв. Пол устилали крошечные тела, черные, обугленные. У плинтусов их скопились целые кучки — тысячи мертвых тел. С мерионами было покончено. Джейн стало очень жаль этих противных маленьких фашистов. Сама не зная зачем, она наклонилась над Видоком, погладила его короткие седоватые волосы. Они были очень мягкие. Лицо его в смерти стало открытым, простодушным, невинным. Теперь, когда было поздно, она пожалела, что не сошлась с ним поближе. Каким другом он мог бы стать! И вот его уже нет.

— Какой он сильный! — прошептала она.

— Думаешь, все эти разрушения — его работа? — проворчал Меланхтон. — Нет, только наполовину. Она посмотрела на дракона.

— Твой Видок был дурак. Он решил захватить меня в одиночку. Но все же у него хватило ума дать знать, куда он идет. Скоро здесь будут другие, и уж они-то никак не дураки. Мне бы еще месяц на подготовку! Но справимся и так. Пора уходить. Пора нам с тобой пройти Адские Врата и штурмовать Спиральный дворец.

Джейн подняла голову.

Ей бы сейчас ощущать подавленность. Видок погиб, мерионы погибли. Без сомнения, столкновение дракона с Видоком оставило и другие жертвы. А когда они вылетят из Термаганты, все, кто собрался на улице, будут погребены под обломками башни. И это только начало. Они пустятся в разрушительный поход против величайшего Врага, чтобы, погибнув самим, уничтожить весь мир, всю историю.

Она чувствовала восторг. — А справимся? — спросила она, уже поднимаясь в кабину.

Джейн швырнула на пол свою легкую курточку, захлопнула люк. Ее пилотская куртка лежала в кресле. Она надела ее.

— Придется справиться. — Меланхтон говорил мягко, но

уверенно и самодовольно. Он не сомневался в своем разрушительном могуществе.

Один за другим включались двигатели. Задрожали стены, засветились зеленые огоньки на приборной панели. В кабине запахло кожей и смазочным маслом. Джейн надела кислородную маску, села в кресло, стиснула рукоятки. Иглы вонзились в вены. Шлем опустился на голову. Она снова слилась в ощущениях с драконом.

С трех сторон Термаганту окружали небоскребы. Взлетать в этих направлениях было небезопасно. Их курс лежал на восток, на восходящее солнце. Вибрация двигателей уже начала разрушать стены. Летели куски лепнины, вываливались кирпичи. Джейн вызвала системы вооружения, и контрольные рукоятки выдвинулись перед ней в три ряда, как клавиши того великого органа, на котором играла Богиня, творя этот мир.

Все было на местах.

— Готов? — спросила Джейн.

— Меня еще не было, а я уже был готов. — Поехали!

* * *

Они вылетели, стерев в порошок три этажа. Джейн видела, как пирамидальная верхушка Термаганты медленно расходится серым облаком, как расплываются очертания рушащихся стен. Из окон соседних зданий вылетали стекла, в воздухе порхали осколки, горящие красными отблесками пламени. И вот дракон поднялся в небо. Большой Серый город уходил все ниже. Паутина улиц и скопления зданий постепенно сменялись простором окраин.

Над Ревущим болотом они летели очень низко, на высоте деревьев, если бы там были деревья. Внизу мелькали окна трясины, кладбища грузовиков, цистерны с нефтью, свалки отходов. Мелкие пруды и речушки серебрились, сияя радужными бликами пролитой нефти. Узкие дороги извивались, как змеи.

— Выше! Выше! — закричала Джейн, и дракон вильнул вверх, едва не врезавшись в высоковольтную линию. Провода задрожали от воздушной волны. — Почему ты летишь так низко? Почему не поднимаешься?

— Мы проходим под их радаром, — проворчал Меланхтон. — Ты когда-нибудь слышала о радарах?

На горизонте выделялся темным пятном драконостроительный завод.

Джейн вывела две пушки и вызвала систему наведения. Перед глазами у нее появился прицельный крест, слегка колеблясь, пока механизмы наведения ощупывали контуры цели.

— Первый заход! — сказала Джейн. — Ворота в щепки, Часохрон в клочья, камень Богини в песок! — Ее охватило упоение свободы, восторг мести. Остановить Джейн уже не могло ничто. — Будет суке предупреждение! — Она знала, что никакой Богини не существует, что это просто метафора, обозначающая все, что есть в мире непознаваемого, что силы, против которых они восстали, могучи, хотя и не имеют лица. Но так было приятнее.

— Она этого не заметит, — рыкнул дракон. Он с удовольствием подыгрывал ей. Что-что, а механизмы ненависти он знал хорошо. — Ее только прямым попаданием проймешь.

Джейн подправила прицел, наведя скрещение линий на заводские стены.

— Будет и прямое!

Они прогремели над воротами, низко и тяжело, на малой скорости, и два сгустка пламени расцвели за ними. Меланхтон свернул направо, и они отбомбились над сортировочной.

Драконы вопили внизу, корчились в агонии, горели и умирали, заполняя все частоты яростными воплями. Одному удалось взлететь, но у него взорвался бак с горючим, и он, вращаясь в воздухе, рухнул на крышу литейки.

Радостно смеясь, Меланхтон и Джейн разворачивались для второго захода. Внизу бегали и суетились. Из литейки вырывались языки пламени. По радио, сквозь шум и треск помех, сквозь бешеный рев гибнущих драконов, раздавались голоса, требуя, чтобы нападающие назвали себя, угрожая, умоляя о помощи, вызывая истребители.

Взлетел на воздух сборочный цех. Другой взрыв снес то, что еще оставалось от передней стены. Джейн показалось, что какие-то маленькие фигурки, меньше муравьев, мелькнули и исчезли в дыму.

Кто-то пытался спастись. «Бегите, бегите», — подумала Джейн. Они снова пронеслись над сортировочной, чтобы убедиться, что первым заходом покончили со всеми. Внизу бушевал ад. Сквозь дым Джейн рассмотрела двух драконов, схватившихся в смертельной схватке, полных ярости даже в свои последние минуты. Другие все еще корчились в огне. Опасности они уже не представляли. Джейн стала разворачивать дракона для третьего захода. Большая часть стены была разрушена.

— Они близко! — крикнул Меланхтон. Радары показывали три точки, поднимающиеся на горизонте.

— Еще разик!

При последнем облете Джейн не стреляла. Она пыталась разглядеть корпус, где была ее спальня. Ей показалось, что она его узнает, но они уже пролетели мимо. Среди пламени мелькнула лишь крыша. «Бегите, — молча приказала она детям. — Не оглядывайтесь». Если Колючка и Холстина еще живы, они спасутся, она не сомневалась. У них хорошая приспособляемость. Но другие...

— Я свое слово сдержал, — сказал Меланхтон. — Теперь дело за тобой. Держись твердо и иди на вираж по моей команде. У них на такой скорости очень большой радиус поворота. Нам это на руку. Успеем откусить кусок с краю.

— Есть!

Преследователи, пока крохотные, как песчинки, были ясно видны. Джейн слышала по радио их голоса — холодные и резкие голоса молодых технократов и яростный рык машин.

— Я их вижу. Сокол, держись по курсу. Как там с идентификацией?

— Вас понял. Сейчас разберемся. Все в порядке, это он, наш голубчик.

— Вырви их вонючие кишки!

— Порох, вы отклоняетесь от курса.

— Ну сейчас я его сделаю!

— Сокол, Порох, ракеты «воздух-воздух» к бою! Зацепите цель!

У Джейн похолодело внутри. Горец. Она узнала его по голосу.

Но ведь этого просто не может быть. Она оставила его, спящего, за много миль от базы истребителей. Ах да, он имел доступ в дом Инколоре, а Лесия говорила, что там есть двери, открывающиеся куда угодно. И если его вдруг вызвали, то добраться он мог очень быстро.

— Давай! — проревел Меланхтон. Джейн резко сменила курс. Истребители, скидывая скорость закрылками, пронесли мимо и растаяли вдали. Меланхтон теперь летел прямо на север. Джейн увеличила обороты.

— Полный вперед! — скомандовал дракон, перестроившись на максимальную скорость. — Хватит время терять! Летим к Адским Вратам.

— А где они? — Навигационные системы не помогали. — Здесь нет такой отметки. Как их искать?

— Где? Дура! Адские Врата — это не место. Это состояние!

По команде Меланхтона, Джейн задрала ему нос вертикально. Скорость не успела упасть, она включила ракетные ускорители. Ускорение прижало ее к креслу, расплющило лицо. Она потеряла обзор — все прыгало и скакало, она боялась повернуться и смотрела прямо перед собой. Дракон помог ей, подкачал крови в голову, чтобы Джейн не потеряла сознание.

Дымовые башни, возвышающиеся над ними, исчезли.

— Строимся. Смотрите, они поднимаются.

— Отставить, Порох.

— Я могу по ним влить.

— Отставить!

На экране вспыхивали личные номера переговаривающихся драконов. 2928: «Иди сюда, крошка, мы тебя поучим экспериментальной энтелехии».

6613: «Ха-ха-ха!»

8607: «Твой пилот нас слышит? Сообщение для него. Давай попку, детка, и приготовься к практикуму по онтологии».

Ей стало противно, и она поставила фильтр, оставив только спокойные голоса пилотов. — Сокол, можете идти по радару?

— Никак нет. Горец.

— Странная тактика. Вы что-нибудь понимаете?

— Похоже, они заходят на ВС.

— И я так думаю. Порох, установите точку перехвата. Сокол, то же самое, слева. Я сажусь ему на хвост и гоню к вам.

— Вас понял.

— Я тоже!

Преследователи имели преимущество в высоте. Поднимаясь еще выше, Джейн потеряла половину дистанции.

— Наглые мерзавцы! — сказал Меланхтон. — Думают, они нас загнали. Выводи задние пушки. Если подойдут поближе, стреляй. Главное, их отогнать.

— Ясно! — Джейн трясло и мотало, как игральные кости перед броском. Она еле смогла выполнить распоряжение. Огни на панели замерцали. Это Меланхтон включил два блока сверхпроводников, расположенных у брюшных люков. — Я никогда не понимала, для чего эти штуки.

— Сейчас увидишь.

Меланхтон дал на опоясывающем экране почти круговой обзор. Джейн ясно видела электромагнитные поля, исходящие из его железного тела подобно крыльям. Ярко-синие сполохи зажглись там, где поля взаимодействовали с ионизированным воздухом.

— Так я и думал. Они делают заход на ВС.

— Зачем им Врата Сна? Хотя никаких других объяснений я не вижу. Порох, держи курс. Сделаем, как по нотам.

— Вас понял, Горец.

Они уже выскочили из атмосферы, и Меланхтон отключил ускорители. Синие факелы энергии потускнели, вошли зыбью в структуру пространства. Дракон теперь летел по инерции, как ядро. После перегрузки внезапная невесомость чуть не вывернула Джейн наизнанку. Она сглотнула. Быстро проверила все системы. Все было в порядке.

— Ты можешь установить с ними электронную связь? Я хочу

кое-что сказать командиру.

— Я влез в их систему, как только они появились на горизонте, — презрительно сказал Меланхтон. — Пожалуйста! Можешь поворковать со своим любезным в виртуале.

На внутреннем экране шлема появилось лицо Горца.

— Джена! — воскликнул он изумленно. — Что ты здесь делаешь?

Она не могла выдавить из себя ни слова.

— Тебя похитили! — понял он. С болью в сердце она ответила:

— Чушь! Я знаю, что делаю. — Через все фильтры неразборчиво пробивалось рычание драконов. Их ярость была убедительнее всяких слов. Джейн не могла их не слышать. Словно все ее кости, клетки, органы обрели голос. — У меня нет будущего. Всю жизнь меня увлекали в жульнические игры. Карты крапленые, и я обречена на поражение еще до начала игры. Это не слова! Какой выбор у меня был? Только этот! Я могла либо покорно глотать поражение, либо перевернуть стол и смешать карты. Меня обманывали с самого начала — и я тоже не собираюсь играть честно.

С трудом произнося слова. Горец сказал:

— Ты не можешь вернуться через Врата Сна. Что бы ни сказал тебе твой дракон, он солгал. Драконы лживы. Ты не знаешь, что ждет тебя на другой стороне. Если вы перейдете, тебя... — Его лицо исчезло с экрана. Но Джейн знала Меланхтона слишком хорошо, чтобы этот фокус ему удался. Она мгновенно отменила его команды. Лицо Горца вернулось. — ...навсегда. Грубое тело, которое ты оставила там, еще живо. По закону сродства тебя притянет к нему.

Силовые линии Меланхтонова электромагнитного поля сплющились, задрожали, словно им приходилось преодолевать сопротивление среды.

— Да?

— Ты не сможешь воссоединиться с ним. — Дракон Горца что-то сказал ему в наушники, и Горец нетерпеливо отмахнулся. — Ты будешь в старом теле как в западне. Не будешь говорить, не будешь реагировать ни на что. Не будешь понимать, что тебе говорят. Возможно, даже своими сфинктерами управлять не сможешь.

— Ну, хватит с меня этого бреда! — Она не хотела говорить с ним так грубо, но рычание драконов раздражало и отвлекало ее. Тройной поток ярости в сочетании с растущим беспокойством ее собственного дракона отзывался в крови биением и гулом. — Я только хотела тебе сказать: прощай! Я хотела сказать: не поминай лихом. И все. А ты столько болтаешь.

— Выслушай меня! Ты не знаешь... Она перебила:

— Я все знаю. Знаю самое худшее. Ничего нового ты мне не скажешь. Меня целовал Болдуин.

В рычании Меланхтона был страх, но в то же время и облегчение. Именно это он пытался от нее скрыть: если их ждет успех, у нее пятьдесят шансов из ста угодить в итоге в свое старое тело. И если вселенная погибнет не целиком, ей придется провести остаток жизни пленницей непослушной плоти. Но Джейн было все равно. Она сама давно все поняла. Ее воля была так же непоколебима, как у дракона.

— Я помочь тебе хочу, пойми же! — Горец наконец рассердился. — Ты делаешь ужасную ошибку.

— Помочь? О чем это ты? Если я вернусь, меня что, пустят гулять на свободе? Все будет забыто? Я смогу продолжать свою карьеру с того места, где остановилась? Может, ты на мне женишься и увезешь в чистенький беломраморный городок в зеленых долинах Маг-Мелл? Так, что ли?

Горец закусил губы. Глаза его горели. Электромагнитные поля успокоились, сжались в полосу и исчезли совсем.

— Вот и ворота, — объявил дракон. На звездной чаше пространства почти на пределе видимости зыбким темным пятном проступили Адские Врата. В стороне от них блестели две яркие точки — это подлетали товарищи Горца, которые поначалу думали, что появятся другие Врата.

Голос Горца поднялся в недоумении:

— Черт возьми, чего же ты хочешь? Здесь все нестабильно, одно ложное движение поставит оба мира на грань гибели. Сквозь Адские Врата тебе не пройти.

Он был измучен и бледен. Джейн хотелось его обнять. «Я тебя люблю, — думала она. — Я хочу тебя». Но какая-то злая и могучая

сила заставляла ее не утешать, а злить и дразнить его. Она не понимала, что это за сила, но не могла ее побороть. Дракон фыркнул с отвращением:

— Еще как могу!

— Я послан для охраны, — сказал, задыхаясь, Горец. Он был красив и еле сдерживался. — Не рассчитывайте сыграть на моих чувствах, госпожа. Я не пожертвую ради вас своей честью.

— Никто тебя и не просит! Адские Врата мерцали перед ними, возникнув из ничего, — дышащая двояковыпуклая дыра в пустоте. Два пилота, шедшие впереди, понимая, что не смогут заложить настолько крутой вираж, чтобы влететь туда вслед за ней, отступили. Их драконы рычали и были в обманутой надежде на битву. Но Горец прочно держался у нее на хвосте, он был полон решимости.

— Я тебя в последний раз предупреждаю!

— Говори что хочешь.

— Джена!

Адские Врата взрывом ударили ей в лицо.

* * *

Они летели над бушующим белым океаном. Его поверхность бурлила и клочкотала. Над ней вздымались гигантские протуберанцы, яркие, как электрические прожектора. От одного из них дракон и Джейн едва уклонились. Протуберанец покачался, словно собираясь на них обрушиться, но тут океан втянул и поглотил его.

— Это еще что такое? — спросила Джейн.

— Квантовая неопределенность. Хаос. Неоформленная материя, — рассеянно ответил Меланхтон. — Точного термина не существует. И плевать. Следи только, чтобы эти штуки нас не задели.

Впереди, в пустом небе, появилась белая раковина величиной с ноготь большого пальца. Спиральный дворец!

Горец пальнул по ним ракетой «воздух-воздух».

Ракета мчалась яростно и стремительно. Драконова система слежения воспроизводила ее боевую песнь все нарастающим

электронным визгом. Джейн вовремя уклонилась вправо. Ракета пролетела мимо крыла. Из океана к ним снова метнулся протуберанец, и Джейн быстро вернулась на курс.

— *Цер-* мать-его

— нунн! Почему не подняться повыше над этой пропастью?

— Специфика местных условий. Выше нельзя. Не обращай внимания. Твой летчик слишком близко. Осади-ка его.

Джейн с запозданием вспомнила про кормовые пушки и выстрелила. Дракон Горца легко уклонился и почти не потерял скорости. Джейн увернулась от нового протуберанца и увидела, как Горец чудом выскользнул из-под падающей арки первовещества. Пилот он был все-таки потрясающий!

Два черных взрыва расцвели в воздухе слева и справа от Горца. Это были его товарищи.

— Что, не ждали?

— Надеюсь, что-нибудь и на нашу долю осталось? Они построились и теперь то появлялись поочередно, то исчезали, заслоняемые вздымающимися, падающими, изгибающимися столпами света. Внезапно в наушниках раздался ясный и звонкий голос Горца. Он пел:

Я даму оплачу мою — она умерла. О , плачьте по даме моей, хотя наши слезы Е е не вернут, не растопят покой ледяной дорогого чела.

Джейн едва успела увернуться от очередного выброса протоматерии.

— Он с ума сошел! — сказала она. — Что это значит?

— Он поет погребальную песнь по тебе. — Голос Меланхтона звучал странно, почти сочувственно. — Это у них полковая традиция, не обращай внимания.

Глубокая октава 8607-го оттенила высокий голос Горца. К ним присоединились Сокол со своим 2928-м и Порох с 6613-м. Теперь они пели вместе:

А где же, могучая Мать, где Ты была, К огда, Твоя дочь, стрелой пронзенная, пала, К огда пронзила ей грудь, прилетев из

мрака, стрела?

В их пении была странная, неземная красота. Джейн на мгновение представила себе, что бы было, если бы Меланхтон подчинялся ее воле, такой же сильный, но покорный.

— Ничтожества! — проревел Меланхтон. — Будь у вас хоть капля самоуважения, вы бы выкинули этих жалких тварей и присоединились ко мне. Блюдолизы! Рабы!

Но пение продолжалось. Лес хаотических выбросов отделил преследователей от них. Те догоняли — медленно и упорно.

— Я еще жива! — прокричала им Джейн. Не обращая внимания на ее крик, они допели погребальную песнь до конца. Пение не отвлекало их от дела и даже, наоборот, помогало сосредоточиться. К концу песни они заметно приблизились.

— Поддай-ка в сторону, Горец, — протянул Сокол, — я по ним садану.

— Нет.

— Слушай, я попаду. Я удобно стою.

— Нет!

— Мы на пределе, — сказал Порох. — Горючего у нас на две-три минуты, если мы хотим вернуться на базу целыми. Надо стрелять.

— Нет! Я ее возьму.

Дракон Горца завис над слепой зоной Джейн, то входя в поле ее зрения, то покидая его. Ирония заключалась в том, что он защищал ее от ракет своих спутников. — Горец, отойди к ...!

— Тройной залп прямой наводкой, командир! Вспомни, чему нас учили!

— Говорю вам, я ее возьму!

Он подбирался все ближе, держась в непростреливаемом секторе. Джейн поняла, что стряхнуть его не удастся. Даже если б его дракон не был моложе, сильнее, быстрее Меланхтона — все равно она не могла тягаться с Горцем в мастерстве пилотажа.

Спиральный дворец приближался, но медленно, слишком

медленно!

— Приближается момент истины, — проговорил Меланхтон. На экране Джейн видела четыре световые стрелки, ползущие по оранжевой кривой. Кривая показывала дальность стрельбы из орудий. Никто не мог пересечь ее и надеяться остаться в живых.

Сокол и Порох, затормозив своих разочарованных драконов почти у самой оранжевой границы, начали отступать. Увидев, что командир продолжает вести преследование, они стали звать его, и в их голосах неожиданно зазвучал страх.

— Горец, пора!

— Эй, друг! Поворачивай!

— Горец!

Джейн выключила их. Она видела виртуальное лицо Горца, глядящего на ее виртуальное изображение. По краям, где дрожали радужные ореолы, она различала изогнутую линию своего инверсионного следа, видимую на сверхвысоких и сверхнизких частотах, — раскаленный ионный след сотни истинных имен, собранных ею с таким трудом и теперь сжигаемых в отчаянном ускорении. Дракон Горца был уже почти на оранжевой черте.

— Я тебя в последний раз предупреждаю, — сказала Джейн, — поворачивай!

— Ни в коем случае, — угрюмо ответил он. — Мы уйдем вместе.

— Ну как хочешь, — прохрипела она. На экране Горец был прекрасен, как молодой бог. Его лицо светилось пламенем битвы. Удирающие соратники что-то, видимо, сказали ему, потому что его лицо вдруг исказилось.

— Она моя! — крикнул он. — Никто, не возьмет ее, кроме меня!

— Иди ко мне, любовь моя, возьми меня! — крикнула Джейн. — Что возьмешь, все твое! Дракон Горца пересек черту.

— Черт! — Меланхтон пробормотал это так мрачно, что возбуждение Джейн как рукой сняло.

— Черт? Почему «черт»?

— А ты подумай.

8607-й был вне поля ее зрения, близко к выхлопной трубе, там, где пушки Джейн не могли его достать. Сам же он стрелять, естественно, мог. Джейн поворачивала дракона влево, вправо, снова влево. Горец не отставал. А Спиральный дворец был еще далеко.

— Мы его не страхнем! — воскликнула Джейн в отчаянии. — У нас ничего не выйдет.

— Тогда дай мне его имя.

— Что?

— Его истинное имя! — прорычал Меланхтон. — У меня есть программы на такой случай, я знаю, что делать. Дай мне его имя, и я прикажу ему самому разрушить своего дракона.

— Нет!

— Ты его знаешь. Оно мерцает у тебя в мозгу, как Полярная звезда. — Дракон запустил в нее невидимые щупальца. Она легко могла бы загородиться, просто выключив его электричество и тут же включив. Но на такой скорости это было слишком опасно. Они бы оба погибли.

— Горец! — закричала она. — Поворачивай назад! Поворачивай!

Прикосновение дракона было намеренно грубым, вызывающим отвращение. словно рукой, перемазанной в черной патоке, шарили по белоснежной блузке. Быстро, как мокрая крыса на садовой стене, он шмыгнул в хранилища памяти.

Она знала, что нет потайного места, куда бы он не мог влезть.

— Да слушай же ты меня! — Он откликнулся на ее слова коротким и страшным всхлипом. В нем звучали и боль, и страсть. — Горец!

Система слежения донесла визг выводимого снаряда. Резкое бибиканье, пока он наводился на цель. Радостный крик, когда наведение завершилось.

— Его имя! — Дракон был уже близок к цели. Джейн мешала ему, подбрасывая случайные воспоминания: вот Крысобой стоит с расстегнутой ширинкой, вот Гвен примеряет новые бусы, вот Жужелица плачет, спрятавшись за железным ящиком, а Крутой презрительно смотрит на нее. Вот ее тащат по спиральной лестнице-

позвоночнику в доме Инко... Меланхтон жадно схватился за то, что увидел.

— Куносаура! — воскликнул он, и в этот момент снаряд вылетел.

На мгновение Джейн увидела сферический волновой фронт, убегаящий от них со скоростью звука. Должно быть, имя сестры Горца все же оказало какое-то влияние по родству, потому что, когда волна коснулась снаряда, он закувыркался и начал падать в мерцающий океан. Навстречу ему взметнулся белый протуберанец, и снаряд мгновенно перестал существовать, растворясь в потенциальном бытии. Имя Лесии тоже распалось и лишилось существования.

Выводился третий снаряд. Джейн слышала его голос в наушниках вместе с голосом Горца. Горец тихонько бормотал себе под нос. Это была безумная смесь гнева, желания и отчаяния.

— Иди, малышка. Ну, поближе. Да, да, теперь ты моя.

— Он твердо держал своего дракона у нее за спиной, вне досягаемости пушек. Снаряд забибикал. — О да, ты моя.

— Выходит, твое слово ничего не значит? — сказал Меланхтон. — Ты все это время обманывала себя, тешилась фантазиями, мечтала, как твой бравый метис остановит тебя, выбьет кинжал из рук, спасет от последствий твоих собственных деяний, возьмет на руки и унесет в теплую постель с атласными розовыми простынями, и вам отныне и навеки будет тепло и уютно, как двум червякам в одном орехе. Какая чушь! Неважно, что он чувствует, неважно, чего он хочет! Вселенная снова загнала тебя в угол — умри или убей! Других возможностей нет. Тебя это не злит? Тебе не хочется отомстить? Или ты опять раболепно подчинишься Даме Судьбе, позволишь раздавить себя, а потом возродишься для новых мучений, и опять, и опять? Выпрями же хоть раз спину!

— Я...

Третий снаряд радостно завопил.

— Его имя!

Это было неизбежно. Что она могла поделать?

— Тетигистус, — прошептала она.

Меланхтон испустил вопль торжества. Снаряд, не успев вылететь, взорвался прямо перед 8607-й. Дракон Горца развалился на куски.

Джейн не могла на это смотреть. Она плакала яростными слезами.

«Убить суку, — думала она. — Волны бешено хлестали вокруг, вздымались, извиваясь, протуберанцы. — Если я сейчас умру, пусть это будут мои последние слова, последняя мысль. Убить проклятую суку. — У нее колотилось сердце. — Убить суку убить суку убить суку». Слова догоняли друг друга у нее в голове, превратившись в вопль, в заклинание, в мантру, в истерическую молитву, в последнее неохотное признание Ее могущества.

Спиральный дворец все увеличивался, разрастался, заполнял взор своими белыми стенами. Джейн чувствовала себя комаром, штурмующим материк. Меланхтон смеялся — смеялся! — а они неслись на полной скорости, паля из всех орудий, — воплощение разрушительного безумия. Железное тело дракона судорожно дергалось, когда снаряды вылетали парами. «Я летящий камень, — думала Джейн, — я стрела в полете». Она это думала или дракон? Кабина разогрелась, пот тек по лицу, по бокам, все тело было мокрое и чесалось, а ей было наплевать на все. Для этого она родилась, для этого создана, об этом мечтала все эти долгие годы. Ее изгнали с небес — ну так она завоюет их! И наступит конец — всему.

Спиральный дворец продолжал расти, заполняя все небо, заполняя вселенную, и океан под ними странно затих. И что-то произошло с драконом.

Началось с того, что кончики крыльев стали хуже слушаться. Онемение быстро распространялось. Счетчик альфа-частиц показывал ноль. Конечности дракона перестали ему повиноваться. Кожная чувствительность исчезла. Все синусоиды на экранах вытянулись в прямые линии. А тем временем распространился густой молочно-белый туман, скрыв из виду квантовый океан внизу. Туман оказался сильнейшим окислителем, и по бокам дракона расползлись пятна ржавчины. В шкуре появились прорехи.

Туман съедал Меланхтона.

— Что случилось? — закричала Джейн. — Что происходит?

Ни один прибор не показывал ничего.

— О проклятие! — завыл дракон. — Смерть и ад! Проклинаю эльфов! Проклинаю тегов, гномов, кобольдов, карлов и прочих, всех мастей, степеней и рангов! Я устремляю на них глаз смерти! Я призываю на них слово гнева! Я проклинаю их криком вины! Прокляты они все и все их владыки, и силы, и власти, и учителя, и матриархи!

— Что делать? Скажи, что мне делать? От дракона отваливались большие куски. Джейн ничего не слышала из-за скрежета раздираемого металла. Взорвался двигатель и свалился вниз. Джейн швырнуло на один бок, потом на другой. От дракона почти ничего не осталось, а то, что осталось, стремительно распадалось, он же все проклинал, проклинал Богиню, проклинал жизнь, проклинал все сущее.

— Ответь же мне!

Голос Меланхтона поднялся нечленораздельным воем, а сам он скатывался в небытие.

— Мне жаль, — тихо сказала Джейн. — Мне жаль, что это так кончилось.

У дракона больше не было слов. Его языковые системы разрушились. Но единение его с Джейн еще не ушло, и она знала, каким чувством проникнут его предсмертный крик. Он радовался, что она умрет тоже, и жалел только, что это будет быстрая смерть.

От него ничего уже больше не оставалось, кроме крика, да и крик делался все слабее и тише. Вот остался только едва слышный отзвук. Потом тишина.

Его больше не было.

Недолгое мгновение Джейн продолжала существовать без него. Инерция несла ее вперед, с той же скоростью, через молочный туман. Спиральный дворец стал бесконечно громаден, но не приблизился ни на йоту. Она могла лететь целую вечность и не добраться до него. Джейн как разхватило времени понять, что у них никогда не было ни единого шанса, что Спиральный дворец по природе своей, изначально, защищен от всех покушений женщин и драконов. И она умерла.

Глава 23

Сильвия склонилась над электронным микроскопом. На ней был белый халат в пятнах от кислоты. Мама? — неуверенно произнесла Джейн. Тише! — Не поднимая головы, Сильвия зажала сигарету уголком губ. — Дай-ка прикурить, детка! Джейн поднесла огонек.

— Маленькие негодники! — Мать глубоко затянулась и выпустила дым из ноздрей. — И ведь стараются же! Но такие глупые, никак не поймут, чего я от них хочу.

Лаборатория с виду была самая обыкновенная, пугающе обыкновенная: стены без окон, покрытые светло-коричневой краской, табуретки с черными сиденьями. Это было необъяснимо. Последнее, что запомнила Джейн, — Меланхтон, распадающийся на части в белом тумане над квантовым океаном. А теперь — это. У нее загудело в голове. Такое же странное ощущение бывало у нее после ЛСД.

— Где я? — выдохнула она.

— В Спиральном дворце, — ответил мужской голос.

Она обернулась.

Тот, кто с ней говорил, был одет в полосатый костюм с немодными узкими лацканами. На голове у него был черный щегольской котелок, поля которого загибались с двух сторон маленькими рожками. Лицо было старое, морщинистое, но в глазах горели веселые искорки. Старые сухие губы улыбались.

— Мисс Джейн! — сказал Болдуин. — Рад снова вас видеть.

Джейн молча смотрела на него.

— Если позволите! — Он предложил ей руку. — Буду рад стать вашим чичероне.

— Кем-кем?

— Проводником. — Он приподнял шляпу, приветствуя Сильвию, и повел Джейн к двери. — Спиральный дворец ведь очень обширный, и есть в нем уголки, куда вы не захотели бы забрести по ошибке. — Он шагал энергично и размашисто. Джейн поспешила за

ним.

* * *

— Когда я был молодой, у меня был «транс-эм». — Болдуин говорил тепло и доверительно, но негромко, и Джейн приходилось наклонять голову, чтобы ничего не пропустить.

Она не запомнила, как захлопнулась звуконепроницаемая дверь, но ватная тишина, наступившая после этого, все еще отдавалась в ушах.

— Это серьезная, мощная машина. Я с ней немало возился. Я работал сварщиком на судоремонтном заводе. В отпуск мы с приятелем отправлялись повеселиться в Форт-Лодердейл. За руль мы садились по очереди, и у нас был термос с черным кофе и пригоршня амфетаминок, чтобы ехать, не задерживаясь в мотелях. Бывало, врубим радио на полную катушку и слушаем — а кто там? Ну, Квин, Ти Рекс, может, еще ранний Спрингстин — то, что выдавали местные ди-джеи. Так и летели по шоссе, и эти песенки омывали нас потоком электронов из ионосферы, как голос самой ночи. Если так ехать долго, ночное шоссе проникает в мозг, и испытываешь такое дзенское ощущение. Сидишь неподвижно, только руки на руле подрагивают. Весь мир пролетает мимо.

Джейн нахмурилась, стараясь следить за его рассказом, где было так много незнакомых слов. Под ногой хрустнула ветка. Она подняла глаза и увидела, что они идут по тропинке в густом лесу. На ветках не было листьев, а вместо почек были части человеческих тел. На одном, поближе, росли одни руки, неподвижные в безветренном воздухе. Прозрачная жидкость сочилась из-под ногтей, собиралась в капли на кончиках пальцев и падала на черную землю с печальным плеском.

— Вот раз едем мы с Джерри-Ди где-то в какой-то из Каролин. Время между двумя и тремя ночи. И видим белый «лотос» с двумя блондиночками. Ну мы им засигналили, замахали. А они показывают нам нос и жмут на газ. Я, понятно, тоже поднажал, но это былдохлый номер. У нас была мощная машина, но у них сексмотор! Обогнали они нас.

Лес шел в гору по обеим сторонам тропы. Джейн подняла глаза

— и не увидела линии горизонта. Она проследила взглядом и наконец увидела, что лес, поднимаясь, проходит аркой над головой и опускается с другой стороны. Они шли через громадную трубу или туннель. Он головокружительно изгибался, как артерия, проходящая в темном сердце непредставимо громадного тела, а химерический, получеловеческий лес смыкался вокруг них.

— Миль через десять-пятнадцать видим — заправочная станция, кафе и этот «лотос» на стоянке. Мы подъехали, чтобы взять пару бутербродов, не выходя из машины, и увидели тех блондинок. Ну, разговорились. Когда мы отъезжали, Джерри-Ди сел в «лотос» с одной из них, а ко мне под села ее подруга.

— Это не в нашем мире было? — Джейн очень трудно было задать этот вопрос. Пока Болдуин говорил, его слова захватывали, она слушала без усилий. Как только он замолкал, ей сразу становилось трудно сосредоточиться. — Я хочу сказать, не в верхнем? Это, наверное, было в нижнем мире?

— Да неужели вы думаете, что между двумя мирами есть какая-то разница? Неважно. Итак, я сижу за рулем. Блондинка в розовых шортах прижимается ко мне. Язык ее у. меня в ухе, а рука в брюках. Я свободной рукой поднимаю ей лифчик и сжимаю грудь. В воздухе брезжит откровение. Литтл Ричард по радио поет «Тутти-фрутти», и для меня очень важно, что электромагнитные сигналы передаются радиоволнами регулируемой длины, превращаются моим приемником в воздушные колебания и только где-то у меня под черепом интерпретируются как музыка. Я понял тогда, что весь мир — иллюзия, и не очень достоверная к тому же, образ, проецируемый на тонкий экран, и что, если нажать как следует, можно выйти из мира совсем.

Я расстегнул ей шорты. Она повилиwała попкой, помогая мне. Я сунул руку ей ,в трусики. Я размышлял о том, что все есть информация, а мои пальцы тем временем нашарили торчащий член.

Я обернулся. Блондинка улыбалась от уха до уха. Я невольно стиснул ее член покрепче. Она сжала мой. Возможно, это была одна и та же рука. Возможно, мы с ней были одно и то же лицо. Машина делала сто миль в час. Я даже не смотрел на дорогу. Мне было все равно. И вот тут-то на меня и снизошло просветление...

Джейн обо что-то споткнулась. Посмотрев вниз, она увидела, что

из-под корней ближайшего дерева высунулась рука, она-то и ухватила ее за каблук.

Джейн испуганно глотнула воздух и выдернула ногу. Башмак слетел с ноги. В стволе дерева открылся рот. Рука сунула туда башмак. Рот начал его жевать. Джейн, не пытаясь вернуть свою обувь, побежала за Болдуином, который не обратил на происшествие никакого внимания.

— Я делал что мог, чтобы вы сюда не попали, — сказал он. — В Спиральном дворце опасно появляться раньше времени.

— Но я ничего не понимаю! — закричала она. — Что значит ваша история? Объясните!

— Да ведь такие вещи только Богиня может объяснить, — ответил он с недоумением. — Кто я такой, чтобы говорить за Нее? Я всего лишь Ее супруг, причем далеко не единственный. Вот увидите Ее — и спрашивайте о чем хотите.

— Я думала, что Богини не существует. Что это только метафора.

— Богиня, безусловно, существует. Я веду вас к Ней.

Холодные детские пальчики погладили ее щеку. Джейн отпрянула, но тропинка, по которой они шли, стала уже, и деревья подступили вплотную. Ее окружали неясные фигуры, она натыкалась на руки и плечи. Ее обдало дизельным выхлопом — и внезапно все, кто толпился вокруг, и Болдуин тоже, побежали вниз по лестнице, увлекая ее за собой.

Все бежали в молчании, опустив головы. Единственными звуками были шарканье подошв и стук каблуков. Грязные каменные стены были покрыты странными надписями, которые Джейн не могла прочесть. Все бежали в пальто, с сумками через плечо.

Лестница повернула. Они пробежали через ряд хромированных турникетов, разделивших, как чесальная машина, поток бегущих на тонкие прядки. В стороны отходили узкие темные коридоры, из которых раздавался рев — не то мощных моторов, не то низвергающихся с громадной высоты водопадов. Джейн оказалась в каком-то слабо освещенном зале, по которому быстро разбежалась толпа. Все молчали, спешили, заняты были только собой.

— Уже близко, — сказал Болдуин. Джейн кивнула.

Впереди показался сияющий источник света, который толпа обтекла, не замедляя бега. Подойдя ближе, Джейн увидела, что это ребенок, девочка с венком из красных роз в волосах. Ее кожа была белее мрамора, в лице ни кровинки. Черты лица были тонкие и нежные, но без намека на слабость. Она посмотрела на Джейн. Ее глаза были так же белы, как и кожа, платье и волосы.

— Ах, это ты! — воскликнула она.

— Я? — Джейн остановилась, пораженная. Остальные безучастно пробежали мимо, как бы не замечая удивительного ребенка.

— До чего же ты глупа! — сказала девочка. — Ну как можно быть такой тупицей! — Я...

— Ты ничего, ничего не поняла! — Она стала шарить по карманам пилотской куртки Джейн. — Ты просто дура. Ты только все портила. Из-за тебя ведь Крутого искалечили — зачем ты столько времени копалась у Блюгга в кабинете? Ты отравила жизнь Гвен и Питеру — а я-то хотела, чтобы ты стала их утешением! А Робин? Ты с ним даже в постель лечь не удосужилась! Да мне не перечислить всех твоих промахов и предательств. Где то, что я тебе доверила?

— Что? — Джейн пыталась вырваться, но девочка яростно накинулась на нее, рывком распахнула блузку, запустила руку в грудную клетку и вытащила кожаную ладанку. Джейн ничего о ней не знала и видела впервые. Девочка вытряхнула из ладанки себе на ладонь два предмета: нечто вроде заячьей лапки, но побольше, и что-то тонкое и блестящее.

Джейн смотрела на них. Сердце ее колотилось. Хотя она видела эти две вещи впервые в жизни, они казались ей самыми драгоценными во вселенной.

— Они пропали даром! — Девочка подняла в пальцах блестящий предмет, и Джейн увидела, что это: иголка. Бросив ее в ладанку, девочка подняла предмет побольше. Его покрывали короткие жесткие волосы. Собачий хвост.

— Ты даже не поняла, зачем они! Собачий хвост скрылся в ладанке. Беломраморные пальцы сжались в кулак.

— Ты жалкая дура! Самодовольная, эгоистичная зануда! — Девочка била Джейн в грудь кулачком. Кроваво-красные розы

тряслись при каждом ударе. Наконец, сооротив презрительную гримасу, девочка отвернулась. Бегущие скрыли ее, а когда снова возник просвет, девочки уже не было.

Джейн поморгала. Застегнула блузку, задернула молнию на куртке. Она стояла на перекрестке. Зал уходил во все стороны.

Она вдруг заметила, что Болдуин исчез. Ей стало страшно.

Ничего не видя вокруг от отчаяния, Джейн шла мимо стрелок с надписями: «Шашлыки», «Витамины со скидкой», «Закусочная», «Ремонт обуви», «Обмен валюты», «Ювелирные изделия», «Китайская лапша быстрого приготовления». «Вот, значит, как, — тупо подумала она. — Бессмысленное блуждание в вечности». Это был еще очень мягкий приговор, но вполне заслуженный.

Только успев это подумать, она случайно заглянула в окно закусочной и увидела Болдуина. Он сидел у стойки и ел пончик, посыпанный сахарной пудрой.

При ее приближении он отложил на тарелку недоеденный пончик, вытер губы салфеткой и вежливо улыбнулся.

— Вот и вы!

— Да, — ответила она. — Но где я?

— Да там же, где и были всегда. Просто смотрите под другим углом. — Он встал. — Идите за мной.

Он завел ее за стойку. Там была дверь — судя по виду, в чулан с метлами. Он открыл эту дверь, они вошли.

* * *

Это была комната, наверное. Или просто какое-то пространство. Или пространства не было вообще. Не таким уж это казалось и важным. Все ее внимание немедленно притянуло и поглотило то, что лежало перед ней.

Черный Камень.

Он был громадный, самое малое в три человеческих роста. Но оценить его размер было трудно, потому что рядом ничего не было. Возможно, он был велик как миры, больше звезд. У него была

гладкая неправильная поверхность, местами почти стеклянная, в выбоинах, как у метеорита. В основном он был черный, твердый, очень реальный. Джейн поняла без тени сомнения, что это и есть воплощенная Богиня.

— Можешь спрашивать что хочешь, — сказал Болдуин и ушел.

Джейн смотрела на Черный Камень. Она долго молчала. Потом откашлялась и спросила:

— Почему? Ответа не было.

— Почему? — повторила Джейн. — Почему жизнь так ужасна? Почему столько боли? Почему боль так мучительна? Ты не могла устроить все иначе? Или у Тебя нет выбора, так же, как и у нас? Или мы всего лишь автоматы? К чему тогда любовь? Или Ты создала нас, только чтобы мучить? Почему мы мучаемся? В чем наш грех? Как может Мать так обращаться со своими детьми? Ты нас не любишь? Ты ненавидишь нас? Мы твои проявления? Может быть, Ты воплотила частицы Себя, чтобы испытать неведение, страх, боль? Может быть, всезнание мучительно? Что такое смерть? Что будет с нами после смерти? Мы просто исчезнем? Мы живем только один раз? Были другие жизни, до этой? Может, мы чем-то провинились в них? Будут другие жизни? Они будут еще хуже? Ты можешь умереть? Если Ты ненавидишь нас, зачем нужна красота? Может быть, все страдания из-за нее. Может, мы были бы счастливее без красоты? Почему есть радость? Чего Ты хочешь?

Ответа не было.

Джейн долго стояла перед Черным Камнем. Шли часы, дни, столетия. Наконец она отвернулась. Появился Болдуин, взял ее под руку, увел.

* * *

Теперь она не боялась темного леса. На одном дереве внезапно открылось семнадцать пар глаз. Ну что же, глаза. Цепкие руки хватали ее. Руки и руки.

— Тебе стало лучше? — спросил Болдуин.

— Да.

— Богиня приказала мне дать тебе все, что захочешь.

— Да?

— Чего ты хочешь?

— Наказания, — сказала Джейн. Слово вырвалось у нее само собой, и она сама удивилась, себя услышав. Но поправиться не захотела. Это была правда.

Болдуин надолго замолчал. Потом сказал:

— Будешь ты отныне служить Госпоже с мудростью и любовью, в послушании и преклонении?

— Нет! — Она выплюнула это слово, словно камешек изо рта. — Ни теперь, ни потом, ни через миллион лет! Никогда.

Болдуин остановился и взял ее руки в свои.

— Детка моя, — сказал он. — Я боялся, что для тебя нет надежды.

* * *

Джейн снова была в лаборатории. Она потрясла головой и спрыгнула с высокой табуретки, на которой сидела.

Мать подняла на нее глаза от объектива микроманипулятора.

— Уже вернулась? Ну как, хорошо прогулялась?

Джейн не могла ничего выговорить. Она подошла к рабочему столу и стала перебирать бумаги, лежащие на нем неровной стопкой. Это были фотокопии одной и той же генной карты. На каждой были пометки указывающие, какие звенья были вынуты, заменены, испытаны, отброшены. Здесь были сотни фотографий, хотя использована была только ничтожная часть всех возможностей.

— Большой труд, — сказала Джейн, просто чтобы что-то сказать.

— А результат нулевой. — Мать скривила рот. — Иногда прямо так и хочется сгрести этих маленьких сволочат за грудки и потрясти как следует. До чего бестолковые! Знаешь, я бы с удовольствием пихнула их всех в автоклав, а сама занялась чем-нибудь другим. Хотя

за стойку, хоть подержанными машинами торговать!

Джейн показалось, что мать говорит вовсе не о генной инженерии, а о чем-то и более значительном, и более личном. Сильвия, похоже, заметила, что дочь взволнована. Она легонько ее обняла.

— Ну, не смотри так — это только минутное настроение. У меня это бывает. Но почти всегда проходит само, рано или поздно. — Она выпустила Джейн. — Они же на самом деле не виноваты, правда?

— Правда.

— Так они созданы.

— Да.

Сильвия погасила окурок. Джейн чувствовала, что матери не терпится вернуться к микроскопу.

— Ладно, детка, очень приятно было тебя повидать. Но я сейчас занята. Спасибо, милая, что забежала.

— Да, — сказала Джейн. — Ладно, пока. Береги себя.

Она стала поворачиваться.

— Подожди, — сказала мать. — По тебе что-то ползает. — Она сняла у Джейн с воротника какое-то маленькое черное насекомое, вроде сороконожки. Оно забилося у нее в пальцах, пытаясь ужалить, выпустило черные крылышки. Джейн вздрогнула. Приглядевшись, она узнала его. Это был 7332-й, дракон Меланхтон, сын Мелхесиаха, сына Молоха.

— Я думаю, это тебе больше не нужно, — сказала мать и раздавила его пальцами.

Джейн, потрясенная, посмотрела матери в глаза и увидела в них что-то громадное и незнакомое. Глаза смеялись. Она поняла, что Сильвия — только маска Кого-то, невысказанно великого, и испытала ужас, не сравнимый ни с чем до этого. И тут какая-то рука взяла Джейн за шиворот, подняла и опустила куда-то в другое место.

Глава 24

Джейн выписали из лечебницы в разгар февральских морозов. Сильвия отпросилась на целый день с работы и привезла ее домой на старенькой «субару» с неисправным обогревателем. Они обе всю дорогу курили и почти не разговаривали.

Джейн устроилась продавщицей в торговый центр. Поступила в вечернюю школу и меньше чем за год получила свидетельство о среднем образовании. Она читала все учебники химии, которые только могла достать. В сентябре ее приняли в местный колледж. Это было удобно, потому что она могла жить у матери и экономить на квартплате. К тому времени она согнала лишний вес, стала играть в теннис и выглядела неплохо.

Давалось это все нелегко. Бывали дни, когда ей было не встать с кровати и казалось, что она никогда не сможет вести нормальную жизнь. Ее мучили кошмары. Она снова стояла перед Черным Камнем и требовала себе наказания. Кто-то прятался среди теней, насмехался, и делалось совершенно ясно, что значило молчание Госпожи. Но, когда приходил рассвет, она вспоминала выражение лица Богини в тот, последний момент их прощальной встречи, перед тем, как она снова ожила и вернулась в свой мир. И она знала, что в Ее лице была любовь.

А значит, эта жизнь дана ей не в наказание.

Через два года она знала все, чему колледж мог ее научить. В конце января, после долгой беседы, профессор Сарнофф стал вести о ней долгие телефонные переговоры. К апрелю он выбил для нее стипендию в Карнеги-Меллон. А туда ей и хотелось поехать. На прощание устроили в ее честь вечеринку, пили розовое шампанское «Штат Нью-Йорк», и она плакала, потому что ей приходилось уезжать от друзей. Но все-таки уехала.

Дальше все пошло быстрее.

Она училась по ускоренной программе для способных студентов, после которой присуждалась сразу степень магистра. С докторской было хуже, потому что ее научная руководительница считала, что самый лучший молодой ученый должен быть еще лучше. Если мы довольствуемся хорошей работой, говаривала Марта Рейли, мы

лишаемся шансов на работу блестящую. Но, если мы довольствуемся чьей-то блестящей работой, мы губим шансы этого человека стать первоклассным химиком. Тиранка Рейли добила от Джейн результатов, на которые та считала себя неспособной. Но после этого она почувствовала, что уперлась в стену, потому что химические методы и ее представления о том, как эти методы должны работать, как-то не сходились в одно.

Она набросала несколько записок, просто чтобы разобраться в собственных мыслях. Рейли, по прочтении, предложила положить их в основу диссертации. Джейн так и сделала.

Рейли заставляла ее переписывать диссертацию пять раз. На следующий день после предзащиты зашла Дайана и сообщила, что ее знакомый физик устраивает сегодня вечеринку в честь конца учебного года, и там будут молодые ассистенты из Пита и Четема, то есть новые лица, а не те же, что и всегда. Джейн согласилась, что давно пора выпить и побезобразничать. Она переделалась в чистую юбку, взяла сумочку, и они отправились.

Дайана с трудом припарковала свою «миату» всего лишь ненамного ближе к дому, чем к месту, куда их пригласили. Когда они вылезли из машины, запах жимолости заставил Джейн остановиться. Весна, подумала она удивленно. Нет, уже лето. Как летит время! Она захлопнула дверцу машины, и кнопка выскочила. Она попробовала еще раз.

— Запор чудит, — сказала Дайана, — придется запереть снаружи. Лови!

Джейн хотела поймать ключи правой рукой, но промахнулась, и ключи упали на землю. Она теперь была левшой, но иногда забывала об этом.

— Ну как твоя мама это пережила? — спросила Дайана, когда они пошли дальше пешком.

— Сначала она все говорила: не пойму, как можно работать на таких свиней, как Дюпон. А теперь, когда я отказалась и решила заниматься наукой, все наоборот: Джейн, как ты можешь, там такая зарплата! — Джейн пожала плечами. — Вообще-то Сильвия молодец. У нас бывают разногласия, конечно, но у кого их нет? Далеко нам еще?

— Три квартала. — Они шли мимо викторианских кирпичных

особняков. Цветные стекла в дверях, побеги аспарагуса в окнах.

Джейн подняла глаза и увидела Даму Луну, плывущую высоко в небе. Внезапная беспричинная грусть охватила ее, и она вздрогнула.

— Я себя чувствую в этом мире ребенком, — сказала она тихо.

— Не надо! Поддаваться таким чувствам — прямой путь назад в лечебницу. Я тебе рассказывала, что Роджер выкинул в прошлый четверг? — За непринужденным разговором Дайана тащила ее по улице. К тому времени, как они дошли до цели, у Джейн все прошло. — Добрались! — воскликнула Дайана и, возвращаясь к прежней теме, добавила: — Просто тоска берет! Почему так трудно найти подходящего мужчину?

— Разве трудно? А ты попробуй бросить курить!

— Ну тебя!

Смеясь, они взбежали по лестнице. Сверху доносились оживленные голоса.

— Если мы не туда попали — ничего, тут тоже неплохо, — сказала Дайана и постучала. Очень пьяный студентик с художественным беспределом на голове открыл и сказал: «Выпить дают вон там».

Они вошли.

В комнатах было, как, впрочем, и ожидалось, довольно мило — обычные изыски планировки, деревянная скульптура и постмодернистские картины. Гости толклись повсюду. Они заметили хозяина на антресолях, с длиннокосой красоткой нордического вида, помахали ему, получили по бутылке пива. Дайана подтолкнула Джейн и показала бутылкой на гравюру в дорогой рамке. «Пиранези!» Не разжимая рта, она спросила:

— Как думаешь — оригинал? Джейн вздрогнула.

— Господи! — Она схватила подругу за руку так крепко, что та шутливо запротестовала, и показала на мужчину в другом конце комнаты. — Кто это? Скажи скорее!

Случайно или услышав что-нибудь от соседей, он повернул голову. Их взгляды встретились. Джейн понимала, что в глазах Дайаны ведет себя словно дурочка, но ей было все равно, все равно, все равно...

— Его имя! — сказала она. — Я должна знать его имя!